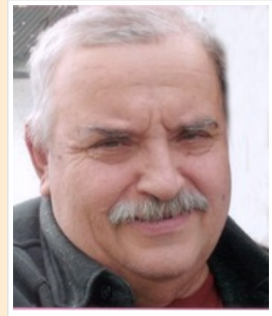

[Александр Быстряков](#)

Хроника жизни евреев Екатеринослава – Днепропетровска

Моим родителям, разделившим беды и радости XX века

Содержание

[Предисловие](#)

[Часть I. В Российской империи](#)

[Глава 1. Екатеринославская хроника](#)

[1.1. 1776–1904 годы](#)

[1.2. 1905 год. Погромы и сопротивление](#)

[1.3. 1906–1919 годы](#)

[Глава 2. Свет Торы](#)

[2.1. Синагоги и раввины Екатеринослава](#)

[2.2. Жизнь и подвиги раввина Л.-И. Шнеерсона](#)

[Глава 3. Еврейское образование](#)

[Глава 4. Еврейский политехнический институт](#)

[Глава 5. Сионистское движение](#)

[Глава 6. Екатеринославские издатели и редакторы](#)

[Часть II. В советское время](#)

[Глава 7. 1920–1941 годы](#)

[Глава 8. Колонии и еврейские национальные районы](#)

[Глава 9. Спектакли, концерты](#)

[Глава 10. Годы войны \(1941–1945\)](#)

Предисловие

Книга рассказывает о более чем 200-летней истории жизни евреев в Днепрпетровске. Оправданием работы могут служить слова летописца из Пензы М.М. Певзнера:

"Есть древний обычай, который был законом в Израиле, со дня, когда вступил наш народ на длинную стезю изгнания, рассеянный и разрозненный меж другими народами, – записывать в книгу общины все дела и события, которые произошли с общиной в месте ее поселения... По этому пути пошли и мы, чтобы оставить след памяти..., чтобы читающий эти строки... смог оценить каждое дело по справедливости, каждого человека по делам его и вознести знамя восхваления тем, кто достоин быть примером для детей и братьев своих, которые придут за ним..."

В октябре 1992 года на Еврейском конгрессе Украины, президент страны Л.М. Кравчук произнес слова:

"Много столетий живут евреи на украинской земле. Они делили с украинским народом счастье и горе, радость и печаль, беду в часы лихолетий и покой мира. Однако, главное, что объединяло нас – это общность исторической судьбы..."

Еще за несколько лет до этого события невозможно было представить, что на карте мира появится новое независимое государство – Украина и в ее столице соберутся на свой конгресс представители евреев страны, что возникнет новое общество, позволившее возродить еврейскую общинную жизнь и исчезнет государственный антисемитизм.

Еще за несколько лет до этого события само слово "еврей" было трудно произнести, его заменяли по обстоятельствам либо на – "лицо еврейской национальности", либо на – "космополит", либо на совсем злое слово – "сионист".

Еще за несколько лет до этого события трудно было представить, что хлынет поток литературы, будут проходить еврейские съезды, конференции, чтения, появится еврейская пресса, возродятся синагоги, и на площадях городов в еврейские праздники засияет своими огнями менора.

Еще за несколько лет до этого события в обстановке государственного антисемитизма еврейская тема была абсолютно закрыта, замалчивалось само существование евреев, во многих публикациях, посвященных истории страны и городов, евреи отсутствовали, не существовали ни герои, ни деятели искусства, ни ученые, ни труженики. Можно было прочитать лишь критику сионизма и иудаизма. В дни празднования столетия города, в 1887 году, было опубликовано много статей о жизни евреев, а

спустя еще сто лет, когда отмечалось уже его двухсотлетие, еврейской темы не существовало.

Автор глубоко признателен многим, помогавшим в работе, среди них: В. Лазебник – руководитель отдела Днепропетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого; Е. Липская, Н. Яценко – специалисты Государственного архива Днепропетровской области; М. Каршенбаум, Э. Коротченко – редакция газеты "Шабат шалом". Большую помощь в подготовке книги оказали А. Верховец, А. Чистова, а также И. Березин, М. Фурлендер, Э. Барам, сделавшие переводы с иврита.

Не могу не упомянуть о бесценной поддержке, оказанной мне всей моей семьей во время работы над историей евреев Екатеринослава-Днепропетровска. Моя жена Мария была первым внимательным читателем и критиком каждой страницы.

Часть I. В Российской империи

Глава 1. Екатеринославская хроника

1.1. 1776 – 1904 годы

В XVI веке усилилась миграция евреев в степную Украину, когда после Люблинской унии стали раздавать магнатам поместья как к западу от Днепра (нынешняя Черкасская область, юго-восточная Подолия), так и к востоку от него (Черниговская, Сумская, Полтавская области). В имения магнатов стали стекаться евреи из внутренних районов Польши. Они брали в аренду отдельные села, корчмы и доходные промыслы. Стали возникать учебные заведения: хедеры и Талмуд-Торы. Во Львове и Тульчине существовали ешивы.

В середине XVII века началось украинское восстание против польского владычества под руководством Богдана Хмельницкого. Оно принесло огромные бедствия еврейскому населению Украины.

Этот период, длившийся почти двадцать лет, называют "Гзерот тах" ("Господни кары"). Основные жертвы были летом 1648 года. Везде, где проходили повстанцы, поляков и евреев, отказывающихся перейти в православие, уничтожали или угоняли в рабство. 31 мая казаки под видом польского отряда вошли в г.Немиров (Винницкая обл.) и устроили резню. Этот день, 20 сивана, объявили днем поминовения жертв "Гзерот тах". По некоторым данным в Украине до восстания Б. Хмельницкого проживало около 50 тысяч евреев, из них 30-35 тысяч погибли или навсегда покинули край. Заключение в январе 1654 года

Переяславский договор о присоединении Украины к России дал новый толчок к военным действиям. Русские войска захватили Смоленск, Витебск, Полоцк, Могилев и вырезали почти все еврейское поселение.

В середине XVIII века началась новая волна миграции евреев на Украину. В 1802 году был образован "Комитет по благоустройству евреев", спустя два года было утверждено разработанное Комитетом "Положение об устройстве евреев", оформившее черту оседлости, которая охватила 15 губерний Российской империи, 8 из них располагались в Украине.

В состав "черты постоянной еврейской оседлости" помимо Екатеринославской губернии входила территория Царства Польского, а также еще четырнадцать западных губерний Российской империи: Бессарабская, Витебская, Гродненская, Киевская (кроме Киева), Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая (кроме Севастополя), Херсонская и Черниговская. В Лифляндской и Курляндской губерниях могли жить лишь те евреи... "кои там записаны по ревизии до 13 апреля 1835 года".

Вне черты оседлости могла постоянно жить лишь малая часть еврейского населения России. Это были купцы первой гильдии с малым количеством еврейских слуг и приказчиков, лица с высшим образованием, фармацевты, фельдшеры, дантисты, акушеры, ремесленники, механики, винокуры и пивовары, а также отставные "николаевские" солдаты и их потомки.

Положение "давало право открывать фабрики, вести сельское хозяйство; фабрикантам, ремесленникам, художникам и купцам вместе с семьями" разрешалось временное пребывание за пределами черты оседлости. Евреи получили доступ во все учебные заведения, дано право открывать собственные общеобразовательные училища с обязательным изучением одного из трех европейских языков – русского, польского или немецкого. Запретительная часть Положения обязывала выселять евреев из деревень и сел в города и местечки, так как им было запрещено брать в аренду землю, сельскохозяйственные предприятия, а также владеть питейными заведениями и постоянными дворами.

Об условиях жизни в еврейских местечках писал М. Бен-Ами: "Тут вам сейчас же бросается в глаза жизнь, полная вечных мук и тревог, вечных страхов и опасений за завтрашний день. Тут все живет случайностями, тут нет ни одной спокойной обеспеченной минуты, ни одного часа забвения. Все построено на песке, который первый ветер разносит во все стороны. Никаких определенных занятий, ибо никто не знает, за что собственно взяться, – и бросается на все. Сегодня покупает шерсть, завтра кукурузу, послезавтра сено или уголь... – в надежде продать с прибылью. Другие же, а их большинство, просто вертятся около

того или другого в каких-то надеждах, авось чудом каким-нибудь "схватить заработок" в несколько копеек ... Ради этого "заработка", как бы он не был ничтожен, готовы копошиться целый день, не спать всю ночь, делать десятки верст пешком, подвергаться всяким опасностям, жить под вечными страшными угрозами урядников, акцизных, актов, протоколов, кутузки, штрафов ... отовсюду доносятся глубокие вздохи, стоны, жалобы..." [1].

В 1738 году на юге Украины насчитывалось около 600 евреев. Летом 1770 года запорожские казаки, возглавляемые Даниилом Третьяком, отбили у турок евреев и поселили их в Старых и Новых Кодаках. Позже эти поселенцы вернулись в Умань [2].

С. Станиславский в сборнике статей Екатеринославского научного общества, вышедшем в 1905 году, писал, что переселение евреев на юг Украины усилилось после того как "В именном указе, данном в 1769 году на имя киевского генерал-губернатора Войенкова, в числе иностранцев, коим дозволен был въезд в Россию, упомянуты были и евреи, но с тем условием, чтобы они селились в одной лишь Новороссийской губернии". В 1776 году переселение евреев принимает систематический характер, поселенцы получили некоторые льготы – государственный заем на строительство и частичное освобождение от налогов. Коренной перелом произошел после издания Екатериной II указа от 23 декабря 1791 года "О предоставлении евреям гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической области".

Д.И. Яворницкий в "Истории города Екатеринослава" писал: "В 1793 на юг Малороссии устремились и евреи, которых во время царствования императрицы Елизаветы всячески не пускали в Россию. При Екатерине II они прибыли в Новороссийскую губернию после второго раздела Польши, когда России досталась Белоруссия...".

В 1776 году на реке Кильчень при ее впадении в реку Самара начал строиться Екатеринослав. Основанием послужил указ Сената от 16 апреля этого года. Город должен был быть крепостью. Уже спустя два года было построено около 50 зданий. Был издан указ Сената о переводе Губернского правления из Белевской крепости в Екатеринослав.

Однако выбранное место оказалось неудачным. Население города болело болотной лихорадкой из-за многочисленных болот, окружавших город. Страдало население также от ежегодных наводнений.

Князь Г. Потемкин выбрал новое место для "третьей южной столицы Российской империи". Город расположился на холмах правого возвышенного берега Днепра между Новыми и Старыми Кайдаками. В 1781 году в Екатеринославе проживало 2194

человека, среди них около 270 купцов, 874 мещан и ремесленников [3].

Среди поставщиков, подрядчиков, торговцев, сотрудничавших с Г. Потемкиным, было много евреев осевших в городе. Еще в 1776 году группа евреев из Прибалтики просила разрешения переселиться в Приднепровье, все это происходило еще до официального разрешения для свободного переселения сюда, выданного законом от 1791 года. Кроме прибалтийских, сюда переселились евреи из Западной Украины и Белоруссии.

В "Летописях Екатеринославской Ученой Архивной Комиссии" (№ 8, 1912) рассказано о том, что Г. Потемкин за 3000 рублей приобрел сады, выращенные Лазарем Глобой, уроженцем местечка Ведмедовки (Чигиринского уезда Киевской губернии). "Сделавшись казаком", Глоба поселился на берегу Днепра напротив Монастырского острова (Комсомольский), построил четыре каменные мельницы, а вокруг своего жилья и на острове посадил "своими трудами и коштом много деревьев, как диких, так и "родючих" или плодовых". Такой же сад он развел между улицами Литейной и Клубной (Ленина), а также посадил так называемые "верхний" и "нижний" сады, ныне парк имени Глобы.

7 мая 1787 года город посетила Екатерина II и заложила первый камень в фундамент Преображенского собора. Долгие годы этот факт считался датой основания города. Ныне официальной датой основания Екатеринослава принят 1776 год.

Екатеринославская губерния первоначально составляла часть Новороссийской губернии и называлась Екатеринославской провинцией. В 1778 году образовано наместничество и уже в 1803 году оно именовалось губернией.

Екатеринославская губерния была расположена по обеим сторонам Днепра, с севера граничила с Полтавской и Харьковской губерниями, на востоке была область войска Донского, на юге – Азовское море и Таврическая губерния, на западе – Херсонская губерния.

В 1796–1803 годах численность еврейской общины города составляла около 380 человек. В губернии в 1803 году было 28 еврейских купцов, мещан – 590 человек [4].

Екатеринославская еврейская община была в числе первых, получивших официальный статус.

В 1887 году выходит в свет "Екатеринославский юбилейный листок", посвященный столетию города. В тринадцатом номере этого периодического издания, а всего было выпущено 25 номеров, опубликованы воспоминания И.М. Станиславского: "Отец мой, Моисей, в 1790 прибыл в Екатеринослав из города Станислава в Галиции, по названию которого и присвоил себе фамилию "Станиславский". В то время Екатеринослав представлял скорее деревню, нежели город, и носил название

"Половица". Отец мой прибыл сюда со средствами и купил себе дом... Вскоре после этого центр города стал сосредотачиваться на той улице, где теперь мой дом, отец мой купил этот дом в 1805 году за 2550 рублей ассигнациями. В этом доме и родился я, в 1817 году. В то время каменных домов в Екатеринославе не было. Первый каменный дом построил купец Герш Луцкий, тесть Кранцфельда, – тот самый дом, в котором ныне помещается городская управа. На горе, на ярмарочной площади, домов вовсе не было, а был там тогда базар. В 1825 году в Екатеринославе числилось евреев 880 душ, а так как в том году начали впервые брать в солдаты из евреев по 2 рекрута из 1000 душ, то для составления полной 1000 причислили Никополь со 120 душами. Тогда была в Екатеринославе только одна мельница – топчак немца Тиссена, он же первый выстроил и паровую мельницу. Хлебная торговля была в самом незавидном состоянии; пшеницы сеяли ровно столько, сколько требовалось для местного употребления; главным же образом сеяли лен, так как на него был большой спрос, и он являлся главным предметом торговли. Первая контора для закупки льна была Штиглица, комиссионерами от которого были братья Каценельсон. Товары транспортировались через пороги по Днепру в Одессу".

В 1802 году Александр I образовал Комитет по благоустройству евреев и для упорядочения законодательства о евреях. Спустя два года издано "Положение об устройстве евреев". Оно давало право евреям открывать фабрики, вести сельское хозяйство, был получен доступ во все учебные заведения, дано право открывать собственные учебные заведения с обязательным изучением одного из европейских языков.

Делами евреев-переселенцев в губернии занималась "Контора опекунов Новороссийских иностранных переселенцев", находящаяся в Екатеринославе. С 1807 по 1844 год на казенных землях Новороссии поселили 6570 евреев [5].

В 1812 году в Екатеринославской губернии проживало 1200 евреев, из них купцов было 65, мещан – 600, ремесленников – 156, земледельцев – 179 человек. В 1818 году среди населения губернии составляло уже 2516 евреев, из них купцов было – 62, мещан – 2014 и ремесленников – 440 человек [6].

В 1820 году в Екатеринославских землях выделена территория для так называемых "израильских христиан", но ни один еврей не поселился на этих землях [7].

В 1824 году еврейское население Екатеринослава выросло до 880 человек, общее число жителей было 8412 человек. В июле этого года приняли указ Екатеринославской казенной палаты об освобождении от платежей подушных податей тех евреев, которых вопреки их желаниям переселили в город, они также были освобождены от прочих платежей за текущий год.

В 1828 году Екатеринославская казенная палата приняла решение о списании недоимок с евреев.

В период правления Николая I (1825 – 1855 годы) принято около 600 указов о евреях, приведших к дальнейшему ограничению их прав. В 1844 году упразднены кагалы, что привело к ликвидации еврейской общинной автономии. Еврейское население перешло в ведение общих органов управления, где его представительство сильно ограничило. Введен коробочный сбор для обеспечения уплаты государственных налогов и содержания общин. Коробочный сбор представлял собой внутриобщинный налог, главным образом на кошерное мясо.

В "Екатеринославском юбилейном листке" (№ 4) помещена заметка, свидетельствующая о том, что фактически со дня основания города существовало еврейское кладбище: "Старое еврейское кладбище, находящееся в пригородном селении Новые Кайдаки, только изредка посещаемое старожилами-евреями, бывающими на могилах своих предков. Судя по количеству могил, которых насчитывается более тысячи, нужно полагать, что евреи составляли значительный элемент местного населения в первой половине текущего столетия, так как на новом кладбище начали хоронить только в начале сороковых годов. Из всех памятников на старом кладбище сохранилось только десять, между коими древнейший уже полуразрушенный, на котором с трудом можно было разобрать надпись, относящуюся к 1812 году. Следующий по древности помечен уже 1824 годом. Три памятника помечены 1830 годом..."

Упоминает еврейские кладбища и В. Машуков в "Воспоминаниях об Екатеринославе", изданных в 1910 году: "По приезде в Екатеринослав, я застал еврейское кладбище вблизи Жандармской (Красноповстанческой) балки в конце нынешней Юрьевской (Шпиндяка) улицы... В недавнее время чуть ли в 1906 или 1907 году за городом на Никопольской дороге (Героев Сталинграда) на возвышенном месте возникло новое обширное еврейское кладбище, которое обнесли высоким сплошным деревянным забором, столбы же у забора кирпичные".

Справочник "Весь Екатеринослав, 1913" также сообщал: "Еврейских кладбищ в Екатеринославе два: одно старое находится на площади, прилегающей к Новосельной (Дарвина) и Уездной улицам. Это кладбище ныне закрыто за отсутствием свободных мест. На кладбище очень мало стильных памятников. В западной части рядом две могилы: знаменитого публициста, автора "Русского законодательства о евреях", "Евреи в России" И.Г. Оршанского. Рядом с ним могила автора повести "В глухом местечке" Н. Наумова (Когана).

К старому еврейскому кладбищу примыкает кладбище караимов.

Новое еврейское кладбище, занимающее территорию в несколько десятин, находится за монастырским лесом. Кладбище сравнительно молодое, разбито на правильные улицы. В восточном углу кладбища тянется обширная братская могила погибших во время печальных октябрьских событий 1905 года. На кладбище много красивых стильных памятников" [8]. Речь идет о кладбище, на месте которого сейчас находится сквер имени Писаржевского между улицей Героев Сталинграда и проспектом Кирова в районе универмага Славутич. В наше время здесь возвели мемориальный комплекс.

Приведем описание могилы И. Оршанского, над которой, как отмечалось, было установлено мраморное надгробие, выполненное академиком-скульптором Марком Антокольским, им же в 1877 году сделан и бюст И. Оршанского. В книге Э.В. Кузнецовой "М. Антокольский. Жизнь и творчество", изданной в 1989 году, в списке произведений скульптора указано, что местонахождение надгробия и бюста неизвестно, и фотографии не сохранились. Э.В. Кузнецовой было неизвестно о наличии фотографии надгробия И. Оршанского в XII томе "Еврейской энциклопедии", изданной в начале века. Правда, фотография в энциклопедии весьма нечеткая. Была надежда найти фотографию надгробия и бюст И.Г. Оршанского у его потомков. Мои встречи и беседы с жителями города, носящими эту фамилию, ни к чему не привели. И только в фондах Днепропетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого с помощью научного сотрудника В.И. Лазебник, удалось обнаружить две фотографии надгробия. На них изображены лицевая и тыльная сторона памятника.

Надгробие И. Оршанского. Днепропетровский исторический музей

По описанию Гессена "памятник Оршанскому представлял собой нечто вроде алтаря или жертвенника, стоящего наверху нескольких ступеней, и сложенный из груды наваленных, поставленных и лежащих книг самого разнообразного вида и величины. Над этим алтарем лежит полуоткрытая большая книга, на страницах которой красными буквами на иврите начертаны слова: "Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя". На одной из страниц этой развернутой книги лежит покинутое, осиротелое перо рано погибшего писателя, лавровый позолоченный венок поддерживает перо на своем месте и

завершается возвышающейся над ним эмблемой - щитом Давида...".

В 1832 году Заславский построил на Литейной улице чугунолитейный завод, положивший начало развитию металлургии в городе. В следующем году была открыта суконная фабрика Неймана. В начале тридцатых годов началось интенсивное строительство кирпичных заводов в Жандармской (Красноповстанческой) и Рыбаковой (Запорожской) балках.

В 1838 году в губернии проживало около шести тысяч евреев [9].

В 1843 году завершено строительство каменной Хоральной синагоги на месте сгоревшего в 1833 году деревянного здания синагоги, построенной около 1800 года.

В этом же 1843 году купец Абрам Иосифович Луцкий строит каменное здание театра. История его такова. Луцкий строил себе жилой дом, но, поддавшись уговорам Екатеринославского губернатора, он переоборудовал недостроенный дом под театр и в течение 42 лет, до 1885 года, здесь давались представления. Первые два года в отстроенном театре давал представления Пилони с труппой. Потом выступала труппа Жураховского, ставившая водевили. Позже Луцкий пригласил труппу Морица и Стрельского, дававшую балетные и драматические представления. Посещала Екатеринослав труппа Бергера с итальянскими певцами (1858–1862 годы). Приглашал Луцкий балетную труппу Вейса. В 1885 году в театре Луцкого выступали украинские труппы Кропивницкого и Старницкого.

Летом 1846 года город посетил В.Г. Белинский, в письме к жене он писал: "Город чрезвычайно оригинален: улицы прямые, широкие, есть дома порядочные, но больше - мазанки. По улицам бродят свиньи с поросятами, опутанные лошади..."

На огромной (незастроенной) площади стоит храм, довольно большой... На этой же площади стоит дворец Потемкина... Середина дворца реставрирована для дворянского собрания, а боковые здания находятся в состоянии развалин. При дворце сад, омываемый заливом Днепра, в саду много деревьев, которые не могут расти в Московском климате... Интересен также казенный городской сад..."

В 1847 году в губернии было 9 еврейских общин, насчитывающих 4889 человек, из них в самом городе проживало 1699. В августе этого года губернатор издал циркуляр о взимании сбора с иногородних евреев в пользу общины города.

В 1850 году в городе насчитывалось 10646 жителей, каменных домов было 50, деревянных – 133. Экономическая жизнь города характеризуется следующими цифрами: кирпичных заводов было 3, мыловаренных – 2, шерстемоечных – 3, салотопок – 7, а также один литейный и один пивоваренный

завод. В городе существовало 3 аптеки, 2 кондитерские, 2 гостиницы и 14 постоянных дворов. Действовало 115 торговых лавок [10].

Большинство евреев соблюдало традиции. Языком общения был идиш, дети получали образование в хедерах, где меламедами (учителями), в основном, были выходцы из Литвы.

Все вопросы жизни общины решали кагалы. Они ведали кладбищем, кашрутом, судами, а также сбором налогов и призывами в армию. После отмены в 1844 году кагалов еврейскую общину возглавило общинное управление во главе с раввином. В управление входили также уважаемые горожане.

Из учебных заведений имелось: казенная мужская гимназия и две частные гимназии – мужская и женская, духовные семинария и училище, церковно-приходские школы, хедеры и еврейское училище.

Первый еврей-гимназист в городе появился в 1851 году [11].

В 1853 году евреи в Екатеринославской губернии составляли 1% всего населения. В 1857 году в городе при населении в 13217 человек, евреев насчитывалось 3565. Среди них было 8 купцов первой гильдии, 14 – второй и 957 мещан [12]. В годы правления Александра II отменены многие ограничения, созданы "Общество по распространению просвещения среди евреев" (ОПЕ), "Общество ремесленного и земледельческого труда в России" (ОРТ).

Развитию Екатеринослава способствовал общий экономический подъем страны.

В 60-е годы растет роль евреев в экономике империи. Возникли банкирские дома Гинцбургов, Поляковых. Евзель Гинцбург был одним из организаторов частного банка в Киеве, при его участии был открыт учетный банк в Одессе. Он также учредил стипендии для евреев, обучающихся в императорской Медико-хирургической академии. Его сын Гораций стал известным меценатом, он помог получить образование Марку Антокольскому, Илье Гинцбургу – автору бюста памятника А.С. Пушкину в Екатеринославе. В 1863 году Гораций участвовал в создании Общества по распространению просвещения среди евреев, в 1878 году стал его председателем.

В Украине заметную роль в экономике играли Бродские – потомки рода Шор, среди которых было много известных раввинов и общественных деятелей. Израиль Бродский развивал сахарную промышленность. Его сыновья Лазарь и Лев значительно расширили дело отца. Лазарь был также владельцем пароходства на Днепре. Израиль основал в Киеве еврейскую больницу – ныне областную, финансировал строительство Киевского политехнического института, строительство Бактериологического института на Батыевой горе, а также

крытого рынка на Бессарабке. Бродские возвели в Киеве две синагоги, приют, две Талмуд-Торы и другие объекты.

Развитие днепровского пароходства связано с именем Д.С. Марголина, который много жертвовал на устройство училищ, содействовал изданию Еврейской энциклопедии. В 1860-80 годы важную роль в постройке железных дорог играл И.С. Блюх, инициатор строительства многих линий в Украине.

С. Поляков за 22 месяца построил железную дорогу Курск-Харьков-Азов с веткой на Ростов-на-Дону (мировой рекорд строительства железных дорог).

В 1858 году открылось пассажирское сообщение вверх по течению Днепра.

Основателем городской библиотеки был Н.П. Баллин, создавший вместе с В.Н. Елагиным и М.М. Стопановским в 1858 году литературное общество. Первым библиотекарем назначили В. Ульмана, служившего тогда чиновником в Приказе Общественного Призрения. Он же был книготорговцем, основав торговый дом "Ульман и К^о".

В 1860 году в Екатеринославе было 37 подписчиков первой в России еврейской газеты "Рассвет", издаваемой в Одессе.

Еврейское население губернии в 1864 году составляло 26069 человек. Зарегистрировано 11 синагог и 24 молельных дома.

В декабре 1865 года в городе провели однодневную перепись населения. Общее число жителей составило 22846 человек, из них евреев – 5450. Грамотных в городе было 7369, высшее образование имело 178 человек [13].

В 1864 году в городе имелось казенное еврейское училище, Талмуд-Тора, 15 хедеров. В губернии проживало около 26000 евреев [14].

В 1869 году собирали пожертвования голодающим евреям в России. Спустя два года была создана благотворительная организация "Просвещенный – бедному". В 1878 году община помогла 429 семьям – 2051 человеку, а в 1882 году – 500 семьям (2625 человек). Еврейская больница на ул. Больничной (Бородинской) имела 20 мест. На этой же улице в 1880 году на средства Ицхака Станиславского открыт дом для престарелых. Позже это заведение содержал М.Ю. Карпас [15].

В 1866 году население города составляло около 23 тысяч жителей, из них евреев было 5462 человека. В 1871 году в городе было 23267 жителей [16].

В 1881 – 1894 годы правил Александр III. Он продолжил политику своего деда Николая I. В 1882 году утверждены "Временные правила", запрещающие селиться евреям вне черты оседлости, вновь селиться в деревнях, приобретать

недвижимость, арендовать землю вне местечек, торговать по воскресеньям и в христианские праздники. Вводились запреты на профессию. Почти полностью были вытеснены евреи с государственной службы, военный министр ограничил долю евреев-врачей и фельдшеров в армии пятью процентами, был закрыт доступ на работу на железнодорожном транспорте.

Отметим, что в XIX веке в состав городского общественного управления входили еврей-гласные: Исая Уманский (1836 год), Ицко Салпейтер (1839), Александр Мунштейн (1842), Абрам Бердшадский (1847), Ицко Богословский (1851), Иосиф Сакаганский (1854), Исаак Станиславский (1860) и Иосиф Динанский (1874) [17].

В 1881 году, после убийства народовольцами императора Александра II, прокатилась война погромов. Первый начался 15 апреля в Елизаветграде (Кировоград), потом в ряде мест Киевской губернии, на Полтавщине, в Одессе. Пострадало более 100 еврейских общин Украины. Погромы возобновились в 1882 году. Была попытка разжечь погром в Екатеринославе, но действия властей остановили его.

В следующем, 1883 году, погром вспыхнул 20 июля. Поводом послужило убийство неизвестного христианского юноши. Только к концу второго дня, 21 июля погром был прекращен с помощью армии. Во время этого погрома погибло 15 человек, также разрушена синагога на Казачьей (Комсомольской) улице. В отдельных случаях местное население укрывало своих знакомых и соседей. В целом местная пресса отмечала равнодушие горожан к жертвам погрома. В созданный комитет по оказанию помощи пострадавшим обратилось 657 семей. Ущерб был оценен в 600 тысяч рублей, 350 квартир разгромлено. Комитет, руководимый И. Бродским, собрал 17 тысяч рублей. Городская управа выделила 5 тысяч. Нуждающиеся получали хлеб [18].

В Екатеринославской губернии задержали 652 погромщика, как приехавших в город в поиске заработка, так и поучаствовать в ограблении жертв погрома [19].

Погромы вызывали волну эмиграции евреев из страны. В 1881 году из России в США переехало около 8000 евреев, но это было только начало. Всего с 1881 по 1900 год туда выехало около шестисот тысяч человек, большинство из них были евреи. В апреле 1882 в Петербурге представители еврейских общин страны обсуждали вопрос: провозглашать общий исход евреев из России или продолжать борьбу за равноправие. Делегаты отклонили идею эмиграции [20].

В 1890 году Григорий Лейтензен (Линдов), ученик классической гимназии, создает первый в городе марксистский кружок.

Городская реформа 1892 года лишила евреев права принимать участие в земских избирательных собраниях и съездах. Евреи были отстранены от выборов гласных городской думы, членов городской управы и городского головы. Устранив евреев от непосредственного участия в городском управлении, власти тем не менее разрешили включать в состав городской думы представителей местной еврейской общины. Велико было число евреев в судопроизводстве и адвокатуре – до трети присяжных, их помощников и частных поверенных.

Построенный В.И. Березиным в 1884 году по инициативе Александра Николаевича Поля двухъярусный железнодорожный мост, проект которого разработал Н.А. Белелюбский, способствовал бурному росту экономики города и края. Этот мост был самым большим в Европе.

В мае 1887 года была задута первая доменная печь на "Александровском, Южно-Российском металлургическом заводе Брянского Акционерного общества", в городе этот завод называли "Брянским" (ныне завод им. Петровского). Спустя три десятилетия на нем будет работать 6 доменных и 8 мартеновских печей. Число рабочих достигнет 8 тысяч человек. Вошли в строй заводы Б.А.Гантке (1891 – гвоздильный, 1909 – трубный), братьев Ш. и Г. Шодуар (1889 – трубный, 1899 – прокатный, 1914 – металлургический), И.Я. Эзау (1895 – машиностроительный). Развивался и город, в 1896 году пущена электростанция на улице Петербургской (Ленинградской), развернулись работы по устройству водопровода, началась телефонизация города. В 1897 году открылось движение трамвая [21].

С 1886 по 1900 год, то есть за четырнадцать лет возникли почти все металлургические заводы юга России, которые в 1908 году выплавляли почти 70% всего чугуна страны, готовых изделий было выпущено 52% всей продукции империи.

В 1897 году в Екатеринославской губернии было 812 заводов и фабрик, из них евреям принадлежало 201 предприятие, то есть 24,8%. В основном, это были малые производства – стоимость выработанной ими продукции, составляла лишь 6,9%, при количестве рабочих – 5,3% от общего числа рабочих всех предприятий губернии. В число еврейских предприятий входили: 3 бондарные фабрики, 18 кирпичных заводов, 11 маслобоек, 6 винокурных заводов, 2 табачные фабрики, 8 мыловаренных заводов. Из 39 заводов, изготавливающих сельскохозяйственные орудия и машины, 12 принадлежало евреям [22].

Перечислим некоторые еврейские предприятия города. Данные взяты из ежегодных справочников Екатеринослава. Братья Лещавер владели чугунолитейным заводом на улице Петербургской (Ленинградской) и заводом земледельческих машин. Там же была расположена фабрика металлических изделий и стальных лопат Шабада и Когана. Еще один

чугунолитейный завод принадлежал В.Г. Кропману. Цинковальный и лудильный завод был в собственности П.И. Немировского. Втулочным заводом владел З. Зольберг. Братьям Коган принадлежал проволочный завод. На улице Кудашевской (Баррикадной) находились слесарно-механические мастерские Гоппера. На Проспекте, № 82, существовала граверно-механическая мастерская И.Д. Кацева.

Большими были типографии Шварцмана на улице Московская, № 6, и Бершадского на улице Стародворянской, № 13 (Плеханова), которой потом владел Бухман. На Гостинной (Гопнер) была типография А. Хайтова. Литография И. Б. Малаховского была на улице Московской. "Художественно-граверное-механическое заведение А. И. Гельдберга" располагалось на Проспекте.

Лесопильные заводы располагались вдоль Днепра. Завод Е.М. Левензона был на Петербургской, № 50; там же на Петербургской, № 46, был завод Оршанского; на Петербургской, № 24, располагался завод М.Х. Когана. Завод Х.И. Розенберга был на улице Лесопильной, № 7 (Краснозаводская). Гуссман владел заводом на улице Провиантской (Пастера); на улице Иорданской (Коцюбинской) был завод Шапиро. Действовали заводы З.И. Шульмана, А.М. Когана и другие. Лесопильным заводом владел Евсей Гайсинович, два его сына в советское время были известными учеными, докторами наук. Абба Гайсинович был генетиком, автором многих книг, Самуил Гайсинович, педагог, был расстрелян в 1939 году.

Три лесные пристани принадлежали Палею, существовали пристани Розенберга, Штейнера и другие. Располагались пристани, в основном, к западу от железнодорожного моста.

Кирпичные заводы создавались в многочисленных балках города. Заводы Моцкина, Френкеля, Л. Лифшица были в Жандармской (Красноповстанческой) балке. В Рыбаковой (Запорожской) балке располагались заводы Гольдштейна, Брука. В Аптекарской был второй завод Моцкина и завод Х.И. Розенберга. Всего в 1910 году в городе было 16 кирпичных заводов.

Мельницы, в основном, находились на улице Петербургской и принадлежали Рубинштейну, Лифшицу, Авербуху, Когану, Левензону, Х.И. Розенбергу, братьям Шифрин.

Макаронной фабрикой на улице Казачьей (Комсомольская) владел А.Г. Лурье.

"Общественная мацелепкарня" располагалась на Казанской, № 4 (Карла Либкнехта).

Фабрика красок Горенштейна была на улице Полевой (проспект Кирова), существовала также электрохимическая фабрика сухих и масляных красок Ш. Штейнбока.

Продукция, выпускаемая на еврейских предприятиях, отмечалась премиями различных выставок. Фабрика весов К. Кейфмана получила малую серебряную медаль Южно-Русской выставки в Екатеринославе. Другая фабрика весов "Прогресс", принадлежащая А.И. Бергеру, получила бронзовую медаль этой выставки.

Руководили евреи многими финансовыми организациями города. Городское отделение "Азово-Донецкого банка" возглавлял Лев Самойлович Дейч, а отделением "Объединенного банка" руководил Липман Моисеевич Иоффе.

Учредителем Екатеринославского коммерческого банка был А. Варшавский.

В 1909 году был основан банкирский дом С. Арановича [23].

I Екатеринославское ссудно-сберегательное товарищество еврейских ремесленников и малых торговцев было организовано в 1902 году. Деятельность общества с самого начала была основана на принципах взаимопомощи. После погрома в октябре 1905 года Общество получило ссуду в размере 30 тысяч рублей, которую вернуло с процентами. Отмечалось, что ссуду выдавали только на производственные нужды. С расширением Общества было обращено внимание на другие виды помощи, так:

1. Образован фонд помощи семьям умерших членов.
2. Организована образцовая учебная мастерская.
3. Открыта амбулатория.
4. Открыт детский сад и "приобретена еврейская гимназия".

Общество владело двумя домами стоимостью 247 тысяч рублей (в ценах 1913 года) [24]. Председателем правления товарищества был А.П. Коган. Располагалось оно на улице Клубной, № 5 (Ленина).

По адресу Проспект, № 101, существовало "Третье Екатеринославское общество взаимного кредита", председателем правления которого был Рувим Михайлович Шварц.

"Екатеринославским купеческим обществом взаимного кредита" в разное время руководили Артур Адольфович Ноткин и А.С. Файленбоген.

Существовал и "Банкирский дом И.Е. Кофмана", доверенными в этом банке были Иосиф Яковлевич Токарев и Гершон Израилевич Шафран. Учетно-ссудный комитет по торгово-промышленному кредиту возглавлял М.Ю. Карпас.

"Торговый дом Зильберман и С-я" владел несколькими магазинами, торгующими мануфактурой. Два магазина были расположены на главном проспекте (Карла Маркса, № 98) и на углу улицы Казанской (Карла Либкнехта), был также магазин на центральном рынке.

Владельцы этих торговых домов занимались большой благотворительностью не только для еврейской общины, о чем рассказано в третьей главе, но и для города в целом. М.Ю. Карпас был членом попечительского совета Коммерческого училища. Капитал имени М.Ю. Карпаса был среди специальных капиталов города, проценты с которых шли на содержание городской больницы.

Сеть магазинов, принадлежащих евреям, была разнообразна и обширна. Одеждой торговали магазины "Готовое платье", принадлежащие Шульману. Братья А. и Я. Альшванг содержали магазины "Дамские наряды" и "Одежда" (в последнем, как гласило объявление, были товары "все для похода", имелось в виду белье и одежда для военных). Одеждой также торговал О. Фидельман. Мануфактуру, помимо магазинов Зильбермана, можно было приобрести у Н.С. Заславского и у Л.М. Гольдштейна в его "Суконно-мануфактурном магазине на Озерке".

Обувью торговали магазины на Проспекте, принадлежащие М. Элгаузу и З. Ланцману.

Х. Фидельман владел "Депо табака".

Книжной торговлей занимались Л.С. Гинзбург – улица Казачья, № 27 (Комсомольская) и И.В. Шаферман. Писчебумажные товары продавал Я.Д. Бродский.

Часы можно было приобрести в магазинах Б.Я. Грановского и И.Я. Когана.

Фотопринадлежностями торговал магазин Повзнера.

Существовал "Музыкальный магазин бр. И. и Л. Бакк", такой же магазин принадлежал В. Нейману. У него можно было купить и ноты.

В 1906 году Соломон Павлович Брайловский построил ряд киосков для продажи книг и газет. Четыре киоска были установлены на Проспекте, а пять – в других местах города.

В городе было много частнопрактикующих врачей-евреев, многочисленные объявления их публиковались в местных газетах и справочниках (Л.И. Вертман, А.И. Лившиц, Л.И. Фридман, Е.Н. Гольдберг, Р.А. Шварц и другие).

О еврейской больнице и ее врачах рассказано в третьей главе.

На Проспекте в доме Хренникова (гостиница "Украина"), в правом его крыле была "Зубная лечебница" Марка Осиповича Почтмана и Бориса Гольдштейна. В городе также были известны зубные кабинеты Эльштейна, Рагинского, А.Р. Гинзбурга. "Клиника болезней зубов и полости рта", учрежденная докторами Вебером, Львовым и Шрейдером, была расположена в доме Мизко (Шевченко, № 59). "Специальная лечебница болезней горла, уха,

носа и ингаляторий" Моисея Ильича Болоховского была на улице Харьковской.

"Водо-светолечебница" С.Л. Айзенштата располагалась на углу улиц Садовой (Серова) и Тихой (Мечникова).

"Лечебница-санаторий для душевно и нервно больных" доктора Е.И. Альтшулера была на улице Военной, № 31 (проспект Пушкина).

"Электросветолечебница" доктора Гербильского была на улице Садовой (Серова). Он же совместно с Кернером содержал родильный приют на улице Каретной (Челюскина).

На углу улиц Александровской (Артема) и Базарной (Чкалова) находилась хирургическая лечебница Брейтмана.

Практически все аптеки города принадлежали евреям. Аптека Богуславского была на углу улиц Полицейской (Шевченко) и Первозвановской (Короленко). Аптека Левинштейна располагалась по Александровской, № 26 (Артема). Существовали аптеки, принадлежавшие Давидовичу, Фрейдесу, Гуревичу и другим.

Аптека А. Мандельштама располагалась на Проспекте, № 96. Аптека Льва Прицкера была на Николаевском проспекте (проспект Калинина). Берл Ромм владел аптекой на ул. Петербургской [25]. В самом начале века в городе построили кинотеатр "Колизей", принадлежавший И. А. Спектору. В 1926 году его переименовали в кинотеатр "Коминтерн", а после Великой Отечественной войны в "Победу". Снесли это здание в 1970-е годы. Ныне на этом месте правое крыло горсовета [26]. Этот кинотеатр, вмещавший тысячу зрителей, был одним из лучших в России и, по мнению прессы, "мог бы украсить любую столицу Европы". Широкую известность в российском кинопрокате приобрело Южно-русское прокатное бюро "Художество", также принадлежащее И.А. Спектору. Располагалась его контора по ул. Садовая (Серова) №15, имелось также отделение в Одессе. Им снабжались, помимо собственных кинотеатров "Колизей" и "Блиц", и другие кинотеатры Екатеринослава: "Зайлер" и "Люкс", а также кинотеатры "Иллюзион" и "Эрмитаж" в Николаеве; "Лотос" и "Электро-Биограф" в Симферополе; в Ялте – "Одеон", в Одессе – "Гигант" и "Слон" и многие другие.

Из воспоминаний сотрудника конторы "Художество" М. Ландесмана: "В 1912 году по случаю столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года фирма "Пате" поставила фильм "1812 год"... Фильм был многообещающим. Владельцы кинотеатров, предвидя большой успех, наперебой стремились ангажировать его. Но всем прокатным конторам дали копий меньше, чем они заказывали. Например, Спектору вместо пяти копий дали только три – для Екатеринослава и Одессы. Спектор

уж было решил компенсировать убытки владельцам кинотеатров, но на помощь пришла изобретательность. В те времена демонстрировали фильм по частям, между показом каждой части были перерывы, поскольку перестановка пленки требовала минимум 5 – 7 минут. Таким образом после каждой части в зале для зрителей включали свет и начинался антракт, как в театральные спектакли. Спектор, который имел связи с торговым представительством немецкой автомобильной фирмы "Бенц" в Одессе, выделил одну автомашину, причем за рулем сидел сам торговый представитель "Бенца", а я снимал части и перевозил их из театра в театр. Это была первая демонстрация одной копии в двух театрах одновременно. Со временем эту систему заимствовали и другие прокатные конторы, она получила название "перебежка" [27].

На экранах шли фильмы на библейские темы: "Иосиф, сын Иакова", "Авессалом", "Эсфир", "Царица Савская", "Давид и Голиаф". В фильме "Выход евреев из Египта" был показан быт евреев в период рабства, исход, сам Моисей. Большим успехом пользовались такие фильмы о жизни русских евреев, как "Лехаим" (1910 год), "Скрипка", "Рахиль". В 1912-1914 годах шли фильмы по пьесам Я. Гордина: "День венчания", "Торговый дом", "Хася – сиротка" и другие. В 1913 году зрители смотрели фильмы: "Талмудист", "Дочка еврея", "Где правда?", "Сапожник Лейба", "Слушай, Израиль". Были и документальные фильмы – "Торжественные похороны сгоревших в главной кременчугской синагоге 22 свитков Торы", "Евреи в Египте" и другие.

В период с 1911 по 1917 год в России появилось около 100 фильмов о евреях.

В конце 1915 года Екатеринославский губернатор выслал из губернии И.А. Спектора и закрыл его предприятия. Московские кинематографические круги потребовали возратить И.А. Спектора в город как "крупного руководителя кинематографического промышленного мира на Юге России".

14 октября 1901 года на проспекте Пушкина был открыт памятник А.С. Пушкину, созданный по проекту архитектора Григория Ивановича Панафутина. Бюст поэта лепил И.Я. Гинцбург, имя широкой публике малоизвестное, в последнем издании Большой Советской энциклопедии не упоминаемое.

Илья (Элиаш) Яковлевич Гинцбург родился в городе Гродно (1859) в бедной еврейской семье. В своих воспоминаниях пишет, что "мне было десять лет, когда я стал вырезать из камня вещицы. Камень, из которого я работал, довольно твердый, его дома употребляли для точения ножей. Орудием мне служил перочинный ножик и заостренные гвозди от подков... Наконец, я вырезал человеческую фигуру старого еврея, собирающего милостыню". Илья учился в хедере и, как он пишет, его "прочили в равнины и находили, что у меня недюжинные способности к

Талмуду". В июне 1870 года приехал в Вильно известный скульптор Марк Матвеевич Антокольский. После знакомства с Ильей он предложил ему ехать в Петербург. Мать возражала против этого, и только с разрешения деда он уезжает из дома. Сложность заключалась также в том, что Илья не знал русского языка. Он учился у М. Антокольского с 1871 по 1878 год, затем в академии художеств с 1878 по 1886 год на стипендию, предоставленную известными банкирами-меценатами Гинцбургам (однофамильцами Ильи), они же предоставили средства для поездки в Париж и Рим. Во время учебы награждался малой и большой серебряными, а также малой золотой медалями. В 1886 получил звание классного художника за работу "Плач пророка Иеремии на развалинах Иерусалима". В 1889 его скульптура "Маленький эквилибрист" отмечена бронзовой медалью на всемирной выставке в Париже. С 1911 года – он академик скульптуры. Работал очень много, известны его бюсты Н. Стасовой, И. Крамского, Л. Толстого, М. Антокольского, В. Короленко и других. Помимо екатеринославского А. Пушкина, он автор памятников М. Лермонтову (Пенза), Н. Гоголю (Великие Сорочинцы), И. Айвазовскому (Феодосия), Д. Менделееву (С.-Петербург). Им выполнены надгробия Н. Мусоргскому, А. Бородину, В. Стасову, М. Антокольскому. По инициативе И. Гинцбурга было основано Еврейское общество поощрения художников в Петрограде в 1915 году и его филиал в Москве (1916). Общество устраивало выставки художников-евреев в Петрограде (1916), в Москве (1917 и 1918) и Киеве (1920). После революции скульптор преподавал во Вхутемасе (1918–1923). Портреты Ильи Яковлевича писали И. Репин, Я. Ционглинский и Н. Ге. И. Гинцбург умер в 1939 году в Ленинграде, где последние годы провел в доме для престарелых актеров имени М. Савиной [28].

Возвращаясь к нашему памятнику, отметим, что бюст А.С. Пушкина покидал свой постамент в годы фашистской оккупации города. Жители прятали его на территории трамвайного парка (К. Маркса, № 119 а).

В начале XX века еврейское население Екатеринославской губернии, в которой было 9 городов и 13 местечек, составляло свыше 101 тысячи человек – 4,8% от общего числа населения, этот средний процент повышался в городах до 26,6% (в Екатеринославе около 40%), в местечках губернии евреи составляли 67%, в селах и деревнях – 1,8%. Газета "Еврейская рабочая хроника" 7 мая 1907 года писала, что доля еврейского населения империи в начале века была следующая: фабрично-кустарные рабочие составляли 3%; ремесленники и пролетарии – 9,3%; чернорабочие – 6,9%; интеллигенция – 31%; мелкобуржуазное городское мещанство – 67,2%; крупная и средняя буржуазия – 4,5%; крестьянство – 2,1% и в вооруженных силах было 3,5%.

28 января 1897 года прошла первая в Российской империи всеобщая перепись населения [29]. Евреев было 5189401, что составило 4,13% от всего населения России и примерно половину от общего количества евреев во всем мире. 93,9% российских евреев жило в пределах черты оседлости. 18% еврейского населения черты оседлости жило в сельской местности, остальные были скучены в городах и местечках.

96,9% российских евреев назвали своим родным языком идиш. 67000 евреев назвали родным языком русский, 47000 – польский и 22782 – немецкий.

Население Екатеринослава по данным переписи составило 112839 человек. Со времени основания города его население выросло в 50 раз. По количеству населения город занимал четвертое место в Украине – после Киева, Харькова и Одессы. Екатеринослав сравнивая с развитием Америки называли "Новая Америка", "Среди губернских городов он не имеет себе соперников по росту населения, а из больших уездных только Лодзь растет быстрее его" [30].

Значительное число жителей города составляли русские – 47200 человек. На втором месте были евреи – 40971 (36,3%), затем украинцы – 17787, поляки – 3418 человек. В городе было 1075 иностранных подданных, их привлекали всевозможные льготы и широкие возможности получить прибыль от вложенных капиталов.

Православных в городе проживало 65196 человек.

Состав еврейского населения характеризуется следующими данными.

Самостоятельных в экономическом отношении – 12114 мужчин и 3046 женщин. Остальные были членами их семей. Из числа самостоятельных людей большая часть занималась торговлей – 4531 человек (в том числе 432 женщины). Изготовлением одежды – 2969. На частной службе было 1714, среди них 1091 женщина. Обработкой дерева занималось 657 евреев, металлов – 777. Уровень знания русского языка среди мужчин был более 52%, женщин 31%. Среди других народностей в отношении русской грамотности евреи уступали только немцам.

Перепись 1897 года зафиксировала в Украине 472 еврейские общины. Из общего количества евреев в империи – 5,2 миллиона человек, в Украине проживало около 2 миллионов. В городах Украины еврейское население составляло около 33% всего городского, а в местечках этот процент доходил до 75. Перепись показала, что распределение еврейского населения по профессиям было следующим: торговлей кормилось 41,11%, промышленностью – 34,14%, сельским хозяйством – 7,11%, на государственной и общественной службе было 4,94%, частной

деятельностью занималось 4,58%, транспортными услугами – 4,06%, неопределенную профессию имели 3,54%.

Ремесленные промыслы разделялись на следующие группы: портные – 46,4%; сапожники, заготовщики кож, изготовление изделий из кож – 13,6%; слесари – 8,3%; кузнецы, медники – 7,3%; обработка дерева – 7,6%; булочники, мясники – 5,9%; строительство – 5,4% и др. Среди ремесленников хозяева составляли – 60,9%; подмастерья и ученики – 39,1%.

В самом конце XIX и в начале XX веков резко возросла общественная активность еврейских масс, что явилось реакцией на притеснения в эпоху правления Александра III. Повлияло также усиление левого движения.

Несмотря на сравнительно благоприятные экономические условия как в Екатеринославской губернии в целом, так и в губернском центре, количество неимущих евреев было велико. В 1898 году к общинной благотворительности за субсидией на Песах обратилось 2565 семейств, а в 1900 году в губернии 20% евреев получали вспомоществование от еврейских общин. Всего в губернии было 33 еврейских благотворительных учреждения, 6 обществ пособия бедным, 8 благотворительных обществ общего характера, 5 ссудных касс, 2 странно-приемных дома, 2 дешевые столовые, 2 богадельни, 6 обществ вспомоществования больным [31].

Благодаря деятельности политических лидеров А. Усышкина, Б.Борохова, раввинов Ш. Левина и Л.-И. Шнеерсона, ряда активных горожан, община города была хорошо организована.

Община объединяла богатых и бедных, здоровых и больных. Еврейская традиция не оставляла без внимания нуждающихся в помощи, особая озабоченность проявлялась о детях-сиротах.

Благотворительность осуществлялась разными способами. Приведем одну из записей в журнале заседаний Екатеринославской городской думы в феврале 1903 года:

"Екатеринославские купцы Меер, Абрам, Вульф и Герш Добрускины внесли в кассу городской управы два билета закладных с выигрышами листа Государственного Дворянского Земельного Банка и просили Городскую управу принять означенные листы на хранение навсегда, проценты же по купонам... выдавать ежегодно Екатеринославскому общественному раввину для передачи их в пользу бедных учеников местной Талмуд-Торы, а также бедным еврейским мальчикам на учение вне Талмуд-Торы".

На другом заседании городской думы обсуждалось использование завещанных городу Розенбергом на благотворительные цели 5,5 тысяч рублей.

"Екатеринославский юбилейный листок" (№11,1887) сообщал о том, что вдова купца Кравцова – Трайна Давидовна, ее дочь

Клара Марковна и сыновья Абрам, Самуил и Давид пожертвовали городу дворовое место, находящееся на ул. Железной (Миронова) и 10000 рублей для того, чтобы благотворительное общество построило здесь дешевую столовую для бедных.

Активно жертвовали М. Дольник, М. Карпас, М. Майданский, И. Станиславский и другие, не стояли в стороне и женщины – Ямпольская, Витлина, Карпас, Немировская, Штейн [32].

Решением властей правлению Хоральной синагоги было поручено управление Талмуд-Торой, больницей, синагогами, организация помощи бедным, содержание кладбища. Все организации посылали своих представителей в Хоральную синагогу для координации своих работ.

Необходимо отметить, что община имела существенный доход от налогов на мясо (коробочный сбор), так в 1901 году было собрано 137000 рублей [33].

М. Полищук в своем исследовании писал: "В Екатеринославе органы управления общиной включали как собрание ее членов («еврейское общество»), так и духовное правление синагоги. «Еврейское общество» избирало попечителей больницы и Талмуд-торы. Все благотворительные учреждения официально находились под властью духовного правления, которое в 1880 – 1890-х гг. возглавлял раввин В. Шохор. Кроме того, оно участвовало в распределении средств коробочного сбора. В 1901 г. духовное правление выделило средства из коробочного сбора на строительство здания для ремесленного училища. В 1890 г. екатеринославское губернское правление обратило внимание на то, что часть благотворительных и учебных заведений общины вопреки одной из статей устава иностранных исповеданий не находилась в заведовании правления синагоги. В этой связи было предложено полицейскому управлению обязать правление Хоральной синагоги взять под свой контроль эти заведения. По просьбе духовного правления, сославшегося на сложности руководства, заведующие их хозяйственной частью в числе 10 человек были утверждены администрацией в звании помощников духовного правления. Члены и помощники духовного правления составили высший орган общины, избиравшийся на 3 года.

В начале 1886 г. губернатор Д. Батюшков пригласил около ста представителей общины и полицмейстера в управу и предложил использовать остатки коробочного сбора для улучшения экономических и социальных условий еврейского населения. Под контролем полицмейстера была избрана комиссия из 15 человек во главе с членом управы Гуровичем и при участии раввина В. Шохора для составления дополнительной сметы коробочного сбора. Одновременно губернатор назначил комиссию из почетных лиц для еженедельной выдачи средств на хлеб наименее обеспеченным рабочим и ремесленникам. Выборы двух кандидатов в члены Раввинской комиссии в 1893 г.

производились приглашенными по списку, в который вошли купцы, перечисленные городским головой, и почетные лица, определенные общественным раввином” [34].

В 1899 – 1900 годах в Екатеринославе жил в ссылке Пинхас Рутенберг (1878, Ромны – 1942, Иерусалим) – революционер, сионистский деятель, промышленник, меценат. Событий, выпавших на его долю, хватило бы не на одну незаурядную жизнь. В 1899 году был исключен из Петербургского технологического института за участие в революционном движении. В Екатеринославе сначала работал чертежником на Брянском заводе, потом на Екатеринбургской железной дороге. Осенью 1900 года был восстановлен в институте и закончил его с отличием. В январе 1905 года П. Рутенберг шел в колонне рядом с Гапоном. Во время расстрела демонстрантов прикрыл его и спрятал на квартире писателя Батюшкова, позже, после разоблачения Гапона как агента охраны П. Рутенберг участвовал в его казни. Разочаровавшись в революционном движении, в 1906 году он уехал в Германию, потом в Италию, где создал общество "Про кауза эбраика", отстаивающее интересы еврейского народа. В январе 1917 года П. Рутенберг вернулся в Россию. Глава временного правительства А. Керенский назначил его заместителем губернского комиссара. В дни октябрьской революции Рутенберг предлагал арестовать В. Ленина и Л. Троцкого, но был сам заключен в Петропавловскую крепость. Освободили его по ходатайству М. Горького и А. Коллонтай. В 1919 году Рутенберг покинул Россию уже навсегда. Уехал в Палестину, где помогал В. Жаботинскому создавать еврейскую самооборону. Основал Палестинскую электрическую компанию, построил ряд электростанций. Два года возглавлял еврейскую общину Палестины. В своих публичных выступлениях призывал общину к национальному единению. Свое состояние нажитое в Италии и преумноженное в Эрец-Исраэль, он завещал положить в основу фонда Рутенберга. Позже на эти средства был построен университет в Хайфе [35].

В связи с погромом в Кишиневе в апреле 1903 года из Екатеринослава туда переслали пожертвования на сумму 7921,99 рублей. Кроме того, через редакцию екатеринославской газеты "Вестник Юга" было выслано 3262,70 рублей [36]. В январе 1904 года в городе создана организация Бунда и к августу этого года в ней уже насчитывалось около 100 человек. Руководителями Бунда работали А. Древников, Б. Симковер, М. Шварц [37].

Наступивший 1905 год стал переломным в истории еврейской общины. События этого года изменили жизнь евреев, они заставили объединиться и бедных и богатых, уделить большее внимание общественной жизни.

1.2. 1905 год – погромы и сопротивление

Волна забастовок, прокатившаяся по России после событий 9 января, дошла до Екатеринослава в середине января. 17 января прекратили работу заводы, расположенные на левом берегу Днепра. Забастовали наборщики городских типографий. Первыми бросили работу наборщики типографии газеты "Вестник Юга", затем газеты "Приднепровский край". Этому примеру последовали наборщики типографий Яковлева, Сатановского, Бурунова, Брайловского, Ротенберга и рабочие табачной фабрики Джигита.

19 января забастовал Брянский завод, сначала – механический и литейные цеха, а затем остальные. Вслед за Брянским с 10 часов утра к забастовке примкнул гвоздильный завод (отметим, что здесь и далее даты приведены по старому стилю). Были прекращены занятия в Екатеринославском Высшем горном училище.

21 января бастовали все заводы. С утра к ним присоединились вагоновожатые и кондукторы трамваев. В течение всего дня по городу под охраной полиции ходило всего 6 вагонов (вместо 30). В 10 часов утра в помещении редакции "Приднепровский край" состоялось собрание наборщиков всех екатеринославских типографий.

22 января возобновились работы на Брянском, Гвоздильном и Сталелитейном заводах. Были расклеены объявления губернатора, в которых всем предлагалось приступить к работе в понедельник 24 января. В донесении губернатора в центр сообщалось о том, что в городе 22 января бастовало 20 тысяч рабочих [38]. На Брянском заводе бастовало около 7 тысяч человек.

Несмотря на столь напряженную обстановку, погромов не было, отчасти этому способствовало то, что город в январе был объявлен на осадном положении [39].

Екатеринославский губернатор 3 марта в донесении министру внутренних дел сообщал: "Ввиду усиленных слухов о готовящихся 19 и 20 февраля с. г. крупных уличных беспорядках с вооруженными насильями и в частности о беспорядках антиеврейских, были приняты заблаговременно следующие меры: а) в видах успокоения населения, по городу были опубликованы мои объявления, предупреждающие о том, что беспорядки допущены не будут; б) приглашенным мною почтенным представителям еврейской общины были сделаны соответствующие предупреждения; в) в течение нескольких дней до 19 февраля... проведены аресты нескольких лиц... 19 и 20 февраля по всему городу было установлено усиленное полицейское наблюдение, выставлены воинские части,

установлен разъезд кавалерийских частей... Жизнь в городе идет нормально..." [40].

Отдельные забастовки возникали и весной. Так 5 – 7 апреля прекращали работу железнодорожные мастерские.

16 июня пошли слухи о том, что 20 июня начнется всеобщая забастовка, поводом к которой послужило восстание на броненосце "Потемкин Таврический". И действительно, 20 июня около 9 часов утра началась забастовка на Брянском заводе, затем были прекращены работы на соседних заводах, Трубном и Сталелитейном. Остановились работы также в паровозных мастерских. Митинговали в разных местах. Около семи часов вечера началась гроза, дождь, и рабочие разошлись.

21-го утром около 300 человек собрались на Брянской площади и направились было через вокзал в город, но были встречены полицией и казаками и разогнаны. Они вновь собрались на 1-й Чечелевской (пр. Калинина), где завязалась стычка с казаками. Было ранено четверо рабочих, троих унесли демонстранты, а четвертый Шлема Барай ночью умер в больнице.

В 12 часов дня на Успенской площади (пл. Демьяна Бедного), собралось около 200 человек, по сообщению охранки, это была, в основном, еврейская молодежь. Здесь пели песни и "произносились противоправительственные возгласы". Такие же митинги прошли на углу улиц Полицейской (Шевченко) и Александровской (Артема) и на углу Троицкой (Красная) и Проспекта [41]. Отметим, что в то время ул. Красная выходила к Проспекту, ныне она отсечена застройкой на пл. Ленина.

Забастовка продолжалась и 22 июня. На Брянской площади (Дворец культуры им. Ильича) произошли столкновения. Ранен и позже скончался Эрнест Шмейль.

24 июня Екатеринославский вице-губернатор сообщал в Министерство внутренних дел о "появившихся в городе слухах о намерении толпы произвести 24 июня еврейский погром. Поводом к возобновлению 24 июня бесчинств демонстрантов могут послужить и ожидаемые похороны Эрнеста Шмейля.

Все это заставляет меня предполагать ожидаемый день 24 июня тревожным и потому воинские наряды нигде не ослаблены и приняты меры к предупреждению проявления демонстрантами активных действий..." [42].

27 июня ротмистр Шульц отправил в столицу телеграмму:

"...Вчера в драке русские рабочие в нетрезвом виде убили одного еврея. Сегодня при задержании одного из покушавшихся на жизнь околоточного надзирателя Костюченко ранен револьверным выстрелом городской Фирсов, преступник задержан" [43].

В следующем месяце события развивались более зловещим образом.

Основные события начались вечером. В Петербург, в Министерство внутренних дел была отправлена телеграмма: "20 июля среду в восемь часов вечера в различных пунктах Екатеринослава начались столкновения между русскими и евреями. Есть раненые с обеих сторон. Причина – нанесение евреем раны рабочему во время спора. Настроение крайне тревожное. Полиция и войска рассеяли сборища. С 12 часов ночи тихо. Город охраняется полицией и войсками. Рано утром наряд усилен.

И. д. губернатора Лопухин" [44].

Подробности нанесения раны даны в рапорте полицмейстера. Около семи часов вечера крестьянин Никифор Зайка с товарищем, будучи в нетрезвом состоянии и находясь на углу улиц Харьковской и Упорной (Глинки), стали придирааться к нескольким евреям. Н. Зайка вынул нож, грозя: "Я вам покажу, жидовские морды, как идти против самодержавия!" Евреи отобрали нож, но при этом нанесли ему несколько ран. Н. Зайку отправили в Губернскую земскую больницу (больница им. И. Мечникова). Товарищ же его, в избитом виде встретив группу жителей, рассказал о случившемся. Далее полицмейстер доносил: "Которые сию же минуту подняли шум "Бей жидов!" и разбрелись по улице, не трогая никого. Когда же со двора Тавровского и прилегающих к нему дворов были даны в них залпы, то они набрали в руки камней, бросали в окна квартир и магазинов и на углу Железной (Миронова) и Проспекта разгромили галантерейную лавочку Залмана Островского". Далее разогнанная конными городскими толпа перебежала на Троицкий базар, где также произошло столкновение [45].

В первом часу ночи на углу Троицкой (Красная) и Старогородней (Светлова) был опрокинут квасный рундук и выбиты стекла в лавке. В этом же донесении сообщалось о гибели Петра Гольдберга – учащегося художественной школы.

В погроме участвовали "малосознательные рабочие городских предприятий, но не заводских предместий города, алкоголики, бродяги и случайные чернорабочие с барж и железной дороги. Экономический спад увеличил число этих людей" [46].

В очередном рапорте перечислялись раненые 20 июля. В губернскую земскую больницу с ушибами и кровоподтеками были доставлены: Петр Богословский – губернский секретарь, Лев Мовшевич, Меер Плошт, Моисей Рабинович с резаной раной, а также Давид Хиружа с огнестрельным поражением живота и ушибом головы. В городскую Александровскую больницу с легким ранением головы поступил Иван Старков. Еврейская больница приняла Юделя Айзенберга с раной покровов черепа и Лейба Костюковского с ушибом черепа [47].

Восемьсот человек собралось 28 июля на похороны Гольдберга, превратившиеся в политическую демонстрацию выступлениями сторонников Поалей Цион и Бунда. Было опубликовано обращение "Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России" (Бунда) ко всем екатеринославским рабочим и работницам: "Начавшиеся у нас 20 июля антиеврейские беспорядки, несмотря на содействие полиции, быстро прекратились, благодаря отпору, оказанному самообороной... Идея самообороны получила самое широкое распространение..." Далее в обращении отмечалось, что "причина погромов чисто политическая... Правительство устраивает погромы повсюду, где для этого имеются подходящие условия" [48].

Известно, что одна из групп самообороны, созданная партией Поалей Цион, была объединена с отрядом заводских рабочих, насчитывающим около 50 человек и возглавляемом социал-демократами [49].

6 августа 1905 года объявили царский манифест, посвященный выборам в Консультативное собрание, названное Булыгинской думой. Проект был разработан министром внутренних дел А. Г. Булыгиным и лишил избирательных прав евреев, рабочих, женщин, военнослужащих и учащихся. Протестуя против такого решения, четыре еврейских представителя в Екатеринославской городской думе, назначенные ранее губернским управлением по земским и городским делам (Яков Гдалиевич Березовский, Моисей Юдович Карпас, Соломон Абрамович Кац и Сергей Файтелевич Палей), в сентябре 1905 года заявили о своем выходе из состава думы.

На своем заседании 19 сентября Городская дума выразила сожаление по поводу выхода из Думы еврейских представителей. В октябре Министерство внутренних дел требовало, чтобы дума назначила христианских представителей на освободившиеся места. Однако Дума решила обжаловать это распоряжение и просила ушедших депутатов вернуться в Думу. Было также высказано предложение провести новые выборы в Городскую думу на основе закона выборов в Государственную думу, представляющего избирательные права имущим евреям [50]. К этому времени августовский указ отменили, а манифест 17 октября предоставил евреям избирательное право.

Напряженность в городе вновь начала назревать ранней осенью. 27 сентября в здании Высшего горного училища состоялась сходка студентов, на которой присутствовало свыше двух тысяч горожан, преимущественно молодежи. Сходка продолжалась и на следующий день, когда к семи часам вечера к училищу собралось около трех тысяч человек. После прибытия туда наряда полиции народ начал расходиться. По постановлению училищного совета занятия были прекращены [51].

9 октября охранка получила сведения о намерении молодежи устроить общую забастовку всех учащихся в средних и низших учебных заведениях. 10 октября воспитанники музыкальной школы и коммерческого училища начали обходить учебные заведения, в некоторые из них врвались силой, и требовали примкнуть к общей забастовке. Учащаяся молодежь собралась на Екатерининском проспекте и направилась к коммерческому училищу (пр. Кирова), где состоялся митинг. На углу Проспекта и Кудашевской (Баррикадной) улицы началось строительство баррикады и там же проходил митинг.

Начались забастовки на многих заводах и предприятиях. Прекратилось движение на Екатерининской железной дороге, подвижной состав был захвачен забастовщиками. Уже к 5-ти часам дня все заводы города прекратили работу, несколько тысяч человек собрались на вокзале, где прошел огромный митинг [52].

Рабочие поселка Амур-Нижнеднепровск пустили пустой поезд полным ходом на Днепровский мост, на котором заблаговременно были сняты рельсы: паровоз опрокинулся, испортив часть моста, и преградил путь.

В этот день, 10 октября, начальник Екатеринославского гарнизона издал приказ о приведении войск в боевую готовность [53]:

"Для предупреждения и прекращения могущих быть в Екатеринославе беспорядков и волнений устанавливаю ежедневный наряд в 133-м пехотном Симферопольском полку, в 134-м пехотном Феодосийском полку и в 278-м пехотном Бердянском полку по одной дежурной роте, которые и должны находиться в своих казармах в полной готовности...

В отношении охраны город Екатеринослав делится на пять участков:

I участок – район Брянского, трубопрокатного и гвоздильного заводов...

II участок. Границы: Екатерининская железная дорога, Проспект, Гимнастическая (Шмидта) улица...

III участок. Граница: Широкая (Горького) улица, Проспект, Вороновская (Павлова) улица и Днепр...

IV участок. Граница между улицами Широкой (Горького), Гимнастической (Шмидта), Садовой (Серова) и Херсонской...

V участок. Граница: остальная часть города от Херсонской и Садовой (Серова) улиц до казарм Симферопольского полка..."

Далее в приказе говорилось, что начальники участков должны:

"Обратить внимание на важнейшие пункты, находящиеся в их участках, как то: казначейство, отделения государственного,

дворянского, международного и Волжско-Камского банков, казенный винный склад и винные лавки, почтово-телеграфную контору, частные магазины с оружием и огнестрельными припасами и т. п.

Войскам выступать из казарм на сборные пункты в караульной амуниции, имея на каждого нижнего чина по две пачки боевых патронов..." Для отделения Госбанка был назначен караул в составе 24 человек.

В центре города, когда баррикада на Кудашевской была уже построена, на улицу вышла находившаяся во дворе городской управы рота Симферопольского полка. Несколькими залпами защитники баррикады были расстреляны. Несколько человек были убиты и многие ранены.

Приведем отрывок из воспоминаний участника этих событий Семена Шака:

"...На углу Кудашевской (Баррикадной) ул. и Проспекта образовалась огромная толпа в несколько тысяч человек. В разных местах выступали ораторы, призывавшие к сплоченности, к восстанию. Митинг продолжался около 1/2 часа. "На баррикады!" – раздался клич, и все начали сносить и складывать поперек улицы против парадного хода дома Розенберга камни из мостовой, из близлежащих дворов ломанную мебель, появились топоры, пилы, свалили телефонный столб, набросили железную ограду и т. д.

Долго строить баррикаду не пришлось. Совершенно неожиданно со двора городской управы быстрыми шагами вышла часть Симферопольского полка и, выстроившись вдоль трамвайного пути против Кудашевской улицы, без предупреждения дала 2 залпа, толпа шархнулась в разные стороны, оставляя убитых и раненых. Минутное замешательство, и мы стали подбирать своих раненых и убитых, переноса их в ближайшие квартиры. Минут через 5 снова стали собираться на углу, полные упорства, с злыми лицами, с презрением к убийцам, мы не желали просто уйти. "Будь что будет!" Люба Бершадская в каком-то исступлении с поднятыми руками, стояла близко около солдат и кричала им: "Варвары, варвары! Стреляйте!" Но серые шинели, одуроченные своими командирами, как видно, были готовы выполнить приказ царских опричников. Последовало еще три залпа – снова падали люди. Снова убитые и раненые. Люба Бершадская была ранена в живот, я в локтевой сустав правой руки. Ранение мое было тяжелое – рука, почти оторванная, держалась на тонких полосках мышц, кость локтевого сустава была совершенно раздроблена. Не потеряв сознания, я успел добежать до угла Еврейской (Шолом-Алейхема) и Кудашевской ул., где в одной квартире мне была оказана первая помощь. Лечение руки по характеру ранения было крайне трудно, 3

месяца в больнице и затем 5 лет перевязок ушло на заживление раны" [54].

Вооруженное столкновение произошло на станции Екатеринослав, где ранили одного рабочего. Около 30 человек пострадало во время стычки на Военной (пр. Пушкина) улице. В этот же день, 11 октября, войска рассеивали рабочих на Брянской площади (Дворец культуры им. Ильича) и Чечелевских улицах. С Военной улицы в еврейскую больницу доставили 11 убитых и 10 раненых, в Городскую больницу отвезены пятеро убитых на Кудашевской. В больницу Брянского общества также доставлены жертвы столкновений вблизи Брянского завода. Всего по данным полиции 11 октября убито 33 и ранено 36 человек [55].

12 октября в городе было расклеено обращение губернатора:

"Ввиду происходящих в Екатеринославе событий, вызвавших необходимость действия войск оружием, приглашаю жителей города без крайней необходимости не отлучаться из дома и не выпускать детей на улицу" [56].

13 октября опубликовали "Воззвание к населению г. Екатеринослава":

"Гласные Екатеринославской городской Думы – свидетели последних тревожных событий, приостановивших течение мирной жизни, считают своим нравственным долгом обратиться к городскому населению с призывом возвратиться к своим мирным занятиям и положить оружие, причем гласные, опираясь на согласие г. Начальника губернии, свидетельствуют, что полное умиротворение населения повлечет за собой немедленное удаление войск с улицы. Мирное обсуждение гражданами своих нужд, доколе они не перейдут в нарушение неприкосновенности личности, имущества и жилища, не встретит со стороны властей противодействия" [57].

Газета "Новая жизнь" о событиях в городе писала:

"13 октября состоялись похороны убитых на проспекте и на Военной (пр. Пушкина) улице. Накануне депутация потребовала у губернатора, чтобы во время похорон не было ни одного казака, ни одного солдата и чтобы процессия была общей для русских и евреев. Губернатор после долгих пререканий согласился, взявши поручительство. Тем не менее, 13 октября в назначенный час и кладбище, и больница, где лежали убитые, были оцеплены войсками. Власти предложили избрать в процессию не больше ста человек, но возмущенная публика требовала полной свободы. Прошло часа три в переговорах, и последовало согласие. Хоронили всех убитых в красных гробах в братских могилах. Была масса венков с красными лентами и революционными надписями, были флаги. В процессии было до 40 тысяч человек, порядок был образцовый. Говорились на

кладбище речи. После похорон на русском кладбище общая процессия двинулась к еврейскому кладбищу, где также произносились речи. Брянцы в это же время хоронили своих убитых. 4 последующих дня также были торжественные похороны умиравших от ран. В одной процессии порядок был нарушен выстрелом и криком "Казачи!". Стрелявшего схватили и избили (он на другой день умер). Он оказался переодетым помощником пристава (Горбенко)" [58].

17 октября опубликован манифест Николая II "Об усовершенствовании государственного порядка", подготовленный С. Ю. Витте. Манифест обещал "даровать населению незабываемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободу совести, слова, собраний и союзов".

Многочисленные митинги продолжались 18 и 19 октября. 20-го с утра забастовку объявили городские. Полиции на улицах не было видно. Вечером отделение казначейства было обстреляно со стороны Полицейской (Шевченко) и Казачьей (Комсомольская) улиц. Охранка доносила в центр, что озлобление на войсковые части, казаков и полицию дошло до крайних пределов. Офицеры войсковых частей по вечерам ходят в сопровождении солдат. С наступлением сумерек жизнь в городе замирает, население охвачено паникой. Завершается рапорт охранки словами: "В городе царит полное безначалие" [59].

В такой обстановке на поверхность вышли темные силы общества, поддержанные полицией и властью. В противовес демонстрациям левых сил властью были организованы патриотические шествия с национальными флагами и портретами царя. События развивались по одному сценарию. Переодетые полицейские часто стреляли из еврейских домов, чтобы спровоцировать нападение на эти дома. Войска, присутствовавшие на улицах во время погромов, как правило, не мешали погромщикам. Они обстреливали только дома, откуда вела огонь еврейская самооборона, а затем зачастую и сами участвовали в разгроме этих домов.

После свержения в России самодержавия, Временное правительство создало Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию преступлений царского режима. В выводах этой комиссии, на основании документов и многочисленных свидетельских показаний, констатируется: еврейские погромы в России устраивались различными черносотенными организациями, нередко – полицией, иногда – при содействии и даже по инициативе правительства.

Дальнейшие события показали, что власти ничего не сделали, чтобы предотвратить бедствие. 21 октября ротмистр Шульц доносил в Петербург директору департамента полиции [60]: "Забастовали частью городские и околоточные надзиратели,

курьеры правительственных учреждений и часть пожарных... Местами начинается еврейский погром, вызвавший панику евреев, но громилы скоро успокоились..." В тот же день, 21 октября ротмистр Шульц отправил в Петербург телеграмму, где сообщил о столкновениях с участием войск и заключил свою телеграмму словами: "Настроение обоюдно весьма враждебное. Вчера ночью стреляли в трех моих филеров" [61].

Хроника погрома отражена в рапортах полицмейстера города и донесении охранного отделения [62].

21 октября на молебен "по случаю воспоследования Манифеста 17 октября" к Преображенскому собору собралось много народа с национальными флагами и портретами царя. Там же проходил парад. Около двух часов дня процессия в сопровождении военных музыкантов, роты пехоты и взвода казаков пошла вниз по Проспекту. Остановились напротив Духовной семинарии (физический факультет Госуниверситета), спели "Боже царя храни". Это же повторилось у Городской управы (пр. Карла Маркса, № 57) и дома губернатора (отделение Приватбанка на углу Проспекта и ул. Ленина). Выслушали призыв губернатора не нарушать порядок и решили идти к Брянскому заводу, но туда их не пустили. На Провиантской (Пастера) свернули к Покровской церкви (ранее стоявшей на Покровской площади, потом Провиантской, ныне это площадь Н. Островского). В донесении полицмейстера отмечается, что из дома Ароновского на Провиантской улице были сделаны выстрелы, но толпа, бросившаяся туда, стрелявших не обнаружила. Начали громить дома на этой улице. Из-за угла Петербургской (Ленинградской) улицы якобы опять прозвучали выстрелы. Были разгромлены все еврейские лавки на Провиантской улице и несколько магазинов на Проспекте до улицы Широкой (Горького). Дальше погромщики пропущены не были, и они направились на Озерный базар, где продолжили разгром еврейских лавок и рундуков [рундуки – торговые точки с навесом и ящиком для товара]. В рапорте охранки отмечалось, что "солдаты и особенно казаки неохотно выполняли приказания офицеров по водворению порядка".

В этот день столкновения происходят около домов Иваниды, Иоффе, а также у дома Фридлянда на улице Крестовой (Фрунзе). В семь часов вечера произошел конфликт около Успенской церкви (ныне здание горбольницы № 10 на площади Демьяна Бедного). Жертв там не было.

22 октября манифестанты прошли от Троицкой церкви к Успенской с портретами царя, флагами и пением "Боже царя храни" и "Спаси Господи люди твои". На площади у Успенской церкви был отслужен молебен. Затем в сопровождении полусотни казаков толпа пошла по Еврейской (Шолом-Алейхема) улице мимо Хоральной синагоги (синагога "Золотая Роза"), и здесь вновь якобы из синагоги стали стрелять. В ответ казаки,

спешившись, дали залп в синагогу. Синагога была разгромлена. Толпа пошла к Проспекту по Кудашевской (Баррикадной) улице, и здесь из домов Тарнопольского, Дмитриева и Розенберга стреляли из револьверов и бросали бомбы. Было убито 2 человека. В этот день, сообщает охранка, "погром начался с новой силой: Озерный и Троицкий базары совершенно разбиты, разбито много магазинов по Проспекту и все содержащееся в них выкинуто на улицу. Размер погрома настолько велик, что описать его в известной последовательности невозможно.

Многие из громил на глазах стоящих тут же солдат грабили разбиваемые магазины, вытаскивая разное имущество, но когда с награбленными вещами пробирались домой, то подвергались нападению еврейской самообороны и членов противоправительственных организаций, кои отнимали награбленное имущество и избивали громил; причем было много случаев нападения на непричастных к погрому лиц...

Полиция, ввиду забастовки городских и околоточных, почти отсутствовала" [63].

22 октября ротмистр Шульц отправил в Департамент полиции в Петербург телеграмму:

"Погром еврейских магазинов продолжается. Громят местные кучера, дворники, босяки; меры прекращения почему-то почти не принимаются. При продолжении погром принесет тяжелые последствия".

В воскресенье, 23 октября, около 2000 человек собралось возле вокзала и хотели пройти по Проспекту, но дорогу им перекрыли войска. Толпа с пением гимнов и криками "Ура!", неся флаги и портреты царя, пошла выше Озерного базара и разбилась на три группы. Первая группа пошла по улице Короткой (Чичерина), где разгромила и сожгла дома Немировского и Рубинштейна. Сгорел также мыловаренный завод Немировского. Вторая группа, обойдя с юга Озерный базар, на Казачьей (Комсомольской) улице разбила дома Шейна и Храбровицкого. Третья, пройдя Гимнастическую (Шмидта), вышла на Ульяновскую улицу, где был ограблен и сожжен дом Минухина. Спалили также два дома Зоркина, при этом сгорел прилегающий к этим домам его паточный завод.

На Петербургской улице разгромили все еврейские лавки до Мостовой улицы и подожгли лавку в домах Стравца. Сгорел дом и лавка Когана. Потом толпа пыталась поджечь дом Лещавера, но войскам удалось предупредить этот поджог.

В четыре часа дня толпа вторично ворвалась в лавки, помещающиеся в доме Солодухи и Иоффе на Провиантской улице, разлила там керосин и подожгла его. Полицейстер сообщает, что "в полку были даны войсками выстрелы, причем 2 убито и 6 ранено русских. Приехавший пожарный обоз был

встречен из горевших домов револьверным залпом, после чего обоз занялся спасением соседних построек. Дома Солодухи и Иоффе уничтожены пожаром. Из дома Иоффе огонь перешел на соседний дом бывший Лифшица, который также уничтожен пожаром".

"На соборной площади собралась толпа более 3000 человек отслужить молебен, по случаю воследования Манифеста; в это время проезжали на извозчике-еврее 2 еврейки и 1 еврей. Толпа, увидев их, побежала за ними со свистом и криком, тогда еврей выстрелил в толпу из револьвера, толпа тут же убила всех четырех евреев. Озлобленная толпа направилась в город по Проспекту но была не допущена и, поворотив на Кирпичную (Олеся Гончара) улицу, прошла по Полицейской (Шевченко) на Заводскую (Исполкомовскую) улицу и Жандармскую (Красноповстанческую) балку". Далее в донесении отмечалось, что в целом на указанных улицах, Жандармской балке и в Троицкой слободе было разгромлено 40 домов [64].

В донесении охранного отделения отмечалось, что "войска держались как бы покровительственно по отношению к громилам" [65]. Рабочих Брянского завода войска и казаки, открыв огонь, не пропустили в город.

24 и 25 октября в городе стало стихать. В еврейскую больницу на Философской улице было доставлено 61 раненых и 3 убитых [66]. У раненых были черепные поражения, переломы рук и ног, огнестрельные раны.

На железной дороге порядок восстановили 24 октября.

25 октября было опубликовано объявление губернатора Нейдгарта, в котором он требовал от самообороны сложить оружие и прекратить стрельбу на улицах"[67].

23 октября произошел погром в пригородном селе Сурском, на следующий день там был убит служащий почты Коган.

24 октября погром в селах Волосском, Августиновке и Широком.

26 октября в Сухачевке крестьяне разгромили лавку Заславского. Приведем свидетельства некоторых очевидцев октябрьских событий.

Из воспоминаний члена Екатеринославского комитета рабочих, активного участника декабрьского восстания, одного из членов Боевого стачечного комитета А. А. Фабричного (Лифшица) [67]:

"...Екатерининская дорога бастовала. С трудом выбрался из Киева парохомом в Екатеринослав. В Кременчуге мы попали в предпогромную пору.

Настроение было тревожное. Пассажиры, а на пароходе было много евреев, в один голос уверяли, что в Екатеринославе

погрома не может быть – "Брянские рабочие не допустят!" Пристав к берегу, начали спокойно расходиться. Пошел с двумя евреями, вдруг при подъеме на гору показалась группа людей хулиганского вида. Один из моих спутников вскрикнул и бросился в сторону. За ним побежало несколько хулиганов. Он упал, и они с криком бросились на него...

Квартала за два до Проспекта меня остановил патруль еврейской рабочей самообороны. Я пошел с ним в одну из штаб-квартир. Там узнал новости.

В городе погром с участием полиции. Войска охраняют погромщиков...

По Проспекту на перекрестках расставлены солдаты-часовые, которые останавливали всех вопросом: "Жид?". Узнав еврея, они наносили ему побои. Если находили оружие, тут же прикалывали его. Я направился в дом Минухина. Оба его этажа буквально набиты евреями из соседних домов, они сбегали туда с женами, детьми и с большими узлами домашнего скарба. От них я узнал, что Минухин и квартиранты, т. е. наши товарищи, перешли на другую квартиру в центре города. Не успел я прийти туда, как нам сообщили, что дом Минухина горит... [В другой статье А. А. Фабричный писал: «... еще в 1904 году в доме Минухина на Ульяновской была явка РСДРП, учительницей у детей Минухина была Наташа (С. Гопнер). Членами комитета партии тогда работали Анна Большая (С.М. Розенбаум), Таня (Е.С. Лившиц), профессор В.М. Маковский, Евгений (Я. Бранденбургский)]. Я не раз удивлялся, как это полиция и шпики, которые иногда появлялись у дома, не разгромят этого революционного гнезда, впрочем, в 1905 г., во время погрома, полиция вознаградила себя за упущения. Черная сотня сожгла ненавистный дом... Я бросился на улицу, схватил... извозчика и... погнал его к Ульяновской. Между Ульяновской и Скаковой (Свердлова), на Херсонской, на тротуаре я увидел Федю... Я повез его в лечебницу доктора Эрлиха, где, как передавали, был наш перевязочный пункт.

В лечебнице оказалось уже несколько раненых товарищей. В мертвецкой лежали убитые самооборонцы...

...Я поспешил обратно на пожарище. Мне нужна была повязка "Красного Креста". Никто не мог мне дать ее... Я сорвал повязку с висевшего на вешалке пальто, за что потом имел резкое объяснение с собственником – доктором Эрлихом. ...Я снова помчался на Ульяновскую. Дом догорал. Около него суетилась толпа людей, что-то растаскивая. На улице с ружьями к ноге – взвод солдат. Пожарные спокойно стояли поодаль. Меня с крестом на рукаве пропустили беспрепятственно. Я прошел в глубину двора во флигель, где сидела молодая женщина с раненым младенцем... Усадив мать с ребенком в пролетку, я бросился к толпе громил и стал осыпать их бранью. Толпа молчала" [68].

Из воспоминаний И. К Шевченко:

"21 октября от собора началось шествие через весь город до Покровской церкви... Когда же патриотическая манифестация проходила по проспекту, среди еврейского населения началась паника: запирали двери. Манифестанты, дойдя до Покровской церкви и помолившись, двинули обратно в город и с криками "Бей жидов!" начали ломать двери и окна магазинов. Так начался погром 21 октября. 22-го рано утром боевая дружина, как тогда называлась "самоохрана", расставила свои заставы вокруг центра города, где все еще под охраной казаков продолжался погром. Наша цепь занимала позицию от железнодорожного моста и до монастырского леса. Озерный базар переходил из рук в руки и все-таки был разгромлен. Дальше базара громилы, даже под охраной казаков, не осмеливались подойти. Были попытки на Трамвайной (Боброва) улице громить, но наша дружина окружила погромщиков и открыла огонь из револьверов. Погромщики удрали а за ними ускакали казаки и рабочая часть города осталась "неоскверненной".

Вторая цепь в "активных действиях" не принимала участия. Ее функции ограничивались отбиранием награбленных вещей..." [69].

Сколько же было жертв? Данные разноречивые. Приведем рапорт полицмейстера губернатору, поданный 25 октября [70]: "Доношу Вашему Превосходительству, что во время происходивших в последние дни беспорядков в городе Екатеринославе разбито и разграблено 122 лавки, 64 магазина, 135 рундуков, 40 квартир и сожжено 5 домов. Убито евреев холодным оружием: 34 мужчин, 9 женщин, 1 девочка; огнестрельным оружием – 20 мужчин. Русских: 6 мужчин и 1 женщина огнестрельным оружием. Турок: 1 мужчина огнестрельным оружием. Ранено холодным оружием и огнестрельным оружием 48 человек евреев и 46 русских". Из этого рапорта следует, что всего евреев погибло 64 человека, русских – 7 (очевидно, к категории "Русские" также относятся как собственно русские, так и украинцы).

Краткая еврейская энциклопедия отмечает, что во время октябрьских погромов погибло 67 евреев [71] и было убито 47 погромщиков [72]. Российская еврейская энциклопедия приводит другие данные: погибло 126 евреев, а при сопротивлении, оказанном самообороной, было убито 63 погромщика [73].

В. Дальман отмечал: "По официальным данным погибло 126 евреев и 47 погромщиков, по сведениям, полученным нами на кладбище, русских было не 47, а 65" [74].

Октябрьские погромы затронули 49 губерний страны, более 660 населенных мест. Погибло свыше 1600 человек и ранено около 3500.

Отметим, что на защиту евреев выступали местные жители, прятавшие в своих домах соседей и друзей. В своей неопубликованной рукописи живущий ныне в Израиле Александр Богдановский приводит рассказ своего отца о том, что "в самый разгар погрома, когда толпы погромщиков с портретами царя, с хоругвями и иконами громили еврейские синагоги, дома и магазины, наша семья пряталась в квартире священника Разумова, который с иконой в руках стоял на крыльце дома". Здесь речь идет о Василии Георгиевиче Разумове – протоиерее Свято-Троицкой церкви, проживавшем на улице Красной, 11 [75].

В защиту евреев выступал и известный в городе врач Александр Львович Караваев [76]. Родом А. Л. Караваев из семьи казенных крестьян, приписанных к Турьинским рудникам Пермской губернии. Отец его умер, когда Александру было пять лет. Учился в Екатеринбурге, где с пятого класса сам себя содержал, давая уроки, а с восьмого – стал кормильцем семьи.

В 1873 году А. Л. Караваев поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, которую окончил с отличием в 1879 году. Трудиться начал в Пермской губернии земским врачом. Позже переехал в Петербург, где также был земским врачом в Шлиссельбургском участке. Участвовал в борьбе с холерой, создал на своем участке акушерскую службу.

А. Л. Караваев состоял во всевозможных обществах, кружках и попечительствах. Его популярность в рабочей среде вызывала недовольство властей. В 1896 году он был выслан и два года работал в частной больнице в Минской губернии. В 1899 году приехал в Екатеринослав, где принял активное участие в Комиссии народных чтений. В 1900 году выступил с инициативой создания в городе Народного дома. В 1901 году в Екатеринославе было создано Научное общество, где он был членом правления и распорядителем по общеобразовательным лекциям. Созданная при его участии библиотека была сожжена во время погрома 1905 года. А. Л. Караваев, пытаясь прекратить погром, организовал делегацию в Городскую думу. Как врач Александр Львович помогал раненым во время погрома. Его активная общественная деятельность раздражала представителей власти, ему начали угрожать, и он был вынужден покинуть Екатеринослав. С ноября 1905 года он опять в Петербурге. Участвовал в работе второго съезда Всероссийского крестьянского союза. Не будучи депутатом 1-й Государственной думы, он был неофициальным членом фракции трудовиков, объединяющей крестьянских представителей.

В начале декабря 1906 года А. Л. Караваев возвращается в Екатеринослав и включается в избирательную кампанию по выборам во 2-ю Государственную думу. На выборах 7 февраля 1907 года он получил 47 голосов из 78 присутствующих выборщиков. В городе восторженно встретили его победу. На вокзале перед отъездом А. Л. Караваева в Петербург была

устроена манифестация. Учитывая слухи о готовящемся на него покушении, рабочие города организовали охрану. Слухи эти были небеспочвенные. Во время предвыборной кампании Екатеринослав посетил председатель главного Совета антисемитского Союза русского народа А. И. Дубровин в сопровождении агента охраны Л. И. Казакова. Они провели совещание, на котором обсуждалось убийство А. Л. Караваева. В совещании участвовали: советник губернского правления Я. Г. Гололобов, помощник наставника 1-го реального училища Д. М. Оливей, работник городского ломбарда П. В. Шелестов, преподаватель духовного училища В. А. Образцов. А. И. Дубровин настаивал на том, что членом Думы от Екатеринослава не должен стать еврей или "еврействующий" русский А. Л. Караваев. В последующих совещаниях участвовали чертежник Брянского завода М. И. Шальдо, безработный С. Д. Щеканенко, заведующий организацией политического розыска в Екатеринославском охранном отделении Е. Л. Шкляров и другие. Было решено убить А. Л. Караваева по дороге в Петербург, между Екатеринославом и Синельниково. Покушение сорвалось из-за опоздания Шклярова на поезд.

В Думе А. Л. Караваев был председателем фракции трудовиков. Часто выступал, участвовал в работе различных комиссий. Так в комиссии о свободе совести высказывался за отмену законодательных ограничений для евреев, поляков и армян. Напечатал в екатеринославской газете "Новая заря" серию статей – "Письма депутата". Многие его выступления были в защиту своих избирателей – он добился отмены смертных приговоров для одиннадцати человек, ходатайствовал о невыселении евреев из Новомосковского и Верхнеднепровского уездов, заступался за уволенных учителей, добивался выплат наградных железнодорожным служащим.

Вернулся Александр Львович в Екатеринослав тяжело больным. После лечения и отдыха в деревне он изъявил желание работать в лечебнице на Чечелевке, и так как власти это не разрешили, занялся частной практикой. Одновременно он включился в работу Екатеринославского научного общества, добился того, что Общество стало уделять особое внимание распространению знаний среди народа. С конца октября 1907 года Караваев читал лекции, вел работу по созданию Народного дома.

Члены Союза русского народа не оставили намерения убить Александра Львовича. Вечером 4 марта 1908 года Шальдо и Щеканенко под видом пациентов пришли к нему домой. В кабинете врача была больная – акушерка Рахиль Ботвинник. Не дожидаясь ее выхода, Шальдо выстрелил в Караваева и в пациентку. Но пуля прошла мимо нее. На улице убийц страховал Шкляров. Скончался Александр Львович 5 марта в 22 часа 30 минут. Хоронили врача при огромном стечении народа.

Следствие виновных не обнаружило, и 19 марта 1910 года Екатеринославский окружной суд дело прекратил.

Екатеринославское научное общество в 1908 году издало книгу с материалами по биографии А. Л. Караваева. Это вызвало появление в газете "Старая Москва" грубой заметки, где задавался вопрос, "за какие заслуги перед русской наукой собираются увековечить таким образом врача, ровно ничего для науки не сделавшего?" Последовал запрос властей в Екатеринослав. В своем ответе председатель Научного общества профессор Горного института В. Курилов писал, что "лекциям общества 5 апреля 1908 года присвоено название Народного университета им. А. Л. Караваева. В чествовании памяти А. Л. Караваева видят выражение протеста против убийств и насилия вообще, в частности против убийств депутатов Государственной думы М. Я. Герценштейна, Г. Б. Иоллоса и А. Л. Караваева".

Прошли годы. В 1926 году в Екатеринославе состоялась выездная сессия Верховного уголовного суда Украины. Перед судом предстали П. В. Шелестов, М. И. Шальдо и С. Д. Щеканенко. Шелестов был приговорен к 10 годам заключения, остальные – к расстрелу.

В память об Александре Львовиче Караваеве одна из улиц Днепропетровска носит его имя.

В 1935 году 5 ноября днепропетровская газета "Звезда" к 30-летию событий 1905 года опубликовала статью "Погром" (5 ноября по новому стилю соответствует 23 октября), где можно прочитать: " Героическое сопротивление погромщикам оказала рабочая дружина, называемая тогда "самоохраной". О подвигах дружинников передавали потом легенды. Десятки рабочих погибли с оружием в руках в неравной борьбе против казаков, солдат и черносотенцев".

Рабочей дружине удалось локализовать погром. В дни погрома в заводских районах по-прежнему царил образцовый порядок. Мелкие воры, пытавшиеся "поднять смуту на Чечелевке или в Кайдаках, беспощадно карались. Дальше Озерного базара громилы не решались идти даже под охраной казаков. Раз они попытались было пройти на Чечелевку, но их встретил дождь пуль, выпущенных цепью дружинников, и они позорно бежали. Центр города, в котором бушевали черносотенцы, был отрезан от заводских районов двойным кольцом дружинников..."

Екатеринославская Городская дума несколько чрезвычайных собраний посвятила октябрьским событиям.

24 октября такое собрание под председательством исполняющего обязанности городского головы И.Я. Эзау рассматривало "вопрос о тревожном положении города, по случаю волнений в нем и беспорядков" [77]. Зачитали заявление главного врача еврейской больницы Григория Сергеевича Пудера

о том, что больница приютила и кормит до 2000 человек, при этом обращалось внимание на то, что такое скопление народа недопустимо из-за распространения инфекции. Средства на продовольствие больница получает от еврейского общества. Также была высказана просьба о выделении помещений и охраны.

И.Я. Эзау предложил Думе выделить 1000 рублей на продовольствие. После обсуждения Дума постановила:

1) на продовольствие пострадавшим от погрома выделить 500 рублей;

2) предоставить приютившимся в больнице для временного проживания здания Зимнего театра и Народной аудитории, а также принять меры к их охране.

Заслушано гласного Н. Н. Мирошниченко о том, что 23 октября он совместно с П.Т. Окуловым был у "Преосвященного Симона по вопросу текущих событий с ходатайством, чтобы духовенство немедленно выступило с соответственным словом увещевания по случаю происходивших беспорядков. Преосвященный вполне согласился и обещал это сделать, но не немедленно, как это желали".

И действительно, уже после погрома, Симон – епископ Екатеринославский и Таганрогский – выпустил воззвание к христианам города: "Тяжелые дни пережили мы!.. Отвратитесь от незаконных дел... Живите мирно со всеми..." [78].

В этот день, Дума выслушала И. И. Корина о том, что вчера группа депутатов Думы обходила участки, где находились члены самообороны, и те обещали прекратить стрельбу, но со своей стороны высказали к Думе следующие требования: принять меры к прекращению кровопролития и беспорядков, а также рекомендовали Думе выступить с письменным обращением к народу. Просили Думу содействовать "удалению войск из города, так как они не только не защищают евреев от погрома и грабежа, а наоборот, способствуют этому".

После обмена мнениями все эти предложения не были приняты, более того, депутат А. П. Дружинин высказался за введение в городе военного положения.

Далее Х. И. Розенберг и казенный раввин Мендел Лейзерович Бруштейн рассказали о бедственном положении еврейского населения города и просили Думу приложить все усилия для прекращения бедствий.

В результате в этот день, 24 октября, Дума приняла постановление:

"1) Усилить дисциплину в войсках, которая не способствовала бы насилию над имуществом и жизнью евреев, а служила бы к прекращению их.

2) Воспрещать всякого рода манифестации, митинги и тому подобные публичные собрания впредь до совершенного успокоения населения.

3) Потребовать от самообороны немедленно разоружиться.

4) Оповестить население путем воззвания или объявления о мерах, принятых к умиротворению и успокоению населения.

5) Дать совет насколько в данное время является целесообразным ходатайствовать об объявлении города на военном положении". На следующий день, 25 октября, вновь состоялось чрезвычайное заседание Городской думы. Обсуждались вопросы оказания помощи пострадавшим, о предоставлении им помещений путем найма его у частных лиц, было также высказано мнение о выделении пострадавшим денег с тем, чтобы они могли сами устраиваться.

Основное внимания Дума уделила организации охраны города, особенно в ночное время.

Отмечалось, что "так как ночные сторожа не вооружены, но некоторые из них в последние тревожные дни и особенно на окраинах совершенно отсутствовали на своих постах, а потому необходимо теперь же озаботиться, чтобы они вновь заняли свои места. В настоящее время это особенно необходимо, потому, что громилы, грабившие евреев, теперь начнут грабить мирных жителей" [79].

На чрезвычайном заседании Думы 26 октября решили, что в ночное время будут увеличены военные патрули. Дума ознакомилась с началом работы Комитета по оказанию помощи евреям, пострадавшим во время октябрьских событий. Отметили "что на этом поприще работает и Еврейский частный Комитет. Чтобы объединить деятельность Комитетов, решено работать сообща с тем, чтобы члены еврейского Комитета вошли в состав комитета, избранного Думой, и все пожертвования направлялись и распределялись этим Комитетом. Комитет аккумулировал все средства, выделяемые Думой, частными лицами и общинным управлением. Известно, что М.Ю. Карпас пожертвовал 2000 рублей. Для пострадавших от октябрьских погромов было собрано около 300 тысяч рублей, в том числе 52 тысячи в Екатеринославе [80].

В 1907 году типография "Труд" напечатала "Отчет Комитета по оказанию помощи евреям, пострадавшим от погрома 21-23 октября в г. Екатеринославе". К сожалению, найти этот отчет не удалось.

Возглавлял комитет помощи жертвам погрома Б. Спивак. Барух Спивак (1866, Смела – 1932, Эрец-Исраэль) после переезда в Екатеринослав стал помощником А. Усышкина в Ховей Ционе. Уехал в Эрец-Исраэль в 1922 году, где был одним из основателей "Оэл Тэм"[81].

В 1906 году Екатеринославский комитет оказания помощи евреям, пострадавшим от погромов, обратился в Министерство внутренних дел России с ходатайством о "возможности отъезда за границу, для оставления России навсегда, тех малолетних детей из евреев, которые лишились, во время происходивших осенью минувшего года погромов, своих родителей и ныне будут усыновлены изъявившими на это согласие своими единоверцами, или будут помещены в различные воспитательные заведения".

Екатеринославским губернатором были выданы документы на выезд в Германию одиннадцати сиротам. Братья Рубин, Самуил и Израиль Гелсины отправлены в Мюнхен в Еврейское общественное управление. Бас Шева Липанович в Гейдельберг к владельцу типографией Давиду Шраусу. Его брат Иосиф Липанович у Юлиусу Кауфману в г.Ладенбург. В еврейское ремесленное училище в Страсбург был отправлен Ниссен Сафьяников. Купец Натан Вильмендорф в г. Фрейбурге принял Элиаса Турянского. Его братья Лейзер, Яков и Мозес также отправлены в этот город. Лейзер в семью пекаря Давида Блох, Яков и Мозес к седельному мастеру Самуилу Вейлу. В судьбе этих детей деятельное участие принимал Центральный Комитет еврейского колонизационного общества (ЕКО), а также барон Д.Г. Гинцбург [82].

Весьма бурным было заседание Городской думы, прошедшее 30 октября, когда думу посетила делегация "от служащих и рабочих казенных и частных предприятий в г. Екатеринославе". Газета "Вестник Юга" (1 ноября 1905 года), сообщая об этом заседании, привела слова из резолюции, прочитанной одним из делегатов: "...Испугавшись дальнейшего развития революции, правительство обратилось к самым темным силам общества и организовало по всей России контрреволюцию, носящую самый зверский характер. Оно собирает хулиганов, переодевает полицейских, окружает их дикой ордой казаков и совершает свои кровавые нашествия на революционеров и евреев...". Дума на одном из заседаний выслушала доклад Городской управы, посвященный прошениям 22-х арендаторов городских деревянных лавок и 20-ти арендаторов рундуков на Озерном базаре, в которых они писали о разгроме 21 – 23 октября, в результате которого "стали нищими", и о невозможности расплатиться с оптовыми купцами. Арендаторы просили освободить их от платы за аренду на 1906 год, "так как иначе купцы не отпустят нам в кредит товары, да и мы сами не можем взять на себя обязанности платить аренду и за товар...".

Городская управа отмечала в своем докладе, что если удовлетворить эту просьбу, то городская касса лишится дохода в 1906 году на 11642 р. 40 к. Отмечая, что некоторые городские торговые помещения на базарах, как-то: деревянные лавки, рундуки, лари и столы разрушены, а некоторые даже сожжены, арендаторы лишились своего товара, а также то, что арендная

плата уплачена до 1 января 1906 года, Городская управа просила Думу удовлетворить ходатайства тех арендаторов, которые, после всестороннего обследования, будут этого заслуживать.

Рассматривались подобные просьбы и в следующем 1906 году. Так торговцы Озерного базара Лейба Кевеш, Нахум Могилевский и другие подали на имя Городской думы такое прошение: "Мы, арендаторы городских лавок, всегда были аккуратными плательщиками. Дальневосточная война, вызвав всеобщий кризис и застой в делах, вынудили нас не внести 1 июля прошлого года причитавшейся с нас части арендной платы за лавки. О нашей нужде знала и Городская Управа, согласившаяся, чтобы мы внесли свои недоимки осенью. И мы вполне рассчитались бы с Управой, если бы не посланное нам испытание в виде погрома 21–23 октября. Быв разгромленными, мы до сих пор не открывали своей торговли с 21 октября до 31 декабря...

Частные кредиторы не думают нас стеснять, зная, в каком бедственном положении мы очутились после погрома. Одна только Городская Управа требует с нас уплаты недоимки и не хочет сдавать в аренду лавки... Мы просим Городскую Думу войти в наше положение и отсчитать от недоимки 2 месяца, а остальную сумму рассрочить... Наступит успокоение, и мы с охотой будем выплачивать долги в пользу города" [84].

Управа выделила 6000 рублей на возмещение убытков арендаторов. Две тысячи человек получили помощь от города. В феврале 1906 года принято решение о снижении платы за лавки, пострадавшие от погрома, на 10% и внесении ее поквартально. [85]

Большое внимание Городская дума уделила делу С. Смушина – отставного рядового, просившего освободить его от недоимки аренды за участок городской земли, занятый его постройками. В своем заявлении он писал, что возвратясь с Дальнего Востока, где участвовал в Русско-японской войне, он застал свое имущество разгромленным во время октябрьского погрома, а жену убитой. Членом Управы Г.Д. Огурцовым были собраны сведения о положении просителя и установлено, что Самуил Смушин совместно с братом Янкелем арендовали в Жандармской балке участок, на котором находилось два домика размером 6х6 аршин [4,4х4,4 м. – А.Б.] каждый. Домики эти разрушены, окна и печи выломаны, а на одном почти разобрана крыша. После смерти жены Смушина, наступившей в результате тяжких побоев, четверо детей 13 лет, 11, 9 и 7 были приняты в дом брата Смушина.

Еврейский благотворительный Комитет, со времени смерти Сарры Смушиной до дня возвращения с войны Самуила выдавал на содержание детей ежемесячно по 5 рублей, а также обувь и одежду для них. По возвращении Смушина ему выдано

единовременное пособие в сумме 25 рублей. Поселился Смушин с детьми на улице Упорной (Глинки), занимается сапожным делом и крайне нуждается. В апреле 1906 года недоимка с него была снята [86].

На этом же апрельском заседании городской голова И.Я. Эзау сообщил, что "теперь под флагом погромов и убытков, от них выступают лица совершенно непричастные к этому и пользуются этим, а потому Думе необходимо быть осторожной в удовлетворении подобных ходатайств" [87].

Екатеринославский окружной суд с октября по декабрь 1905 года рассматривал дело о погроме. Было принято к рассмотрению много заявлений о возмещении убытков. Так 27 октября был составлен протокол о сгоревшем доме Льва Борисовича Минухина (ул. Ульяновская, № 4), отмечалось, что его убытки составили 60000 рублей [88].

В суде исследовалось заявление братьев Александра и Исаака Рагинских относительно разграбления трех принадлежавших им магазинов, находившихся на Проспекте и Троицком базаре. Братья понесли ущерб на сумму до 200000 рублей [89].

Рассматривалось дело германского подданного Карла Кауфмана, снимавшего квартиру в сгоревшем доме купца II гильдии Израила Немировского на улице Короткой (Чичерина). На этой же улице была разгромлена квартира Ицко Бруштейна [90].

В материалах суда найдено свыше сорока "Протоколов предъявления вещей, хранимых в городских амбарах № 31, 32 и 33, разграбленных во время еврейского погрома", а также много расписок хозяев опознанных вещей, среди них были шубы, белье, скатерти, самовары, бакалейные товары и многое другое.

8 декабря началась всеобщая забастовка на заводах и железной дороге. В течение почти трех недель власть в городе находилась в руках восставших рабочих. Ротмистр Шульц 12 декабря сообщил в Петербург, что в городе создан "Боевой стачечный комитет. Комитет заявляет себя руководителем всеобщей забастовки... Выпускаемые им бюллетени революционных событий продаются открыто. Благомыслящее население убеждено в успехе революции..." [91].

Одним из первых вопросов, стоящих перед боевым стачечным комитетом, был вопрос, связанный со сбором денег. С этой целью сформирована комиссия, в состав которой вошли: профессор Александр Терпигорев, инженер Брянского завода Иван Федоренко, доктор Герш Купянский, крестьянин Яков Жандармов и другие. Среди тех, кто вносил деньги на нужды комитета, были директор Брянского завода (дал 4000 рублей) и директор Трубногo завода (2000 рублей), также 300 рублей дал директор Сталелитейного завода [92].

Была организована народная боевая дружина. Перед ней стояла задача оказания вооруженного сопротивления правительственным войскам. Организатором народной боевой дружины являлся член боевого стачечного комитета – сын отставного подполковника Виктор Вановский, а его ближайшими помощниками работали Яков Жандармов, Ян-Феликс Вишневский и другие. Дружина имела в городе явочные квартиры. Был создан Совет рабочих депутатов. Из воспоминаний участника событий И. Захаренко [93]: "В наших заводских районах руководящую роль играли социал-демократы, в мастерских же большинство организованных рабочих склонялось в сторону социал-революционеров, городской район делился на три основные части: социал-демократы, бундовцы и Поалей Цион. Связь между организациями была тесная, и в моменты всяких выступлений была согласованность..."

Черная сотня начала вести гнусную работу погромного характера. Пускали целый ряд нелепых слухов религиозно-фанатичного направления... Нами были организованы боевые дружины, дававшие отпор погромщикам, были установлены ночные дежурства по всем поселкам. На заводе были пущены в ночное время машины, ковались тесаки, пики, изготовлялись бомбы... Организовался первый Совет рабочих депутатов, выделивший из себя Боевой Стачечный Комитет... Видное место в организации Совета занимали тов. Меренков Иван, Булыгин Андрей...

Боевой стачечный Комитет выпускал бюллетени... Председателем Совета был Павел Павлович, секретарем – Г.И. Петровский...

Образовалась "Чечелевская республика", которая была совершенно изолирована от города, посты занимала боевая дружина, начиная от вокзала, Керосинной (Леваневского) улицы и до Кайдак".

Активно работал в Совете рабочих депутатов Екатеринослава Александр Митрофанович Терпигорев – профессор кафедры горного искусства Екатеринославского высшего горного училища.

Отметим, что вместе с Г. Петровским, А. Терпигоревым в Совете рабочих депутатов в Екатеринославе работал публицист и общественный деятель Марк Хиной (1884 – ?) [94].

В конце декабря в город вернулся квартирующий здесь Симферопольский полк, находившийся в Севастополе для подавления мятежа. Также стало известно о подавлении революционных выступлений в Петербурге, Москве и в других городах страны. Начались аресты и разоружение. Прекратились забастовки.

Декабрьское восстание показало, что заводские рабочие не позволили реакции устроить погромы, потрясавшие город в

течение этого, 1905 года.

О действиях самообороны писал В. Дальман – один из руководителей еврейских отрядов самообороны в Екатеринославе – в 1907 году опубликовал воспоминания об октябрьских днях. Сохраняя стиль и с некоторыми сокращениями приведем его рассказ [95]:

"Уже к полудню 11 октября обе стороны Проспекта и его бульвар были заняты народом. В конце Проспекта, там, где начинается его подъем вверх, т. е. на углах Кудашевской (Баррикадной) и Заводской (потом Управская, ныне Исполкомовская) улиц собралось особенно много народа, с ними были учащиеся коммерческого и реального училищ. Начался митинг, ораторы говорили кратко и сильно. Выступил и наш товарищ Александр, любимый всеми екатеринославскими рабочими агитатор. Его встреченная аплодисментами энергичная речь закончилась призывом – "На баррикады!".

"Публика не заставляет себя убеждать или упрашивать. Решетки бульвара, камни, куски дерева быстро стаскиваются на середину улицы. Из мастерской, расположенной в подвальном этаже, выскакивает столяр, известный у нас под прозвищем "Пятнадцатого", с пилой в руках, в две минуты спиливает огромный телеграфный столб и бросает его поперек мостовой.

С Александровской (Артема) улицы показывается взвод казаков. Они поворачивают на Проспект и во весь опор мчатся на толпу с поднятыми нагайками. Толпа разбегается по сторонам улицы. Казаки поворачивают лошадей и едут вверх по Проспекту. Толпа смыкается и снова берется за дело. Казаки останавливаются на склоне Проспекта... На углу Александровской (Артема) как из-под земли вырастает рота пехоты... С двух сторон – сверху, со стороны Проспекта, и снизу... три залпа подряд. Рожок трубит отбой, грохот барабанов, толпа в ужасе рассыпается, и из груды распластавшихся по земле тел слышны слабые стоны раненых и зловещие хрипы умирающих. На земле оказалось 11 трупов и около десяти раненых. В числе убитых было четверо наших товарищей, среди них: Роза Хаина, работница 18 лет, недавно вступившая в организацию; товарищ Лева Овсеевич – переплетчик".

"На Военной (пр. Пушкина) улице огромная демонстрация служащих Управления Екатерининской железной дороги, к которым присоединилась масса рабочих. Взвод пехоты стрелял без предупреждения в демонстрантов. Убито двое железнодорожников, один подросток и несколько рабочих, в том числе один наш товарищ – молодая работница.

В Нижнеднепровске, на Брянском и других заводах с утра под руководством техников сооружались баррикады. Их строили из старых рельсов и камней. Через все входы и выходы на заводах была протянута густая сеть колючей проволоки... Под

прикрытием баррикад происходили огромные митинги из тысяч рабочих..."

Вспоминая похороны жертв 11 октября, В. Дальман писал: "Нельзя было даже приблизительно определить состав похоронной процессии: в ней был весь Екатеринослав... За целым рядом гробов, сопровождаемых русским духовенством, шли еврейские гробы с хором синагогальных певчих позади, а за ними тянулся целый лес венков и знамен... плакаты с надписями: "Слава погибшим борцам!", "Смерть или свобода!"..."

Процессия пришла к кладбищу... В огромную общую могилу один за другим опустили ряд гробов. Еврейские гробы ждали за оградой русского кладбища. По окончании похорон громадная толпа, не уменьшаясь в числе, направилась на еврейское кладбище. Процессия вышла в степь за город, и далеко растянулась по степной дороге..."

Отметим, что это, ныне не существующее, еврейское кладбище, располагалось на месте сквера Писаржевского между пр. Героев Сталинграда и пр. Кирова.

"Русское" кладбище находилось на территории, занятой ныне стадионом "Днепр-арена».

День, 18 октября. "...Жутким и непонятым казалось мне полное отсутствие полиции, жандармерии и войск на улицах. По городу ходили слухи о политической забастовке городских... Ясно было, что самодержавное чудовище вобрало в себя свои когти и щупальца, что полицейские и жандармские своры и казачьи банды притаились в полицейских застенках, в охранках и других логовищах".

"Прихожу в аудиторию народных чтений (так называли аудиторию Научного общества, ныне здание Областного управления хлебопродуктов – улица Плеханова, 24). Яркое освещение, стены и хоры декорированы красными знаменами, огромная толпа, на красиво убранной трибуне заседает президиум из представителей различных партий... по знаку председателя с хоров гремит похоронный марш: "Мы жертвою пали в борьбе роковой"... Гимн затихает. Затем начинает литься поток речей..."

Ухожу в реальное училище (Национальный университет, пр. К. Маркса, 36), там то же самое, но вместо одного большого митинга ряд маленьких в душных классах..."

"Утром 19-го был назначен грандиозный митинг, или точнее, ряд митингов в городском саду (парк им. Глобы). Народ с красными ленточками в петлицах валил в сад. В воротах сада и в первой аллее стояло несколько десятков индивидов всякого рода, с кружками в руках и собирали деньги на нужды революционных организаций... Среди них было несколько странных и подозрительных субъектов, в которых опытный глаз отказывался

признать революционеров. Их возгласы отличались какой-то особой, искусственной и явно утрированной "революционностью": "На гвозди на гроб губернатору и копейка впрок пойдет" – неистово вопил какой-то оборванец... На шести или семи трибунах под красными знаменами показываются ораторы... виднеется внушительная фигура товарища Маркуса... зычным голосом зовет он к тюрьме освобождать политических заключенных. За ним уходит из сада небольшая толпа..."

"В Екатеринославе погром начался одним или двумя днями позже, чем в других городах..."

Первый симптом начинающегося погрома имел место в четверг вечером, 20 октября. Часов в 9 вечера стало известно, что у входа в аудиторию народных чтений, где в это время происходил митинг, собралась кучка хулиганов. Хулиганы сделали несколько выстрелов в выходивших из аудитории, но никого не ранили, а лишь произвели панику и разбежались...

Узнав про все это, я присоединился к товарищу Пине, ехавшему в аудиторию, и мы поехали туда вместе. Когда вошли в аудиторию, там было уже закончено обсуждение... шла переключка членов разных организаций: все готовились к самообороне.

Мы, в свою очередь, получили определенные поручения от своих товарищей и отправились на главный сборный пункт самообороны нашей организации.

В пустом дворе одной синагоги, в темноте виднелось сотни полторы товарищей, успевших уже собраться...

Товарищ Михаил производил переключку, подсчет оружия и распределял отряды по пунктам. Мы с Пиней получили назначение в центральную дежурную квартиру нашей организации на Казачьей (Комсомольской) улице, куда и отправились немедленно. До глубокой ночи продолжалась беготня в поисках квартир для отрядов, за телефонами для наблюдательных пунктов, патронами для оружия и т. д. Распределялись люди по отрядам, снаряжались динамитные патроны".

"Утром в пятницу (21 октября) жизнь в городе текла совершенно спокойно... Около часу дня в квартиру Фильки пришли тревожные известия: в предместье Чечелевки и на Проспекте, около Думы (пр. К. Маркса, 57) собирались хулиганские манифестации под предводительством переодетых полицейских повсюду замечалось тревожное настроение. Я отправился на дежурную квартиру, где мне суждено было пробыть почти до конца погрома.

Пришло сообщение, что на Базарной (Чкалова) улице только что убит нашими патрульными хулиган. Мы все вздрогнули: "Началось!"... Иоська Амурский (Иосиф Брук) в немногих словах

рассказал нам суть дела. Убийцей хулигана был он сам... Патрулируя с другими товарищами на Троицком базаре, он заметил там двух пьяных хулиганов, ворвавшихся в еврейскую лавчонку и ломавших там все, что им попадалось по руку. Иосиф зашел в лавку и пригрозил хулиганам револьвером. Хулиганы вышли из лавки с площадной руганью и отправились вдоль базара, бросая по пути камни в окна еврейских лавок и приглашая прохожих с собой "бить жидов"... отпуская щедрую брань по адресу Иосифа, направились на Базарную (Чкалова) улицу. Навстречу им попался старенький еврей. "Держи жида! Жид, молись Богу!" – рявкнул один из них, вытащил из голенища длинный нож... В одно мгновение Иосиф был подле хулигана... грянул выстрел, второй и третий почти в упор..."

"Дела принимали угрожающий оборот. Ясно было, что разгорается погром. Мы старались выяснить места погрома и стянуть туда районные отряды самообороны.

В 4 часа дня один из таких отрядов, под начальством тов. Мотеля, поднимался вверх по Садовой (Серова) улице. Попутно к ним пристало несколько одиночек-самооборонцев, не успевших попасть в свои отряды. В том числе были Иосиф Амурский и Гершель. Вдруг перед ним, на близком расстоянии, вдоль улицы вытянулось несколько шеренг солдат. Без всякого предупреждения начали стрелять залпами, сначала вверх, затем на прицел по отряду... Погиб один человек – Гершель Свидский. Товарищ Максим нагнулся над трупом Гершеля, но в этот момент солдаты нагнали Максима, и какой-то башибузук нанес ему легкую рану штыком.

Отряд Мотеля снова собрался на Тихой (Мечникова) улице и гнался за кучками хулиганов, со всех сторон появившихся на улице.

Мы сидели в дежурке... Я с Пиней стоял около телефона, и мы, не отрываясь, выслушивали известия, одно другого ужаснее... Доносился неясный гул: на обоих концах улицы шел разгром домов. Но мы не могли обращать на это внимание: в наших руках находились все нити, связывающие собой все 18 отрядов нашей самообороны...

По улице бежала огромная толпа хулиганов. Среди них преобладали мукомолы, рабочие с пристани и босяки... На углу, защищая нашу улицу, стояли человек восемь самооборонцев и не переставая заряжали и разряжали револьверы.

Мы выбежали на улицу. Через несколько минут толпа была прогнана...

Это наш боевой отряд принимал свое первое боевое крещение!

Общие черты октябрьских погромов были совершенно одинаковы. Везде начало погрома возвещалось объявлением

губернатора, предупреждающим, что "беспорядки и насилие, в случае их возникновения, будут подавляться решительными мерами". Везде на третий день погрома утром появлялось другое объявление, увещевавшее самооборону сложить оружие, и это означало, что погром должен будет сейчас достичь своего кульминационного пункта.

И внешняя картина погрома была везде поразительно однообразна. По улице с гиком и свистом пробегал отряд казаков. Они стреляли в прохожих, работали нагайками и "очищали" улицу. Это требовалось для того, чтобы навести страх на самооборону. Улица замирала, и вот в этот-то момент появлялись банды хулиганов. Начинался погром, и через полчаса дело было сделано: дома разрушены, битое стекло, обломки мебели, пух и перья покрывали мостовую, слипаясь с грязными ручейками крови. Затем появлялись солдаты: они "прикрывали тыл" хулиганам все от той же еврейской самообороны...

Нас как громом прошибла страшная новость: с одного из пунктов близ пароходной пристани сообщили, что в 7 часов вечера к пристани подъезжал пароход с массой евреев, спасавшихся от погромов из различных городков по верхнему течению Днепра, на пристани этот пароход поджидала толпа хулиганов в чаянии добычи; как ни просили и не молили несчастные пассажиры, матросы отказались повернуть пароход обратно, и, едва пароход причалил к пристани, как на него ворвалась дикая банда, и началась расправа... Несколько десятков человек раненых побросали в воду, около десяти трупов выбросило впоследствии на берег.

В 7 1/2 часов утра должен был прибыть следующий пароход, и мы должны были предупредить новую катастрофу... дали знать боевому отряду... повели переговоры с директором пароходного общества, требуя от него выслать к утру лодку навстречу пароходу с предупреждением".

"С Ульяновской улицы из дома купца-еврея, назовем его Черемухин [очевидно имеется в виду дом Минухина – А.Б.], сообщали: кварталом ниже, на углу Херсонской и Скаковой (Свердлова) слышен шум и треск... Позвали начальника боевого отряда товарища Пятнадцатого, и после краткого обсуждения он быстро нас покинул и ушел к своему отряду. Здесь будет интересно указать состав боевого отряда по профессиям. Из 32 человек, числившихся в нем, там было 6 столяров, 3 слесаря, 7 портных, 1 маляр, 1 гравер, 1 переплетчик, 1 ювелир, 5 лесников, 2 конторщика, 2 приказчика, 2 экстерна, 1 студент.

Ночной погром на Ульяновской продолжался, мы решили сконцентрировать в двух пунктах четыре отряда и окружить улицу с двух сторон.

Боевой отряд под начальством Аркадия и Пятнадцатого, два простых отряда нашей организации, взятые под начальство

Перецом и Филькой, и смешанный отряд бундовцев и наших товарищей должны были собраться на углу Воскресенской (Ленина) и Базарной (Чкалова). Одна половина этого соединенного отряда должна была подняться выше Ульяновской, через Вознесенскую (XXII Съезда КПСС) и Безуловскую (Минина) и отрезать отступление хулиганам, а другая половина должна была идти прямо на Ульяновскую снизу, идя по Старогородней (Светлова). Погромщики были разбиты, на земле валялось около десятка трупов. От огромной толпы и след простыл.

Спустя сутки, в ночь с субботы на воскресенье, дом Черемухина был сожжен – хулиганы улучили-таки момент для расплаты за жертвы, понесенные ими около этого дома".

"В ночь с субботы на воскресенье [23 октября – А.Б.] нас лишили телефонов: со станции дали знать, что телефон испорчен. Испорченными оказались, конечно, как раз те номера, которые особенно усердно переговаривались с центральной квартирой самообороны и телефон самой центральной квартиры. Впоследствии выяснилось, что это было сделано по приказу Нейдгардта...

Таким образом, самооборона, как целый организм, все части которого были связаны и согласованы друг с другом, оказалась упраздненной. Город превратился в военный лагерь...

Самооборона приобрела случайный и неорганизованный характер. Центральную квартиру выследили, и товарищи дали нам знать, чтобы мы оставили квартиру.

С душевной болью покинули мы свою квартиру, свой боевой пост, на котором мы в течение свыше двух суток переживали все ужасы погрома...

Перешли в частную квартиру в противоположном доме... встретили нас чрезвычайно радушно и гостеприимно; усадили за стол, поили чаем и кормили... Наутро пришли товарищи... сообщили нам, что погром кончен, что всюду расклеено объявление губернатора, возвещающее конец погрома и приглашающее самооборону сложить оружие... Я решил пойти в ближайшую больницу, где была масса дел и требовались люди...

Измученные сестры приняли меня с расprostертыми объятиями. Я облачился в больничный халат и приступил к исполнению своих обязанностей в качестве санитаря"...

"Было уже около двух часов дня, когда меня позвали в коридор. Там стояли два почтенного вида господина, очень прилично одетых, красных и взволнованных.

– Вы Дальман? – обратились они ко мне.

– Да, я.

– Можете ли вы вступить с нами в переговоры от имени организации самообороны?

– Нет, не могу.

– Ради Бога, – время ли теперь конспирировать?

Я разъяснил им, что имею отношение лишь к комитету самообороны нашей организации, но и тот теперь дезорганизован.

– Губернатор требует, чтобы самооборона сложила оружие и перестала стрелять на улицах. Лишь в этом случае процессия, идущая теперь из собора, не превратится в новый погром.

– Сомневаюсь, – быть или не быть новому погрому – это всецело зависит от губернатора, а не от нас! Но что же вы хотите от меня, господа?

– Мы едем сейчас к губернатору. Дайте нам слово, что самооборона складывает оружие!...

–...Я могу поручиться за нашу организацию, что мы не начнем действовать до начала погрома.

– Но чем же мы можем гарантировать губернатора в выполнении вашего обещания?

– Моею личностью: передайте губернатору, что я – такой-то, – нахожусь там-то, и в случае неисполнения моего обещания он может меня арестовать.

Не прошло и часу, как на нижней лестнице раздался топот двух десятков ног... на двух носилках тащили вверх по лестнице раненых...

– Началось! Погром снова начался! – слышалось со всех сторон. Это был знаменитый в истории екатеринославского погрома разгром дома Шнейдера. Две кареты немедленно поехали туда... Там было найдено 18 трупов. Двор и мостовая были залиты морем крови. Такая непонятная свирепость объяснялась впоследствии тем, что в доме Шнейдера, по мнению полиции, было гнездо революционеров. Невидимая рука какого-то "Владимира Николаевича", дирижировавшая погромом, оставила себе этот дом на кровавый десерт...

К восьми вечера погром совершенно стих.

Было уже около полуночи. Я вдруг заметил, что окно окрашено в странный цвет, оно было не темного цвета, а какого-то багрово-бурого... Хулиганы решили увенчать погром грандиозными поджогами...

Я считаю своим долгом помянуть трех скончавшихся самооборонцев, раненных солдатскими пулями в бою: Андрея Брагина, Шапиро и Самуила Шустерова.

Андрей Брагин – сапожный подмастерье, недавно только вступивший в социал-демократическую организацию.

Шапиро был молодым человеком неизвестного звания и профессии.

Самуил Шустеров – столяр, оставивший после себя жену и двух детей, был социал-революционер.

Во вторник [25 октября – А.Б.] я вышел из больницы. Жизнь понемногу входила в свою колею. Начали хоронить жертвы погрома. Новости и рассказы, один другого печальнее и мрачнее, переходили из уст в уста... Особым ударом было известие о смерти Иосифа Брука (Иоськи Амурского). Он был убит уже после погрома. В воскресенье вечером, видя, что в самообороне ему уже делать нечего, он без оружия возвращался к себе домой в предместье Амур. На мосту через Днепр его встретила шайка хулиганов, и, зверски надругавшись над ним, бросили его в Днепр... Так погиб этот мужественный и благородный юноша, которого никогда не забудет никто из нас, видевших, как героически боролся он в последние дни своей жизни...

Лишь недели три спустя его труп нашелся в одной деревне, верстах в 10 от города, куда его, вместе с другими трупами, занесло сильное в этих местах течение Днепра...

Я решил уехать из города, чтобы вырваться из гнетущей атмосферы Екатеринослава. С товарищем Александром сели в поезд. На боковых станциях начали подсаживаться евреи из разных городков и местечек Екатеринославской губернии. Они передавали нам все новые и новые ужасы. В Юзовке (Донецке) несколько десятков человек было брошено в доменные печи, в других селах и местечках десятки трупов валялись на улицах. Приехали на станцию Знаменка и получили свежие номера петербургских газет... Длинные столбцы петита состояли из десятков корреспонденций о погромах... мелькали бесчисленные цифры убитых, раненых, изнасилованных. Мы насчитали 67 погромов..."

Закончил свои воспоминания В. Дальман словами: "Так пусть же мертвые живут среди живых!"

1.3. 1906–1919 годы

После погромов начала XX века возросла эмиграция евреев, достигшая своего пика в 1906 – 1907 годы. Всего за период с 1882 года по 1914 год Восточную Европу покинуло около 2,5 миллионов человек. В течение 15 лет до начала первой мировой войны из Российской империи выехало 1,3 миллиона евреев. В эти годы из Екатеринославской губернии эмигрировало около 27 тысяч человек [96].

В 1907 году в Екатеринослав из Николаева приехал ученый-теолог Леви-Ицхак Шнеерсон. Его избрали духовным лидером от избидим. У митнагдим лидером был Пинхас Гельман.

В 1908 году газета "Утро", издаваемая в Харькове, писала о распространении в Екатеринославе прокламаций, призывающих к избиению и расправе "с подлыми жидами". На прокламациях были изображены револьвер, профиль еврея и сердце, пронзенное стрелой.

В июне 1908 года Министерство Внутренних дел России запрашивало Екатеринославского губернатора о деятельности в губернии "Еврейской территориальной организации (ЕТО)". В своем ответе губернатор сообщал, что в 1907 году возникла "Еврейская народная группа", ставящая своей целью оказание помощи еврейским эмигрантам. В Екатеринославе работой ЕТО руководил частный поверенный Яков Тувиен Тульчинский.

В 1910 году в городе было 195777 жителей, из них евреев – 53534 (27,3%) [97]. В городской думе интересы общины представляли гласные: купцы Моисей Эльич Эль, Иосиф Давидович Штормберг, Израиль Яковлевич Грановский, юрист Яков Гдалиевич Березовский и почетный гражданин Маркус Яковлевич Тавровский.

1 июля 1910 года в Екатеринославе открылась Южно-Русская областная сельскохозяйственная, промышленная и кустарная выставка. Свои экспонаты представила также Полтавская, Харьковская, Херсонская, Таврическая губернии и области Войска Донского и Кубанского. Газета "Приднепровский край" писала: "На когда-то топком и непроходимом месте технического сада (парк им. Глобы – А.Б.) со сказочной быстротой выросли дворцы-павильоны ... Обширная прекрасная площадь... пересекалась продолговатым прудом с легко перекинутым через него мостиком и островком... По узкой ленте рельсов непрерывно обегал выставку маленький трамвай...". Среди организаторов выставки были А.О. Гольдфельд, И.С. Якобсон, Г. Эпштейн, М.М. Майзель, В.Г. Бронтман.

Выросла община на Амуре – "Приднепровский край" в марте писал об этой молодой общине, организовавшей школу, Талмуд-Тору, несколько молитвенных домов и синагогу, работало там и "Общество попечения бедным евреям".

Весьма обширную работу по благотворительности проводило "Общество попечения о детях евреев", учредительное собрание которого было проведено в декабре 1908 года. В 1911 в состав правления общества входили: председатель – Мария Борисовна Амчиславская, казначей Григорий Абрамович Зильберман, секретарь – С.Р. Болоховская, затем эти обязанности выполняла Б.С. Шабат; члены правления: Р.В. Берлин, С.С. Геккер, А.Л. Гиммельфарб, Ф.И. Зильберман, Р.А. Каминская, М.А. Мечерет,

Р.М. Уманская, З.А. Ямпольская; члены ревизионной комиссии: А.Г. Лурье, М.А. Штейн, М.Б. Ямпольский, С.М. Станиславский.

Руководство и координация деятельности городской общины осуществлялись Еврейской общинной управой, расположенной на улице Железной, № 14 (Миронова), а также "Екатеринославским Общественным Собранием", которое располагалось на улице Клубной (Ленина). В 1913 году председателем его был С.И. Гальперин, его заместителем – А.А. Кланк, старшинами: Гейман, Барский, Витлин, Черный, Болоховский, Тумаковский, Кофман и Сегал. [98]

В 1909 году состоялся конкурс на лучший проект здания городского общественного собрания. Победил в этом конкурсе харьковский архитектор Александр Михайлович Гинзбург (1876–1949). [99]

А.М. Гинзбург получил отличное образование, окончив математический факультет Харьковского университета и инженерный факультет Технологического института в Петербурге. Был одним из тех архитекторов, кто внедрял в строительство новый для того времени материал – железобетон, что позволило создать выразительные пластичные формы сооружений. Это наглядно проявилось в построенном здании городского общественного собрания (ныне ДК железнодорожников на улице Ленина).

В 1919 году это здание хотели передать Екатеринославскому еврейскому политехническому институту, председателем попечительского совета которого был врач Моисей Ильич Болоховский – с 1913 года председатель Совета старшин Общественного собрания, где его заместителем был врач Александр Лазаревич Гиммельфарб. Старшинами состояли: инженер Израиль Ефимович Моцкин, Маркус Яковлевич Тавровский, купец Яков Евсеевич Шифрин, Г.М. Карпас и Шморгонер.

В 1915 году Собрание по-прежнему возглавляли М.И. Болоховский и А.Л. Гиммельфарб. Старшинами были И.Е. Моцкин, М.Я. Тавровский, Я.Е. Шифрин, директор Соединенного банка Лупман Моисеевич Иоффе, купец Ефим Леонтьевич Айзенштейн. Общественное собрание организовало работу благотворительных организаций, клуба, летнего театра, библиотеки. Много внимания уделялось образованию.

Существовал также совет представителей крупных синагог города, с решениями которого считались власти.

Вплоть до 1919 года в городе действовало много благотворительных обществ. [100]

Весьма обширную работу по благотворительности проводило "Общество попечения о детях евреев", учредительное собрание которого было проведено в декабре 1908 года. В 1911 в состав

правления общества входили: председатель Мария Борисовна Амчиславская, казначей Григорий Абрамович Зильберман, секретарь С.Р. Болоховская, затем эти обязанности выполняла Б.С. Шабат; члены правления: Р.В. Берлин, С.С. Геккер, А.Л. Гиммельфарб, Ф.И. Зильберман, Р.А. Каминская, М.А. Мечерет, Р.М. Уманская, З.А. Ямпольская; члены ревизионной комиссии: А.Г. Лурье, М.А. Штейн, М.Б. Ямпольский, С.М. Станиславский.

На своих заседаниях правление общества, помимо ряда организационных дел, рассматривало и педагогические вопросы деятельности школ, организацию питания учащихся, вопросы медицинской помощи, отмечалась помощь зубного врача А.Г. Фельдмана, лечебницы Н.С. Эрлиха, врача М.И. Болоховского, а также помощь, оказанная врачами еврейской больницы. Много внимания уделялось летнему отдыху учащихся.

Почетными членами общества были Варвара Львовна Штейн, София Давидовна Тавровская, Мария Борисовна Амчиславская, Петр Азарович Штейн, Григорий Абрамович Зильберман, Вениамин Давидович Каменский. Членами общества были около 200 человек.

Денежный отчет общества попечения за 1911 год показывает, что его доход и расход составляли 9533 рубля. Приход состоял из сумм, поступивших от коробочного сбора – 1008 рублей и добровольных пожертвований – 2222 рубля от различных обществ, в частности Общественное собрание выделило 75 рублей от лотереи и других источников. Расходы составили: на жалование педагогическому персоналу – 2427 рублей, прислуге – 332 рубля. Городская управа удержала в пользу Общества распространения просвещения между евреями – 400 рублей.

Жертвовали и частные лица, суммы взносов составляли от одного до 50 рублей. В опубликованном в 1912 году отчете за прошлый год приводится полный список, содержащий свыше 400 фамилий лиц, вносивших свои средства. Жертвовали не только деньгами, но и вещами, углем, кирпичом и другими строительными материалами. Так, например, Трубопрокатный завод подарил 12 листов оцинкованного железа, а от "госпожи Фишман – дрова, а госпожи Кисин – 5 фунтов сахару" и так далее. Всем жертвователям правление общества выражало свою благодарность. [101]

"Общество попечения о детях евреев" содержало ремесленную школу – подробно о ней рассказано в главе 3.

Среди других благотворительных обществ следует назвать: "Общество пособия бедным евреям г. Екатеринослава", председателем его был Моисей Карлович Левин. Располагалось оно в доме Талмуд-Торы на ул. Банной (Баумана) и "Общество попечения о учащихся Талмуд-Тор" – председательницей была Э.М. Спиваковская.

"Общество пособия бедным евреям г. Екатеринослава" в сентябре 1914 года опубликовало объявление о том, что в пользу дешевой столовой Общества для раздачи бесплатных обедов поступили пожертвования от М.Ю. Карпаса – 20 руб, Э.М. Шабада – 5,4, М.М. Златопольской – 5, Ш.А. Френкеля – 6, Д.А. Карасика и И.А. Флеера по 3 рубля. Сообщалось также о том, что Обществом открыта вторая дешевая столовая на углу улиц Казанской (К. Либкнехта) и Вознесенской (XXII съезда КПСС).

"Общество пособия бедным евреям ремесленникам г. Екатеринослава", председателем которого был А.В. Витлин, находилось на улице Харьковской. Это общество создавало различные профессиональные курсы. Так в ноябре 1915 года были организованы курсы для столяров, о чем гласило объявление в газете "Приднепровский край".

Существовало Екатеринославское отделение "Общества охраны здоровья евреев", управление которого находилось на улице Александровской, № 24 (Артема). В 1915 году сюда обращались евреи-беженцы, которым подыскивали работу, а также оказывалась непосредственная материальная помощь. Объявления о помощи помещались в газете "Приднепровский край".

"Общежитие бесприютных детей кружка дам лиги общества пособия бедным евреям г. Екатеринослава" было на улице Скаковой, № 79 (Свердлова), а управление общества располагалось на улице Банной (Баумана).

В городе действовали различные лечебницы, как правило, платные. Одним из шагов улучшения жизни евреев было создание бесплатной больницы широкого профиля.

Еврейская больница первоначально располагалась на ул. Больничной (Бородинской). Попечительский совет этой больницы состоял из М.З. Мошкевича, С.А. Островского, М.Ю. Карпаса. Врачами работали А.О. Спиваковский, Г.С. Пудер, Г.И. Брейтман, Е.М. Кранцфельд, А.О. Фельдман. Здесь же располагался еврейский родильный приют, в правлении которого были С.Д. Тавровская (председатель), П.Г. Карпас, М.П. Витлин. Врачом приюта работал Марк Савельевич Амчиславский. Решение о строительстве нового собственного здания было принято городской думой в начале 1897 году. В апреле этого года строительным отделением Екатеринославского губернского правления был одобрен проект больницы, и уже в августе его утвердил министр внутренних дел. Городская управа выделила участок на тогдашней окраине города, территория была обнесена высоким кирпичным забором и утопала в зелени. Больница имела три одноэтажных и одно двухэтажное здания. В одном из одноэтажных зданий велся амбулаторный прием, в остальных двух корпусах были стационарные отделения. В сохранившемся до наших дней двухэтажном здании (улица Философская, № 62)

на первом этаже были административные кабинеты, а второй этаж служил квартирой старшего (главного) врача.

Прием проходящих больных терапевтами происходил ежедневно с 9 до 11 часов, кроме субботы, по пятницам с 10 до 12 часов производились прививки от оспы.

Перевязки осуществлялись по воскресеньям, вторникам и четвергам с 9 до 11 часов. Глазной врач принимал все дни кроме понедельника и субботы.

Управление еврейской больницей осуществлялось под контролем больничного совета, который согласно уставу состоял из председателя в лице городского головы или его представителя и двух врачей: старшего и одного ординатора – ежегодно чередующихся. Удалось установить фамилии двух старших врачей, в разное время возглавлявших больницу. Это Григорий Сергеевич Пудер и Онисим Александрович Спиваковский. Сын его Александр Онисимович был известным ученым в области промышленного транспорта, член-корреспондент АН СССР, начинавший свою научно-педагогическую деятельность в Екатеринославском еврейском политехническом институте и горном институте. В больнице работали хирурги С.Л. Фельдман, С.Б. Бейнисович, терапевт П.З. Гольдберг, глазной врач А.И. Фельдман. Заведующим инфекционным отделением был Иосиф Маркович Розенгарт, отец известного всем металлургам крупного ученого-теплоэнергетика, доктора технических наук, профессора Юрия Иосифовича Розенгарта, автора свыше 500 научных трудов, создавшего свою научную школу, воспитавшего большую плеяду ученых и инженеров. [102]

В местных газетах часто давалась информация о жизни еврейской больницы. Так, "Приднепровский край" сообщал, что в июле 1918 года больницу посетил городской голова И.Я. Эзау. В другой газете – "Новое слово" от 12 января 1919 года читаем объявление: "Еврейское общинное управление доводит до сведения населения, что амбулаторный прием в Еврейской больнице временно (до 1 февраля) прекращен и прием производится в амбулатории Еврейской общины (Петроградская, 38)".

В советский период больница превратилась в одно из крупнейших лечебных учреждений города (7-я городская больница). В 1931 году здесь был открыт роддом, возглавляемый Верой Соломоновной Вельтман. Тогда же здесь начал работать Евгений Георгиевич Носарь. Это к нему в 50-е и 60-е годы стремились попасть многие роженицы города. Его ученицей была Лидия Соломоновна Рашба, проработавшая в больнице 50 лет и сменившая учителя на посту заведующего отделением после его смерти в 1969 году. В 1949 году главным врачом был Валентин Георгиевич Любимцев, который в молодости работал фельдшером еще в еврейской больнице.

Давид Абрамович Каплан был председателем правления "Общества взаимно-вспомоществования учащим и учившим евреям г. Екатеринослава".

Благотворительности способствовал рост экономики города в связи с военными заказами, увеличившимися с началом первой мировой войны. По переписи 1915 года евреям принадлежали 84 промышленных предприятия (лесопильники, мельницы, заводы и другие). На этих предприятиях было 3700 рабочих и служащих, из них евреев: 645 рабочих и 250 служащих. [103] Самым крупным благотворителем города был М. Ю. Карпас.

На улице Бородинской, в доме № 24, принадлежащем М.Ю. Карпасу, располагались три благотворительных учреждения:

"Богадельня имени М.Ю. Карпаса для бедных женщин-евреек";

"Приют для старцев-евреев";

"Детская столовая общества пособия бедным евреям г. Екатеринослава". При столовой находился странно-приемный дом на 10 коек.

Управлялись эти заведения одним попечительным советом, председателем которого был Моисей Юдович Карпас, его заместителем работал Матус Залманович Мошкевич, казначеем – Израиль Маркович Левин, а смотрителем – Исаак Давидович Агульник, живший в этом же доме. Обе богадельни содержали с полным обеспечением по 20 человек, принимались преимущественно местные жители, не имеющие родственников и не могущие по старости добывать средства на свое существование.

В приюте для старцев во время I Мировой войны и гражданской войны жил и закончил в 1919 году свою жизнь Иосиф Аронович Хазанович – еврейский общественный деятель, один из основателей Еврейской национальной библиотеки и университетской библиотеки в Иерусалиме. Был сторонником Теодора Герцля. Сумел в Белостоке составить огромное собрание книг и материалов, которые постепенно переправлял в Иерусалим, так в 1895 году он отослал 8800 томов (весом около 4 тонн). В 1915 году все евреи, жившие в прифронтовой зоне, по приказу русского военного командования высланы из Белостока, тогда же И.А. Хазанович оказался без средств к существованию и был принят в екатеринославский приют. [104]

В 1909 году на средства неутомимого М.Ю. Карпаса был открыт еврейский сиротский дом на улице Философской, № 29. В 1917 году им заведовал Рувим Исаакович Кричевский. С 1927 по 1930 год заведующим был С.Л. Картузон. Позже этот приют стал еврейским детским домом (детский дом № 4), директором которого работал Григорий Минаевич Левин. Рядом на улице Философской, № 31 находилось училище сиротского дома. В 1910

году им заведовала Р.Н. Богдановская, потом – Е. Гицельтер. В феврале 1910 года "Приднепровский край" опубликовал письмо секретаря попечительского совета сиротского дома С. Кранцфельда с благодарностью частным лицам за пожертвования.

Моисей Юдович Карпас (1852, Вильно – 1917, Екатеринослав) был одним из богатейших людей города, его состояние оценивалось в 18 миллионов рублей. В детстве он получил религиозное образование, сначала в хедере, потом в ешиве в Вильно. [105]

В 16 лет Моисей уже самостоятельно зарабатывал и помогал родителям. Женился Моисей Юдович в 26 лет на Полине Нежинской – выпускнице русской семинарии. С 1881 года М.Ю. Карпас жил в Екатеринославе. Здесь и проявились его таланты. Небольшая компания "Карпас и Ковалевский" со временем была превращена в крупное "Общество каменноугольных и железных рудников Юга России" составившее основу торгового дома "М.Ю. Карпас и Сын". У него было два сына. Старший – Григорий, инженер-технолог, активно работал с отцом. Младший – Абрам, бизнесом не интересовался, стал ученым-биологом.

Капиталы М.Ю. Карпаса были вложены также в "Южно-Русское Днепровское металлургическое общество" (ныне комбинат в Днепропетровске), "Русское товарищество торговли цементом", Варшавское страховое общество, Боковский антрацитовый карьер и ряд других предприятий. Ему принадлежала фешенебельная гостиница "Франция" на Проспекте.

В этой же гостинице находились квартира его семьи и главная контора фирмы.

С 1887 года М.Ю. Карпас – гласный Городской думы. Являлся организатором и членом попечительского совета Коммерческого училища. Его большой капитал был вложен в специальный фонд городского управления, проценты с этого фонда шли на содержание городской больницы.

По инициативе М.Ю. Карпаса создана Екатеринославская биржа. Участвовал он в учреждении Высшего горного училища, Высших женских медицинских курсов, был одним из инициаторов создания Екатеринославского университета, открывшегося в 1918 году – через год после его смерти. Также выпускал газету "Фрейнд".

Моисей Юдович возглавлял в городе 24 еврейских учреждения. Был членом правления "Хеври Кадиш". В школу его попечения принимали евреев без процентной нормы. Активно работал в правлении Хоральной синагоги, выполнял обязанности председателя Екатеринославского благотворительного фонда. Участвовал в создании еврейской больницы на ул. Философской.

Благотворительностью занималась и его жена. Она была членом правления Еврейской больницы и родильного приюта. Его жена имела дома на Еврейской № 3 и Садовые дачи (пр. Гагарина) № 24. [106]

Григорий Карпас участвовал в создании екатеринославского литературно-художественного альманаха "Аргонавты", выходявшего в 1918 году. Он также принимал активное участие в работе Еврейского Политехнического института.

Г.М. Карпас был одним из членов Губернского тюремного комитета, членом правления Центрального общества попечения об учащихся евреях в низших классах города Екатеринослава.

М.Ю. Карпас дружил с раввинами Пинхасом Гельманом, Леви Ицхаком Шнеерсоном, художниками В.В. Корневым и М.И. Сапожниковым. В его доме бывал архитектор и поэт А.Л. Красносельский, писатель А.Р. Палей и другие. Большое влияние на него оказывали Ш. Левин и А. Усышкин. Моисей Юдович переписывался с Теодором Герцлем.

М.Ю. Карпас уделял много внимания положению евреев в Эрец-Исраэль. Одним из первых приобрел акции "Колонизл Банк", созданного для освоения Эрец-Исраэль и его офис являлся филиалом этого банка в Екатеринославе. М.Ю. Карпас жертвовал деньги на поселение немецких евреев в Эрец-Исраэль. Поддерживал ешиву "Торат Хаим" в Иерусалиме. По совету Ш. Левина купил землю в 2500 локтей, вошедшую в создаваемый в 1906 году город Тель-Авив, ныне это район Шуэрот Ротшильд 2. Был одним из основателей Техниона в Хайфе. В 1914 году перед Первой мировой войной М.Ю. Карпас приехал в Тель-Авив, где он купил дом. В 1916 году он поддержал декларацию Бальфура, выражавшую общее намерение по созданию национального дома еврейского народа в Эрец-Исраэль. В том же году, вернувшись в Екатеринослав, принял участие в организации Еврейского политехнического института, начавшего работу в январе 1917 года.

Кроме домов на ул. Бородинской М.Ю.Карпас владел домами на ул.Философской, № 31 и Проспекте №№ 107, 109.

Моисей Юдович Карпас скончался в мае 1917 года. Похоронную процессию возглавил раввин Леви Ицхак Шнеерсон. Близкий друг покойного раввин Пинхас Гельман в это время был в Киеве. Похоронили М.Ю. Карпаса на еврейском кладбище. Ныне на месте этого исчезнувшего кладбища сквер Л.В. Писаржевского на ул. Героев Сталинграда.

Остается добавить, что имя Моисея Юдовича Карпаса занесено в "Золотую книгу Израиля".

В 1913 году Владимир Жаботинский прочитал в городе две публичные лекции: "Ассимиляция народностей" и "Национальное меньшинство".

В марте 1914 года в состав оргкомитета II Съезда представителей промышленности и торговли на юге России от Екатеринослава был включен представитель губернского биржевого комитета Э.К. Бродский.

В июле 1914 года на районной конференции партии Бунд, проходящей в Екатеринославе, обсуждался вопрос будущего общины и принята следующая резолюция: "В местных, так называемых Объединенных или организационных комитетах (ОКО), Бунд участвует лишь в том случае, если ОКО признает светский характер будущей общины и демократические основы ее организации и разделяет позиции Бунда в передаче функций социальной помощи органам местного самоуправления".

31 января 1915 года Екатеринослав посетил Николай II. В парадном зале вокзала царя встречали депутации от местного населения. От имени еврейской общины города с приветствием выступил раввин М. Бруштейн, он также просил принять 10000 рублей, пожертвованных для раненных воинов.

Газета "Приднепровский край" в феврале 1915 года в статье "Екатеринослав или Одесса" убеждала предпринимателей Польши избрать Екатеринослав для создания промышленных предприятий.

В 1915 году обстановка в городе была напряженной. Так в конце ноября большое возмущение горожан вызвало убийство бандитами семьи Локшиных, когда погибла вся семья – отец, мать, два сына и две дочери. Около Хоральной синагоги для отпевания было установлено 6 гробов.

Во время первой мировой войны в Екатеринослав приехало много беженцев из западных губерний. Из Вильно приехал раввин Х.О. Груджинский, приехала гимназия П. Кагана. Прибыли деятели культуры, среди них И. Хазанович, Х. Чемеринский (реб Мордхиле). В 1915 году зарегистрировали 5700 евреев-беженцев. Пополнилось число прихожан в синагогах. В 1916 году Екатеринославская губерния приняла свыше 17 тысяч человек. [107]

Газета "Приднепровский край" сообщала о регулярно поступавших пожертвованиях в пользу евреев-беженцев, число которых в городе достигало 10 тысяч. В августе 1915 года таких пожертвований поступило свыше 6000 рублей, большая часть этих денег была передана в Екатеринославское отделение "Общества охранения здоровья еврейского населения", казначеем которого был М.А. Зильберман.

В декабре 1915 года "Приднепровский край" сообщил, что местный кружок еврейских дам направил подарки для армии: 200 комплектов белья и 200 пакетов с продуктами, мылом, табаком и спичками.

В июне 1917 года газета "Известия Сионистской организации Екатеринославского районного комитета" писала о том, что "управление финансовыми делами еврейской общины производилось городскими управами, слабо вникающими в нужды общин. Так в 1916 году из расходной части Екатеринославского городского бюджета в 3,5 миллиона рублей на нужды еврейской общины было выделено всего 7800 рублей. В то же время налоги на евреев давали городской казне 136 тысяч рублей".

В 1917 году население города составляло 216810 человек, среди них евреев было 76430 (35,3%), украинцев – 65202 (30,1%) и русских – 38073 (17,3%). [108]

1917 год начался с того, что в январе в аудитории Научного общества состоялось открытие Екатеринославского еврейского политехнического института. Подробно об этом институте рассказано в главе 4.

Февральскую революцию 1917 года еврейские массы приняли восторженно. Эта революция улучшила правовое положение евреев. Была ликвидирована черта оседлости, отменены все запреты, процентные нормы и сословия.

Усилилась политическая активность еврейских масс. Екатеринославская организация Поалей Цион насчитывала более 100 человек. Существовали ячейки различных еврейских партий, в частности партии социалистов-сионистов. Бунд в Екатеринославе насчитывал более 800 человек, в целом на Юге Украины в рядах Бунда было около 2,5 тысяч членов партии. В Поалей Ционе было около 16 тысяч человек.

Евреи активно работали в социал-демократическом движении. Среди них выделялась Серафима Ильинична Гопнер (1880, Херсон – 1966, Москва). Она училась на юридическом факультете женских курсов в Одессе и на литературном отделении Парижского университета. В 1905 году член, а затем секретарь Екатеринославского комитета РСДРП. После Февральской революции 1907 года – член Екатеринославского комитета РСДРП и редактор газеты этого комитета "Звезда". Газета издавалась в Екатеринославе в 1917 году, всего известно 170 номеров. В свой первый приезд в город Серафима Ильинична жила на Ульяновской улице и пробыла в городе 1,5 года. С 1909 года она вновь в нашем городе, откуда в следующем году выехала в Париж. Вернулась в город в 1917 году. От Екатеринослава участвовала в работе 7-ой Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б). В марте 1918 года была делегатом IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, ратифицировавшего Брестский договор. При подходе к Екатеринославу немецких войск покинула город. В начале двадцатых годов была членом Екатеринославского губкома ВКП(б). Большую работу вела в Коминтерне, делегат всех его семи конгрессов. На бывшей улице Гостиной, получившей её имя,

на доме № 2 установлена памятная доска с надписью "В этом доме в 1917 году проживала активная участница трех революций – Герой Социалистического Труда Серафима Ильинична Гопнер". [109]

Одним из участников революции 1905 – 1907 годов был Емельян Михайлович Ярославский (Миней Израилевич Губельман) (1878, Чита – 1943, Москва), историк, академик АН СССР. Революционную деятельность начал в социал-демократических кружках Читы. Вел партийную работу в Екатеринославе – был одним из редакторов нелегальной газеты "Жизнь солдата", органа Военной организации при Екатеринбургском комитете РСДРП. Газета выпускалась с конца 1906 до февраля 1907 года, всего вышло 12 номеров. Затем партийная работа в Петербурге, Якутске, Москве. Член ЦК партии, ЦИК, депутат Верховного Совета СССР. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. [110]

Революционер Борис Дмитриевич Оржиг с конца 1883 года был на нелегальном положении в Екатеринославе и других городах Украины. Он создал и руководил Южнорусской организацией "Народной воли". В 1886 году был арестован в Екатеринославе. [111]

Гавриил Давидович Лейтензен (псевдонимы: Валерин, Линдов) (1874, Екатеринослав – 1919, Озинки, Урал) был организатором первого марксистского кружка в городе. Автор первого пособия по политработе в Красной Армии. Его сын Морис Гавриилович (1897, Екатеринослав – 1939) участвовал в октябрьском восстании в Москве. Был секретарем секции межпланетных сообщений Академии военно-воздушного флота, работал вместе с Ф.А. Цандером, вел переписку с К.Э. Циолковским. Погиб в годы сталинского террора. Дочь Гавриила Лейтензена – Лидия специалист в области приборостроения. Разработала фотоэлементарный умножитель, применяемый в ядерных исследованиях, а также используемый в системах наведения космических станций "Венера" и "Марс". Получила Сталинскую премию СССР в 1953 году. [112]

В Екатеринбургской организации РСДРП в начале 1900-х годов работали: Исаак Израилевич Шварц, член ЦК ВКП(б) с XVII съезда, возглавлял трест "Союзуголь", потом "Союзсланец" [113]; Соломон Исаевич Черномордик, позже один из основателей Музея революции в Москве; в 1908 году в Екатеринославе был арестован член партии Владимир Савельевич Войтинский и приговорен военным судом к четырем годам каторги. [114]

Григорий Исаакович Чудновский (1890, Екатеринослав – 1918) участвовал в захвате Зимнего дворца, во время которого спас членов Временного правительства от самосуда толпы. Позже, во время гражданской войны, он был чрезвычайным

комиссаром Юго-Западного фронта и погиб в бою под ст. Люботин.

После учебы в партийной школе в Лонжюмо под Парижем в 1911 году организацией большевиков в Екатеринославе руководил Самуил Моисеевич Семков (Коган). [115]

Софья Иоахимовна Новаковская (урожденная Гурович) (1858, Екатеринослав – 1927, Якутск) училась в женской гимназии в Екатеринославе, была членом кружка народников. В 1876 году переехала в Петербург, тогда же была арестована, приговорена к ссылке в Вологодскую губернию, но добровольно последовала за мужем, сосланным в Восточную Сибирь. Участвовала в выступлениях политссыльных. [116]

Еврейские политические партии ряда городов, в том числе Екатеринослава, поднимали вопросы реорганизации религиозной общины на новых демократических основах, что позволило бы получить большое число голосов на выборах как в местное самоуправление, так и в органы государственной власти.

В октябре демократические организации Екатеринослава признали власть Совнаркома и Советов. Высшей властью в Украине был признан Ревком Украинской центральной рады в Киеве.

1 ноября Екатеринославский военно-революционный Комитет отклонил предложение большевиков об объявлении банков общенародным достоянием и постановил обратиться за средствами к Совнаркому через Украинскую центральную раду.

В ноябре 1917 года состоялись выборы во Всероссийское учредительное собрание, на котором от Екатеринославского избирательного округа участвовали представители таких еврейских партий, как Бунд, Поалей Цион, Сионистская социалистическая, Социалистическая рабочая, а также Еврейский избирательный Комитет. Число списков еврейских партий и организаций составляло 26,7 % от общего числа.

2 декабря принята резолюция Исполкома советов профсоюзов в Екатеринославе об отказе проводить в жизнь декреты и законы, издаваемые Совнаркомом.

В Екатеринославе 26–28 декабря происходила ожесточенная вооруженная борьба между гайдамаками и советскими силами, закончившаяся победой Советов.

Принятый III Универсал, обязывающий украинский народ охранять свободу национального развития всех народов, проживающих в Украине, и признать "национально-территориальную автономию для обеспечения им права и свободы самоопределения..." был принят еврейской общественностью с удовлетворением. Все еврейские партии голосовали за III Универсал, провозглашавший Украинскую Народную Республику.

Центральной Радой создана Еврейская культурно-просветительная организация "Культур-Лига", активно работавшая до 1930 года.

Большим событием было создание Министерства по еврейским делам Украины с целью создания еврейской автономии. Первые шаги министерства были в области образования. Первым министром был Моисей Зильберфарб (1876–1934). В 1918–1920 годах он стоял во главе Еврейского народного университета и возглавлял Культур-Лигу. После отставки М. Зильберфарба в 1918 году пост министра занял Лацкий-Бертольди, покинувший этот пост в начале гетманского правления.

Центральной Радой была выпущена в оборот первая украинская валюта – ассигнация в 100 карбованцев. На них были надписи на четырех языках самых многочисленных народов Украины: украинском, русском, идиш и польском.

Год 1918 начался с провозглашения 9 января полной независимости Украинской Народной Республики (УНР).

В местных газетах писали о прошедших в феврале выборах в общинный совет Екатеринослава. Для проведения переписи еврейского населения и организации выборов были образованы Комиссии из представителей всех еврейских политических партий и организаций. В городе была зарегистрирована 41 тысяча избирателей. На выборы явилось 12 тысяч человек. Итоги выборов были следующие: список № 1 (Ахдус-Ам-Израэль) – 1114 голосов, № 4 (Фолкспартей) – 998, № 5 (Бунд) – 1791, № 6 (Сионисты) – 4578, № 7 (Поалей Цион) – 839, № 8 (Неуах Израэль) – 26, № 9 (группа евреев новых планов) – 158, № 10 (группа евреев – жителей Чечелевки) – 108.

По итогам выборов в состав общинного совета от сионистов вошло 24 человека, от ортодоксов – 10, Бунда – 9, 7 человек вошло от "объединенцев", по 5 делегатов от Поалей Цион и Фолкспартей. Но из-за начавшейся гражданской войны созданные руководящие органы общины не смогли приступить к полноценной работе.

На этих выборах главой общины был избран Моисей Брук, председателем исполкома – директор еврейской гимназии Павел Каган, его гимназия была эвакуирована из Вильно в Екатеринослав во время Первой мировой войны. Секретарем совета общины стал Израэль Липшиц. Были организованы различные отделы. Так отдел социальной помощи и здоровья возглавил врач Борис Ханис, секретарем отдела был Й. Ритов. Юридическим отделом руководил Аврум Барзовский, секретарем этого отдела назначили Израэля Идельсона. [117]

Ханис Борис, Институт еврейских исследований (ИВО), Нью-Йорк
Chanis Boris, YIVO Institute
for Jewish Research, New York

Борис Ханис. Институт еврейских исследований (ИВО). Нью-Йорк

10 марта в Екатеринослав из Полтавы переехал секретариат Украинского Советского правительства, а 21 марта состоялся переезд ЦИК Украины из Екатеринослава в Таганрог.

В марте в городе бесчинствовали анархисты, засевшие в гостинице "Пальмира" на Садовой улице (Серова).

В начале апреля Екатеринослав был занят австро-германскими войсками. Командование оккупационными войсками вывешивало приказы, запрещающие контакты местных жителей иудейского вероисповедания с солдатами: разговаривать с ними, гулять и т. п. [118]

Австрийский комендант в Екатеринославе вызвал к себе местных раввинов и представителей общины и, строго приняв их, прочитал по записке перечень еврейских проступков: что "Всемирный еврейский союз" занимается шпионажем в пользу Англии и Франции, что "евреи являются вожаками краж и мошенничеств на Украине". Комендант потребовал, чтобы община выдала властям этих шпионов и преступников, а также приняла резолюцию о своей ориентации на центральные державы, "так как известно, что евреи относятся недружелюбно к немцам". Еврейские политические деятели в то время, очевидно, не чувствовали себя запуганными такими угрозами и фракции Екатеринославского общинного совета приняли в ответ резолюцию о том, что "община с негодованием проходит мимо всех этих инсинуаций" и не находит нужным выносить резолюцию о своей ориентации".

В июне 1918 года состоялось заседание еврейского общинного совета под председательством М.Л. Бруштейна.

Газета "Приднепровский край" 18 августа 1918 года опубликовала клятву воинов-евреев, сражающихся в рядах украинской армии, следующего содержания:

"Я, ниже подписавшийся, обещаю и клянусь Господом Богом (в еврейском тексте Адонаи), Богом Израилевым в том, что желаю и должен верно и искренно служить Украинской державе и ясновельможному гетману, как верховному вождю украинских армий и флота, не щадя жизни своей до последней капли крови.

Врагам Украинской державы во всех военных случаях храбрый и мощный буду давать отпор. Всему, что государственной пользе может способствовать, буду стараться помогать и всякую доверенную мне по службе тайну буду хранить. Поставленному надо мною начальству, в том что пользы службы и державы будет касаться, должным образом безусловно повиноваться и обещания свои по совести исполнять буду, и для своей пользы, ничего против службы и присяги делать не буду. От своего знамени никогда не буду отходить и во всех случаях так себя держать и поступать буду, как честному, верному, послушному, храброму, способному (офицеру или солдату) надлежит и как перед Богом в том ответ дать могу. В этих делах да поможет мне Господь Бог душевно и телесно".

В Екатеринославе были сформированы еврейские отряды самообороны, но здесь, в отличие от Одессы, не было единого командования. Каждая из еврейских партий имела свою дружину, кроме того имелся отряд Союза евреев-воинов. Дружины были вооружены и во многих случаях им удавалось сдерживать погромы. Отряд еврейских рабочих-социалистов насчитывал 250 человек.

Существовала также дружина еврейской общины, организованная Екатеринославской городской управой. Дружина действовала в составе охраны города. Подробно о деятельности этой дружины и роли Менахема Мендала Шнеерсона рассказано в следующей главе.

В отрядах самообороны участвовали Менахем Мендл Шнеерсон – будущий Любавичский Ребе, и поэты Перец Маркиш, Михаил Светлов (Шейкман) и Михаил Голодный (Эпштейн), первые стихи которых были написаны в Екатеринославе.

19 декабря 1918 года немцы сдались петлюровцам, были разоружены и затем отправлены в Германию. В городе наступило "троевластие". Чечелевка была советской, центр города захватили петлюровцы. В нагорном районе стояла офицерская часть – 8-й корпус, ушедший на юг к Деникину. Власть в городе захватили сторонники гетмана Скоропадского. 27 декабря Красная Армия совместно с армией Н. Махно, разгромила петлюровцев, взяла Екатеринослав. Затем отряды петлюровских атаманов Самокиша и Саквы вновь овладели городом. [119]

Устраивали погромы войска С. Петлюры и Н. Махно, несмотря на то, что сами они были противниками погромов.

Известно, что С. Петлюра просил писателя С. Васильченко написать рассказ о маленьком страдальце-еврее с целью остановить погромы. В январе Петлюра утвердил смертный приговор казаку Полещику, занимавшемуся грабежами евреев на Херсонщине.

В армии Н. Махно была еврейская артиллерийская батарея и еврейская рота прикрытия (командир Шнейдер).

Эта рота в июне 1919 года, защищая Гуляй-Поле от денкинцев, сражалась до конца, до последнего бойца. Председателем Военно-революционного совета армии был Всеволод Волин (Эйхенбаум). Армейскую контрразведку возглавлял Лев Зиньковский, отбывший еще до революции десятилетнюю каторгу. Секретарем культпросвета была Елена Келлер. В этом отделе работали Иосиф Эмигрант (Гетман) и Яков Алый (Суховальский).

С участниками погромов Нестор Махно расправлялся беспощадно. Когда в мае 1919 года атаман Григорьев учинил в Елизаветграде погром, Н. Махно заявил: "Такие негодяи, как Григорьев, позорят всех повстанцев Украины". Григорьев был расстрелян вместе со своим штабом.

В этом же году Н. Махно в специальном воззвании писал: "... Величественная драма революционного повстанческого движения обречена безумной, дикой вакханалией антисемитизма, священная идея революционной борьбы поругана, оплевана чудовищным кошмаром зверского издевательства над еврейской беднотой, влачащей жалкое, рабское, нечеловеческое существование... Ваш революционный долг – пресечь в корне всякую травлю и беспощадно расправляться со всеми прямыми и косвенными виновниками еврейских погромов. Товарищи повстанцы! Очистите ваши ряды от бандитов, грабителей и погромного элемента!"

Несмотря на череду сменяемых властей и военную обстановку, в июле еврейское спортивное общество Маккаби организовало спортплощадки на Богомольском острове (Комсомольский). В этом же году в Екатеринославе на идиш вышла книга видного деятеля Бунда М. Рафеса "На пороге контрреволюции".

В октябре в городе состоялся концерт еврейской народной музыки.

13 декабря двумя бандитами, пришедшими под видом пациентов, был убит доктор Н. Эрлих. Это убийство потрясло многих и хоронил его весь город.

Газета "Приднепровский край" писала о том, что в декабре еврейская студенческая организация "Геховер" провела сходку в знак протеста против погромов в Польше и Галиции. Сообщалось также о том, что община Екатеринослава собрала средства в помощь пострадавшим в этих погромах.

Завершился 1918 год страшным погромом, когда 28 декабря погибло 1200 человек и было разгромлено 300 магазинов и 218 домов. [120]

В декабре 1918 года в городском кинотеатре "Колизей" выступала популярная опереточная и эстрадная певица Клара Юнг (Шпиколицер Хая-Риса Марковна), а первый ее визит в Екатеринослав состоялся в 1915 году.

Год 1919 начался с того, что 26 января Екатеринослав заняли части Красной армии. Но уже 12 мая город был захвачен войсками атамана Григорьева, издавшего универсал с призывом к поголовному уничтожению евреев. Спустя несколько дней город очистили от григорьевцев.

30 июня город был захвачен деникинцами. Погромы продолжались. На встрече еврейской делегации с генералом Деникиным от Екатеринослава был председатель общины М.С. Брук. Вот что писал об этой встрече И.М. Чериковер: "По ходу беседы генерал Деникин заметил, что при отходе большевиков из Екатеринослава там сконцентрировалось сто тридцать еврейских комиссаров. Делегация ответила, что еврейские комиссары фабрикуются чрезвычайно искусственно. Весьма часто обыкновенных простых евреев, которые никогда ничего общего с большевизмом не имели, возводят в чины комиссаров, дабы создать видимость их многочисленности.

...Что касается Екатеринослава, то без ужаса говорить нельзя: целыми улицами еврейские дома и магазины разгромлены дотла, сотни женщин изнасилованы, тысячи убитых. Вначале мы склонны были считать такое явление результатом "упоения победой", разгоревшихся страстей солдат, но были уверены, что скоро все это пройдет. На самом деле эти зверства и ужасы решительно не проявляют тенденции к прекращению. Эти зверства происходят также и на железных дорогах, на всем протяжении пространства, занятого Добровольческой армией. Из вагонов евреев выбрасывают буквально из окна. Ни один не может спастись, в лучшем случае он спасает жизнь ценой огромного выкупа". [121]

16 июля Красная армия занимает Екатеринослав, а 27 октября город вновь захватили части Н. Махно. В начале декабря, 8-го числа, части Добровольческой армии под руководством Слащева выбили из города армию Махно, а 30 декабря город окончательно занимает Красная армия. [122]

Об обстановке в городе Г. Игренов писал: "Жизнь вошла в обычную колею, что для Екатеринослава означало: напряженное ожидание нового боя в городе, в атмосфере, насыщенной кровавыми слухами.... Ждали Махно, Григорьева, Деникина, еврейских погромов. Все эти имена и понятия странным и жутким образом переплелись между собой. Удушливые пары национальной ненависти стояли над екатеринославским болотом и отравляли воздух. Было жутко..." [123]

С. Сергийчук в книге "Погромы в Украине" приводит красноречивый документ об обстановке в городе, хранящийся в

Харьковском государственном архиве:

"Сведения про погромы в Екатеринославе и его окраинах, учиненных деникинцами и махновцами 23 января 1920 г.

Первые полтора месяца пребывания в Екатеринославе белых ознаменовались массовыми грабежами населения (еврейского, по преимуществу) в домах и на улицах с избиениями до полусмерти ограбленных, умиравших по большей части впоследствии от побоев в больницах, и с изнасилованием женщин. Главными грабителями и насильниками являлись казаки и казачьи офицеры; принимали, конечно, участие и прочие представители Добрармии. Параллельно с грабежами, властями началось вылавливание "коммунистов", "большевиков" (коммунисты и большевики, по их понятиям, не одно и то же), чрезвычайников и лиц, принимавших активное участие в советском строительстве, по указаниям на улицах мальчишек и офицерских дам. Главной целью таких средств была жажда наживы. "Власти" отлично сознавали, что они не надолго и что времени терять нельзя, а потому большинство арестованных, совсем неповинных, после зверских побоев и издевательств, откупались большей и меньшей суммой.... Неумевшие или неимевшие возможности откупиться подвергались избиениям и издевательствам при каждом допросе, при каждом переводе из одного помещения в другое, а когда доходила очередь, расстреливались или умирали от изнеможения.

В отчаянном положении находились пленники-красноармейцы, раздетые догола при взятии в плен, содержащиеся в совершенно антисанитарных условиях, абсолютно без пищи и без ухода за больными.

...Пришествие в конце октября в Ек[атеринослав] 13 повстанч[еского] (быв. Советского) полка обошлось почти без насилий и грабежей, а население обрадовалось даже махновцам.... Но махновцы не удержались, дней через 8-9 снова пришли белые, и проснувшиеся на следующий день после прихода их жители увидели несколько сгоревших и дымившихся магазинов, остальные – пустыми, разбитыми и разграбленными, а еще через несколько часов не осталось дома, где под видом поисков оружия не были бы ограблены самым бессовестным образом жители. Теперь главное участие в грабежах выпало на долю "славного белого офицерства". Прохозяйничавши таким образом 4 дня, белые были изгнаны вновь пришедшими уже в гораздо большем количестве повставшими махновцами, давшими на сей раз полную волю повстанческим инстинктам. Недограбленное белыми было взято махновцами, перерывшими основательно не только квартиры, но и все чердаки, погреба, сараи. Жители были окончательно терроризированы – город, ежедневно обстреливаемый белыми с другой стороны Днепра, превратился в пустыню, по которой изредка шмыгали из одной улицы в другую согнутые тени запуганных жителей, ходили,

качаясь, группами и в одиночку пьяные махновцы, да по вечерам сливались в какой-то гул непонятные выстрелы с криками, пением и музыкой (вроде "Яблочко" или "Алеша, ша!") гулявших махновских начальников. Было и тут не мало грубого издевательства, изнасилований и пр. атрибутов разгулявшихся бандитов....

7-го декабря махновцы в Ек[териносла]ве снова сменили белых.... Началась эвакуация семейств и всего, что можно было вывезти из города. Эта эвакуация до того заняла их внимание, что контрразведка даже не успела развернуть своей деятельности, и несчастные екатеринославцы оказались зрителями всего лишь нескольких повешенных. Ничего не понимавшее население, а особенно буржуазия, видя с одной стороны непривычную тактику своих ставленников и боясь, с другой, нового прихода махновцев, сложила свои чемоданы и массами переправилась через Днепр и дальше на юг, и юго-восток. Вот, в общих чертах, картина жизни в Екатеринославе ко времени прихода в него наших войск".

Приведем воспоминания Рахель Блехман, также свидетельствующие об обстановке в городе в годы гражданской войны: "... С февраля 1918-го до января 1920-го территория Екатеринославской губернии была ареной жестоких боев. Город постоянно переходил из рук в руки. Первыми пришли немцы. Затем Екатеринослав был захвачен войсками атамана Григорьева. После них в город вступили белогвардейские части генерала Деникина. Их вытеснила Красная Армия. Каждый раз менялись лозунги и цвета флага, но было и нечто общее: приход очередной временной власти сопровождался еврейским погромом. Особо тяжелым было время, когда свирепствовали банды Григорьева – бывшего офицера царской армии, успевшего повоевать и за независимую Украину, и за красных, а потом решившего никому не подчиняться.... Ни одна банда, врывавшаяся в город, не обходила наш дом стороной.

В нашем доме и в соседних зданиях, объединенных общим двором, жило восемь еврейских семей. Однажды бандиты ворвались во двор. Отец понял, что может произойти, и бросился спасать жену и старшую дочь от насилия. Он действовал с неожиданными для него быстротой и самообладанием. Меня затолкал в чулан, где хранились инструменты и разный хлам. Броше он вымазал лицо сажей и до бровей повязал платок - никто не смог бы узнать в ней молодую красивую женщину. Погромщики уже поднимались по лестнице. Еще минута – и они начали колотить в дверь. Полуживая от страха, я слушала их крики. Они орали, что высадят дверь и перебьют всех, если им добром не откроют. Отец приоткрыл дверь и... сунул в руку тому, кто врывался первым, пачку денег. Погромщик оторопело уставился на них. Затем до него дошло, что лучше не делиться

добычей с остальной оравой. Он быстро сунул деньги за пазуху и крикнул остальным:

– Здесь жидов нет, айда к другим...

...Когда григорьевцы стали спешно убираться из города, мы поначалу вздохнули с облегчением. Приближалась деникинская добровольческая армия, и евреи по наивности полагали, что офицеры царской армии, культурные люди, установят порядок. Каков же был их ужас, когда выяснилось, что белые офицеры ведут себя по отношению к евреям не лучше бандитов. Грабежи приняли более организованный характер, они не всегда сопровождались насилием и убийствами. Но зато и грабили белогвардейцы более методично и основательно. ...В доме после грабежей и погромов почти ничего не осталось. Во время одного из последних налетов мародеры, сами уже голодные и оборванные, забрали даже старые тряпки. Один из них посадил на стол трехлетнего Гершеле и стащил с него обувь – может быть, для своего сына или чтобы поменять при случае на еду.

...С приходом красных погромы и налеты на еврейские дома прекратились. Жизнь стала безопасней, но еще бедней. Большевики сразу ввели ограничения на частное предпринимательство и торговлю. На глазах исчезали самые необходимые товары. В итоге подскочили и без того немислимые цены на черном рынке..." [124]

Из еврейских воспоминаний времен гражданской войны об обстановке в Екатеринославе:

"Шесть недель подряд, изо дня в день, из ночи в ночь, над Екатеринославом стон стоял – в буквальном смысле слова. По ночам город выл страшным звериным воем. То жители... пытались отпугнуть грабителей, осаждавших дома... Каждую ночь жители уходили из квартир: жутко быть ограбленным в одиночку. Собирались всем домом во дворах и ждали. По вымершим улицам передвигались группы теней – от дома к дому. Казаки под предводительством офицеров, вооруженные до зубов, храбро шли на обывательские квартиры... Подходят к воротам. Стучатся... "Откройте!" В ответ раздается многоголосое звериное: " О-о-о... А-а-а... О-о-о..." Наутро на всех базарах идет бойкая торговля. Награбленное добро быстро разбирается скупщиками. Обобранные жители покупают у грабителей собственные вещи... А ночью снова мрак, тени, хохот, пьяная песня и вой со дворов: "А-а-а... О-о-о..." Беззащитность вызывает к небу – больше не к кому..."[125]

И другое свидетельство: "На пути стоит поезд, ожидающий отправки в Екатеринослав. Нескончаемый ряд теплушек, переполненных пассажирами... Тишина и пустыньность. И вдруг – живые, громкие голоса. Группа теней идет по платформе вдоль поезда, от вагона к вагону... Стучат нагайкой у открытых дверей: "Кто тут евреи? Выходи". Молчание. Никто не выходит. И вдруг

слышится радостно предупредительный голос из вагона: "Вот... Вот тут евреи..." Две фигуры, вытолкнутые услужливыми руками, в смертном ужасе останавливаются перед казаками. "Идем". Их ведут к следующему вагону. "Евреи есть?" – "Есть, есть", – радостно откликаются оживленные голоса. Еще четыре человека изъяты из вагона. Ловцы идут дальше: "Евреи, выходи..." И раскатистый, разухабистый смех... Особенно – бабий. Спавшая неподалеку от меня женщина подняла голову, поглядела вслед казакам и спросила: "Чего это?" – "Евреев забирают", – спокойно деловым тоном сообщил сосед-мешочник. "Так им и надо", – изрекла удовлетворенно баба и опустила голову на мешок..."

Поезд: "Мы едем. В вагоне нескончаемые разговоры о большевиках и евреях. Мешочник, мастеровой, сельский учитель, конторщик, студент, баба немывтая и дама в завитушках – все трогательно солидарны. Непрерывно стучит в ухо: "Жиды... жиды... жиды..." И, кажется, колеса вагона выстукивают мерно и злобно: "Жид... жид... жид... жид..." На каждой станции – на стенах, заборах, водокачке, вагонах – тот же героический, возвышающий душу лозунг: "Бей жидов – спасай Россию"... Прибыли в Харьков. По улице с песней проходили войска. "Папа, – окликнул меня сын, – ты слышишь, что они поют?" Я вслушался. Ровным, молодцеватым шагом шла регулярная армия со знаменами, с офицерами впереди. Уже не казаки – пехота. И обычно в ясном тихом июльском воздухе гремела песня:

Выпьем за крест святой,
За литургию,
И дружно: "Бей жидов
И спасай Россию..."

Всего в 1918–1920 годах в 1300 населенных пунктах Украины имело место свыше 1500 погромов. По различным подсчетам число жертв погромов составляет от 75 тысяч до 200 тысяч человек. Около 200 тысяч евреев было ранено и до 300 тысяч детей осиротело. Свыше 1 миллиона человек стали беженцами. Всеукраинский Комитет помощи погромленным сообщал, что трагедия, переживаемая евреями Украины, "не имела себе примера со времен резни Хмельницкого..." [126]

Несмотря на погромы, чехарду сменяемых властей, город жил. Работали учебные заведения, выходили газеты. В 1919 году Перец Маркиш выпустил в Екатеринославе две книги стихотворений "Пуст ун пас" (Неприкаянный) и "Штифериш" (Шалость).

В декабре 1919 года город окончательно заняла Красная Армия, погромы прекратились, но жизнь еврейской общины,

насчитывающей к этому времени около 73 тысяч человек, общины, которая в начале XX века была одним из центров национального возрождения, стала замирать.

Правительство УНР выделило 20 миллионов гривен пострадавшим от погромов. В 1919 – начале 1920 года помощь евреям, пострадавшим от погромов в Украине, оказывали также зарубежные организации, прежде всего созданный в 1914 году Американский еврейский распределительный комитет (Джойнт). В ряде городов были восстановлены еврейские школы. В Каменец-Подольском университете были организованы кафедры еврейской истории и литературы. При академии наук Украины создана историко-археологическая комиссия, занимавшаяся историей украинского еврейства.

Под руководством Культур-Лиги находилось 283 еврейских учреждения (детские дома, школы, прогимназии, различные курсы, библиотеки). Вышли литературные сборники на идиш.

Инициатива упразднения всех форм еврейской самостоятельной жизни принадлежала членам Бунда и Объединенной еврейской социалистической партии, которые образовали в мае 1919 года отдельный Коммунистический союз (Комфорбанд) во главе с М. Рафесом и А. Мережиным. В Народный Комиссариат внутренних дел Украины ими был представлен меморандум, в котором выражалось требование ликвидировать все еврейские "буржуазные" партии и организации. В 1919 году был издан декрет, объявлявший иврит "языком реакции и контрреволюции", преподавание иврита в школах было запрещено.

В конце 1919 года при комитетах коммунистической партии стали действовать Еврейские секции (евсекции). Деятельность евсекций привела к разрушению всей еврейской школьной системы, культурных организаций и обществ. Спустя годы, в 1925 году газета "Рассвет" писала: "Этой евсекции было суждено заполнить позорнейшую страницу еврейской общественной летописи. За годы русской революции было немало постыдных поступков..., но никому печать Каина не была более к лицу, чем деятелям евсекции".

Глава 2. Свет Торы

2.1. Синагоги и раввины Екатеринослава

В 1867 году в городе действовали Хоральная синагога и четыре молитвенных дома. Во всей губернии существовали 11 синагог и 27 молитвенных домов. [127] Имеются данные о том, что в 1910 году в городе работали 21 синагога, а спустя два года – 38. [128] В 1920 году в Екатеринославе их уже стало более 40. Увеличение числа синагог объясняется ростом численности

еврейского населения за счет беженцев из западных губерний страны из-за военных действий во время Первой мировой войны, а также притоком евреев из разоренных войной и погромами местечек и колоний. Приведем список синагог и молитвенных домов, составленный уполномоченным по делам культов [129]:

Бет Шмуэль – ул. Исполкомовская, № 46; Гар-Ганегев – ул. Минина, № 12; синагоги на улицах: Фрунзе, № 20; Коцюбинского, № 7; Дарвина, № 32; Амур-Пожарная; Бет гамидраш гайашон – ул. Мостовая, № 3; Поалей Цедек – ул. Бабушкина, № 64; Кнесет Едидут – пер. Рябиновый, № 6; Огель Авраам – ул. Савченко, № 2; Бет Тфила – ул. Философская, № 30; Огель Матисьягу – ул. Боброва, № 12; Ашкинази – ул. Фрунзе, № 16; Сандомирского – ул. Красная, № 4; на ул. Шолом-Алейхема, № 4 в здании Хоральной синагоги располагались синагоги Бет Гамидраш, Агудит Ахим, Бет Гамидраш Гоельён; Бет Израэль – ул. Выборгская, № 9; Сомех Нофлин – пр. Калинина; Бет Ерахмиел – ул. Ленинградская, № 17; Газоф – ул. Гусенко, № 46; Кладбищенская – Амур, ул. Сергея Лазо; Огель Авраам Бет Тфила – ул. Философская, № 28; Бет Егуда – ул. Булыгина, № 10; Паалей Цедек – ул. Баррикадная, № 12; Огель Матисьягу – ул. Боброва, № 17; Мацудат Циен – ул. Ломаная, № 6; Клоиз – ул. Философская, № 33; Лурье – ул. Комсомольская, № 36; Самех Нофлин – ул. Выборгская, № 9; Млейхес Нхошет – ул. Артема, № 24; Тефилас Израел – ул. Комсомольская, № 34; Бет Янкель – Амур, ул. Октябрьская; Бет Гамидраш Талмуд – ул. 1-я Кайдакская, № 20; Кенаса, где молились караимы, была на ул. Миронова. № 4; Ойрах Тфила – ул. Миронова, № 9; Бет Янкель – ул. Миронова, № 18; Мишкан Давид – ул. Философская, № 7; Бет Гамидраш Гахадаш – ул. Фрунзе. № 20; Зикней Цедек – ул. Красная, № 31; Ховацелес Гашерей – ул. Кашена, № 1; Ан Шей Хаел Бойор – ул. Исполкомовская, № 12.

Существовала в 1915 году также синагога "Ойрах Мойше". Старостой которой был Я.И.Померанец, казначей О.Д.Белицкий, ученый раввин О.И.Туркевич. [130]

Управление еврейской общины располагалось на ул. Железная, № 14 (Миронова).

Примечательна многострадальная история Хоральной синагоги города.

В 1800 году была построена деревянная синагога на Еврейской улице (Шолома Алейхема). Эта синагога сгорела в 1833 году и на ее месте спустя десять лет построено каменное здание главной Хоральной синагоги города.

Актовая книга городской общины – "Пинкас", где фиксировались события, связанные с жизнью общины, сгорела во время пожара 1833 года. Новый Пинкас завел раввин Шапоринский. На основе сведений этой книги в "Екатеринославском юбилейном листке" опубликована заметка

анонимного автора "Из истории еврейской Хоральной синагоги", которую приведем здесь с незначительными сокращениями: "... до 1832 года был деревянный молитвенный дом, выстроенный, как гласит предание, около 1800 года. Это было простое здание, не отличавшееся ничем в архитектурном отношении, построенное во вкусе старого времени... Кто положил основание молитвенному дому и по чьей инициативе он возник... покрыто мраком неизвестности... Известно только, что в этом молитвенном доме постоянного кантора не было, для отправления же праздничных богослужений каждый раз нанимались канторы с певчими, в пении которых трудно было найти что-нибудь похожее на теперешнее стройное пение. Богослужение в этом молитвенном доме происходило по так называемому немецкому ритуалу (ашкеназ); при нем же находилась в особом помещении купальня для религиозных омовений; здесь же была и другая маленькая школа, в которой молились по испанскому ритуалу (сефард). Как мы уже сказали, молитвенный дом истреблен был пожаром в 1833 г. и место оставалось пустым, незастроенным до 1837 г. Члены екатеринославской еврейской общины, задумав приступить к сооружению нового молитвенного здания, не могли довольствоваться этим местом, так как по своей узкости и маломерности оно не отвечало проектам задуманной ими новой синагоги. Вследствие этого они вынуждены были приобрести за тысячу рублей ассигнациями еще участок смежной земли. Таким образом, прошло четыре года, и главные инициаторы не могли решительно приступить к осуществлению своих планов. Причин для этого было немало: контингент еврейского населения был тогда незначительный, торговля была в застое, промышленность не процветала, еврейское же население состояло преимущественно из бедных ремесленников, не обладавших достаточными средствами, чтобы явиться на помощь общине в этом святом деле. Но главной и более веской причиной, затормозившей на некоторое время постройку синагоги, была та, что местная администрация медлила с разрешением, долго не изъявляя согласия на эту постройку.хлопоты представителей общины долго не имели успеха, пока бывший новороссийский генерал-губернатор светлейший князь С.М. Воронцов не разрешил постройку синагоги по плану и фасаду, выданному из строительного отделения губернского правления. Это обстоятельство несколько приободрило влиятельных членов еврейского общества. Покойный местный богач Л.М. Кранцфельд, немало потрудившийся для блага своих единоверцев, в теплых словах сделал воззвание ко всему местному еврейскому населению, доказывая необходимость в постройке божьего храма. На его зов откликнулись почти все. Некоторые по мере сил и возможности внесли свою лепту немедленно, другие записались и свои пожертвования отдали впоследствии. И так, в 1837 г., при звуках музыки и общей радости, было приступлено к закладке здания синагоги. Кранцфельд был неутомим в своей

деятельности; как материально, собственными средствами, так и нравственным своим влиянием он воодушевлял и других на это дело. Как глубоко заложен был фундамент – неизвестно; достоверно только то, что он сидит в земле глубже семи аршин. Таким образом, работа шла безостановочно и постройка была доведена до нижних окон. Фундамент, однако, поглотил немало средств, так что при наличии имевшихся в распоряжении строителей денег нельзя было и думать о дальнейшем продолжении постройки. Коробочного сбора тогда еще не было, других источников дохода также не имелось, так что почти потеряна была надежда увидеть синагогу когда-нибудь оконченной. Разные посланцы, снабженные книгами и полномочиями на соби́рание пожертвований для благородного дела, разбрелись по городам и весям в черте оседлости, но их путевые издержки, их расходы едва покрывались пожертвованиями. Как раз в это время явилось на помощь Высочайшее повеление о взимании коробочного сбора и с разрешением местного начальства весь такой сбор за 4 года всецело поступил для синагогальных потребностей. Работа вновь закипела и постройка доведена была до купола. Кранцфельд, озабоченный казенными подрядами и поставками, не мог уже, как в начале, всецело отдаваться этому делу. Его место заступил тогда другой местный богач Трояновский, считавшийся знатоком в технике сооружений. К сожалению, эти технические познания его обошлись слишком дорого еврейской общине. Ему во что бы то ни стало хотелось, чтобы обезопасить синагогу от пожара, сделать каменный купол; а дабы вся тяжесть последнего не падала на стены, он соорудил внутри синагоги четыре каменные колонны для поддержания купола. Но когда купол был доведен до конца, стены дали трещины, колонны же по своей обширности также оказались неудобными, так как заслонили свет от окон. Пришлось разобрать и купол, и колонны и вновь соединить стены. Вскоре из-за личных распрей между Кранцфельдом и раввином Энгелем Трояновский вынужден был отказаться от участия в постройке синагоги, и дальнейшие работы опять затормозились на некоторое время. Кранцфельд со своей стороны также совсем отказался от участия. Он приступил к постройке смежно с синагогой каменного двухэтажного молитвенного дома (1841-1843 г.). Когда же раввин Энгель отказался от должности и его заменил Х. Добрускин, спор улегся и окончание постройки синагоги было поручено Вульффу Заславскому, доведшему ее до конца. Он заменил каменный купол деревянным и два года безвозмездно трудился для блага общества (1845 г.). С 1846 по 1850 г. бывшие члены духовного правления И.М. Станиславский и Л. Богуславский успели оштукатурить синагогу снаружи и внутри. Затем с начала 1861 г. старостой синагоги был утвержден В.И. Штейн. Его неутомимыми трудами, заботами и попечениями в синагоге был устроен кивот, купол красиво разрисован г. Берлявским, устроена была чугунная лестница, ведущая в

верхнее женское отделение, и для дам устроены две боковые галереи. В.И. Штейн прослужил старостою 22 года (1861–1884 г.). Будучи главным членом духовного правления, он установил правильный хор певчих и сделал некоторые реформы, придавшие богослужению наиболее соответствующий духу времени вид. При последующих членах духовного правления (М.В. Майданском, Г.И. Гербильском, Д.С. Штромберге и И.С. Тарнопольском) сделаны были некоторые капитальные преобразования в самой постройке синагоги. Так, они устроили среднюю женскую галерею, обе нижние галереи, подняли пол в синагоге, упорядочили места, покрыли масляными красками стены внутри синагоги и приобрели ценные вещи, необходимые для богослужения. ... необходимо указать на среднюю люстру, пожертвованную предводителем дворянства генералом П.А. Струковым, приносившим не раз пожертвования в казну местной еврейской общины". [132]

История люстры такова: "Однажды генерал П.А. Струков, в вечер под судный день у евреев, зашел в синагогу. Просидев здесь в течение вечерней молитвы, он по окончании богослужения обратился к старосте синагоги с просьбой дать ему синагогальную книгу и записал в ней, что, хотя хор вполне гармонично и стройно поет, но он находит, однако, что внутренность синагоги много теряет от недостатка украшений, и потому, желая выразить свое сочувствие местному еврейскому населению, жертвует для синагоги люстру, которую вышлет из Петербурга. Люстра эта получена через несколько месяцев и, как говорят, стоит более трехсот рублей".

Хоральная синагога (XIX в.). Коллекция Г.И.Гуляева

Вот как описывает Хоральную синагогу справочник "Весь Екатеринослав, 1913 г.": "Синагога помещается на Еврейской улице, недалеко от Успенской церкви [10-я горбольница – А.Б.]. Синагога сооружена в 1852 году и несколько раз перестраивалась. Это здание в мавританском стиле с большим куполом в центре. Особенное внимание обращает на себя восточная стена, где помещен колоссальный киот, в центре которого в особой нише хранятся свитки Ветхого Завета. К трем стенам синагоги приделаны обширные хоры. Это место для женщин, нижний зал для мужчин. Главная синагога всегда отличалась прекрасным синагогальным пением. В праздничные

дни она переполнена народом". Отметим, что екатеринославская Хоральная синагога была в числе первых, построенных в России.

В 1855 году раввином города служил учитель еврейского училища И. Горовиц, его помощником работал Гавриил Шапоринский. [133]

В 1884 году староста Хоральной синагоги М. Майданский, казначей Штромберг и ученый раввин И. Тарнопольский с целью увеличения числа мест для молящихся перенесли кафедру с середины зала к арон-кодешу.[134]

До переезда в Одессу в 1841 году в Екатеринославе жил выдающийся кантор Нисан Блюменталь (1805–1902). Первоначально он готовился в раввины, но его музыкальные способности побудили его стать кантором. "Обладая небольшим тенором, Блюменталь владел им с исключительной силой. Он первый ввел в России хоральное пение. Он был также композитором; черпая основную идею у выдающихся музыкантов, он ее успешно самостоятельно развивал. Заслугой Блюменталю является также сохранение и восстановление старинных синагогальных мотивов". [135]

В. Машуков в своих "Воспоминаниях об Екатеринославе" также пишет о том, что хотя на фронтоне синагоги выложена дата постройки "1852", ее сооружение выполнено ранее.

В 1857 году правительственным указом введены выборные должности казенного и ученого раввинов. Согласно правилам, кандидатом мог быть выпускник раввинского училища (а с 1873 года – еврейского учительского института) либо общего высшего или среднего учебного заведения. Избрание раввина утверждалось губернскими властями. В обязанности казенных раввинов входило принятие присяги у евреев-новобранцев и ведение книги записей рождения, бракосочетания и смерти.

Традиционные (духовные) раввины считались учеными советниками казенных раввинов.

Ученый раввин – официальная должность, существовавшая в 1844–1917 годах. Ученые раввины при синагогах и молитвенных домах входили в состав духовных правлений и были обязаны "объяснять сомнения, касающиеся богомоления или обрядов веры". При попечителях учебных округов они состояли для того, чтобы давать объяснения по еврейским предметам и контролировать преподавание этих предметов.

В начале XX века в ряде общин на должность казенного раввина избирались активисты сионистского движения.

Первым казенным раввином Екатеринослава до 1877 года был Г. Шапоринский. Затем почти двадцать лет, до 1898 года, обязанности казенного раввина выполнял З. Н. Шохор. [136] Третьим казенным раввином города с 1898 по 1904 год работал Шмарьяху Левин (1867, Свислочь, Минская губерния – 1935,

Хайфа, Израиль) – крупный сионистский деятель и еврейский писатель. [137] В детстве он получил религиозное образование, затем окончил реальное училище в Минске. Продолжил образование в Берлинском университете и раввинском институте, где получил диплом раввина, а затем в Кенигсбергском университете получил звание доктора философии. Был казенным раввином в Гродно (1896–97 годы). В 1898 году переехал в Екатеринослав. С 1904 года служил проповедником в Вильно. В 1901 и 1903 годах представлял екатеринославскую общину на 5-м и 6-м Сионистских конгрессах. В 1905 году Ш. Левин принял участие в создании "Союза для достижения полноправия еврейского народа в России". В следующем году его избрали от Вильно депутатом 1-й Государственной думы. После ее роспуска покинул Россию (1908 год) и жил в Берлине.

Последним казенным раввином города с 1904 по 1917 год служил Мендель Лейбович Бруштейн (? – середина 1920-х годов). [138]

В 1910 году на 10-м Сионистском конгрессе Ш. Левин стал членом правления Сионистской организации. Многие годы сотрудничал с Х. Вейцманом. В 1924 году поселился в Эрец-Исраэль, стал одним из создателей хайфского Техниона, занимался культурной и литературной деятельностью. Издал ряд книг, в том числе три тома воспоминаний ("Детство в изгнании", "Юность в революции", "Арена"). В 1966 году издан однотомник "Письма Шмарьяху Левина".

В начале XX в. старостой синагоги был М.Г. Гер, ученым раввином – А. Майданский, казначеем – В.Д. Каменский, оберкантором – Н.М. Лахман, вторым кантором – Г.М. Меерсон. Дирижером хора главной синагоги работал Израиль Борисович Марьяскин. Потом духовное правление главной Хоральной синагоги состояло из ученого раввина Мордуха Яковлевича Тавровского – почетным гражданином города; старостой синагоги был Давид Симонович Штромберг, казначеем – Арон Нусилович Чигиринский. [139]

В синагоге "Тефилась Израиль" в предреволюционные годы ученым раввином был Лазарь Хаимович Рабинович, старостой – Израиль Исаакович Вайнберг. [140]

В раввинате города состояли: М.Л. Бруштейн, П.И. Гельман, Л.-И. Шнеерсон, Бенъямин-Вольф Тодоросович Закгейн.

В Амур-Нижнеднепровске (ныне левобережная часть города) первая синагога открыта в 1890 году. Спустя двадцать лет здесь существовали 3 синагоги. В 1899 году раввином на Левобережье был Н.Т. Беренштейн, во время Первой мировой войны духовным лидером – Н.Ш. Сосонкин (1889–1975), учившийся в ешиве "Томхей-тмимим" в Любавичах. В 1920–1940 годах он активист религиозного любавичского подполья в СССР, в 1946 году выехал в Израиль. Н.Ш. Сосонкин – автор ряда книг по основам

еврейской философии и книги воспоминаний, изданной в Иерусалиме в 1980 году. [141]

У хасидов раввином был Эльхонон, ученик Третьего Любавичского Ребе Цемах-Цедека. После смерти р. Эльхонона, раввином назначили хасида Дов Бер Зеев Вольф Кожевникова. Каждый день до четырех часов дня он сидел в синагоге в талите, погруженный в молитву и Тору. Любой, кто обращался к нему за помощью, не уходил от него с пустыми руками. Его жена жаловалась, что он раздает все деньги, и ей невозможно содержать семью, в которой было 5 дочерей. Нищета не позволяла им выйти замуж. Тогда деньги стала получать она. После смерти раввина остался его долг, превышающий 4 тысячи рублей. Раввин Дов Бер Кожевников родом из местечка Добрянка из-под Чернигова. Воспитывался в хасидском духе. В 12 лет он знал намного больше своих сверстников. У него были проблемы с речью, так как был косноязычен. В 17 лет после посещения в Любавиче Цемах Цедека его речь стала внятной. Им было установлено время уроков, на которых он объяснял простым евреям тексты молитв и Торы. Скончался Дов Бер Кожевников зимой 1907–1908 года в возрасте 68 лет. В западной части города раввином служил Элияху Шмуэль Левин, приехавший в Екатеринослав в 1899 году из Никополя. Там он два года занимал пост раввина города после смерти в 1897 году своего отца рава Натана Левина – потомка р. Рефоэла из Гамбурга. До Элияху Левина раввином Екатеринослава был Биньямин Закгейм, в свое время сменивший на этом мосту раввина Ханаэли. [142]

В районе Чечелевки раввином работал Борух Заславский. Он умер весной 1908 года. В этом же году в 42-летнем возрасте умер раввин Элияху Шмуэль Левин.

Пинхас Гельман после смерти Б.-В. Закгейма в 1908 году, до своей смерти в 1921, был духовным наставником у митнагдим. Леви-Ицхак Шнеерсон в 1907–1939 годы служил главным духовным раввином у хасидим, а с 1921 года он стал главным раввином города. Работали в городе также раввины Нахум Гуревич и Хаим Акутни.

Канцелярия екатеринославского раввина находилась на углу улиц Кудашевской (Баррикадная) и Приказной (Я. Самарского). Заведовал канцелярией "письмоводитель" Лев Наумович Шифрин.

В 1917 году П. Гельманом основал ешиву "Бет Мидраш", где преподавание велось на иврите под его руководством. Сюда приняли около 50 учеников, большинство которых обучалось ранее в ешивах Литвы, ликвидированных во время Первой мировой войны.

Пинхас Гельман родился в 1880 году в Тараше под Киевом в семье раввина Исраэл Эфраима Гельмана. Учился у раввина Хаима Гродженского в Вильно, в Екатеринославе жил на ул.

Мостовой, был членом городской думы. Мечтал уехать в Эрец Исраэль и работать в Иерусалиме в университете на кафедре еврейского права. Изучая римское право, он проводил параллели с еврейским правом. Работал в екатеринославской ешиве. Среди его учеников были министр образования Израиля Залман Орэн, раввин Иехуда Лейб Левин и другие. Пинхас Гельман был сторонником сионистских идей, участвовал в сионистских съездах, печатался в "Ахдут", "Озман" и других изданиях. В 1908 году он был избран на должность раввина центральной части города и пробыл им до своей кончины в 1921 году после неудачной операции. [143]

Раввин города Иехуда Лейб Левин (1894, Никополь – 1971, Москва) приехал в Екатеринослав в пятилетнем возрасте вместе с родителями, где его отец Элияху Левин занял пост раввина. Учился И.Л. Левин в ешиве в г. Нежин, потом в ешиве "Кнессет бет Ицхак" в Слободке (рядом с Ковно), окончив ее в 1914 году, продолжил образование до 1919 года в "Бет Мидраше" в Екатеринославе. В начале 20-х годов присоединился к сионистскому движению. В 1921 году женился на Фрейде, дочери Арона Фельдмана – беженца из-под Пинска. До 1923 года был раввином в Екатеринославе. В конце этого года его пригласили раввином в Гришино (ныне г. Красноармейск Донецкой области). Здесь он жил до 1941 года, когда эвакуировался в Узбекистан. В 1944 году вернулся в Красноармейск. В 1946 году приглашен раввином в Днепрпетровск и работал в синагоге на ул. Коцюбинского до 1953 года. Из-за доноса уехал в Красноармейск, где жили его три замужние дочери с детьми.

В 1957 году он приглашен раввином Шломо Шлипером в Москву на должность руководителя единственной тогда в СССР легальной ешивы "Кол Яаков".

После смерти раввина Шломо (из-за сердечного приступа, вызванного давлением на него, связанным с подписанием петиции против сионизма) И.Л. Левин был избран раввином Москвы, одновременно руководил ешивой и советом общины.

В 1968 году И. Л. Левин посетил США, в 1970 – Будапешт. Его 75-летие в 1969 году широко отмечалось, приехали раввины из Израиля и стран Запада.

Иехуда Лейб Левин составил изданный в Москве "Молитвенник мира. Молитвы на весь год".

Каждый раз во время чтения молитвы Изкор он специально упоминал евреев убитых фашистами в Днепрпетровске. [146]

2.2 Жизнь и подвиги раввина Л.-И. Шнеерсона

Рабби Леви-Ицхак Залманович Шнеерсон родился 18 нисана 5638 года (21 апреля 1878) в местечке Подобрянка, расположенном вблизи Гомеля. Среди его предков был Алтер Ребе – потомок Магарала из Праги (создатель знаменитого Голема), чья родословная идет от царя Давида, а также Цемах Цедек (Шолом Шахне) – потомка Давида Альтшулера – автора "Мецудат Цион" и "Мецудат Давид". Цемах Цедек способствовал широкому изучению Талмуда в хасидской среде, активно противился проведению правительственного плана реформы еврейского образования. Большинство его сочинений сгорело во время пожара. Среди сохранившихся наиболее известны "Цемах Цедек" ("Профиль благочестия") и "Ор Ха-Тора" ("Свет Торы").

Тору Леви-Ицхак начал изучать под руководством раввина Подобрянки Йоэля Хайкина – дяди его матери. Он быстро превзошел своего учителя и самостоятельно продолжил изучение священных текстов. Ребе Раяц писал, что "уже с ранних лет Леви-Ицхак отличался необыкновенными способностями и прилежанием". Аттестацию (смиху) раввина он получил от крупнейших авторитетов того времени: рабби Элиягу-Хаима Майзеля из Лодзи и рабби Хаима из Бреста.

В 1900 году рабби Леви-Ицхак женился на Хане – дочери рабби Меира Шломо Янковского. Сосватал их Пятый Любавичский Ребе Шолом Дов-Бер Шнеерсон. После свадьбы молодые переехали в Николаев, где отец Ханы был раввином.

В 1907 году семья р. Леви-Ицхака переехала в Екатеринослав. Поселились они на втором этаже дома № 20 на ул. Железной (Миронова). В 1915 году Л.-И. Шнеерсон жил на углу улиц Александровской (Артема) и Больничной (Бородинской). Потом, в 1928–1934 годах жили в доме № 15 на углу Железной и Упорной (Глинки). А последняя квартира была на ул. Баррикадной, 13. По поводу номера этого дома р. Леви-Ицхак говорил, что по гематрии это то же, что и слово "эхад" (один), напоминая слова молитвы "Шма" – "Шма, Исраэль, Адонай Элэйну, Адонай эхад" ("Слушай, Израиль, Б-г всеильный наш, Б-г один").

Еще в Николаеве у р. Леви-Ицхака и Ханы 11 нисана 5662 года (18.4.1902) родился старший сын Менахем-Мендл. Позже в семье появились еще двое сыновей: средний – Дов Бер и младший – Исроэл Арье Лейб.

Назначение Леви-Ицхака раввином не прошло легко. Против его кандидатуры выступала часть ассимилированных и состоятельных евреев, которые хотели бы видеть на посту духовного руководителя общины менее ортодоксального человека. Зная это, Ребе Рашаб обратился с письмом к влиятельному екатеринославскому хасиду Файтелю Палею с просьбой о поддержке Леви-Ицхака. Ребе Рашаб в своем письме также выразил сочувствие общине по поводу потери такой

выдающейся личности, как рав Кожевников, и что следует из уважения к его памяти обеспечить благополучие его вдовы и членов семьи, а также расплатиться с имеющимися у них долгами. Ребе Рашаб отметил, что назначение раввином Леви-Ицхака соответствовало бы желанию покойного раввина, при этом написал, что он хорошо знает рабби Леви-Ицхака Шнеерсона и рекомендует его на пост раввина. Делу помог сын Файтеля – Шмарья Палей. Он получил хасидское воспитание, но после женитьбы отошел от религии и поменял свое имя на Сергей. Он являлся одним из лидеров сионистов города. Был занят управлением мельницы и лесопильным производством. Сергей Палей встретился с Леви-Ицхаком, они проговорили шесть часов. Обеспечив назначение р. Леви-Ицхака раввином, Сергей Палей стал одним из самых горячих его сторонников.

Началась полная трудностей работа р. Леви-Ицхака Шнеерсона на посту духовного лидера евреев Екатеринослава. Возглавив еврейскую общину Екатеринослава, Леви-Ицхак всецело отдался исполнению своих многочисленных и разнообразных обязанностей. Он решил добиться постройки миквы (бассейна для ритуальных омовений), так как старая пришла в негодность. Однако руководители общины не поддержали его, ссылаясь на отсутствие свободных денег. Тогда Леви-Ицхак снял новое пальто и положил его на стол.

– Оно стоило мне недешево, – сказал он, – но миква для меня еще дороже, и я жертвую свое пальто на строительство. В итоге микву построили на улице Банной (Баумана).

Не оставляли его и заботы о семье, об образовании сыновей. Трое братьев отличались необычайными способностями, всем им не подошел темп учебы в хедере, они быстро обогнали сверстников и учились отдельно.

Младший брат Арье Лейб несколько лет прожил в Ленинграде. В начале тридцатых годов он отправился в Святую землю. Здесь он и скончался совсем молодым (в 1952 г.), похоронен р. Арье Лейб на старом кладбище в Цфате. Мало что известно нам и о среднем сыне р. Леви Ицхака. Ешиботники, бежавшие из Невеля в Екатеринослав от преследований властей, встретили здесь Дов Бера и рассказали, как он их принял и позаботился о ночлеге и еде. В годы войны Дов Бера расстреляли вместе с евреями Игрени (пригород Днепропетровска). Здесь летом 1996 года на территории Межобластного клинического психоневрологического центра открыт памятник, надпись на котором гласит: "На цьому місці у 1942 році разом з іншими людьми був по-звірячому закатований німецько-фашистськими окупантами Дов Бер Шнеерсон – син головного раввина Дніпропетровська Ребе Леві-Іцхака Шнеерсона, рідний брат Любавичьського Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона. Хай буде вічна благословенна пам'ять про нього!" На церемонии открытия памятника присутствовала делегация раввинов Израиля, представители еврейских

общественных организаций, главный раввин города и области Шмуэль Каминецкий и другие.

О старшем из братьев известно больше. Любавичский Ребе Менахем-Мендель Шнеерсон десятилетиями находился в фокусе внимания, к его советам обращались государственные деятели и генералы, хасиды с трепетом передают из уст в уста каждое его слово.

В разделе 1.3 уже отмечалось, что в годы гражданской войны город захлестнула волна погромов, пик которых пришелся на 1919 год, когда были убиты сотни евреев. В ответ на это при поддержке городских властей была создана дружина еврейской самообороны, обеспеченная оружием и боеприпасами. Состояла она из двух отрядов. Дружинники получали зарплату, тренировались на стрельбище, у них было свое помещение на центральной улице города. Дружина состояла из 110 человек. Каждый отряд дежурил 24 часа, а затем сутки отдыхал. В критические моменты на охрану города выходили оба отряда, защищая не только евреев.

Давид Маркиш, сын погибшего в сталинских застенках поэта Переца Маркиша, рассказывал, что его жена, будучи в США в 1975, году была на встрече с Любавичским Ребе. Ребе Менахем-Мендл сказал ей: "Я хорошо был знаком с Вашим тестем, мы вместе служили в еврейской самообороне в Екатеринославе в 1919 году".

Раввин Адин Эвен-Исроэл (Штейнзальц) вспоминал, как много лет назад один из руководителей сионистов Екатеринослава Мордехай Гувер рассказал ему, как он был удивлен, узнав, что "за всеми действиями еврейской самообороны стоит 17-летний парень, сын раввина города. И этот парень сегодня Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон!"

Во время дела Бейлиса реб Леви-Ицхак Шнеерсон вместе с Менахем-Мендлом по рекомендации Ребе Шолом Дов Бера помогали адвокатам Бейлиса, объясняя содержание Талмуда и Каббалы. Это помогло разрушить все обвинения в кровавом навете.

В начале 1920-х годов Леви-Ицхак отправил сына в Ростов, к шестому Любавичскому Ребе Йосефу-Ицхаку Шнеерсону. В 1924 году они переехали в Ленинград и после ареста Ребе и его освобождения вместе покинули СССР. Тогда же состоялась последняя встреча отца со старшим сыном. В 1929 году Менахем-Мендл в Варшаве женился на дочери Ребе Хае-Мушке. Поздравляя сына с женитьбой, р. Леви-Ицхак писал: "Из самых глубин сердца моего благословляю тебя, сынок мой, отрада моя, с женитьбой на Хае-Мушке. В добрый час. И пусть Б-г наших святых предков, благодаря заслугам которых мы действуем и живем, раскинет над вашим домом завесу покоя и благополучия, чтобы он стоял непоколебимо. Наслаждайся счастьем с любимой

женщиной и в самом простом, и в самом глубоком смысле. Пусть заслуги вашего общего предка ребе Цемах Цедека и его супруги, имена которых совпадают с именем твоим и твоей супруги, защищают вас всегда. Идя путем Торы и соблюдая ее заповеди, пусть жизнь ваша полна будет мира, спокойствия и любого добра, какое только можно послать. Пусть вы будете гордостью и украшением еврейского народа...»

Рабби Леви-Ицхак в 1917 году принимал участие в съезде представителей еврейских общин в Москве. Любавичский Ребе неоднократно посылал Леви-Ицхака за границу, где ему приходилось встречаться с известными раввинами и общественными деятелями. По поручению Любавичского Ребе Леви-Ицхак организовал выпечку мацы для еврейских солдат, участвующих в Русско-японской войне.

После установления советской власти неизмеримо возросли трудности для верующих евреев. Обстановка в стране для евреев, соблюдающих заповеди Торы, была тяжелой. Они не могли работать на предприятиях, действующих в субботу. Власть не шла навстречу верующим. Положение многих семей было катастрофическим. Видя это, Леви-Ицхак организовал фонд поддержки нуждающихся прихожан синагоги, что вызвало резкое раздражение властей.

В феврале 1930 года началась международная кампания протеста против дискриминации верующих в СССР, что заставило советскую власть принять контрмеры. В Минске состоялся съезд, в котором участвовало 32 раввина. Этот съезд выступил с заявлением об отсутствии в Союзе дискриминации верующих и служителей культа. Подобный съезд в Украине в Харькове провалился из-за твердой позиции раввина Леви-Ицхака Шнейерсона.

К 1925 году авторитет Екатеринославского раввина вырос настолько, что ему предложили стать главой раввинского суда в Иерусалиме. Реб Леви-Ицхак отказался от этого почетного предложения, сказав: "Если я эмигрирую, не будет больше кошерного мяса, не будет миквы, вся религиозная жизнь закончится. Я думаю, что никто не сможет меня заменить здесь. Могу ли я уехать и уничтожить все это?"

Власти забрали в свои руки обеспечение евреев мацой. Разумеется, на государственных мельницах и пекарнях не было никаких условий, чтобы маца получилась кошерной. Они обратились к реб Леви-Ицхаку, как к главному раввину региона, поставить свою печать, подтверждающую кошерность мацы. Леви-Ицхак ответил, что он с радостью возьмет на себя ответственность за кошерность мацы, но он вынужден поставить определенное условие, заключающееся в том, что он поставит своих людей, которые будут контролировать процесс помола муки, что пшеница не соприкоснется с водой и т.п. И если этих

контролеров не будут ограничивать и не будут препятствовать их работе, только тогда раввин сможет засвидетельствовать кошерность мацы. В ответ государственные органы стали объяснять, мол такие требования являются антигосударственными, поскольку если не добавлять немного воды при помеле, то уменьшится общий вес муки, а это приведет к убыткам в тысячи рублей. И невозможно, чтобы государство терпело убытки ради того, чтобы мука была кошерной! На что раввин отвечал, что его совесть не позволит ему подтвердить кошерность муки, которая на самом деле кошерной не является! В конце концов, реб Леви-Ицхаку пришлось ехать в Москву на встречу с главами правительства (с Калининным или его подчиненными), чтобы объяснить свою точку зрения. В результате было дано указание, чтобы везде контролерам раввина Шнейерсона дать свободу действий и помогать им. И это все – несмотря на громадные расходы. Леви-Ицхак откошеровал две крупнейшие мельницы в городе. На них установили новые жернова. В пекарне, где пекли мацу, строго следили за тем, чтобы тесто не лежало на столе более 18 минут, как требует еврейский закон. Если тесто лежало дольше, его сразу отдавали в обычную пекарню. Со всей Украины и Белоруссии в Днепрпетровск приезжали люди за мацой.

Об отношении р. Леви-Ицхака к нуждающимся в помощи свидетельствует такой эпизод. Однажды в дверь к рабби Леви-Ицхаку постучались, было уже одиннадцать часов вечера. Само по себе это было не удивительно: должность главного раввина заставляла его порой вставать и среди ночи. За дверью стояла, настороженно озираясь, женщина. «Ребе, вы должны нам помочь!» – выдохнула она с порога. Рабби Леви Ицхак тяжело вздохнул и приготовился слушать. Как часто ему приходилось слышать эти слова, но если бы всегда все, о чем его просили, было в его власти... Однако на этот раз женщина пришла с неожиданной просьбой. Войдя в комнату, отдышавшись и успокоившись, она поведала о цели своего срочного визита. Ее дочь выходит замуж. Но молодые не могут и помыслить, чтобы их семейная жизнь началась без настоящей еврейской свадьбы – хупы. И вот теперь они все втроем приехали из далекого города (женщина не стала его называть, чтобы не накликать беды – времена были беспокойные) и утром уже должны отбыть обратно. «Ребе, вы должны это сделать прямо сейчас! Только вы можете нам помочь! Я уверена, вы все устроите наилучшим образом...» Легко сказать. Если эта еврейка могла положиться только на «реб Левику» (так за глаза звали рабби Леви-Ицхака), то на кого, интересно, должен полагаться он сам? Что ж, Б-г поможет и на этот раз. В полночь рабби Леви-Ицхак и ребецн Хана стали организовывать хупу. Срочно были приглашены надежные люди, которые должны были составить миньян (десять молящихся мужчин). Вместе с хозяином дома и женихом в столь поздний час удалось собрать только девять человек. Чтобы все было по

закону, не хватало еще одного – десятого. В том же доме, этажом выше жил еврей, который был председателем домового комитета и следил за всем, что происходит в доме у ребе, так сказать, в «свободное, от основной работы, время» (а, может быть, это и была его «основная работа»?). Его рабби Леви-Ицхак и пригласил в качестве «десятого»! Удивительная это была свадьба. Проходила она полуподпольно, без музыки, за зашторенными окнами, где в качестве самой хупы служила растянутая за четыре угла скатерть. Но разве все это помеха настоящему хасидскому веселью и тому великому чуду соединения двух чистых еврейских душ, которому не в силах помешать никакие режимы и запреты? Церемония началась. Лицо невесты, как и положено, было прикрыто. Она прошла семь раз вокруг жениха. Жених был одет с длинный кожаный плащ – очень напоминал комиссара, а может и действительно был им. Рано утром, еще затемно, гости стали расходиться. Счастливые жених и невеста с матерью отправились на вокзал – их ожидали еще семь праздничных дней, которые они также тайно отметят у себя дома. Рабби Леви-Ицхак вернулся к своим повседневным обязанностям. Хотя, если так рассуждать, устроить еврейскую свадьбу – разве это не его повседневная обязанность.

Но самая удивительная история приключилась с тем самым «десятым» евреем. С этого самого дня, точнее ночи, он стал преданным учеником рабби Леви-Ицхака. Скоро он окончательно вернулся к еврейству и еще не раз выручал учителя, заступаясь за него перед властями.

В 1939 году в СССР проводилась перепись населения. В анкете нужно было указать – верующий человек или неверующий. Многие боялись говорить правду и писали "нет". Узнав об этом, рабби Леви-Ицхак выступил в синагоге с пламенной речью, говорил, что евреи ни в коем случае не должны скрывать своей веры в Единого Б-га. Леви-Ицхака Шнеерсона вызвал начальник НКВД города, чтобы тот подтвердил отсутствие дискриминации верующих. Раввин врать отказался, и 28 марта 1939 года власти, рассмотрев оперативные материалы на главного Днепропетровского раввина Шнеерсона Левика Залмановича, пришли к решению что «под видом религиозной деятельности, Шнеерсон Л.З. проводит активную антисоветскую агитацию клеветнического и пораженческого характера. Имея регулярную связь со своим сыном – главным раввином г. Варшавы, являющимся крупным агентом польской разведки, а также со своим близким родственником – главным раввином г. Рига, Шнеерсон проводит организационную деятельность по сколачиванию кадров антисоветского клерикального подполья. Подозрителен по шпионажу. Право еженедельной проповеди в синагоге Шнеерсон использует для клеветы на советскую власть и ее руководителей. В широких размерах организует материальную помощь репрессированным врагам и их семьям. Исходя из изложенного и учитывая предложения НКВД УССР об

аресте Шнеерсона..., постановили: «ШНЕЕРСОНА Левика Залмановича, 1878 года рождения, еврея, беспартийного, по профессии служителя культа, главного раввина гор. Днепропетровска, подвергнуть аресту, возбудив против него уголовное преследование по признакам ст. 54-10 ч. II.»

В три часа ночи девятого нисана 5699 года (29.03.1939) в двери квартиры рабби Леви Ицхака постучали. В те времена ночных гостей ждали все, каждый знал, кто стоит по ту сторону порога. Четверо сотрудников НКВД предъявили ордер на обыск и постановление об аресте гражданина Шнеерсона. Особое внимание в ходе обыска было уделено пяти книжным шкафам. Один из «гостей» хорошо разбирался в еврейской библиографии, ему на заключение представляли трое других сотрудников каждую из нескольких тысяч книг. Все они были перелистаны, увязаны в пачки и опечатаны. Отдельно «специалист» упаковал книги Цемах Цедека и все, что относилось к Каббале. К шести часам утра обыск был закончен и старший приказал: «Одевайся, раввин, и пошли!»

Утром ребецн Хана попыталась выяснить в городском управлении НКВД, какова судьба ее мужа и куда он направлен. На все ее вопросы следовал лаконичный ответ дежурного: Не числится! Ей удалось вспомнить фамилию офицера, подписавшего постановление об аресте. Хасиды достали его служебный и домашний номера телефонов и невероятная по тем временам беседа между женой арестованного и высоким должностным лицом состоялась.

– У вашего мужа есть все необходимое: кошерная пища, молитвенник и молитвенные принадлежности, когда ему можно будет принести передачу, вам сообщат о времени и месте.

Следователь также назвал «учреждение», в котором заключен реб Леви Ицхак, но и там дежурный на все попытки осведомиться о судьбе заключенного, отвечал: – Не числится! Спустя несколько недель после страшной ночи 9 нисана, ребецн Хана получила официальное уведомление о месте содержания раввина Л.-И. Шнеерсона. «Раз в две недели, – говорилось в сообщении, – подследственный имеет право на пищевую передачу». Но и раз в две недели не каждому из заключенных удавалось получить передачу: охранник называл имена в алфавитном порядке и, если родственники опоздали или замешкались с ответом, право на передачу в эти две недели утрачивалось.

Накануне праздника Песах реб Леви-Ицхак переведен в Киевскую тюрьму и помещен в одну из самых «тяжелых» камер. Осенние праздники, называемые в еврейской традиции «грозными днями», в тот год суждено было реб Леви-Ицхаку провести среди взломщиков, насильников и убийц.

Арест раввина потряс горожан, члены правления синагоги Ляхов и Шифрин от переживаний скорострительно скончались. 14 мая были арестованы работники синагоги Абрам Самойлович Рогалин, Шлема Вульфович Москалик и Давид Мордухович Перкас.

Ни в Днепропетровске, ни в Киеве следователи ничего не добились от него. На допросах он называл фамилии евреев, к этому времени уже умерших или уехавших за рубеж. Раввина вернули в Днепропетровск. Следствие ужесточалось, подельников допрашивал заместитель начальника следственной части Чулков. Коллеги называли его "Грозным". Под пытками Рогалин и Москалик подписали свои "признания". Потом Рогалин заявил, что не владел собой в тот момент. Все то, что мне предъявили и я вынужденно подписал, – совершенная ложь, клевета, несправедливость.

11 августа начальник УНКВД по Днепропетровской области лейтенант госбезопасности Седов утвердил "Обвинительное заключение по следственному делу № 103129 по обвинению Шнеерсона Лейвика Залмановича, Рогалина Абрама Самойловича, Москалика Шлема Вульфовича, Перкаса Давида Мордуховича по ст. 54-10 4.2 и 54-11 УК УССР". В нем говорилось, что антисоветская деятельность Рогалина, Москалика и Перкаса проводилась по прямому заданию Шнеерсона. Через несколько дней раввина ознакомили с обвинением, ему инкриминировали связь с "еврейской клерикальной общественностью за границей", основание сети нелегальных касс для помощи родственникам репрессированных евреев, осуществление под видом религиозных обрядов антисоветской пропаганды в синагоге и дома. Дело было передано в Киев, где пришли к выводу, что "материалов, собранных для слушания дела в открытом судебном заседании, недостаточно". Однако, учитывая социальную опасность обвиняемых, было рекомендовано направить дело на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, было также учтено, что в материалах дела "есть данные, которые не могут быть использованы в судебном заседании". 23 ноября 1939 года реб Л.-И. Шнеерсон и другие были осуждены Особым совещанием. В конце декабря ребецн Хана была приглашена в управление НКВД. В комнате, куда ей было велено явиться, за длинным столом сидели четыре человека в форме.

– Пять лет ссылки в Среднюю Азию, – объявил приговор суда председательствующий.

– Как тяжело больной человек может выдержать этапирование и пять лет ссылки? – попыталась ребецн взывать к их милосердию и здравому смыслу.

– Гражданка, по месту ссылки вашего супруга ожидают вполне приличные условия жизни и сытная пища. К тому же его

не лишили его гражданских прав: в течение всех пяти лет он даже сможет принимать участие в выборах!

К месту ссылки, захолустной станции Чиили (Ташкентская железная дорога, 128 км. от Кзыл-Орды), Леви-Ицхак добрался дождливой промозглой ночью. Поиски «дома» нельзя было отложить на потом. Ссылных, разумеется, не ждало готовое жилье. В кромешной темноте, меся знаменитую непросыхающую чилийскую грязь, отправился реб Леви-Ицхак на поиски крова. Приютил его еврей-портной, сосланный в эти края давным-давно, женившийся на местной женщине-нееврейке и осевший в Чили навсегда. Свою первую ночь в ссылке р. Леви Ицхак провел на мокром полу в кухне, а наутро отправился на почту сообщить телеграммой ребецн Хане о прибытии на место. В этой же телеграмме он просил прислать ему самое необходимое: талит, тфилин, книги. Посылка пришла быстро, уже через три недели. Было в ней и немного продуктов, что было как нельзя более кстати: в Чили ссылные тяжело голодали, как впрочем и в других местах. По правилам ссылные должны были отмечаться в комендатуре раз в десять дней. Простой расчет показывает, что раз в два месяца день проверки приходился на субботу. Многие, в том числе и реб Леви-Ицхак, искали способ уклониться от обязанности подписать протокол явки в субботу и тем нарушить законы субботнего отдыха. Бинтовали правую руку, «забывали» дома очки. НКВДэшники, разумеется, понимали в чем дело и не упустили случая поиздеваться над «фанатиками». В том же году, вскоре после праздника Пурим, ребецн Хана присоединилась к мужу. Ближайшим к месту ссылки реб Леви-Ицхака городом с еврейской общиной был Кзыл-Орда. Соседство с ним позволяло ссылным в Чили несколько притупить чувство одиночества. Евреи из Кзыл-Орды (в подавляющем большинстве – тоже ссылные) изредка навещали и реб Леви-Ицхака.

Неоднократные обращения родственников осужденных в инстанции со ссылками на плохое здоровье, нетерпимые условия жизни оставались без ответа. Одно из заявлений Л.-И. Шнеерсона на имя Л. Берии рассматривалось также Особым совещанием 14 мая 1941 года и в пересмотре решения было отказано. В этом заявлении он писал: "Я старый человек, 70 лет, больной... Неужели я должен страдать безвинно до конца своей жизни... всю жизнь я служил Торе".

Об условиях жизни в Чиили раввина Леви-Ицхака и ребецн Ханы Шнеерсон свидетельствует письмо раввина детям, написанное 11 марта 1943 года: "Дорогие любимые дети мои! Несколько недель тому назад писал вам. Не дожидаясь вашего письма, пишу опять. Я живу здесь уже около 4 лет, а мама приехала ко мне 2 года назад на Пасху... Все наше имущество: одеяла и тому подобное – осталось дома, и мы без ничего, без средств к существованию. Мы, слава Б-гу, живы, но здоровье наше очень слабое и часто бодем. О! Как бы хотелось на

старости лет быть около детей, а мы среди чужих, знакомых нет. Прошу вас сейчас же по получении этого письма написать нам о вашем здоровье и как вы живете, а также выслать нам посылки: вещевые – белье нижнее и теплое, отрезы на костюмы, также ботинки – мне (№ 43) и маме (№ 38) и тому подобное, а также продуктовую посылку.

С нетерпением ждем вашего письма. Целую крепко, ваш отец Лейвик. Привет от мамы. В следующем письме она тоже будет писать".

Прошли пять лет ссылки, но страданиям и неустроенности не было видно конца. Реб Леви-Ицхак, как и другие отбывшие ссылку, был ограничен в выборе места проживания. Незадолго до окончания срока среди ссыльных поползли слухи (оправдавшиеся впоследствии), что и по окончании войны они не смогут вернуться домой. Другьям и почитателям реб Леви-Ицхака удалось через цепочку знакомств добиться перевода ссыльного в Алма-Ату.

В апреле 1944 года раввину с женой разрешили переехать в Алма-Ату. Там было много хасидов, и в первую же субботу раввин молился в миньяне на окраине города.

Тяжелые условия жизни в ссылке дали себя знать. У него обострились старые болезни. Накануне кончины рав Леви-Ицхак сказал другьям: "Пора перебираться на другую сторону..."

Скончался он 20 ава 5704 года (25 июля 1944 года). Его могила на еврейском кладбище в Алма-Ате стала местом поклонения.

Все годы, проведенные р. Леви-Ицхаком в ссылке и, затем, в Алма-Ате, были наполнены плодотворной и глубокой работой по комментированию классических книг иудаизма. Были написаны книги, изданные впоследствии под названиями: «Ликутей Леви-Ицхак» – комментарии к книге «Тания»; «Ликутей Леви-Ицхак» – комментарии к книге «Зоар»; «Торат Леви-Ицхак» – комментарии к Талмуду.

Ребецн Хана делала все, чтобы ее муж мог в этих условиях жить и работать. Не было чернил и бумаги – и она готовила чернила из трав, а за бумагу отдавала самые необходимые вещи.

После смерти Леви-Ицхака верная Хана сделала все, чтобы сохранить и переправить его труды в Америку.

В одной из своих статей, посвященной ребецн Хане, раввин Шмуэль Каминецкий писал: "Возможно, теперь все кажется простым и обыденным. А в то время это был героизм. Поступая так, она сделала больше, чем жена раввина, и подвиг ее должен служить для всех женщин образцом самоотверженности и преданности Великому Делу. Сегодня не то время, и от нас не требуется такого самоотречения. Жизнь и поступки замечательной ребецн Ханы, годовщина смерти которой

отмечается 6 тишрея, продолжает служить примером: как в самых трудных и сложных ситуациях нужно не падать духом и не опускать руки... В имени Хана – первые буквы трех важнейших для семейной жизни мицв. Великая женщина с честью носила это имя. Мы будем всегда помнить о ней".

Реабилитировали р. Леви-Ицхака Шнеерсона в 1989 году.

В 1995 году в США и в Израиле вышла трехтомная биография Леви-Ицхака. В создании этой книги принимал участие ученик Ребе Менахема-Мендла главный раввин Днепропетровска и области Шмуэль Каминецкий. Материалы этого трехтомника и другие издания и были использованы для написания этой главы. [145]

Глава 3. Еврейское образование

Тысячелетиями образование евреев было сконцентрировано в ешивах и хедерах. Ешивы стали главными центрами, где сохранялась и развивалась еврейская культура, кроме того, ешивы до XIV века помимо образовательных выполняли и законодательные функции.

В середине XVIII века в Европе возникло движение хаскала (просвещение), основанное философом Моисеем Мендельсоном (1729 – 1786), считавшим, что основные принципы иудаизма совместимы с требованием современного мира. Последователи хаскалы в России – "маскилим" (просветители) поддерживали интеграцию евреев в современное общество. Но маскилим не получили широкой поддержки еврейства и хотя не привели к массовой ассимиляции, тем не менее это движение способствовало развитию еврейского образования. Одним из страстных поборников еврейского просвещения был Иехуда Гордон (1830-1892). Его строка из стихотворения "Хакима, ами" (Пробудись, народ мой): "Будь евреем в шатре своем и человеком, выходя из него", – стала девизом еврейских просветителей XIX века.

В российской империи принятое в 1804 году "Положение о евреях" открыло им доступ во все учебные заведения. В черте оседлости учредили губернские и уездные училищные комиссии, в которых содержатели хедеров и меламеды (учителя) получали годовые свидетельства на право преподавания. В хедерах введено изучение русского языка. В 1833 году 12 евреев приняты в гимназии восьми губерний черты оседлости. В 1835 году среди двух тысяч студентов российских университетов было 11 евреев.

В 1841 году в общих учебных заведениях, находившихся в ведении Министерства народного образования страны, обучалось 238 евреев, в том числе в Одесском учебном округе, охватывающем и Екатеринославскую губернию, училось 39

человек. Из них в университете один человек, в гимназиях – 26, уездных училищах – 10 и в приходских училищах – 2. В частных училищах страны было 495 мальчиков и 170 девочек, по Одесскому учебному округу – соответственно 272 и 39. [147]

В 1844 году Николай I подписал указ "Об образовании еврейского юношества", по которому создаются еврейские школы двух разрядов, соответствующие приходским и уездным училищам. Были открыты два раввинских училища (в Вильно и Житомире). Указ сопровождался секретной инструкцией, в которой говорилось, что целью просвещения евреев является их сближение с христианством.

В созданных этим указом казенных еврейских училищах преподавателями общих предметов назначались христиане, учителя-евреи вели только еврейские дисциплины. В 1852 году из 24 учебных часов в неделю еврейским предметам отводилось 13,5 часов (сюда входило изучение Торы, основ Галахи и еврейской этики). Обучение в училищах было бесплатным, содержались они за счет свечного сбора, поступлений с откупа двух типографий и пошлин с еврейских книг, ввозимых из-за границы. Первые училища были открыты в 1847 году в Вильне и Житомире. В середине 50-х годов в Одесском учебном округе работало 10 училищ. Из-за своей непопулярности среди еврейского населения большинство училищ в 1873 году закрыли. Ряд училищ были преобразованы в еврейские начальные школы.

В 1850 году в Екатеринославе открыто еврейское училище 1-го разряда, в котором в 1855 году обучались 40 человек. Это училище закрыли в 1873 году. В 1857 году открылась Талмуд-Тора. М. Владимиров в своем докладе "Первое столетие Екатеринослава" писал, что в Талмуд-Торе "кроме дарового обучения беднейшие дети получили одежду, обувь, учебные пособия и т. п., приобретаемые на пожертвования. Школа состояла в ведении особого попечительства, избираемого еврейским обществом на три года. Для школы купили дом на Успенской площади". [148]

В 1863 году по всей России в гимназиях находилось 17320 учащихся, среди них училось 552 еврея (3,2%), в 1870 году евреи составляли уже 5% от общего числа учащихся, а в 1879 – 11,2%. [149]

В 1864 году в Екатеринославе действовало одно еврейское казенное училище, одна Талмуд-Тора, 15 хедеров. [150]

В этом же году группа еврейских купцов города обратилась в Петербург в комитет ОПЕ с просьбой расширить изучение русского языка. Кроме этого ими ставился вопрос о предоставлении права избрания городского головы. [151]

В 1850–1860-е годы инспектором Одесского учебного округа работал известнейший врач и педагог Николай Иванович

Пирогов, уделявший много внимания еврейскому образованию и способствовавший учреждению первой еврейской газеты на русском языке "Рассвет". Выступая в 1861 году перед еврейскими старейшинами, он сказал: "Вы, милостивые государи, выражаете мне сочувствие за то, что я сам сочувствовал еврейской нации. Но это не заслуга, это лежит в моей натуре, я не мог действовать против самого себя". [152]

В 1867 году в Екатеринославской губернии было 4 еврейских казенных училища со 162 учениками. Работала одна Талмуд-Тора (80 учеников). 49 меламедов в хедерах обучали 444 человека. Существовали две женские еврейские школы. [153]

Хедеры являлись частными школами, в которых учились только мальчики, обучение обычно происходило на квартире меламеда (учителя). Занятия организованы, как правило, в трех группах. Младшая группа (с трех лет) учила азбуку и чтение ивритских текстов без перевода. Средняя группа (с пяти лет) изучала Тору с комментариями и начальные сведения о Талмуде. Старшая группа (с восьми лет) занималась изучением Талмуда.

С 1845 года учителям в хедерах – меламедам – требовалось сдавать экзамены по грамматике иврита и другим еврейским предметам, а через три года еще и по русскому и немецкому языкам. Не сдавшие эти экзамены содержали нелегальные хедеры. В конце XIX века надзор над хедерами был вменен в обязанность раввинам. В 1879 году 9 тысяч меламедов обучали около 50 тысяч детей. В 1898–99 годах хедер посещало 53,8 % еврейских детей.

В 1878 году в Новороссийском (Одесском) университете училось 28 евреев, а в 1886 их число достигло 172. Число евреев в российских университетах за период с 1865 по 1887 год возросло в 13 раз (со 129 до 1739 человек). В 1911 году в университетах империи было 3602 еврея (9,4 %), в университете Одессы – 513 человек (18,5 %). В технических институтах – 997 человек (8,7 %), в гимназиях – 17538 (9,1 %), городских училищах – 14356 (8,8 %), начальных школах – 55002 еврея (1,2 %). В Харьковском университете в 1878 году было 28 евреев, а в 1886 – 414. [154]

"Екатеринославский юбилейный листок" (№ 25, 1887) поместил статью "По поводу юбилея. Из жизни Екатеринославских евреев", написанную Х. Вербовым, отец которого преподавал в еврейском казенном училище Тору и немецкий язык. Автор писал, что в истории общины города можно рассмотреть "три периода: один длился до начала пятидесятых годов, другой – включает в себя пору так называемого отечественного расцвета и третий – начинается около времени обнародования всеобщей воинской повинности. Первый характеризуется... исключительно религиозным принципом в обучении... Второй период отражает в себе общее

просветительное влияние на евреев совокупных усилий правительства, периодической печати и литературных трудов, умственного будителя русских евреев – Ицхака Бера Левинзона. В начале этого периода правительство учреждает в Екатеринославе казенное еврейское училище, представлявшее... попытку создать для евреев школу на двух образовательных началах – еврейском и русском... В то же время на горизонте еврейского образования начинает появляться светлая плеяда пионеров левинзоновских идей... и впереди всех еврейский педагог Моисей Синайский, отец теперешнего бухгалтера городского банка С. Синайского, бывший первым преподавателем еврейских предметов в казенном еврейском училище". [155]

Далее автор пишет о том, что в обществе зреет сознание необходимости общего образования, которое на первых порах ограничивается изучением языков и ... долгое время чуть ли не единственным преподавателем русского и немецкого языков был его отец Абрам Яковлевич Вербов, сослуживец Синайского в училище. Французский язык преподавал Зильберг. К концу второго периода – преимущественно с 1870 года отмечается заметное стремление к обучению в общих гимназиях.

Далее Х. Вербов отмечает: "Последний период знаменуется массовым стремлением еврейского населения в общие учебные заведения...". Пишет также о том, что "лет 35 – 40 тому назад мы застаем во всем Екатеринославе ... чуть ли не единственного студента-медика, сына портного Айнгора, в каникулярные свои приезды возбуждавшего своею изящною чисто русской наружностью смущение набожных екатеринославцев-евреев и зависть... двух еврейских мальчиков – сыновей чрезвычайно любимого в тогдашнем обществе виртуоза-скрипача Иосифа Бака...". Характеризуя обстановку в конце XIX века, Х. Вербов пишет: "В настоящее же время еврейские дети всех сословий и всех религиозных фракций, за исключением кандидатов в талмуд-тористы, сплошь получают свое образование в средних общих учебных заведениях, в которые поступают даже с подготовительного класса, так что гимназия всегда переполнена еврейскими детьми, и многим приходится отказывать за недостатком мест, и рядом с этим ежегодно возрастает контингент еврейской интеллигенции с университетским образованием".

Отметим, что первый еврейский ученик в городскую гимназию был записан в 1851 году, а в 1865 году их уже 39. В 1881 – 1882 учебном году в общих гимназиях училось 153 еврея. Одним из первых выпускников городской гимназии, потом закончивший медицинский факультет университета, был Э. Айнгорн, работавший позже врачом в Бердичеве. [156]

Часть элиты города, среднего класса и интеллигенции принимала активное участие в составлении программ обучения в еврейских учебных заведениях. В 1880 году в Талмуд-Торе было введено обучение ремесленному делу. Уделяли они также больше

внимания организации благотворительности. Так группа, руководимая И. Оршанским привлекла 60 благотворителей. [157]

В городскую женскую прогимназию, открытую в 1883 году, приняли 35 учениц, из них евреек было 13. Спустя три года из 164 учениц их уже стало 58. В школе Екатеринославского городского общества в 1887 году из 279 учениц евреек было 88. [158]

В 1888 году в Талмуд-Торах и в 12 хедерах города обучалось 312 мальчиков. В 10 частных еврейских учебных заведениях училось 110 мальчиков и 152 девочки. [159]

В 1898 году в Екатеринославской губернии работали 53 еврейские начальные школы, 3 казенных училища, 6 Талмуд-Тор, 6 общественных и 38 частных училищ. Были также 121 хедер с 1322 учениками, т.е. в одном хедере в среднем было 11 учащихся. В самом Екатеринославе в 1903–04 учебном году насчитывалось 25 еврейских училищ, 3 Талмуд-Торы, 1 казенное училище, 89 хедеров. Кроме этого были 2 женских курса, где работали 23 учителя на 295 учениц. [160]

В конце XIX века в Екатеринославе в целом действовали три гимназии, реальное училище, семь трехклассных и двухклассных народных училищ, семь церковно-приходских школ, две школы грамоты, семинария, два духовных училища, 142 частных училищ. Всего обучалось 5139 мальчиков и 368 девочек. [161]

В 1903–04 учебном году в Коммерческом училище из 359 учеников евреев было 143 (39,8 %), а членом попечительского совета в этом училище был Моисей Юдович Карпас. В 1-м реальном училище евреи составляли 10,9 % (44 ученика). В Мариинской женской гимназии из 532 учениц евреек было 141 (26,5%). В городской бесплатной женской школе еврейские ученицы составляли 35,7%. [162]

Во 2-м реальном училище в 1902 – 1911 годы число учащихся евреев было [163]:

Год	1902	1904	1906	1908	1910	
Количество учащихся	14	27	49	49	59	
%	10	10,84	13,35	10,86	11,5	

В общих учебных заведениях работали преподаватели еврейской веры. Так, в классической гимназии законоучителем был Эльяс-Абрамович Татарский, а в коммерческом училище преподавал доктор философии Александр Самойлович Брагин.

В 1885 году раввин Зеев (Владимир) Шахор, выпускник Виленской раввинской семинарии, создал в Екатеринославе "Союз еврейских учителей". Спустя 10 лет здесь работали 135

учителей, меламедов, адвокатов, врачей и инженеров. Кроме этого В. Шахор возглавлял одно время также "Общество взаимовспомоществования учащим и учившимся евреям г. Екатеринослава". [164]

Расскажем более подробно о еврейских учебных заведениях Екатеринослава, при этом следует иметь в виду, что адреса их в различные годы менялись, поскольку большинство из них находились в арендованных помещениях. Приведенные данные относятся к началу XX века, к предреволюционным годам.

Талмуд-Торы

В Екатеринославе в 1914 году существовали три Талмуд-Торы, традиционные религиозные школы, находившиеся на содержании общины. К преподаванию в них допускались лица, имеющие квалификацию не ниже частного учителя. В конце XIX века проведена реформа Талмуд-Тор, в результате которой кроме еврейских предметов здесь стали изучать русский язык и ряд общеобразовательных дисциплин. На одного учителя полагалось 30 учеников. В 1898 году только пять процентов преподавателей имели высшее образование. Контингент, в основном, состоял из мальчиков бедных семей. [165]

1-я Талмуд-Тора располагалась на улице Банной (Баумана). Председателем попечительского совета школы был А.С. Брагин, членом совета – А.Б. Геккер, казначеем – М.С. Брук, секретарем – М.И. Бекман. Учительский персонал состоял из 4-х человек: Моисея Иосифовича Бекмана (заведующий), И.С. Татарского, И.Я. Цукермана, М.Г. Могилевского. При школе работали врачи: Х.М. Добрускин и П.М. Виноградов (зубной врач).

2-я Талмуд-Тора находилась на углу улиц Казанской (Карла Либкнехта) и Украинской. Попечительский совет школы: председатель – М.З. Мошкевич, его заместитель – И.З. Аронов и казначей – Я.А. Поль. Заведовал школой Мирон Борисович Гольдберг. Учителями: Я.Б. Загорский, Л.С. Чернявский, И.М. Дворкин, пение преподавал Израиль Борисович Марьяскин. 3-я Талмуд-Тора располагалась на улице Философской в доме № 50. В попечительском совете школы состояли И.Л. Корин, Л.Л. Новодворская, Рубинштейн и Л.М. Лившиц. Учителями работали Арон Мордухович Лапидус (заведующий), С.Г. Гохбарг, М.С. Полонский и Израиль Борисович Марьяскин. Врачом школы работал Книрель.

Школы

Екатеринославское казенное еврейское училище находилось на углу улицы Базарной (Чкалова) и переулка Ушинского. Заведовал училищем Яков Моисеевич Вайнберг.

"Центральное общество попечения об учащихся-евреях в низших школах г. Екатеринослава" опекало следующие учебные заведения.

Бесплатная школа для девочек по программе четырехлетней гимназии имела 6 отделений. Школа находилась на улице Воскресенской (Ленина) выше улицы Чкалова. При этой школе существовали вечерние курсы для взрослых девушек. На этих курсах училось свыше 150 человек. В самой школе насчитывалось около 280 учениц.

Вторая бесплатная школа для девочек располагалась на улице Московской в доме № 7. Школа имела 4 отделения. Окончившие ее могли поступать на 5-е отделение первой школы. Число учениц достигало 160 человек.

Председателем общества была В.Д. Цацкина, заместителем – Ф.Э. Ротенберг, секретарем – М.М. Гольдштейн, казначеем – Е.М. Гольдштейн. В состав правления входили С.П. Палей и Г.М. Карпас.

"Общество попечения о детях евреев" содержало две женские школы, находившиеся в одном здании на улице Базарной (Чкалова). Одна школа была трехклассной с подготовительным отделением. Кроме того имелась группа "звуковиков", занятия в которой проводились только устные, так как дети этой группы, в основном сироты, требовали предварительной подготовки к обучению. Вторая школа была ремесленной с программой трехлетнего обучения портняжному делу.

Школа общества попечения о детях евреев.

Первую бесплатную женскую школу в Екатеринославе открыли в 1895 году, и в ней начали учиться 50 девочек. Созданное в 1908 общество попечения о детях евреев взяло под свою опеку эту школу, где уже было около 150 учениц. В следующем году уже училось 184 человека, а в 1910 – 200 учениц и в 1911 – 259. Школа была трехклассной. Имелся подготовительный класс – 62 девочки. Существовала группа из 29 человек, в большинстве своем сирот, которые по своей подготовке не годились даже в подготовительный класс.

Возраст учениц был от 8 до 15 лет. В основном это были дети ремесленников – 89 человек, рабочих – 30, извозчиков – 24 и сироты – 43 человека.

Учащиеся получали помощь в виде книг, одежды, обуви, сама учеба была бесплатная. Остро нуждающиеся получали бесплатные обеды и чай.

Занятия начинались в 9 часов утра и продолжались до 14.10 в младших классах и до 15.10 в третьем классе. Приведем некоторые данные по распределению учебных часов. "Звуковики" занимались 9 часов в неделю – русский язык и арифметика. В подготовительном классе изучали русский язык, арифметику, законы еврейской веры и еврейскую историю, а также рукоделие – всего 28 часов в неделю. Столько же часов составляла нагрузка в 1-м и 2-м классе, но здесь к указанным дисциплинам

добавлены были пение и рисование. Учебная нагрузка в 3-м классе составляла 34 часа, дополнительными дисциплинами были – история, гигиена и гимнастика.

На Пурим устраивались детские праздники, раздавали угощение, были игры и танцы. В конце учебного года устраивались прогулки на Воронцовский остров. В этой поездке принимали участие учителя, 2-й и 3-й классы. Выпускной класс посещал Брянский завод (ныне завод имени Петровского), а младшие классы обычно посещали "кинематограф Ролля". Ученики за время учебы дважды посещали музей Поля (ныне Исторический музей имени Яворницкого).

В школе регулярно проводились заседания педагогического Совета (в 1911 году их было 20), на которых, помимо текущих дел, обсуждались новые течения в педагогике. Из 14 учителей трое имели высшее образование.

Ремесленная школа "Общества попечения о детях евреев"

Школа открыта 1 сентября 1911 года. Находилась в том же здании, где располагалась трехклассная школа Общества.

Трехлетнее обучение позволяло выпускать квалифицированных портных по "пошиву дамского и детского платья". Учебная нагрузка составляла 45 часов в неделю, из них 33 часа выделялось на освоение ремесла, а из общеобразовательных предметов преподавались: русский язык (3 часа), еврейский язык и история (1), география (2), рисование (2), история, гигиена, пение, гимнастика (по 1 часу).

В 1911 году было принято 25 учениц (среди них детей ремесленников было 9 человек, мелких торговцев – 6, учителей – 3, а также 5 сирот). Предпочтение отдавалось ученицам, окончившим начальную школу Общества, но принимались и выпускницы других городских школ.

Обучение было бесплатным, беднейшие получали одежду и обувь. Все ученицы пользовались бесплатной медицинской помощью. Дети находились в школе в течение всего дня: с 8 часов утра до 18 часов вечера. Горячие обеды были "по баснословно дешевой цене". Устраивались традиционные детские праздники и лотереи.

О бюджете школы свидетельствуют такие данные: за 1-е полугодие 1911-1912 учебного года израсходовали 1118 рублей. Из этой суммы 986 рублей составляли частные пожертвования. Ф.И. и Г.А. Зильбермань внесли 510 рублей, В.Я. и Г.Л. Геккер – 100 рублей, остальные вносили от 3 до 50 рублей.

Общество попечения о детях евреев устраивало так называемую "Летнюю колонию". В 1911 году она была на бесплатно предоставленной даче Ф.И. и И.Е. Кофман. В колонии с 7 июня по 7 июля отдыхало 75 девочек, присланных Центральным и Екатеринославским обществами попечения о

детях евреев, а также из училища Аврашовой. С 10 июля по 10 августа в колонии находилось 75 мальчиков: учащихся Талмуд-Тор, Казенного училища, школы раввина Гельмана, часть ребят прислало Общество просвещения евреев.

Строительство здания школы на улице Базарной (Чкалова) началось 15 марта 1910 года и было окончено 15 октября того же года. На строительство школы потратили 15000 рублей, причем материалами было пожертвовано около 3600 рублей. Общество распространения просвещения между евреями выделило 4000 рублей беспроцентной ссуды сроком на 10 лет. Были сделаны многочисленные пожертвования деньгами и материалами. Список жертвователей содержит сотни фамилий, так, Б.А. Рачинский внес 2100 рублей, не стояли в стороне Зильберманы, Карпас и многие другие.

Училища и гимназии

Судя по многочисленным объявлениям в газетах и ежегодных городских справочниках, подавляющее число этих заведений являлись частными. [166]

Женское училище И.С. Аврашовой существовало по разным адресам, одно время оно было на улице Харьковской, д. № 17, затем на улице Военной, д. № 37 (проспект Пушкина).

Женское училище Ф.М. Вескер – улица Троицкая, д. № 24 (Красная).

Женское училище Р.И. Гохштейн – улица Украинская.

Женское училище Р.Я. Брагинской – улица Крестовая, д. № 8 (Фрунзе).

Мужское училище Подберезкого – улица Александровская, д. № 34 (Артема).

Мужское училище Е.Б. Злобинского – улица Троицкая, д. № 14 (Красная).

Мужское училище Ш.И. Верховина кочевало по разным адресам: улица Трамвайная, д. № 15 (Боброва); улица Крестовая, д. № 4 (Фрунзе); улица Философская.

Мужское училище Векслера – улица Казанская, д. № 8 (Карла Либкнехта).

Мужское училище екатеринославского еврейского клуба "Просвещение" – улица Бородинская, д. № 22.

Мужское училище Черного – улица Военная, д. № 9 (проспект Пушкина).

Училище С.Д. Рогачевского – улица Троицкая, д. № 34 (Красная).

Училище Израиля Гохштейна – улица Управская, д. № 4 (Исполкомовская).

Училище Золотаревского – улица Гимнастическая, № 2 (Шмидта), ему же принадлежало подготовительное училище на улице Петербургской, д. № 51 (Ленинградская).

Училище Х. Вегер – улица Александровская, д. № 7 (Артема).

Училище Л. Урьяса – на углу улиц Бородинской и Казанской (Карла Либкнехта).

Училище Ф. Брацлавской – улица Философская.

Начальное училище Ф.И. Рогачевской – улица Крестовая, д. № 35 (Фрунзе).

Училище С.З. Эвентова – улица Первозвановская, д. № 59 (Короленко).

Училище еврейского сиротского дома на улице Философской, д. № 31. Заведовали им в разное время Р.Н. Богдановская и Е. Гицельтер.

Смешанное двухклассное училище С.Я. Рогачевского – улица Бородинская, д. № 22.

Училище Берховского – улица Философская, д. № 3.

Училище М.М. Кохановской – улица Бассейная, д. № 14 (Писаржевского).

Приведем данные о частных еврейских гимназиях.

Гимназия Л. Кохановского – улица Упорная, д. № 7 (Глинки).

Гимназия И.С. Аврашовой – улица Александровская, д. № 26 (Артема).

Гимназия С.Г. Броня – улица Полицейская, дом Мизко (Шевченко, д. № 59).

Женская гимназия Суры Моисеевны Юдкович на улице Тихой, № 8 (Мечникова). В ней работало 14 учителей, законы еврейской веры преподавал Зельман-Бер Яшунер.

Женская гимназия Песи Лейбовны Иоффе – улица Базарная, д. № 13 (Чкалова). В штате гимназии состояло 16 учителей. Законы еврейской веры преподавал Александр Соломонович Брагин. П.Л. Иоффе преподавала географию.

Гимназия Могилевского арендовала помещения во Втором коммерческом училище – улица Базарная, д. № 61 (Чкалова).

На улице Александровской в доме № 20 (Артема) существовала женская гимназия.

Частная мужская гимназия Павла Исааковича Кагана располагалась на улице Упорной, д. № 10 (по другим данным № 11). Эта гимназия была эвакуирована в начале первой мировой войны из города Вильно. В гимназии работало 23 преподавателя. Известно, что библиотека этой гимназии позже передали созданному в городе в 1918 году университету.

Кроме гимназии П.И. Каган содержал "Частное еврейское среднее техническое училище с реальными классами", располагавшееся на Екатерининском проспекте, д. № 106. В этом училище работало 15 преподавателей. В городских справочниках упоминалось также "еврейское среднее учебное заведение" Изабеллы Геймановны Генессин со штатом из семи учителей. Адрес училища – улица Тихая, д. № 8 (Мечникова).

В сентябре 1915 года газета "Приднепровский край" поместила объявление о начале занятий в Виленской еврейской женской гимназии С.М. Гуревич, расположившейся в помещении 2-го коммерческого училища на улице Базарной, д. № 61 (Чкалова).

Ешива

Организовали ее раввин Пинхас Гельман и шойхет Е. Альперин. [167] Находилась ешива в поныне сохранившемся трехэтажном здании на углу улицы Елизаветградской (Юрия Савченко, 2) и проспекта Пушкина. На первом этаже находились кухня, столовая для учеников и подсобные помещения. На втором этаже работала синагога "Огель Авраам" с отдельным входом и комнаты для учащихся. Учебные классы и преподавательская были на третьем этаже. Во время Первой мировой войны рядом построили жилой дом, деньги от сдачи квартир в котором шли в фонд ешивы.

Оба здания по просьбе Пинхаса Гельмана построил Екатеринославский предприниматель Моше Идельсон.

Учебной программой предусматривалось изучение Талмуда, иврита, Танаха. Иврит преподавал приехавший из Варшавы Ш. Канторович. Два преподавателя – Д. Семятинер и Д. Бобруйскер – излагали гемару.

Когда ешива расширилась за счет беженцев из западных губерний, добавился еще один преподаватель – раввин Файвелзон, известный как автор "Нэцах Исраэль".

Прием учащихся осуществлялся по результатам собеседования, во время которого выясняли происхождение поступавшего и уровень знания Торы. На еврейские праздники ешиботники устраивали свой миньян, назначали кантора и чтеца Торы. К ним присоединялись и те, кто жертвовал деньги на содержание ешивы. Пожертвования собирал комитет, избираемый из учеников. Комитет выдавал ссуды соученикам и выделял деньги на подарки преподавателям. Закрыли ешиву в 1919 году.

Специальные учебные заведения

Профессиональное образование можно было получить в следующих учебных заведениях.

Музыкальная школа Ю.И. и К.И. Ханович одно время находилась на улице Александровской (Артема), затем на улице Московской.

Музыкальная школа С.П. Бриллиант-Ливен и М.М. Ливен на углу улицы Новодворянской (Дзержинского) и Екатерининского проспекта (проспект Карла Маркса).

Зубоврачебная школа (Вебера, Львова, Шрейдера) располагалась в уже упоминавшемся выше доме Мизко.

Еврейский строительный техникум в предреволюционные годы размещался на улице Харьковской, № 11 (администрация) и на углу улицы Крестовой (Фрунзе) и Екатерининского проспекта (проспект К. Маркса). Техникум функционировал и в 1918 году. 12 июля этого года газета "Приднепровский край" опубликовала объявление следующего содержания: "1-й Екатеринославский еврейский техникум открывает прием на инженерно-строительное и архитектурное отделения и на педагогическое отделение (постановление Правительственной комиссии при Министерстве народного просвещения от 11 июня 1918 г. за № 19 п. 4)".

Курсы коммерческих знаний Давида Абрамовича Каплана были по адресу: улица Александровская, д. № 13 (Артема), одно время указывался адрес: улица Тихая, д. № 8 (Мечникова).

Еврейские высшие классы товарищества учителей располагались на улице Базарной в доме 11 (Чкалова).

В пригородном поселке Новомосковск находился эвакуированный из Вильно еврейский учительский институт. В годы революций и гражданской войны учительский институт испытывал большие трудности. Так, в архиве Департамента народного просвещения Министерства еврейских дел сохранилось письмо учащихся института с просьбой выдать им аттестаты, так как администрация института в этом им отказала, поскольку в 1917/18 учебном году не изучались некоторые предметы (указывалось – тригонометрия и космография). Выпускники считали это неправильным, тем более, что такое же положение было в 1916/17 учебном году и тогда по указанию Министерства аттестаты были выданы. Нынешний выпуск поступил в институт в 1913 году и должен был его закончить в 1917. Вынужденный перерыв в учебе в связи с войной заставил их пробыть в институте лишний год. Новомосковский еврейский общинный совет поддержал просьбу выпускников. Министерство разрешило выдать аттестаты без указания оценок по предметам, которые не изучались, учащимся дали право сдать экзамены при Комиссариате по делам Киевского школьного округа, после чего соответствующие баллы будут выставлены. [168]

Во время Первой мировой войны в город из Минска эвакуировалось еврейское ремесленное училище, также была

открыта школа для беженцев. С 1914 года работало отделение Еврейского общества поощрения высших знаний. [169]

Вершиной еврейского образования в Екатеринославе явилось учреждение и открытие Политехнического института.

Глава 4. Еврейский политехнический институт

В июле 1887 года установлена процентная норма для приема евреев в средние и высшие учебные заведения – 10 % в пределах черты оседлости, 5% вне черты и 3% в обеих столицах.

В 1909 году норму повысили. Для правительственных учебных заведений было установлено: 15% в пределах черты, 10% – вне черты оседлости и по 5% в столицах. Отметим, что в начале века большое число российских евреев получали высшее образование за рубежом, так в 1902 году там учились 2200 студентов, против обучающихся в самой России - 1757.

Интересен эпизод из истории Киевского политехнического института. В 1995 году издательство "Наукова думка" выпустило книжку академика Г.С. Писаренко "Нарис з історії розвитку механіки в Україні в роки існування Академії наук 1918-1994 р.р.". В ней автор уделил много внимания факту увольнения из Политехнического института выдающегося ученого и педагога, автора многих учебников, одного из основателей АН Украины – Степана Прокофьевича Тимошенко. Г.С. Писаренко сообщает о том, что Тимошенко вместе с 25 профессорами подписал протест против изданного Столыпиным 11 января 1911 года циркуляра "Про заборону будь-яких студентських сборів і введення політичного режиму в вузах", и далее продолжает: "Причиною звільнення було не тільки підписання вказаного протесту, але й цілий ряд невиконаних реакційних розпоряджень міністерства, зокрема про звільнення небажаних студентів". Из приведенной цитаты совершенно непонятно, о каких нежелательных студентах идет речь.

Между тем, в репринтно изданной в 1993 году упомянутым выше издательством книги С. Тимошенко "Воспоминания" совершенно четко обозначена причина увольнения. Читаем: "...в Киевском политехникуме поводом к разногласию с министерством послужила ограничительная норма для приема в институт евреев. Для Киевского политехникума была установлена норма в 15% от общего числа принимаемых студентов. После 1906 года Правление института перестало считаться с этой нормой и число студентов-евреев к 1910 году значительно превысило установленную норму. Министр настаивал на увольнении принятых сверх нормы евреев, а правление не спешило с выполнением этого требования и все оставалось по-прежнему. Кончилось тем, что три декана института, в том числе и я, были в

начале февраля 1911 уволены из института и оказались сразу и без жалования, и без казенных квартир, которые они до того времени занимали. Из чувства солидарности левая часть профессуры подала в отставку. Отставка была принята и Политехникум сразу потерял 40% своего профессорского состава". [170]

В отдельные годы после установления процентной нормы приема евреев совершенно не было, поскольку норму исчисляли не от числа поступающих, а от общего количества числящихся в данном учебном заведении евреев. Это обстоятельство усиливало социальное напряжение в обществе, снизить которое можно было открытием вуза для евреев.

Такие обстоятельства, как наличие развитой сети начального и среднего образования, динамическое развитие региона и существование горного института с его кадрами и технической базой повлияли на выбор Екатеринослава для учреждения в нем Еврейского политехнического института.

Созданию Политехнического института предшествовала дискуссия, начатая в журнале "Новый восход" в 1913 году инженером А.А. Прессом, ставшим через три года одним из учредителей института. В статьях он писал о трудностях получения высшего образования евреями в России, о типе учебного заведения. Одна из его статей так и называлась "Университет или политехникум". Обсуждался также вопрос о месте расположения института, назывались Одесса, Вильно и даже были предложения создать высшее учебное заведение в одном из городов Западной Европы. [171]

В 1915 году, в августе, на заседании Городской думы Екатеринослава разгорелся спор по вопросу учреждения в городе политехнического института или университета. Городской голова выступил с заявлением, что "для Екатеринослава, как промышленного центра, более приемлем политехнический институт". Существовали также планы перевода Варшавского политехнического института в Екатеринослав.

18 октября 1915 года газета "Приднепровский край" опубликовала статью "Университет или политехникум".

В 1916 году на очередном заседании Городской думы обсуждался вопрос о создании в городе университета и института инженеров путей сообщения.

Наконец, 5 апреля 1916 года министр народного образования России граф П.Н. Игнатьев, сторонник реформ в образовании, один из тех, кто стремился ввести всеобщее начальное образование и расширить техническое образование, утвердил Устав института, в котором, в частности, было сказано [172]:

"1. Частный Политехнический институт в гор. Екатеринославе есть высшее учебное заведение, имеющее целью сообщать

научное, техническое и экономическое образование лицам иудейского вероисповедания.

Учредителями частного Политехнического института состоят: инженер-технолог Алексей Александрович Пресс и горный инженер Лазарь Германович Рабинович.

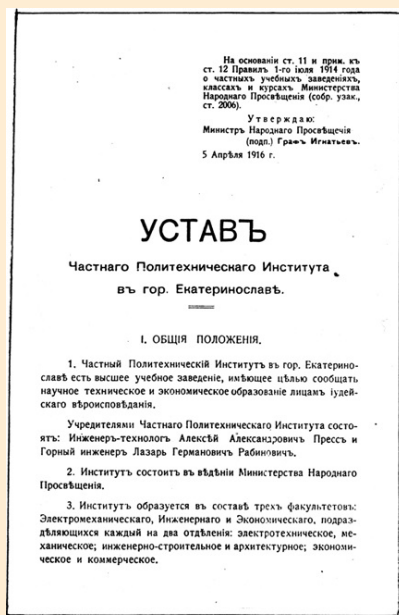
2. Институт состоит в ведении Министерства народного просвещения.

3. Институт образуется в составе трех факультетов: электромеханического, инженерного и экономического, подразделяющихся каждый на два отделения: электротехническое, механическое; инженерно-строительное и архитектурное; экономическое и коммерческое.

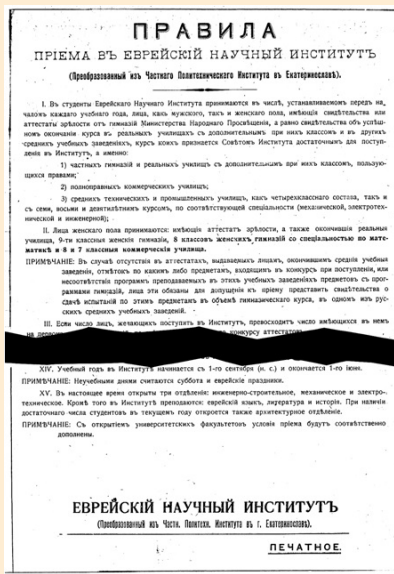
4. Учебный курс на всех факультетах продолжается четыре года....

... 12. Лица, окончившие институт и получившие соответствующие удостоверения, могут быть допущены на общем основании к окончательным испытаниям на звание инженера или кандидата коммерции при соответствующих правительственных высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения..."

Екатеринославская газета "Приднепровский край" 21 января 1917 года в заметке "Еврейский политехникум" сообщала, что "31 января в Екатеринославе открывается Еврейский политехнический институт..."

Устав Политехнического института. Государственный архив
Днепропетровской области

Правила приема в Еврейский научный институт. Государственный архив
Днепропетровской области

Открытие института состоялось в аудитории Екатеринославского научного общества. Помимо выступлений официальных лиц, профессором А.Н. Динником прочитана вступительная лекция по механике.

Инициатором и одним из учредителей института был Алексей Александрович Пресс. Он окончил Петербургский технологический институт в 1879 году. Работал помощником механика в Петербургском арсенале, потом механиком в Двинской артиллерийской мастерской. Его первые статьи появились в 1881 году в "Записках Русского технического общества" и были посвящены технологии механической обработки древесины. В 1896 г. ему поручили редактирование книжек серии "Кустарные ремесла", посвященных обработке дерева.

По приглашению Д.И. Менделеева А.А. Пресс составлял статьи для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Ему также поручалась подготовка курса "Лесопильное производство" для "Библиотеки промышленных знаний", редактируемой Д.И. Менделеевым. А.А. Пресс написал большое количество статей и брошюр по технике безопасности в деревообработке. Капитальная книга в трех частях "Защита жизни и здоровья рабочих на фабриках и заводах" вышла в 1891, 1892 и 1894 годах. Вышедшая в 1893 году книга "Руководство для борьбы с

огнем" удостоена первой премии на первой пожарной выставке в Петербурге. Начиная с 1893 года стали выходить статьи А.А. Пресса в журнале "Страховое обозрение" и других изданиях, освещающих вопросы страхования рабочих.

При организации Русского отдела Всемирной выставки в Париже в 1900 году А.А. Прессу было поручено исследовать положение в социальном страховании в России. Составленная им книга "Страхование рабочих в России" была переведена на французский язык и удостоена золотой медали Всемирной выставки.

Много сил отдал Алексей Александрович развитию профессионального образования среди евреев. Первые его статьи на эту тему появились в 1880 году в журнале "Рассвет" – "Главнейшие типы ремесленных школ" (печатались в трех номерах – № 21, 23 и 25) и в журнале "Русский еврей" – "Постановка ремесленных школ" (№ 24).

В уже упоминавшихся нами его статьях, опубликованных в 1913 году, обосновывается не только необходимость создания института, но и определяется набор факультетов, решаются вопросы финансирования и делается вывод о создании института именно в одном из городов черты оседлости. Одна из его статей заканчивается словами: "Непреодолимых препятствий к этому нет и быть не может".

Спустя три года, в 1916 г., он становится учредителем института в Екатеринославе и утверждается министром народного просвещения в должности преподавателя курса механической технологии.

Вместе с ним другим учредителем был Лазарь Германович Рабинович – горный инженер. Он родился в 1866 году. Учился в Каменец-Подольской гимназии и Белоцерковском реальном училище. Окончил в 1884 году Горный институт в Петербурге. Служил инженером на шахте в Донбассе. Был членом бюро Союза харьковских инженеров. В 1906 году выслан за границу. В 1907 году избран депутатом 2-й Государственной Думы от Екатеринославской губернии, входил во фракцию кадетов. Работал директором Ининского каменноугольного общества. В 1903-1912 годах был секретарем Совета съездов горнопромышленников Юга России. В годы советской власти работал председателем Научно-технического совета каменноугольной промышленности ВСНХ СССР, а также председателем промышленной секции Госплана СССР. В 1928 году арестован, Лазаря Германовича осудили по делу Промпартии в 1930 году.[173]

Министерством была создана Комиссия по организации Политехнического института, состоящая из профессоров технических учебных заведений Петрограда и учредителей

института. Председателем Комиссии являлся профессор Д.И. Рузский.

В январе 1916 года на должности профессоров Политехнического института Комиссией по организации института сделаны первые назначения: по кафедре математики – С.Н. Бернштейн; по кафедре теоретической механики – А.Н. Динник; по кафедре химии – Л.В. Писаржевский; по кафедре начертательной геометрии и технического черчения – В.Н. Джонс. Все они были утверждены в этих должностях Министерством народного просвещения в ноябре 1916 года. Отметим, что они являлись профессорами Екатеринославского горного института.

Сергей Натанович Бернштейн (1880, Одесса – 1968, Москва) окончил гимназию в Одессе в 1898 году. В 1913 году после защиты диссертации "О наилучшем приближении непрерывных функций посредством многочленов данной степени" удостоен степени доктора чистой математики. Впоследствии Сергей Натанович стал академиком АН СССР, членом АН Франции, лауреатом Государственной премии СССР. [174]

Упомянутое нами январское сообщение в "Приднепровском крае" заканчивалось словами: "...директор еще не выбран". На Собрании факультетов директором избрали С.А. Заборовского, до этого временно исполняющего эти обязанности.

В марте 1917 года Министерство народного просвещения утвердило Сергея Андреевича Заборовского в должности директора и профессора по кафедре сопротивления материалов Политехнического института.

В своем "curriculum vitae" (жизнеописании) он писал: "...действительный статский советник, кавалер орденов Св. Станислава 3 и 2 степени, Св. Анны 3 и 2 степени, Св. Владимира 4 степени". [175]

В отчете о первом учебном семестре (с 1 февраля по 23 мая 1917 года) директор института С.А. Заборовский писал, что к открытию в институт поступило 207 человек, в том числе 18 женщин. Действительными студентами было принято 192 человека, из них 8 женщин, остальные были вольнослушателями. По факультетам распределение было следующим – на электромеханическом – 121 студент (8 женщин), на инженерном – 86 студентов (10 женщин). В основном контингент состоял из выпускников коммерческих училищ (105 человек), гимназий (55) и реальных училищ (38 человек). [176]

С.А. Заборовский в отчете сообщал, что "с 1 февраля начались занятия и по 3 марта занятия шли нормально. В ночь на 4 марта в Екатеринославе произошли события, связанные с происшедшим государственным переворотом, и среди рабочих началось брожение, которое было причиной постоянного

нарушения хода занятий. Рабочие почти ежедневно занимали чертежные, а частью и аудитории для своих собраний. В остальное время порядок нарушался революционными организациями, также захватившими часть помещений. С 4-го марта переместились в горный институт..."

Институт арендовал часть аудиторий и лабораторий горного института, сохранив в прежнем здании по адресу Романовская, 49 (Свердлова) только несколько аудиторий. [177]

Далее в отчете отмечалось, что при плановом числе учебных дней в первом семестре – 98 (665 часов) использовано только 66 дней (360 часов), т.е. 54% от запланированного числа часов.

Помимо уже указанных профессоров, в первом семестре работали преподаватели: И.Н. Блюмштейн, И.Е. Огиевецкий (математика); С.А. Тамарин, Б.Е. Владимирский (рисование); Г.С. Живов, А.А. Гортиков, Я.Г. Гольдман (начертательная геометрия, черчение); Н.Н. Малов (физика) и другие.

В самом начале семестра И.Е. Огиевецкого избрали деканом института и эти обязанности он выполнял все время его существования. Позже он станет профессором математики многих вузов Днепропетровска.

Симон Абрамович Тамарин начал изучать графику в Одесском художественном училище, откуда исключен за революционную пропаганду в 1903 году. Затем учился в Пензенском художественном училище на художественно-промышленном отделении. Получил звание профессионального рисовальщика с правом преподавания рисования и черчения в средних учебных заведениях. Представлял конкурсные работы в Академию художеств – оклад Евангелия, серебряная братина, кабинетные часы из синего мрамора с золоченой бронзой и другие. До января 1917 г. преподавал "графические искусства" в реальном училище. Получил разрешение от Академии художеств открыть в Екатеринославе рисовальную школу, но осуществить это намерение ему не удалось.

Впоследствии С.А. Тамарин работал в Днепропетровском инженерно-строительном институте на кафедре графики и начертательной геометрии, а в конце сороковых годов заведовал этой кафедрой. [178]

Александр Антонович (Нафтулович) Гортиков окончил Киевский политехнический институт в 1903 году в звании инженера-строителя. Работал в Управлении Екатерининской (Приднепровской) железной дороги, где проектировал стальные и железобетонные мосты, искусственные сооружения. С 1910 года занимался частными строительными работами. В 1915–1916 годах строил железобетонные виадуки на Московско-Казанской железной дороге. С конца 1916 г. преподавал строительное искусство и статику сооружений на Екатеринославских

архитектурно-художественных курсах, а также черчение в техническом училище П.И. Кагана. Опубликовал ряд работ, в которых исследовал напряженное состояние железобетонных балок.

В Днепропетровском областном государственном архиве сохранились рукописные протоколы заседаний "Объединенного собрания электромеханического и инженерного факультетов" с 10 февраля 1917 года (протокол № 1) по 1 октября 1919 года (протокол № 61). [179] Заседания, как правило, вел директор института профессор С.А. Заборовский. Они с большой полнотой отражают жизнь института в это сложное, переломное время. Революция и перевороты, голод и нужда не миновали институт, но поразительно стремление молодежи к знаниям – свидетельство тому сохранившиеся свыше 2700 личных дел абитуриентов и студентов. Число, даже по современным меркам, большое. Отметим, что среди этих дел многие принадлежали украинцам и русским. Очевидно, что в институте им не отказывали в приеме, особенно с 1918 года.

В середине марта принято предложение Л.В. Писаржевского относительно участия представителей студенчества в заседаниях собрания факультетов, а также была обсуждена информация о том, что Екатеринославский исполнительный комитет постановил занять здание института для надобности Совета рабочих депутатов. Решили также оставаться на месте до тех пор, пока не будет подобрано новое помещение, "считаясь с неудобствами, вызванными совместным пребыванием в здании с Советом рабочих депутатов".

Политехнический институт приступил к созданию библиотеки и учебных кабинетов по черчению, механике, математике. На одном из Собраний факультетов была выражена благодарность братьям Лещавер за подаренные институту коллекции моделей для проектирования.

Были приняты новые преподаватели, среди которых профессор Я.И. Грдина (прикладная механика), Б.М. Колпычев (технология строительных материалов) и другие.

Набор на осенний семестр 1917–1918 учебного года планировался в количестве 200 человек.

Фактически приняли 219, из них 197 действительными студентами и 22 – вольнослушателями. По факультетам они распределились следующим образом: электромеханический – 127 студентов (в т.ч. 15 женщин) действительными и 11 (5 женщин) – вольнослушателями; на инженерный принято действительными 70 (в т.ч. 18 женщин), а вольнослушателями 11 (3 женщины) человек.

От первого приема на начало осеннего семестра числилось 164 человека. Таким образом, на начало учебного года в

институте состояло 383 студента. Из планируемых 82 учебных дней (609 часов) было использовано 70 (528 часов), т.е. 86,7%, что значительно лучше весеннего семестра, где этот показатель был равен 54%. Имеются данные по финансам института. С мая 1916 по конец 1917 года из общей суммы расходов в 229464 руб. 57 коп. на оплату труда преподавателей ушло 57636 руб. 56 коп., т.е. 25,1% от общих расходов.

География желающих учиться в институте была обширна, практически из всех городов и районов ликвидированной к этому времени черты оседлости и из многих крупных центров России.

Продолжить образование в Политехническом пожелали некоторые студенты зарубежных университетов и институтов (Нью-Йорк, Тулуза, Льеж и др.) и российских учебных заведений, куда из-за военных действий студенты выехать не могли.

Занятия и делопроизводство в институте велись на русском языке. Занятия начинались в 9 часов утра и заканчивались в 20 часов вечера, утренние часы выделялись для лекций. В пятницу заканчивали в 16 часов, суббота и дни еврейских праздников были выходными. Связи с горным институтом были достаточно тесные, так в январе 1918 года удовлетворили просьбу горного института разрешить его студентам прослушать курс геодезии, читаемый профессором П.М. Леонтовским в Политехническом институте.

В 1917 году была создана кафедра электротехники, возглавляемая профессором Н.А. Ивановым, а ассистентом кафедры был избран Л.Б. Слепян.

Леопольд Борисович Слепян окончил школу в г. Павлограде, затем с золотой медалью коммерческое училище в Минске (1907 г.). В 1913 году окончил электротехническое отделение Петербургского политехнического института, где был оставлен стипендиатом на два года. Мировая война застала его в Швейцарии, где он продолжил экспериментальные и теоретические исследования, начатые в Политехническом институте. За эти исследования в 1917 году Русское физико-химическое общество присудило ему премию имени Ф.Ф. Петрушевского. С 1916 года Л.Б. Слепян работал в лаборатории завода АО "Сименс и Гальске" в Петрограде, а также состоял ассистентом при профессоре Л.И. Мандельштаме.

В его личном деле хранится подлинный отзыв-рекомендация, написанный Абрамом Федоровичем Иоффе, где сказано: "Леопольд Борисович является ученым с совершенно выраженной индивидуальностью и ценным научным работником...". [180]

В 1918 году комиссия, в составе С.А. Заборовского, И.Е. Огиевецкого, А.Н. Динника, Н.А. Иванова, Я.И. Грдина и Л.Б. Слепяна, разработала учебные планы для всех факультетов института.

Сохранившиеся расписания занятий свидетельствуют о том, что кроме указанных дисциплин в Политехническом институте преподавали еврейский язык, курс читал Я.С. Лернер, а также еврейскую историю и литературу, этот курс вел И.М. Борух.

В 1917 году февральская революция положила начало новому этапу украинской национально-демократической революции. В марте была создана Центральная Рада во главе с М. Грушевским. Правовое положение евреев существенно улучшили: отменены все запреты, процентные нормы, отменены сословия и ограничения в армии, создан Совет еврейских организаций. В июле еврейские партии восточной Украины получили 50 мест (из 822) в Центральной Раде и 5 мест (из 55) в ее исполнительном органе – Малой раде.

В ноябре создана Украинская Народная Республика (УНР), в правительство которой вошли два еврея. Организовали Министерство по еврейским делам (министр – доктор М. Зильберфарб). Первые шаги министерства были в области образования.

Начаты реформы в области образования. Во главе Министерства просвещения стоял профессор Василенко. За время правления П. Скоропадского было открыто 150 гимназий, открыты университеты в Киеве, Каменце-Подольском, Екатеринославе. Вершиной этой реформы стало образование Украинской академии наук, первым президентом которой стал ученый с мировым именем – В. Вернадский. Академии было выделено 1,5 млн. карбованцев для научных экспедиций и создания материальной базы.

12 апреля 1918 года правовая комиссия Министерства народного просвещения Украины утвердила Устав Еврейского научного института (ЕНИ) [181]:

"1. Еврейский научный институт, преобразованный из частного Политехнического института в Екатеринославе, есть высшая школа, которая имеет целью разработку и распространение философско-гуманитарных (общих и специально еврейских), естественно-исторических, математических, технических и медицинских наук.

...3. Еврейский научный институт состоит из факультетов: философско-гуманитарного, физико-математического, медицинского, электротехнического, механического и инженерного.

Примечание 1. Философско-гуманитарный факультет подразделяется на отделения: историко-филологическое, юридическое и экономическое.

Примечание 2. Физико-математический факультет подразделяется на отделения: математическое, физико-химическое и естественное.

Примечание 3. Инженерный факультет подразделяется на отделения: инженерно-строительное и архитектурное".

Далее в Уставе приведены положения о Совете института, Попечительском совете, Собраниях факультетов. Были разработаны положения о директоре, деканах и преподавателях института. Завершается Устав положением о выпускниках института:

"...109. Лица, окончившие курс в институте со званием инженера-электрика, инженера-технолога, инженера-строителя, инженера-архитектора, имеют право заведовать фабриками и заводами, сооружать фабричные и заводские здания. Лица эти пользуются также правом производства строительных работ и составления проектов зданий и сооружений, а также всеми правами государственной службы, присвоенными лицам, окончившим правительственные учебные заведения..."

Перечень факультетов и отделений свидетельствует о масштабе замыслов и оптимизме основателей института. Известен список членов Попечительского совета ЕНИ.[182] Это, похоже, те же лица, которые входили в Попечительский совет Политехнического института. Председателем совета был Моисей Ильич Болоховский, известный в городе врач. Он также был руководителем Городского общественного собрания. В состав совета входили директор института С.А. Заборовский, декан И.Е. Огиевецкий, представители Совета института С.Н. Бернштейн, Е.Я. Гройсман. Учредители – А.А. Пресс и Л.Г. Рабинович. Членами Попечительского совета были: М.М. Винавер – юрист, писатель, член 1-й Государственной думы, М.А. Гинзбург, С.М. Дубнов – автор монументального труда "Всемирная история еврейского народа", активный общественный деятель, педагог и публицист; Г.С. Каннигессер, М.Г. Поляк, Г.Б. Слиозберг – еврейский общественный деятель, автор многих книг; Л.И. Бродский, М.Б.Гальперин, Ю.Г. Гепнер, Д.С. Марголин, И.С. Златопольский, Я.Д. Березовский и Г.М. Карпас (казначей).

Массовым тиражом издали Правила приема в институт, где, в частности, сказано, что в случае, если число лиц, желающих поступить в институт, превосходит число имеющихся мест, то прием производится по конкурсу аттестатов, а также: "За право учения и пользования учебными пособиями слушатели института уплачивают 400 руб. в 1918–19 учебном году по полугодиям". [183]

Обращает на себя внимание указание в пункте 15 Правил на то, что "в настоящее время открыты три отделения: инженерно-строительное, механическое и электротехническое. Кроме того в институте преподаются: еврейский язык, литература и история. При наличии достаточного числа студентов в текущем году откроется также архитектурное отделение..."

Прием студентов на 1918–19 учебном году был осуществлен в составе 200 человек (120 студентов на электромеханическое отделение и 80 – на инженерное). Вольнослушателями было принято 51 человек.

Для работы на архитектурном отделении был приглашен известный в городе архитектор Г.И. Панафутин.

В апреле 1918 года принято решение об объявлении конкурса на замещение кафедр для архитектурного отделения: архитектурных форм, истории архитектуры и рисования, гражданской архитектуры и строительного искусства. Тогда же были объявлены конкурсы на замещение кафедр строительной механики, металлических и железобетонных конструкций.

По предложению декана института И.Е. Огиевцекого в расписание занятий включили преподавание французского, немецкого и английского языков.

В этом же учебном году в институте начал работать профессор горного института И.И. Танатар, который вел курс геологии и петрографии.

Иосиф Исаакович Танатар в 1899 году после окончания реального училища поступил в первый набор Екатеринославского Высшего горного училища, которое окончил в 1903 году со званием горный инженер. Был оставлен аспирантом на кафедре минералогии. С 1905 г. по 1910 год каждое лето изучал минералогию в Фрейбергской горной академии и Мюнхенском университете, где прошел подготовку к экзамену на звание доктора философии, которое получил в 1911 году после сдачи экзамена и защиты диссертации. В 1913 году сдал в Московском университете экзамены на степень магистра минералогии. В 1914 году избран и.о. профессора по кафедре прикладной геологии Екатеринославского горного института. Редактировал журнал "Новости техники и промышленности", издаваемый в Екатеринославе в 1908–1913 гг. Был главным редактором выходящего там же журнала "Южный инженер" (1914–1917 гг.).

В советское время работал профессором Горного института и геолого-географического факультета Днепропетровского университета. [184]

В мае 1918 года состоялся съезд представителей высших учебных заведений Украины, на котором институт представлял С.А. Заборовский. На планируемый академический съезд в Киев избрали С.Н. Бернштейна и И.Е. Огиевцекого. Тогда же Собранием факультетов принято решение об открытии математического отделения. В резолюции по этому поводу отмечено:

"1. Математическое отделение имеет главной своей задачей развитие науки и подготовку к ученой деятельности.

2. Для достижения целей, указанных в первом пункте, организуются семинары по отдельным специальностям и создается фундаментальная библиотека.

3. Преподавание на математическом отделении ведется совершенно независимо от преподавания на техническом отделении.

4. На математическом отделении учреждаются четыре профессуры (анализа, алгебры с теорией чисел, геометрии и механики) и шесть доцентур с соответствующим количеством ассистентур.

5. Для открытия первого курса учреждаются две профессуры по математике".

Судя по сохранившимся документам, это решение реализовано не было, очевидно одной из причин явилась организация в 1918 году Министерством народного просвещения Украины университета классического типа в Екатеринославе.

В августе перед началом учебного года Департамент высшей школы Министерства народного просвещения переутвердил в должности штатных профессоров ЕНИ: С.Н. Бернштейна, Я.И. Грдину, А.Н. Динника, С.А. Заборовского, П.М. Леонтовского, Л.В. Писаржевского, А.П. Виноградова, Е.Я. Гройсмана и И.Е. Огиевского.

Еремей Яковлевич Гройсман учился в Гейдельбергском университете. Степень доктора философии получил в Геттингенском университете в 1912 году. Преподавал математику на Высших женских курсах при горном институте в 1917 году. В 1918 г. был также доцентом математики в Екатеринославском университете. Выполнял обязанности секретаря Совета Еврейского научного института. [185]

Годовой штатный оклад ординарного профессора – 8000 рублей, экстраординарного профессора – 7200 рублей, доцента – 6000, ассистента и преподавателя – 4800 рублей. При превышении штатной нагрузки производились доплаты.

В 1918 году тяжелое финансовое положение было во всех вузах города, существовали они в основном за счет оплаты учебы студентами. В январе 1919 года в институте училось 590 студентов, из них только 500 оплатило свою учебу.

В сентябре 1918 года принято решение об объявлении конкурса на замещение кафедры еврейского языка и кафедры истории еврейского народа и истории литературы. Срок подачи заявлений определен 15 мая 1919 года.

Организовали кафедру гидравлики, которую возглавил Н.Е. Долгов.

В сентябре 1918 года в институте обсуждалось письмо Московского палестинского общества с просьбой оказать

содействие в разработке программы технического обследования Палестины. Выполнение этой работы возглавил И.И. Танатар.

Тогда же преподавателем по кафедре архитектуры был избран петроградский архитектор С.Н. Грузенберг.

Сергей Николаевич (Ноевич) Грузенберг родился в 1888 году в Тифлисе, там же в 1906 году окончил классическую гимназию. В том же году поступил на архитектурное отделение Высшей школы в Мюнхене. Потом работал в Петербурге уполномоченным по архитектурной части Комиссии по охране памятников искусств и старины. Выполнил проект реставрации Петровской кунсткамеры, а также проект "Галереи российских императоров". Получил первую и вторую премии на Всероссийском конкурсе памятника Петру Великому.

Начиная с 1909 года С.Н. Грузенберг участвовал в известных выставках: "Союз русских художников", "Мир искусств" и других, где выставлял графику и архитектурные фантазии. В институт С.Н. Грузенберг предоставил отзывы А. Бенуа и И. Фомина.

Академик Александр Бенуа писал: "Известные мне труды Сергея Николаевича... представляют, на мой взгляд, совершенно выдающиеся работы ... они занимают обособленное положение своими высокими техническими достоинствами". Другой академик архитектуры, профессор Академии художеств

И. Фомин пишет: "...Сергей Николаевич Грузенберг известен мне как отличный архитектор, как талантливый рисовальщик и знаток стилей и истории искусств. Я могу рекомендовать его горячо как преподавателя в класс композиции по архитектуре...". [186]

В июне 1919 года С.Н. Грузенберг приехал в Екатеринослав и стал профессором кафедры архитектуры ЕНИ, где работал до 1921 года. С. Н. Грузенберг выполнил иллюстрации ко многим книгам - "Декамерон", сказкам "Тысяча и одна ночь", стихам Верлена, лицейским стихотворениям А. С. Пушкина, оформил книги "Адмиралтейская игла" Б. Садовского, "Пять лет Советской власти" и другие. Рисовал для журналов "Сатирикон", "Крокодил", "Красная нива". Выполнил ряд экслибрисов, образцы денежных знаков (1924). Для Москвы разработал проекты завода "Фрезер" и здания Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Произведения Сергея Николаевича Грузенберга экспонировались в 1925 году в Париже на Международной выставке художественно-декоративных искусств. С 1932 до своей смерти в 1934 году работал художником Реввоенсовета СССР.

В декабре на Собрании факультетов преподавателем института избрали А.О. Спиваковского, ему было поручено "проектирование по механике" на механическом отделении с нагрузкой 5 часов в неделю. Уже 23 декабря он докладывал о

программе "Проектирование по прикладной механике", разработанной им под руководством Я.И. Грдины.

Александр Онисимович Спиваковский был сыном известного в городе главного врача городской еврейской больницы. Окончил Петроградский политехнический институт в 1917 году. С 1919 года преподавал в ЕНИ и горном институте.

В советское время – профессор, заведующий кафедрой рудничного транспорта Московского горного института (1933–1973 гг.), автор многих трудов и учебников по транспортирующим машинам для рудной промышленности, лауреат Государственной премии СССР (1947 год). [187]

В 1919 году неоднократно поднимался вопрос о помещении для института. В качестве варианта рассматривалось предоставление институту здания Общественного собрания (сегодня здесь расположена филармония), однако оно было предоставлено для нужд "Пролеткульта".

Осенний семестр закончился 27 декабря, а весенний начался 16 января. В начале семестра Г.Е. Евреинов поднимает вопрос о необходимости создания лаборатории по электротехнике, пока же институт использует лаборатории горного института.

В марте грянули события, поставившие под угрозу само существование института. 1-го марта на заседании Попечительского совета института, где присутствовали его председатель М.И. Болоховский и члены совета – С.А. Заборовский, И.Е. Огиевецкий, Г.М. Карпас, Е.И. Гройсман, М.У. Золотаревский", слушали: сообщение секретаря М.У. Золотаревского о его беседе с Губернским комиссаром просвещения, из которой выяснилось резкое изменение отношения комиссара к институту и об отказе в выдаче институту, кроме полученных им 8000 руб., денег, как из сумм, хранящихся в банке на текущем счету института, так и из кредитов, отпущенных для высших учебных заведений города, на том основании, что институт должны содержать члены Попечительского совета, к которым можно применить принудительные меры личного воздействия в целях получения необходимых для содержания института сумм". [188]

В январе 1919 г. выходит постановление об упразднении должности директора (ректора) в вузах и о необходимости передачи этих функций назначенным Наркомпросом комиссарам. В марте такой комиссар, Э.М. Винокур, явился в институт и потребовал от С.А. Заборовского сдать дела.

17 марта 1919 года на Собрании факультетов слушали: "Заявление горного инженера А.С. Локшина с просьбой о предоставлении ему должности ассистента по теории упругости, сопротивлению материалов и теоретической механике".

Блестящий отзыв о А.С. Локшине дал А.Н. Динник и предложил избрать его стипендиатом.

А между тем события набирали скорость. 24-го марта в Петроград ушла телеграмма: "Государственными властями должность ректора упразднена. Члены Попечительского совета устранены от управления институтом... Огиевецкий".

27-го марта состоялось экстренное заседание Собрания факультетов ЕНИ, на котором присутствовали С.А. Заборовский, И.Е. Огиевецкий, Н.Е. Долгов, И.И. Танатар, Е.Я. Гройсман, Г.И. Панафутин и другие, а также комиссар Э.М. Винокур и представитель студентов. В повестке дня – выработка резолюции о необходимости сохранения независимости ЕНИ в связи с постановлением Комитета по делам высших школ о слиянии высших учебных заведений Екатеринослава. Собрание избрало комиссию в составе И.Е. Огиевского, М.У. Золотаревского и других для "выработки докладной записки к Особому заседанию, которое назначается на 29 марта".

И вот 29 марта на Особом заседании факультетов приняли резолюцию, в которой говорилось, что Собрание факультетов считает своим долгом указать следующее: "Еврейский народ, как и все нации, имеет право на национальную высшую школу, поскольку национальная высшая школа может дать подготовленные кадры преподавателей, хорошие пособия и материалы для школ всех типов и этим обеспечить правильную постановку дела просвещения народа. Лишь национальная школа может руководить просветительской работой в еврейском народе и удовлетворить жажду знания и стремления к науке широких еврейских кругов. В качестве национального научного центра еврейская высшая школа должна обеспечить развитие основ еврейской культуры и научного исследования положения и нужд еврейства". Далее в резолюции обосновывается наличие факультетов, определенных уставом ЕНИ и заканчивается этот документ тем, что "ЕНИ в Екатеринославе как по замыслу его основателей, так и по желаниям еврейских общественных кругов, должен был послужить началом еврейской национальной высшей школы и лишь внешние препятствия и крайне неблагоприятная обстановка не позволили ему развернуться в такое учреждение... слияние ЕНИ с другими учебными заведениями лишит возможности выполнить намеченные задачи. Собрание факультетов, отрицая за кем-либо моральное право лишить еврейский народ своей высшей школы, заявляет о необходимости сохранить Еврейский научный институт в г. Екатеринославе как самостоятельное учреждение.

Марта 29 дня 1919 года".

Приняли решение о рассылке этой резолюции во все высшие учебные заведения города. На этом же заседании обсуждено заявление комиссара об упразднении должности директора.

Судя по всему, угроза роспуска миновала, и институт продолжал жить.

В июне произведены выборы новых преподавателей, среди них были:

Н.Н. Андреев – профессор кафедры физики; Г.Е. Евреинов – профессор кафедры электротехники; А.П. Виноградов – профессор кафедры горячей обработки металлов; А.В. Панкин – профессор кафедры холодной обработки металлов; В.М. Маковский – и.о. профессора кафедры тепловых двигателей; С.Н. Грузенбергу поручено возглавить комиссию по рисованию; доцентом по городскому жилищному строительству и городскому благоустройству избран С.М. Герольский.

Принято решение об объявлении приема на 1919–1920 учебный год на оба факультета не более 200 человек. Правила приема решено принять такие же, как для горного института. Экзаменаторами были назначены А.Н. Динник (физика), И.Е. Огиевецкий (алгебра), А.П. Виноградов (геометрия) и Грузинцев (тригонометрия). Кроме экзаменов по указанным дисциплинам абитуриенты писали сочинение на заданную тему. Экзаменаторам назначили оплату: 5 руб. с экзаменуемого, но не менее 100 рублей за экзамен.

В августе на Собрании факультетов заслушали сообщение директора института С.А. Заборовского о том, что "...Еврейская община гор. Екатеринослава постановила сохранить во что бы то ни стало институт как еврейское национальное учреждение".

На сентябрьском Собрании факультетов С.Н. Грузенберг представил смету расходов, необходимых для оборудования "рисовального" класса и изготовления пособий для архитектурного отделения, а также обосновал введение дополнительных к учебному плану курсов лекций: для студентов первого семестра – история архитектуры (часть 1) и архитектурно-техническое черчение, для второго семестра – история архитектуры (часть 2) и построение перспектив. Кроме С.Н. Грузенберга занятия по указанным курсам вели Г.С. Живов и С.М. Герольский.

Весной 1920-го года советская власть начала реорганизацию системы образования, в частности, были ликвидированы многие университеты. Екатеринославский университет преобразовали в Институт народного образования, некоторые факультеты были распущены. С трудом собранные кадры разъезжались, по сути университетская система образования тогда была разрушена.

Имеются сведения о том, что из-за наступления Врангеля систематические занятия в пяти вузах Екатеринослава начались в декабре 20-го года.

Прямых материалов, относящихся к деятельности института в период 1920-1921 гг., в архивах не обнаружено. Некоторые

сведения можно найти в личных делах студентов и преподавателей, заведенных в эти годы. Таких дел насчитывается около четырехсот, и это является подтверждением того, что институт работал.

Судя по многочисленным документам и справкам, институт вновь стал называться Политехническим. Так, в типовых, отпечатанных в типографии бланках, выдаваемых студентам для оформления жительства в городе, в словах "Еврейский научный институт" первые два слова зачеркнуты и сверху от руки написано "Политехнический". И еще обращает на себя внимание подпись – директор С.А. Заборовский.

Или такая справка: "Предъявитель сего студент Екатеринославского Еврейского научного института (опять-таки – "Еврейского научного" зачеркнуто и от руки – Политехнического) студент III курса электротехнического факультета Агушевич М.З. уволен в отпуск в разные города и местности России и Украины сроком до 2 мая 1921 года

Екатеринослав, 2 апреля 1921 года.

Ректор института, проф. С.А. Заборовский." [189]

Указанные документы свидетельствуют, что Сергей Андреевич Заборовский свой пост сохранил и оставался директором все время существования института.

На многих справках, выданных в 1920 году, виден штамп "УССР, НКП, Екатеринославский политехнический институт".

Имеются заявления о переводе из других вузов как города, так и страны, датированные 1920 и 1921 годами.

Заявление, датированное апрелем 1921 года, с просьбой о выдаче зачетной книжки взамен утерянной; в другом заявлении, написанном в августе 1920 года, читаем просьбу о восстановлении в числе студентов в связи с возобновлением занятий.

И, наконец, мы должны ответить на главный вопрос. Поскольку первый набор студентов состоялся в 1917 году, то спустя четыре года, в 1921 году, должен был состояться первый выпуск. Был ли он?

Результаты наших поисков позволяют ответить на этот вопрос положительно.

В личном деле Михаила Григорьевича Мазо, хранящемся в архиве Приднепровской академии строительства и архитектуры, имеется свидетельство об его образовании:

"Мазо Михель-Залман Гиршев... вступив в 1917 в Дніпропетровський будівельний інститут на факультет громадського будівництва і окончив його повний курс в 1921 році. В червні місяці 30 дня 1921 року громадянин Мазо М.-З.Г...

оборонив кваліфікаційну працю на тему з Міського житлового будівництва. Це свідоцтво видало Правління Дніпропетровського будівельного інституту 7 липня 1930 року.

Ректор інституту С. Миндель.

Декан факультету А. Гармаш."

И действительно, в материалах Политехнического института имеется личное дело М.-З.Г. Мазо, подтверждающее, что он был в числе студентов института. [190]

Автору довелось слушать курс строительных материалов, читаемый Михаилом Григорьевичем Мазо – единственным установленным нами выпускником Екатеринославского еврейского политехнического института.

Поскольку формально строительного института в 1921 году еще не существовало, то очевидно авторы свидетельства считали таковым инженерный факультет Политехнического института. Подобные документы обычно выдавались на основании либо представленных косвенных документов, либо свидетельских показаний, ведь в 1930 году были еще живы и работали многие преподаватели ликвидированного института. С.А. Заборовский, А.С. Локшин, Г.С. Живов, С.А. Тамарин и другие были коллегами подписавших это свидетельство С.И. Минделя и А.А. Гармаша.

Постановление о закрытии института найти не удалось. Однако в историческом очерке о Днепрпетровском горном институте сказано: "В 1921 году к Екатеринославскому горному присоединили механическое и электротехническое отделения ликвидированного к этому времени Политехнического института и на их базе учрежден горно-механический факультет". [191]

Итак, два факультета перевели в горный институт, осталось выяснить судьбу инженерного факультета. В "Очерках истории Днепрпетровского инженерно-строительного института" рассказано: "Зародышем будущего института явились частные архитектурные курсы, открывшиеся в Екатеринославе еще в 1913 году. Спустя два года они были преобразованы в строительные курсы. После победы Октябрьской революции на базе этих курсов создается политехнический техникум, который в 1921 был расширен и реорганизован в Вечерний рабочий строительный техникум, при котором действовали и трехлетние теоретические курсы... выпускникам техникума присваивалось звание инженера по гражданскому строительству. Примечательно, что на этих курсах преподавали крупные ученые. Так, проф. С.А. Заборовский преподавал сопротивление материалов, а проф. А.С. Локшин – теоретическую механику". [192]

Здесь необходимо внести уточнения. Как мы теперь знаем, существовал не Политехнический техникум, а Политехнический институт, организованный задолго до "победы Октябрьской революции". Более того, после этой победы, а затем упращения

советской власти на Украине произошло не расширение этого учебного заведения, а его ликвидация. Попутно отметим, что помимо упомянутых здесь архитектурных курсов (руководитель С. Бейлин), в то время существовали строительные технические курсы В.Х. Коробочкина, учрежденные в 1910 году, а также еврейский строительный техникум. А дальше все верно – действительно в организованный Вечерний рабочий строительный техникум перешли работать преподаватели института С.А. Заборовский (заведовал учебной частью техникума), А.С. Локшин, Н.Н. Малов, а также Г.С. Живов, ставший директором техникума. Очевидно в числе первых учащихся техникума были студенты инженерно-строительного факультета Политехнического института.

Григорий Соломонович Живов окончил Кременчугское реальное училище в 1904 году и в том же году поступил в Киевский политехнический институт. Занятия в институте он прерывает в 1905 г. и, возобновив их в 1908, оканчивает институт только в 1911 году с дипломом первой степени. В 1912 году в Кременчуге открыл архитектурно-строительное бюро. С 1916 года в Екатеринославе преподавал математику и черчение в гимназии Биргер, а также работал на курсах В.Х. Коробочкина и С. Бейлина. По предложению проф. В.Н. Джонса Советом Политехнического института избран на должность преподавателя черчения и начертательной геометрии с февраля 1917 года.

Г.С. Живов работал директором техникума до 1926 года. На этом посту его сменил Соломон Исаакович Миндель, вписавший заметную страницу в историю строительного образования в Днепропетровске.

Соломон Исаакович Миндель родился в местечке Кодин Киевской губернии. Учился в двухклассном училище. Начал свою трудовую деятельность в каретной мастерской г. Канева. В 1904 году он переезжает в г. Белая Церковь, где работает маляром до конца 1906 года. Из автобиографии: „В 1905, узнав о существовании в Белой Церкви политической партии Бунд, я включился в подпольную революционную деятельность. Был организатором одной из забастовок в Белой Церкви. По поручению Белоцерковской организации организовал и руководил двумя забастовками в м. Ракитном. Все три забастовки закончились победой рабочих”.

Из-за провала организации С.И. Миндель был вынужден в 1907 году переехать в Екатеринослав. Работал на стройках города маляром, в 1923 году стал секретарем рабочкома и членом Президиума Екатеринославского губернского союза строителей. В 1925 году организовал строительный кооператив „Красный строитель” и стал председателем правления.

В 1926 году его назначают директором Вечернего рабочего строительного техникума.

В 1930 году техникум был преобразован в строительный институт, ныне Приднепровская академия строительства и архитектуры.

В мае 1931 года он переходит на выборную должность в Днепропетровский городской совет. С 1932 по 1933 год работал заместителем заведующего областным отделом коммунального хозяйства. В 1933–1934 годах был председателем городского совета Бердянска.

После возвращения в Днепропетровск он возглавил Облстройтрест, где проработал до 1938 года. С этого года он снова в инженерно-строительном институте в должности помощника директора по административно-хозяйственной части.

В 1941 году он принимает активное участие в эвакуации института в Новосибирск, где продолжает работу в прежней должности в местном инженерно-строительном институте.

В 1943 году вновь назначили и.о. директора Днепропетровского инженерно-строительного института. В следующем году работал директором учебного пункта, потом в 1945 году перешел на работу в Днепропетровский металлургический институт, где принимал активное участие в его восстановлении.

Кроме упоминавшихся выше преподавателей Вечернего техникума, затем продолживших свою работу в инженерно-строительном институте, также были профессора Н.А. Буданов (железобетонные конструкции), А.А. Гармаш (строительное производство). Математику вел М.Е. Огиевецкий, родной брат И.Е. Огиевского. Кафедрой физики заведовал Н.Н. Малов, с 1917 года работавший в Политехническом, и другие.

Среди тех, кто поступал в Вечерний техникум, а заканчивал уже инженерно-строительный, можно назвать: лауреата Ленинской премии Т.А. Француза (руководителя отдела Норм прочности самолетов и вертолетов ЦАГИ) и В.Г. Канищева (ветерана Приднепровского Промстройпроекта, прошедшего путь от конструктора до директора института); С.Б. Каневского (также ветерана Промстройпроекта, бывшего начальника технического отдела, его называли "мозгом ППСР"); Б.Г. Коренева (доктора технических наук, ученого с мировым именем); И. Саповского (поэта и инженера, погибшего в 1937 году в результате репрессий); И.Р. Гурвича (инженера, ушедшего добровольцем на фронт и погибшего при форсировании Керченского пролива) и многих других.

Многие из первых выпускников стали педагогами, у которых автор учился в конце пятидесятых годов – М.Р. Фельдман, А.Д. Зевин, А.С. Фишман, Ф.М. Гитман и другие.

Среди преподавателей Еврейского политехнического института были двое, положившие начало своим династиям в

науке. Их объединяет также и то, что оба начали свою научную и педагогическую деятельность в этом институте и оба оставили весьма заметный след в развитии науки и образования в нашем городе.

Огиевецкие

Преподавателем математики и деканом Политехнического института с первого и до последнего его дня работал Исаак Ефимович Огиевецкий. Он родом из г. Староконстантинова (Хмельницкая обл.), где его отец вместе со своим братом владели небольшим мыловаренным заводиком, на котором было три наемных работника.

В семье было пятеро детей: два сына – Исаак и Михаил и три дочери. Старший – Исаак родился в 1889 году, Михаил – в 1896. Исаак Ефимович от трех до десяти лет обучался в хедере, в августе 1899 года поступил в Староконстантиновское еврейское училище, которое окончил в 1902 году с наградой 1-й степени. В 1907 году в 5-й Одесской гимназии получил свидетельство об образовании. В 1907–1908 годах преподавал математику в училище родного города. Был активным участником революционного движения, в 1905–1906 годах состоял членом Староконстантиновского городского комитета партии Бунд, из которой вышел в 1910 году.

Семейное предание гласит, что он уехал учиться в Новороссийский университет (Одесса) вопреки воле отца, на деньги, полученные от залога своей золотой медали за окончание гимназии. В 1913 году он заканчивает математическое отделение физико-математического факультета университета с дипломом первой степени. За свою студенческую работу "Основание кинематической геометрии на плоскости и приложение ее к исследованию плоских кривых" он получил золотую медаль. Свое образование Огиевецкий завершил в Германии, где стажировался на естественном факультете Берлинского университета.

С января 1915 года по январь 1917 года преподавал математику в старших классах гимназии Л.Г. Кауфмана в Одессе. Получив приглашение в Екатеринославский политехнический институт, он представил отзыв профессоров Новороссийского университета Е.Л. Будницкого и В.Ф. Кагана, в котором они писали: "Исаак Ефимович Огиевецкий – молодой человек выдающихся научных дарований ... Только вследствие своего еврейского происхождения Огиевецкий не был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию". Условием, при котором он мог работать в университете, было крещение, но это условие Исаак Ефимович принять не мог.

В апреле 1917 года он переехал в Екатеринослав. В институте ему было поручено исполнять обязанности декана института. Позже, в 1918 году Министерство народного просвещения Украины утвердило его в должности профессора по кафедре

математики с обязательством получить ученую степень к 1 января 1920 года.

В апреле 1917 года Исаак Ефимович делегирован институтом в состав оргкомитета по созданию в Екатеринославе народного университета им. А.Л. Караваява.

Как делегат Еврейского научного института И.Е. Огиевецкий в мае 1918 года участвовал в работе академического съезда вузов Украины. К этому времени им была написана работа "Пространство и время".

С 1920 года он – доцент в университете (тогда ИНО – Институт народного образования), где с 1923 утвержден уже в должности профессора. С 1921 года он доцент горного института, а с 1925, будучи профессором, заведовал там кафедрой математики. При создании транспортного института он организует и заведует в нем кафедрой высшей математики, не порывая связей с другими вузами.

В 1925 году он командирован в Гёттингенский университет. В 1927 г. принимает участие в съезде математиков в Москве с докладом "Об одном дуалистическом законе и его приложениях". В 1929 году делает доклад на Всесоюзной конференции по теории относительности и квантовой механике в Харькове. В том же году он – член оргкомитета Всесоюзного съезда математиков, состоявшегося в 1930 году, на котором Исаак Ефимович выступает с докладом "Обобщение закона двойственности" и становится членом Всесоюзной ассоциации математиков.

Брат И.Е. Огиевецкого Михаил, приехавший в Днепропетровск в тридцатые годы, работал на кафедре математики в инженерно-строительном институте и заведовал кафедрой математики в химико-технологическом институте. Михаил Ефимович погиб в 1936 году в результате несчастного случая. Его дочь Ц.М. Огиевецкая долгие годы работала на кафедре металлических конструкций строительного института.

У Исаака Ефимовича было два сына. Старший сын Илья работал доцентом на кафедре математического анализа в университете. Его сын Евгений, внук И.Е. Огиевецкого, закончил МФТИ. В 1996 году уехал в Израиль.

Младший – Виктор был очень талантливым человеком, но его путь в науку поначалу был тяжел. По окончании Днепропетровского университета его в аспирантуру не взяли и он работал в вечерней школе. Научными исследованиями занимался самостоятельно, консультируясь с видными учеными. Одним из его руководителей был академик И.Е. Тамм. В некрологе, опубликованном после смерти Виктора Исааковича в 1996 году в журнале "Cern covrier" № 4 за 1996 год (журнал Европейского центра ядерных исследований), сказано, что В.И. Огиевецкий был видным ученым современности. Он защитил кандидатскую

диссертацию в Москве, в физическом институте им. П.Н. Лебедева (ФИАН), работал в лаборатории академика Н.Н. Боголюбова в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. В 1966 году стал доктором физико-математических наук. С 1980 года – профессор. Ввел понятия спина виртуального поля, аксиального гравитационного суперполя и построил первую безоболочечную суперполевою теорию супергравитации; открыл новый тип калибровочных теорий. Опубликовал более 160 статей и создал активную научную школу.

В 1987 году ему присуждена премия имени И.Е. Тамма (АН СССР), а в 1992 году премия имени Гумбольдта (ФРГ). Добавим, что В.И.Огиевецкий работал по контрактам в США, Англии, Германии и других странах. У Виктора Исааковича два сына: Олег – математик, профессор Марсельского университета, Никита – физик, научный сотрудник одной из фирм в США.

Локшины

Абрам Савельевич Локшин родился в феврале 1893 г. в Екатеринославе. В его аттестате сказано: "... дан сыну мещанина Абраму-Исааку Шевелеву Локшину, он вступил в Екатеринославское 1 реальное училище в августе 1903 и при отличном поведении обучался по 15 июня 1910 и при окончании полного курса Локшин показал следующие успехи: русский язык – 4, немецкий, французский, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, история, естественная история, физика, сравнительная география, рисование и черчение – 5".

В 1909 он поступает сразу в третий класс частной гимназии А.Л. Фовицкого, а в 1913 становится студентом горного института. Сохранилось два интересных документа. В первом Екатеринославский вице-губернатор сообщает о "политической благонадежности для предьявителя сего в Екатеринославский горный институт". Во втором написано: "Сим обязуюсь в течение пребывания моего слушателем ЕГИ беспрекословно подчиняться установленным Советом и утвержденным Министерством торговли и промышленности правилам прохождения курса. Екатеринослав, 23 января 1913 г. А. Локшин".

После окончания института профессор А.Н. Динник предложил ему аспирантуру в Политехническом институте. С 1919 года Локшин – профессорский стипендиат этого института по механике, а с 1920 там же – преподаватель механики в должности доцента. Одновременно он преподавал в трудовом техникуме, позднее преобразованном в Городской практический технический институт, который затем объединили с Политехническим институтом.

С 1921 года А.С. Локшин – ассистент в горном институте, а со следующего года по совместительству он – доцент в Институте народного образования.

Доцентом Горного по теоретической механике и сопротивлению материалов он стал в 1923, а с 1925 – профессором второй группы этой же кафедры. В следующем году он уже профессор научно-исследовательской кафедры механики, где секциями руководили Я.И. Грдина и А.Н. Динник. В 1928 г. Абрам Савельевич представляет докторскую диссертацию: "Динамические напряжения в подъемных канатах". После успешной защиты ему присваивают звание профессора первой группы. В этом же году он был командирован на два месяца в Германию, а в 1929 году становится членом Германского общества прикладной математики и механики.

А.С. Локшин по совместительству работал также в Вечернем рабочем строительном техникуме. После преобразования техникума в инженерно-строительный институт (март 1930 г.) он возглавил кафедру строительной механики. С 1930 года он одновременно руководит такой же кафедрой в транспортном институте.

Его знания были обширны не только в механике: он блестяще читал лекции по алгебре, интегрированию уравнений математической физики, вел курсы для аспирантов. А.С. Локшин опубликовал несколько десятков научных работ, посвященных проблемам прикладной математики, теоретической и строительной механики, сопротивлению материалов. Многие его труды переведены на другие языки. Он был руководителем городской секции научных работников.

Летом 1934 года на втором Всесоюзном математическом съезде А.С. Локшин доложил результаты исследований по устойчивости и колебаниям пластин с жесткими ребрами. Ему удалось точно решить задачу, решенную ранее приближенно С.П. Тимошенко.

Умер А.С. Локшин в 1934 году. В приказе по строительному институту № 106, подписанному ректором Ветровым, сказано:

"Сьогодні, об 11 год. 6 хв. помер видатний учений нашої країни, професор будівельної механіки та прикладної математики, керівник кафедри будів. інститута – Абрам Савельєвич Локшин.

Визначаючи величезні заслуги проф. А.С.Локшина в ДБІ, його гарну особисту вдачу, як друга та педагога – наказую:

1. Встановити з 1 жовтня 1934 три підвищені стипендії імені професора Локшина для студентів, які найбільш встигатимуть в загальних науках та зокрема з будівельної механіки.

2. Надати механічній лабораторії інститута ім'я проф. Локшина.

3. Піднести через відповідні організації клопотання про призначення матері і сину проф. Локшина персональної пенсії.

4. Видати матері проф. Локшина одноразову допомогу в сум. 1000 крб.

5. По договоренності з директорами гірничого та транспортного інституту видати збірник праць".

Любопытен следующий приказ № 108, в котором читаем о том, что сына проф. Локшина – Иосифа после окончания десятилетки зачислить в состав студентов строительного института с назначением ему персональной стипендии. Отметим, что Иосиф школу окончит только в 1942 году.

Газета горного института "За кадры", вышедшая 10 сентября 1934 года, опубликовала заметку А.Н. Динника:

"Самая нелепая смерть! Человек в полном расцвете сил умер от осложнения после какого-то нарыва. Более 15 лет работали мы с ним вместе. Невольно вспоминается первое знакомство. Я.О. Габинский приносит мне тетрадку с просьбой просмотреть. Тетрадка, говорит он, одного студента, только что окончившего горный институт. Он не решается сам прийти, но желал бы заняться научной работой. Это была первая работа А.С. Локшина. Я прочел – эта работа была лучше всяких рекомендаций – и тотчас попросил прислать его ко мне и предложил ему аспирантуру в Еврейском политехническом институте.

Затем долгие годы совместной работы, годы очень тяжелые для Абрама Савельевича, масса преподавания чуть ли не во всех вузах Днепропетровска. Абрам Савельевич преподает не только по своей прямой специальности, но он преподает также самые разнообразные отделы математики: от основного курса алгебры до интегрирования уравнений математической физики для аспирантов и все делает с полным знанием дела...

Летом этого года мы вместе были на Всесоюзном математическом съезде в Ленинграде и надо было видеть с каким уважением относились механики других городов к Абраму Савельевичу.

После съезда мы с А.С. уже не виделись. Он уехал в Эссенуки, я остался здесь. Это была наша последняя встреча.

Никогда мне в голову не могло прийти, что там, в Ленинграде я вижу последний раз милого дорогого Абрама Савельевича.

Академик Динник".

Городская газета "Звезда" 10 сентября 1934 года также помещает извещение о смерти А.С. Локшина. Обращает на себя внимание следующее соболезнование: "Инженеры Промстройпроекта – ученики скончавшегося 9.IX с.г. профессора Абрама Савельевича Локшина глубоко скорбят о тяжелой утрате и выражают свое соболезнование семье покойного". Среди подписавших его Б. Корнев, В. Бовин, Ф. Гитман, А. Зевин, С. Каневский, И. Гурвич, Д. Патлах и другие.

Прожив всего 41 год, Абрам Савельевич оставил после себя пледу талантливых учеников, ставших впоследствии крупными педагогами и учеными, среди них академик АН Украины Всеволод Арутюнович Лазарян, доктора технических наук Борис Григорьевич Коренев, Всеволод Андреевич Бовин, Федор Валентинович Флоринский и многие другие.

Похоронен А.С. Локшин на территории транспортного института, в котором в предвоенные годы существовала лаборатория его имени, а заведовал ею его родной брат Борис Савельевич, ученый-горняк.

Б.С. Локшин родился в 1899 году. Служил в армии Деникина музыкантом, позже был в рядах Красной Армии. Окончил Днепропетровский горный институт в 1928 году. Работал в Югостали, Гипрошахте и Шахтострое, одновременно преподавал в университете, транспортном и строительном институтах. С 1933 доцент Московского горного института, вернулся в Днепропетровск в связи со смертью брата в 1934 году. Работал доцентом в горном институте до 1941 года. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук защитил в 1940 году. В разные годы читал курсы строительной и теоретической механики, на кафедре горного искусства читал "Аналитический курс горного искусства". В годы войны работал в системе Наркомата угля. Вернулся в родной институт в 1947 году. Он автор нескольких изобретений, около 100 научных работ, под его руководством шесть человек стали кандидатами наук.

Сыну Абрама Савельевича Иосифу было 10 лет, когда умер отец. После окончания в 1942 году средней школы, он – курсант Ташкентского пехотного училища. Воевал на 3-м Украинском фронте, командовал взводом, был тяжело ранен в боях на Днестре, полгода лечился в госпитале в Одессе. До марта 45-го служил в запасном офицерском полку в Харькове, там же работал военруком в средней школе. Наконец, с 1946 по 1951 год он – студент физико-математического факультета Львовского университета им.И. Франко. Учился отлично, его дипломной работой руководил Гурий Николаевич Савин, тогда ректор ЛГУ, бывший коллега его отца по кафедре строительной механики в Днепропетровском строительном. С 1952 года Иосиф Абрамович в родном городе, сначала ассистент, потом старший преподаватель, затем доцент горного института. Стал кандидатом технических наук в 1966 году, защитил диссертацию, продолжив исследования отца. Его научным руководителем был Ф.В. Флоринский, возглавлявший в течение почти сорока лет (до 1973 г.) кафедру теоретической и строительной механики после смерти своего учителя А.С. Локшина.

И.А. Локшин читал курсы математической логики и комбинаторики, математических методов исследования операций, руководил межвузовским семинаром по методам планирования экспериментов. Иосиф Абрамович рано умер (в 1983 году),

сказались раны войны. Его дочь Ольга, с отличием окончив Днепропетровский университет по специальности механика твердого тела, успешно продолжает дело своего деда и отца в Технионе (Хайфский политехнический институт).

Заканчивая главу о Политехническом институте, отметим, что Приднепровская академия строительства и архитектуры, ранее инженерно-строительный институт, с полным правом может считать датой своего основания день открытия Еврейского политехнического института – 31 января 1917 года (по новому стилю – 13 февраля).

Глава 5. Сионистское движение

Начало активному сионизму в Екатеринославе положил А. Усышкин. В 1897 году он был приглашен Теодором Герцлем на Первый Сионистский конгресс, где проявил себя как сторонник заселения и освоения Эрец-Исраэль.

А.Усышкин. Краткая еврейская энциклопедия

Абрахам Менахем Мендл Усышкин (1863, Дубровна Могилевской губернии – 1941, Иерусалим) в 1889 году окончил Московское высшее техническое училище. В еврейское национальное движение вступил после волны погромов начала 80-х годов. В 1884 году он активно участвовал в создании ассоциации еврейских студентов Бней-Цион. В 1885 его избрали секретарем движения Ховевей Цион в Москве. В 1881 году, после поездки в Эрец-Исраэль, поселился в Екатеринославе, «который стал, благодаря ему, в последующие 15 лет (18914 – 1906) одним из центров еврейского национального возрождения в России». [193] Жил он в доме С. Палея на ул. Железной (Миронова) и женат на его дочери Эстер. Две ее сестры также вышли замуж за

сионистов. Зинаида стала женой екатеринославского активиста Моисея Брука, а Роза – женой А. Якобсона, деятельность которого проходила в Константинополе и Женеве. [194]

На втором конгрессе А. Усышкин избран членом Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации. На следующем конгрессе (1899 год) ему поручено руководить из Екатеринослава всей сионистской работой как на юге России, так и на Кавказе. А. Усышкин после погрома в Кишиневе в 1903 году выехал туда, организовал отправку в Эрец-Исраэль еврейских сирот и потребовал от сионистских организаций создать там убежища для всех преследуемых и гонимых евреев.

Усышкин всегда боролся против ассимиляции и против двуязычия, отстаивал иврит как национальный язык евреев. В 1895 году открыл в Екатеринославе еврейскую библиотеку, где были собраны книги на иврите.

В 1906 году, после избрания главой Одесского комитета, он уехал из Екатеринослава.

А. Усышкин участвовал в Парижской мирной конференции, на которой был единственным, кто выступал перед представителями великих держав на иврите. С 1919 года А. Усышкин жил в Эрец-Исраэль, где сыграл важную роль в создании органов управления еврейской общины. А. Усышкин активно участвовал в создании Еврейского университета в Иерусалиме на горе Скопус.

В Израиле в память об Усышкине его именем названы улицы и площади почти во всех городах и поселениях страны. Его имя присвоено Центру Конгрессов в Иерусалиме. Ряд поселений на севере долины Хула носит общее название Мецулот Усышкин (Крепости Усышкина).

В 1884 году в Екатеринославе создали отделение «Хибат Цион» («Любящие Сион»), одним из руководителей которого работал соратник А. Усышкина М. Майданский.

Михл Майданский (1825, Заславль – 1910, Екатеринослав) приехал в Екатеринослав в 1875 году. Был состоятельным купцом, принимал активное участие в делах общины, был членом правления Хоральной синагоги и участвовал в работе городской комиссии по еврейским делам. Активно ратовал за возрождение иврита. [195]

В 1901 году в Екатеринославе отряд самообороны, руководимый Б. Бороховым, предотвратил начавшийся погром. Б. Борохов активно работал в сионистском движении.

Бер Борохов (1881, Золотоноша – 1917, Киев) в 1901 году в Екатеринославе создал Сионистский социалистический рабочий союз. Союз принимал активное участие в организации еврейской самообороны во время погромов и защищал интересы евреев-рабочих. В 1905 году Бер Борохов был делегатом 7-го Сионистского конгресса. [196]

Съезд этого движения, проходивший в 1906 году в Полтаве, принял тезисы, предложенные Б. Бороховым, и тогда же его переименовали в Еврейскую социал-демократическую партию Поалей Цион.

Екатеринославская организация этой партии в 1907 году насчитывала около 100 человек. На Проспекте располагался рабочий клуб имени Б. Борохова и комитет партии.

В 1907 году Б. Борохов уехал из России. Жил в Западной Европе, потом в 1914 году отправился в США. Развивал идеи и цели Всемирного союза Поалей Цион. Вернулся в Россию во время революции.

В 1963 году останки Бера Борохова перевезли в Израиль и захоронили на кладбище Кинерет рядом с могилами других основателей социалистического сионизма.

В журнале «Советиш Геймланд» (январь, 1964) опубликован роман Дер Нистера (Пине Каганович) «Фун Фунфти Йор» («О 1905 годе»), где под именем Борух-Бер запечатлен образ Бера Борохова.

На втором Сионистском конгрессе в Базеле учредили Еврейский колониальный банк. Под влиянием А. Усышкина Моисей Юдович Карпас (о нем подробно рассказано в разделе 1.3) в своей фирме предоставил банку отдельное помещение и обслуживающий персонал. Фирма М.Ю. Карпаса взяла также на себя ведение продаж акций этого банка. В Екатеринославе к 1917 году было продано акций Еврейского колониального банка на 60 тысяч рублей. [197]

Сионистские организации уделяли большое внимание сбору средств для освоения Эрец-Исраэль.

Глава правительства Израиля Голда Меир вспоминала: «С детских лет я помню синюю жестяную копилку, что стояла у нас в гостиной рядом с субботними свечами, в которую не только мы, но и наши гости еженедельно опускали монеты, такая синяя копилка имела в каждом еврейском доме, где мы бывали». [198] Активными участниками Сионистского движения в Екатеринославе работали Х. Леванда и Б. Спивак.

Хаим Леванда – автор книги «Собрание законов и постановлений, касающихся евреев России с 1699 по 1873 г.г.». Он родился в Минске в 1840 году, приехал в Екатеринослав в 80-е годы. Участвовал в раввинистском съезде (1893 год). Борух Спивак (1866, Смела, Киевская губерния – 1932, Эрец-Исраэль). В 1905 году он возглавил Комитет помощи жертвам погрома в Екатеринославе. В 1922 году уехал в Эрец-Исраэль. [199]

Много сил отдали движению Шимон Станиславский, Цаври-Гирш Маслянский, Яков Должанский, Моисей Брук, Михл Майданский, Авраам Гаркави, Авраам Перель, Борух Топоровский и другие.

Моисей Брук (1868 – 1920) учился в Риге в Политехническом институте. Сильное влияние на него оказал А. Усышкин. М. Брук участвовал в Сионистских конгрессах. Был главой Екатеринославской общины. Защищая евреев от погромов, посещал в 1919 году генерала Деникина.

Шимон Станиславский родился в Никополе в 1848 году. С детских лет жил в Екатеринославе. Под влиянием Ильи Оршанского пошел учиться в общую гимназию. Занимался еврейской генеалогией и историей. Печатался в еврейских газетах. Умер в 1921 году. [200]

Формы деятельности сионистов были самые разнообразные, включали в себя помимо пропагандистской работы организацию праздников, распространение литературы. Так, для детей из Талмуд-Тор и еврейских школ организовывали празднование Лаг Баомер в городском саду с парадом, прошедшим по улицам города. Проводились празднования Хануки и Пурим.

Представители города посещали Эрец-Исраэль с целью покупки земли. Были также собраны деньги на поддержку ешува. [201]

Участвовали екатеринославские сионисты в различных конференциях и съездах. Так на конференции «Хибат Цион» в Одессе (1887 год) в делегации города входили Авраам Гаркави, Михль Майданский и Авраам Перель.

Нарастающее влияние русского языка и культуры приводило к отходу многих евреев от своих традиций. В тревоге за еврейское воспитание и с целью улучшения образования А. Усышкин со своими сторонниками в 1899 году пригласил преподавателя Х.А. Зота организовать в Екатеринославе «Хедер метухан» («Исправленный хедер»). [202]

4 июня 1900 года А. Усышкин с разрешения властей провел совещание сионистских представителей Екатеринославской и Таврической губерний. На это совещание прибыло 55 делегатов. Были приняты рекомендации по активизации работы в регионах.

15 февраля 1901 года на представительном собрании екатеринославских сионистов выбрали делегатов на 5-й Сионистский конгресс – А. Усышкина и Б. Топоровского. Перед этим конгрессом продали около двух тысяч шекелей – так называли членские взносы в виде марок, символизирующих солидарность с сионизмом. Собрали две тысячи рублей в помощь трудящимся Эрец-Исраэля и распространили около 800 акций Колониального банка. Город разделили на 60 участков, на которых парами работали молодые члены сионистской организации, выполнившие всю эту работу. [203]

После отъезда А. Усышкина в Одессу сионистским движением в городе руководил Моисей Брук, его поддерживали Ш.

Браславский, А. Березовский, И. Долежанский, И. Моцкин, Т. Витлин, З. Володарский, Ш. Теслицкий, З. Йофит и другие. [204]

Ими было создано «Общество языка иврит». В частной еврейской школе Ионы Векслера в 1908 году организовали кружок сионистов «Нехдей Цион» («Внуки Сиона»), во главе которого работал сын директора Даниэль Векслер. В 1912 году он был делегатом съезда Цеирей Цион («Молодежь Сиона»). Несмотря на некоторое ослабление сионистского движения, связанное с отъездом А. Усышкина, с сентября 1908 по апрель 1910 года в Екатеринославе продали шекелей на 514 рублей и собрано 720 рублей в фонд Эрец-Исраэль.

Начальник Екатеринославского жандармского управления в апреле 1909 года в своем рапорте доносил о том, что губерния покрыта сетью сионистских организаций, а также о существовании сионистских кружков, причем некоторые организации были властями разрешены, такие как «Общество вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине».

В 1913 году в Екатеринославе действовала группа партии Поалей Цион, состоящая из 25 человек. На заседаниях этой группы читали рефераты на темы: социализм на еврейской улице, рабочий и буржуазный сионизм, рабочий вопрос в Палестине, рабочая кооперация в Палестине и т.п. Группа провела сборы для Палестинского рабочего фонда.

26 марта 1914 года в помещении цирка состоялся митинг в поддержку сионистского движения. На этом митинге присутствовало около 3 тысяч человек. 4 – 6 апреля 1917 года состоялось совещание, на котором присутствовало 66 делегатов из 45 мест Екатеринославской и Таврической губерний.

В мае 1917 года прошел Всероссийский сионистский съезд. Екатеринослав представляли М. Брук, Ш. Браславский, З. Володарский, Х. Лихтенштейн и другие.

В 1917 году в Екатеринославе выходили две газеты, отражающие сионистское движение: «Известия Екатеринославского районного комитета сионистской организации» (первый номер вышел 25 июля, последний, сдвоенный №6/7 – 4 октября) и «Еврейский путь» (первый номер увидел свет 6 ноября, последний – №4 – 1 декабря). В качестве лозунга в заголовок обеих газет были вынесены слова из Базельской программы: «Сионизм стремится создать для еврейского народа правоохраняемое убежище в Палестине». Редакция «Известий Екатеринославского районного комитета сионистской организации» располагалась на улице Троицкой №5 (Красная), «Еврейский путь» снимал помещение на улице Казачьей (Комсомольская), редактором этой газеты работал Иосиф Львович Корин, издателем – С.И. Левин.

В мае 1917 в Петрограде прошла всероссийская конференция сионистов. Председателем конференции избрали А. Усышкина и И. Членова. Участвовало 552 делегата, представлявших 140 тысяч членов сионистских организаций.

9 – 11 июля в Екатеринославе состоялся съезд народной фракции Цейрей Цион. В работе съезда приняли участие делегаты от Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Таврической губерний.

Прошла также районная конференция Поалей Цион, на которой было 20 делегатов, представлявших еврейских рабочих южных губерний. На ней создали районный комитет в составе четырех человек: Е. Арьева, А. Айзенберга, А. Крючкова и З. Абрамовича.

13 августа 1917 года проходили выборы в городскую думу. Сионисты приложили много усилий для объединения всего еврейства в единый еврейский список. Организовали «Блок еврейских национальных партий», выставивший свой список №17. Бунд и Поалей Цион пошли на выборы самостоятельно.

Список включал в себя Сионистские организации, Еврейский Национально-демократический союз и Ахдус ам-Израэль. [205]

На выборах по списку №17 прошло 19 гласных, среди них 9 сионистов. В городской думе создали еврейскую национальную фракцию и сразу же фракция стала добиваться удовлетворения ходатайства еврейской больницы и ряда других учреждений о субсидиях. [206]

«Известия Екатеринославского районного комитета сионистской организации» 4 октября писали о губернском совещании, проходившем 7 – 8 сентября 1917 года. На этом совещании выступил А.Я. Березовский с анализом предвыборной компании в Учредительное собрание. Он также разъяснил некоторые положения закона о выборах.

В.И. Володарский в своем выступлении осветил работу районного сионистского комитета. Представитель колонии Затишье Хайкин указал на то, что колонисты мало осведомлены о сионистской организации. Затем совещание заслушало доклад М.С. Брука об общинном строительстве. С.И. Левин отметил, что «мы должны сплоченными рядами проникать в толщу еврейских народных масс... наши воззвания должны проникать всюду, мы выходим с лозунгами: «национальное самоопределение с наделением нации правом выполнить обязательные решения и принудительной властью», «земля и воля в Палестине», «свобода национального развития повсюду», «удовлетворение всех нужд еврейства, в том числе религиозно-бытовых», «национальная школа и культура на национальном языке». [207]

Совещание приняло ряд решений по организации предвыборной компании в Учредительное собрание.

Опубликованный в екатеринославских газетах список №10 от Еврейского национального комитета Екатеринославского округа по выборам во Всероссийское Учредительное собрание включал следующих кандидатов:

«Моисей Самойлович Брук – Екатеринослав, инженер, председатель районного и городского комитетов Сионистской организации, гласный городской думы;

Александр Моисеевич Гольдштейн – Петроград, присяжный поверенный, член исполкома Сионистской организации в России;

Давид Исаакович Шморгонер – Екатеринослав, присяжный поверенный, гласный городской думы;

Лазарь Меерович Каплан – Петроград, инженер, председатель центрального комитета народной фракции Цейрей Цион». [208]

Никто из них на прошедших в ноябре выборах не набрал необходимое число голосов. От Украины во Всероссийское Учредительное собрание по национальному списку прошло пять евреев – сионисты А. Гольдштейн (от Подольской губернии), В. Темкин (от Херсонской губернии), Н. Сыркин (от Киевской губернии) и беспартийный О. Грузенберг (от Херсонской губернии), по списку эсеров – член Фарейникде Д. Львович (от Херсонской губернии). [209]

19 ноября екатеринославская газета «Еврейский путь» опубликовала Декларацию Бальфура от 2 ноября 1917 года, гласящую, что правительство Великобритании «Благосклонно воспримет создание в Палестине национального очага еврейского народа и приложит все усилия для облегчения решения этой задачи...»

Предполагают, что редактировал этот текст Хаим Вейцман. Он в 1916 году возглавлял в Манчестере химическую лабораторию и предложил Первому лорду Адмиралтейства Уинстону Черчиллю способ увеличения производства боеприпасов с помощью разработанного им синтетического ацетона. Есть версия, что когда новый премьер-министр Ллойд Джордж спросил ученого, чем можно вознаградить его участие в военных разработках, то он получил ответ: «Сделайте что-нибудь для моего народа!». Так Х. Вейцман отстоял Палестину.[210]

Закончился 1917 год съездом сионистских организаций Екатеринославской губернии, на нем присутствовало 25 делегатов от 15 организаций.

Весной 1918 года в сотнях еврейских общин прошла неделя «Эрец-Исраэль» – митинги, собрания, концерты, сбор пожертвований в Еврейский национальный фонд; на заключительном концерте в Петрограде вместе с еврейскими артистами выступал Ф. Шаляпин, исполняющий песню на идиш и гимн сионистов «Га-Тикву». В марте 1919 года состоялась неделя сбора шекелей.

Члены фракции Цеирей Цион районного сионистского комитета вели большую работу по всему Югу Украины. Так Якобсон посетил Симферополь и Бердянск, Митлин – Мариуполь, Юзовку (Донецк). В Мелитополе и Александровске (Запорожье) побывал Идельсон.

Районный комитет со своего склада распространил сионистскую литературу, среди них были изданные в Екатеринославе книги: И.Б. Сапир «Сионизм»; М. Шалит «Билуйцы. Из истории национального пробуждения евреев»; «Памятка еврейского социал-демократа», составленная Екатеринославским отделением партии Поалей-Цион. Организацией Бунд издана книга «Товарищ Зяма (Островский З.Г.)». Залман Островский был хорошим оратором, заведовал сиротским домом М.Ю. Карпаса. Распространялись брошюры на идиш: «Армагедон» (Н.Соколов), Национальный вопрос перед судом» (Д.С. Пасманик) и другие издания. [211]

8 февраля 1918 года прошли выборы Совета общины Екатеринослава. На этих выборах сионисты одержали убедительную победу. Председателем общины выбрали Моисея Брука.

В сентябре 1918 года в Украине прошли выборы нового Временного еврейского национального собрания. Первая и единственная сессия Еврейского национального собрания состоялась в ноябре 1918 года. [212] На съезд евреев Украины в ноябре 1918 года от Екатеринослава присутствовали И. Идельсон, М. Брук (был избран председателем президиума съезда), Ш. Браславский, З. Володарский, П. Шифман.

Евреи активно работали в других политических партиях, так в состав Екатеринославского комитета РСДРП(б) входили Серафима Гопнер и Я. Яковлев (Энштейн). В Екатеринославе в конце 1917 года головой города был избран меньшевик И. Полонский. Многие евреев избирались членами советов рабочих депутатов и их исполкомов. [213]

Среди сионистов города выделялись: Яков Моисеев, он присоединился к движению в 16 лет, был сослан в 1925 году в Киргизию [214]; уроженец Пирятина Залман Иофит в 1905 году приехал в Нижнеднепровск. Был ранен во время Первой мировой войны. При советской власти неоднократно подвергался репрессиям. Умер в ссылке в 1944 году [215], Моше Рисин руководил клубом, был лектором, вел курсы иврита и преподавал Танах. Уехал в Эрец-Исраэль в 1925 году. [216]; Моше Офир (Золотаревский) (1901, Екатеринослав – 1962, Израиль) был организатором Маккаби. С 1934 года он в Эрец-Исраэль, один из инициаторов создания общества выходцев из Екатеринослава; Цви Шлательзон, разочаровавшись в идеях социализма, примкнул к сионистскому движению. Был вместе с женой сослан в Среднюю Азию. В 1935 году выехал в Эрец-Исраэль. Ушел из

жизни в 1958 году [217]; из Екатеринослава родом Х. Златопольский и И. Идельсон.

Хилел Златопольский (1868, Екатеринослав – 1932, Париж), сионистский деятель, публицист, филантроп. Играл важную роль в организации оппозиции плану переселения евреев в Уганду. Златопольский – состоятельный промышленник – оказывал значительную финансовую поддержку созданию сети школ с преподаванием на иврите, субсидировал ежедневную газету на иврите «Хаам» и театр «Хабима» в Москве. Совместно с дочерью Шошаной Персиц и ее мужем основал издательство «Оманут», выпускавшее в свет учебники и хрестоматии на иврите. Писал статьи о сионизме и еврейской культуре, а также фельетоны на иврите, широко используя еврейские, в частности хасидские фольклорные мотивы. [218]

Исраэль Бар-Иегуда (Идельсон) (1895, Екатеринослав – 1965, Ягур Израиль), политический деятель, один из лидеров рабочего и кибуцного движения. [219]

Замерла сионистская работа в годы гражданской войны, а также от преследования коммунистами. Начались аресты, работали в нелегальных условиях. Более подробно о движении рассказано в нашей работе «Сионистское движение в Екатеринославе.» // Сетевой журнал «Заметки по еврейской истории», 2008, № 3, (94). <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer3/Bystrjakov1.htm>

Глава 6. Екатеринославские издатели и редакторы

Основу екатеринославской прессы заложили в 1838 году "Екатеринославские губернские ведомости", долго остававшиеся единственной газетой. В 1872 году к ней присоединились "Екатеринославские епархиальные ведомости" и только в конце XIX – начале XX веков появилось много периодических изданий.

За период с 1838 года по 1917 год в городе вышло 153 издания, а в губернии еще 114. [220]

Еврейские издатели и редакторы активно работали с периодической печатью.

Наум Леонтьевич Лифшиц был редактором газеты "Белая ромашка", выпущенной 4 июня 1916 года Екатеринославским отделом Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом.

Издателем и редактором "Бюллетеня Екатеринославской биржи" (ежедневное издание Екатеринославского биржевого комитета – 1911–1917 гг.) трудился Юлий Владимирович Фридман.

И.А. Тузман и С.А. Сахаров (Цукерман) являлись издателями "Вестника театра" – журнала, посвященного событиям в

музыкально-театральном мире (выходил в 1912–1915 годах). Редактором журнала был С.А. Сахаров (Цукерман).

Моисей Израилевич Хаст причастен к изданию "Вестник труда" (вышло 10 номеров в 1906 году) и "Южной Руси", выходившей в том же году (18 номеров).

Абрам Волькович Зильберман участвовал в издании газеты "Вестник юга" (1912–1917 годы), в ее редакции работал также Лазарь Юдович Крупман.

А.В. Зильберман совместно с Зусем Боруховичем Гендлер-Фишман издавал в 1912 году газету "Екатеринославские новости".

В 1917 году вышли четыре номера газеты "Еврейский путь", редакторами которой были Иосиф Львович Корин и С.И. Левин.

Издателем и редактором "Екатеринославской копейки" ("прогрессивная, общественная, литературная и научная газета") была Анна Израилевна Рубинштейн. Газета выходила в 1909 году (6 номеров).

Кельман Меерович Гамольский и М.И. Гинзбург работали редакторами газеты "Екатеринославская мысль" – "ежедневная, прогрессивная, общественная и литературная газета. Утреннее издание". В 1915 году вышло 78 номеров. Издателем этой газеты был Ицко Евсеевич Коган (Леви). Выпуск этой газеты остановил генерал-губернатор из-за военного положения.

Израиль Гиршович Фаер и Ф.В. Галиц были редакторами-издателями "Екатеринославской почты" (общественно-литературная и коммерческая газета), которая выходила в 1911–1914 годах. Газета в 1911 году имела бесплатное иллюстрированное приложение "Театральный курьер" к понедельничному номеру. И.Г. Фаер также работал в 1913 году одним из редакторов ежедневной газеты "Екатеринославское утро" (1911–1914 годы).

Шейндель Аронович Вайсенберг был редактором-издателем ежедневной газеты "Екатеринославские вести", выходившей в 1911 году (56 номеров).

Лейб Израилевич Сатановский в 1912 году выпускал и редактировал газету "Екатеринославский вестник".

Издателем-редактором "Екатеринославского курьера" (1915–1916 годы) был Мойша Хаймович Резников.

В 1910 году вышло 8 номеров "Екатеринославского ремесленника" – "двухнедельного журнала, посвященного защите интересов ремесленников". Редактором и издателем этого журнала являлся Аврум Давидович Хаймович.

Тогда же в 1910 году Соломон Аронович Аранович выпустил всего один номер "Екатеринославского сатирикона".

В числе редакторов ежедневной газеты "Екатеринославское утро", выходящей с 1911 до 1914 года (вышло 855 номеров), были Нисон-Ицко Лейбович Радзинский, Залман Янкелевич Виравский, Ханна Давидовна Виравская, Яков Аронович Краснополер и другие.

Нелегальную газету для солдат – орган военной организации екатеринославского комитета РСДРП – "Жизнь солдата", выходящую в 1906–1907 годах, вместе с В.И. Бутаковым редактировал Емельян Михайлович Ярославский (Миней Израилевич Губельман).

Серафима Ильинична Гопнер вместе с Эммануилом Ионовичем Квирингом были одними из редакторов газеты "Звезда", издаваемой екатеринославским комитетом РСДРП. Газета выходила в 1917 году – 170 номеров.

В 1917 году вышло 7 номеров газеты "Известия Екатеринославского районного комитета сионистской организации", однако кто редактировал это еврейское издание, не установлено.

Иосиф Исаакович Танатар, профессор Горного института, был одним из редакторов журнала "Новости техники и промышленности" (1908–1913 годы), а "Новости торговли и промышленности" (1910–1912 годы) редактировал и издавал Давид Исаакович Абрамович.

Брат и сестра Герц Вениаминович и Шифра Венгеровские в 1910 году редактировали издание "еженедельной большой внепартийно-прогрессивной, политической, экономической, литературной и общественной газеты" – "Приднепровская молва", которая затем выходила под названием "Приднепровская мысль".

Брат и сестра Исаак Лейбович и Мариам Коганы выпустили в 1912 году 8 номеров ежедневной газеты "Театрал".

Упомянувшийся выше Я.А. Краснополер выпускал и редактировал собственную ежедневную газету "Утро Екатеринослава", выходящую в 1912–1913 годах.

Авнир Иосифович Гольдфельд был одним из редакторов ежедневной общественно-литературной и политической газеты "Южная Россия" (1910 год – 110 номеров).

Гирш Самуилович Нейфельд и М.И. Хаст издавали в 1906 году газету "Южная Русь".

Редактором и издателем ежедневной внепартийной газеты "Южное слово", выходящей в 1912 году, был Абрам Аронович Лион.

С 1914 по 1917 год выходил ежемесячный технический журнал общества инженеров, окончивших Екатеринославский горный институт, – "Южный инженер", редактором и издателем

которого был И.И. Танатар. До 1913 года этот журнал назывался "Новости техники и промышленности".

В городах Екатеринославской губернии выходило достаточно много периодических изданий: Бахмут (ныне Артемовск) – 14 изданий, Верхнеднепровск – 4, Каменское (Днепродзержинск) – 4, Луганск – 32, Мариуполь – 11, Александровск (Запорожье) – 23, Павлоград – 6, Юзовка (Донецк) – 5, в остальных местностях выходило по 1–2 издания, а всего в губернии (без Екатеринослава) выходило 114 изданий.

Перечислим только еврейские губернские издания:

В Гуляй-Поле в 1917 году выпущено 2 номера двухнедельного журнала Организационного объединения еврейской молодежи с. Гуляй-Поле: "Еврейская молодежь". Редактор – Л. Каем.

Луганская организация еврейской социал-рабочей партии имела свой печатный орган: "Еврейский социалист". В 1917 году было выпущено 2 номера, издателем был С.И. Левин, а редактором – Иосиф Львович Корин, они же, как упоминалось выше, в том же году выпускали в Екатеринославе газету "Еврейский путь".

В Александровске в 1917 году вышло 8 номеров "Еврейского слова". Редактор-издатель Б.М. Телушкин.

В Луганске выходило три детских еврейских издания.

Еженедельный иллюстрированный журнал для еврейских детей – "Цветник Иудеи" (1912–1913 гг., вышло 45 номеров). Редактором и издателем был Иосиф Самойлович Житомирский, он же был одним из редакторов газеты "Донецкая жизнь" (1909–1914 гг.).

Еженедельный иллюстрированный журнал для еврейских детей – "Юный Израиль" (1909–1912 гг.). Журнал имел два приложения: серия "Еврейская детская библиотека" (1909–1911), а в 8 номерах 1910 года печатался русско-еврейский словарь "Малютка". Издателями и редакторами этих изданий были Ш.В. Люрие и Цалев Рувимович Лейфер.

И наконец, существовало издание на еврейском языке "Хапрахим" (Цветы) – иллюстрированный педагогический научный детский журнал (1907–1913 гг.). Этот журнал имел приложение: Русско-еврейский карманный словарь. Редактором и издателем был Б.И. Левнер. Имеются сведения, что Моисей Юдович Карпас выпускал газету "Фрейнд".[221]

Обращает внимание на себя тот факт, что из известных 267 изданий, выходивших в предреволюционное время в Екатеринославе и губернии, 256 изданий было на русском языке, 8 – на украинском, 1 – двуязычное (украинско-русское), по 1 изданию выходили на еврейском и немецком языке.

Газеты 1917 года

Часть II. В советское время

Глава 7. 1920–1941 годы

К началу XX века Екатеринослав превратился в крупнейший индустриальный и культурный центр не только Российской империи, но и Европы. С установлением советской власти начался новый период в жизни страны.

1920–1923 годы. В начале 1920-х годов обстановка в городе оставалась напряженной, жители, пережившие более двух десятков смен различных властей, не были уверены в своем будущем. Промышленность бездействовала, стояли не только крупные заводы, но и мелкие предприятия, не работала электростанция, были нередки случаи отключения водопровода. В городе и в окрестностях хозяйничали банды. В январе 1920 года из Москвы командировали в Екатеринослав 15 ответственных работников для организации Губернской чрезвычайной комиссии, председателем которой был назначен Аккерман.

В период с 1 октября по 1 ноября 1921 года губернское ЧК расстреляло 452 человека, осуждено было 779 человек, среди них украинцев было 369 человек (за бандитизм было осуждено 257); русских – 254 (бандитов – 97); евреев – 80 (за контрреволюцию – 17 человек, бандитизм – 17, должностные преступления – 20, спекуляцию – 23, дезертирство – 1, заложники – 2 человека).[222] Был издан приказ о сдаче оружия членами отрядов самообороны. Тех, кто оружие не сдал, арестовывали, их ждал расстрел и только вмешательство глав общины и раввина города Леви-Ицхака Шнеерсона спасло этих людей.

На территории бывшей империи проживало около 2 750 тысяч евреев. В результате войн, как мировой, так и гражданской, погромов, эпидемий погибло не менее 500 тысяч человек.

Население города в 1920 году составляло 162 965 человек, из них евреев было 72 900 (44,7%). Во всей губернии проживало 1 716 675 человек, евреев 110 927 (6,46%), из них в городах губернии было 100 386 человек. [223]

Грамотными были 64,7% жителей города, а если исключить детей в возрасте до 7 лет, то этот процент доходил до 73,2.

В сентябре 1920 года в городе началась эвакуация в связи с ожидаемым наступлением Врангеля.

Установившаяся советская власть стала сворачивать деятельность еврейских общин, изымать архивы, печати и деньги. Проходила реквизиция имущества, власти накладывали на население местечек контрибуцию и производили поборы. Большевики, имея в Украине армию численностью свыше миллиона солдат, инициировали создание УССР и 28 декабря 1920 года заключили договор о взаимном признании полного суверенитета России и Украины.

В начале 1920-х годов Джойнт израсходовал в Украине 1,5 миллиона долларов на производственную помощь сельскому хозяйству. Из этой суммы 350 тысяч было предназначено на вовлечение в сельское хозяйство еврейского населения городов и местечек. Было завезено 85 тракторов, 5 тысяч плугов, 1,5 тысячи уборочных машин, закуплено для хозяйств 340 тысяч пудов семян, 6,5 тысячи лошадей и коров.

В начале 1920-х годов 75% еврейской молодежи в местечках были безработными, а около 50% евреев страны не имели постоянной работы. Облегчение принесла новая экономическая политика (НЭП), разрешившая предпринимательство и мелкую торговлю.

В августе правительство УССР заключило договор с Американской администрацией помощи (АРА) о помощи голодающим. В пяти южноукраинских губерниях, в том числе в Екатеринославской, голодало свыше 4 миллионов человек.

В 1921 году произошло слияние еврейской партии Бунд с Коммунистической партией (большевиков) Украины. От екатеринославской организации Бунд в члены КП(б)У перешло 18 человек, в том числе А.П. Ширер (в партии Бунд с 1900 года), М.Л. Лехт (в партии с 1901 года), Х.И. Хейфец, Беккерман (с 1904 года) и другие. [224]

Продолжали работать еврейские партии и организации. В своем донесении губернское Главное политическое управление (ГПУ) в октябре 1922 года сообщало: "Организация сионистов свою работу проявляла в том, что некоторые члены Цейрей Цион взяли на себя руководство группы Маккаби, которым читались различные лекции узкошовинистическо-националистического направления, в них указывалось на то, что всей еврейской молодежи нужно развиваться физически, что необходимо будет в

будущем для борьбы в Палестине с арабами... и другими народами, а в Палестину должен стремиться каждый... Кроме указанного деятельность сионистов еще ничем не обнаружилась". [225]

Весной 1922 года обстановка в городе оставалась тяжелой, свирепствовали голод и бандитизм. Из политической сводки Губотдела ГПУ, составленной 10 марта: "Здесь голод, умирает масса людей и мертвецы валяются на улицах. Нет ни одной ночи, чтобы кого-нибудь не убили или не ограбили. Люди стоят по неделям в очереди и не могут достать билеты для выезда из города... Жить очень трудно, как только ночь, так все и дрожат, потому что много бандитов..."

Заводы, которые стояли по четыре года, теперь начинают работать. В частности, работают заводы б. Гантке, Ланге, печной завод, гвоздильный "Сириус", Шодуар и Брянский...". [226]

В 1921 году Поволжье и ряд губерний Востока Украины, в том числе Екатеринославскую, охватил голод, вызванный неурожаем, добавила свое и продразверстка, проводимая властями. Для помощи голодающим по инициативе министра торговли США Герберта Гувера образована Американская администрация помощи (АРА), действовавшая с августа 1921 по июнь 1923 года. АРА обеспечивала пропитанием более 10 миллионов человек. Джойнт, пожертвовал в фонд АРА 4 миллиона долларов (современный эквивалент – около 60), а также самостоятельно оказывал помощь через свои представительства. Так в августе 1922 года он кормил два миллиона человек. [227]

"Лондонский комитет евреев Украины" сообщал, что в Екатеринославе в 1921 году умерло 2025 евреев, в 1922 – 3677. Комитет организовал также продовольственные посылки голодающим. [228]

Екатеринославская газета "Звезда" писала, что из 700 тысяч посылок, имеющих конкретные адреса и отправленных в декабре 1921 – декабре 1922 года, Екатеринослав получил 58,8 тысячи. Газета регулярно печатала списки лиц, которым необходимо было явиться за присланными на их имена посылками. Отправку посылок, в основном, организовал Джойнт. Окружным уполномоченным АРА в городе был Т.С. Берриджер.

Типовая посылка Джойнта стоимостью 10 долларов (в современных ценах около 140) включала: 10 фунтов сахара, 25 фунтов риса, 10 фунтов растительного масла, 3 фунта чая, 49 фунтов муки и 20 однофунтовых банок сгущенного молока.

Половина посылок предназначалась неевреям.

Раздача мануфактуры беднейшему населению Екатеринослава. 1922 г.
М.Бейзер, М.Мицель. Американский брат. Джойнт в России, СССР, СНГ. 2002

К 1 июля 1922 года в Белоруссии и Украине было получено более 90000 посылок. В местных отделениях Евовщесткома на эти посылки выдавались охранные удостоверения, чтобы их не реквизировали у получателей по дороге домой. Представителем Джойнта в АРА был д-р Джозеф (Иосиф Борисович) Розен (1877–1947) – выдающийся американский агроном российского происхождения[229].

Приведем письмо председателя еврейской общины города:

"Главному уполномоченному АРА в Москве доктору Розену.

Докладная записка

Екатеринославская Еврейская Община, насчитывающая в г. Екатеринославе до 100000 еврейского населения, до 1919 года имела для нужд беднейшего еврейского населения следующие учреждения, которые содержала за свой счет.

I. По социальной помощи

- 1) Две богадельни для престарелых евреев на сто человек.
- 2) Один Сиротский дом (свыше 100 детей).
- 3) Один приют для беспризорных детей (свыше 100 детей).
- 4) Одна больница на 200 больных.
- 5) Один родильный приют.
- 6) Одна детская столовая.
- 7) Один гостеприимный дом для приезжающих.
- 8) Одна касса для выдачи ссуд трудящемуся населению.
- 9) Комитет по оказанию помощи бедным деньгами, топливом и опресноками.
- 10) "Капля молока" [детский приют. – А.Б.].

II. По народному образованию

- 1) Двадцать школ религиозных и светских, где обучалось свыше 5 000 детей.
- 2) Два детских сада.

Все эти учреждения в 1919 году перестали существовать, так как согласно декрету, они отошли от общины и общине предложено было ликвидировать все виды помощи, оставив лишь религиозные функции. Постепенно все учреждения, отобранные у общины, стали закрываться и ныне или совсем не существуют, или впадают в жалкое существование. У общины, прекратившей своей деятельности, юридически существующей по уставу религиозных обществ, осталось в ведении похоронное братство, содержание Раввината, ритуальная резка, снабжение беднейшего еврейского населения опресноками, охранение кладбищ и т.д. В связи с голодом... (по данным статистики еврейского похоронного братства число смертей по сравнению с 1919 годом увеличилось в 4 раза, причем 75% смертей по врачебной регистрации относится за счет голода), братство не успевает за отсутствием средств и сил хоронить, и мертвые неделями лежат не убранными в квартирах и на кладбище. Община обратилась в Губпомгол с ходатайством разрешить специальный сбор пожертвований и открытие бесплатных столовых, приютов, равно разрешить обратиться за помощью в АРА и через АРА с воззванием ко всем американским еврейским общинам, в среде коих имеются и эмигрировавшие из Екатеринослава. Такое разрешение дано. Община приступила к сбору пожертвований, она обратилась и в екатеринославскую АРА. Екатеринославская АРА обещала выдавать на питание детям пропорционально общего числа голодающих детей губернии и указала, что необходимо согласовать деятельность с местным Евобществом. В частности, АРА сообщала, что украинская федерация евреев в Лондоне прислала и будет присылать ежемесячно 1000 фунтов для нескольких городов, в число которых входит и Екатеринослав, и таковые в виде посылок могли бы быть выданы по соглашению с Евобществом...". [230]

Далее в письме содержится просьба направлять помощь в адрес еврейской общины по адресу ул. Железная, № 14 (Миронова). Подписано письмо председателем общины Израилем Ефимовичем Моцкиным и товарищем председателя Шморгонером.

Про Израиля Ефимовича Моцкина (1871–1938, Днепропетровск) известно мало. Как рассказала внучка Израиля Ефимовича – Вера Самуиловна Моцкина, он учился в Киеве, потом в Германии на химическом и философском факультетах университета. Приехал в Екатеринослав, женился на дочери промышленника Розенберга, открыл свои кирпичные заводы. Принимал активное участие в жизни общины. Во время погрома рабочие завода три дня сидели у входа в дом Моцкина, защищая его и его семью. При советской власти работал в Промбанке, неоднократно подвергался допросам в ГПУ. Семья Израиля Ефимовича была высокообразованной, после его смерти домашняя библиотека была передана в дар Киевской публичной библиотеке.

Первые годы советской власти жизнь еврейской общины была сосредоточена вокруг действующих синагог.

Жизнь была трудной. Одежду шили из мешковины, окрашенной в различные цвета. Ее же распускали на нитки для вязания платков, шарфов и одежды. Из-за дефицита обуви подошвы вырезали из дерева, верх делали из брезента – такую обувь называли "стукалки". Еще одна примета времени – сокращенные названия учреждений и должностей. Губком – губернский комитет; компомбед – комитет помощи бедноте; рабис – работник искусства; шкраб – школьный работник; работпрос – работник просвещения и другие.

Другой приметой времени стали имена, даваемые детям. Нинель (перевертыш Ленина), Сталина, Революция, Идея и тому подобные.

В газетах печатали объявление Хоральной синагоги о записи на места в синагоге на осенние праздники, а также то, что богослужение на этих праздниках "будет совершать обер-кантор Н.-Б. Лахман при хоре под управлением свободного художника И.Б. Марьяскина" и далее "16 сентября в час ночи будет совершено моление Слехот". После 1922 года в советской прессе города подобных объявлений уже не было, а наоборот начала разворачиваться антирелигиозная пропаганда. Так, газеты перепечатали статью Емельяна Ярославского (Губельмана), опубликованную в "Известиях" – "Что можно взять в синагогах", где он писал: "Очень часто говорят, что в синагогах нет никаких ценностей. Синагоги не имеют икон, стены голые. Но семисвечья бывают серебряные. Их надо взять обязательно".

В городе в 1922 году власти организовали еврейское бюро, в котором работало 4 человека.

О настроениях в рядах интеллигенции свидетельствуют политдонесения ГПУ в губком КП(б)У: "Профессура (около 30-ти человек), за исключением восьми профессоров, враждебно относится к положению о высших учебных заведениях УССР и это выявляется на заседаниях факультетской комиссии, где были случаи, что профессора Шевяков и Грдина демонстративно уходили. Приказом центра они были переведены в другие учебные заведения Украины [позже это постановление было отменено. – А.Б.], а преподаватели Малов и Буров уволены...". [231] В другом донесении сказано, что профессура настроена антисоветски, не проявляя своей враждебности открыто, упорно не желает мириться с "нововведениями пролетарского духа". На экзаменах "профессура в целом очень пристрастна к экзаменуемым". Отмечается, что "среди интеллигенции, большинство коих спецы-администраторы в различных учреждениях, начинают проявляться антисемитские течения, выражающиеся в поголовном увольнении евреев-сотрудников и различными придирками к ним во время работы". [232]

После проведения выборов 1922–1923 года в состав губисполкома вошли 25 сотрудников, 4 из которых были евреями. Из 110 заведующих отделами уездных исполкомов Екатеринославской губернии евреев было 23, украинцев – 28, русских 57 человек. Губернским прокурором работал еврей Славин, тогда еще студент-юрист. Из 61 народного судьи губернии евреев служили 5 человек. [233]

Ответственным редактором первых выпусков газеты "Звезда" – органа губернского исполнительного комитета и губкома КП(б)У – были сначала И. Кацнельсон, а потом М. Рафаил.

В 1921–1924 годах в Екатеринославе действовало, как уже отмечалось, отделение Джойнта. Отмечая огромную помощь Джойнта, Екатеринославская еврейская община в 1923 году направила д-ру Розену благодарственное письмо:

"Нашему дорогому, славному и возвышенному брату д-ру Йосефу Розену.

Еврейская община нашего города глубоко ценит Ваши способности в качестве представителя Джойнта, который самым замечательным образом, умело и знающе, организует благотворительную помощь многим несчастным, страдающим от нужды и голода. Мы считаем своим долгом выразить Вам благодарность за Ваши большие и славные дела в пользу этих несчастных. Во всех тяготах, которые выпадают на долю наших неимущих братьев, во всех бедствиях, которые обрушиваются на них, приходит им на помощь это славное общество, подобно ангелу-спасителю, чтобы вызволить их из бедствий и облегчить их страдания, накормить голодных, одеть раздетых и излечить больных, доставить им топливо в холодные зимние дни и поддержать ослабевшую руку бедных деньгами.

Мы просим нашего господина передать нашим дорогим братьям в Америке, что мы глубоко благодарны и признательны им за щедрость и жертвования. Мы никогда не забудем их помощь во имя нашего спасения. Да будут благословенны наши далекие – близкие братья, и да будет благословен господин наш, д-р Розен, который с талантом и разумением умеет вести дела благотворительности во всех ее различных областях.

Да будет с Вами милость Господа и да поддержит Он дела Ваши в будущем.

Екатеринослав, 18 ава 5683 года". [234]

Письмо подписали раввин Леви-Ицхак Шнеерсон и председатель общины Израиль Ефимович Моцкин.

ГПУ пристально следило за работой этой организации. Так, в одной из сводок сообщалось о том, что "Джойнт выдает субсидии неофициальным и ссудным организациям, существующим при синагогах... В большинстве случаев деньги даются кассами взаимопомощи при вузах, в очень немногих случаях отдельным

личностям". [235] Созданный в 1922 году при религиозной общине комитет помощи голодающим (Евкомгол), содержащийся Джойнтом, ликвидировали в августе 1923 года решением губкома КП(б)У, "...так как Евкомгол оказывает свое разлагающее влияние на широкие еврейские массы". [236]

Закрыли общество "Гехолуц", при этом секретно сообщалось о "необходимости сохранения его хозяйств". [237]

В 1923 году разрешили создать Еврейского общества по оказанию бесплатной медико-санитарной помощи беднейшему населению Екатеринослава (ЕМСО). Устав общества подписали Д. Фельдман, А. Розовский, Б. Фукс, И. Розенгарт и Б. Ханис. Доктор Б. Ханис являлся также уполномоченным Джойнта по Екатеринославскому округу. [238]

רוד צעירעדיצין ביאקאטערינסלאב ב'23' מיטן לשטאל: משה אולשנסקי, זעריאל וואלבוסקי, ולמן יום
הגבול רייכמן, משה רייזן, שילת טעליצקי.

Екатеринославский комитет «Цеирей Цион» в 1923 году. Слева направо: Ш. Теслицкий, М. Рисин,

Х. Райхман, З. Йофит, А. Заливенский, М. Ольшанский. Sefer Yekaterinoslav-Dnepropetrovsk. Иерусалим, 1972

И уже в этом же году еврейское бюро Екатеринославского губкома КП(б)У ставило вопрос о ликвидации этого общества. [239] В городе продолжала работать еврейская больница на ул. Философской, газеты публиковали частные объявления врачей о приеме больных (вот одно из характерных объявлений: "Доктор С.С. Коган возвратился и возобновил прием по адресу...")

В 1923 году активисты 1-го Екатеринославского еврейского ремесленного и мелкооптового ссудосберегательного товарищества подготовили обращение к руководству еврейской общины с просьбой возбудить ходатайство перед Джойнтом о предоставлении заимообразно оборотных средств для операций Товарищества. В обращении отмечалось, что Товарищество создано в 1902 году и его "деятельность с самого начала была основана на принципах взаимопомощи, когда после погромных октябрьских дней 1905 года Товарищество получило ссуду 30 000 рублей, мы ее вернули с процентами. Ссуда выдавалась на производственные нужды. С расширением общества было обращено внимание на другие виды помощи:

- 1) Образован фонд помощи семьям умерших членов.
- 2) Организована образцовая учебная мастерская.

3) Открыта амбулатория.

4) Открыт детский сад и приобретена еврейская гимназия.

Общество владело двумя домами стоимостью 247 000 рублей.

События 1920–1921 годов прервало деятельность общества". [240]

В марте 1923 года на заседании главбюро евсекции ЦК КП(б)У принято решение о создании евсекции при Екатеринославском губкоме партии. Заведовал евсекцией Пресбург. Уже в мае этого года на заседании Главбюро рассматривалась работа губернской евсекции, отмечено, "что еврейские детские учреждения находятся всецело в зависимости от Джойнта, что имеет самое деморализующее влияние на их состояние", говорилось также о том, что "еврейские колонии еще не оправались после гражданской войны и в них также ощущается сильное влияние Джойнта и ОРТ". Екатеринославское отделение ГПУ сообщало в губком КП(б)У, что "имеются сведения, что местные еврейские религиозные общины в губернии, несмотря на то, что по положению им не предоставляется право заниматься делом помощи кроме как из средств самих членов общин, они все-таки окольным путем занимаются делами помощи... используют разные заграничные буржуазные организации (Агроджойнт, Джойнт, Верелиф)... просим зорко следить за деятельностью еврейских религиозных общин". [241]

В 1923 году власти ликвидировали все благотворительные организации, созданные по инициативе Джойнта и АРА.

В 1920-х годах действовали нелегальные сионистские организации, в том числе "Цеирей Цион" во главе с Азриелем Заливенским, Х. Райхманом, Мойше Рисиным (1889–1962, Израиль), Мойше Ольшанским, Залманом Йфитом (1885, Пирятин – 1944)[242]. Хананья Райхман – поэт, переводчик, печатался под псевдонимами Ави-Авшалом, Х. Бен-Шломо, Хананья Ран. Родился он в 1905 году в поселке Гришино Екатеринославской губернии. Писал на иврите. В Екатеринославе был арестован и после освобождения в 1926 году уехал в Эрец-Исраэль. Издал много книг, в том числе "Дваш ве-окец" ("Мед и жало", 1960), содержащую около 2000 афоризмов, четверть которых принадлежит Х. Райхману; в 1975 году вышла его книга "Иврит ализа" ("Веселый иврит"). Райхман перевел на иврит басни И. Крылова, очерки и пьесы З. Жаботинского, на русский язык стихи Н. Альтермана. Умер Х. Райхман в Тель-Авиве в 1982 году. [243]

В губернии было 17 еврейских земледельческих колоний, где проживало около 11 тысяч человек. В середине 1923 года в них действовало 31 еврейское учреждение, среди них 10 детских домов, 16 школ, 2 сельскохозяйственные коммуны, 2 детских городка и 1 детский клуб. Положение детских домов было тяжелым, так как отсутствовала какая-либо воспитательная

работа, не было учебных пособий. В детских домах было около 200 детей-переростков.

Еврейский сиротский дом превратили в еврейский детский дом, которым заведовал Эммануил Яковлевич Ариев, впоследствии расстрелянный белогвардейцами. С 1917 года 10 лет им заведовал Рувим Исаакович Кричевский. Обитатели дома получали образование в еврейской школе № 16, где преподавание велось на идиш. После Р. Кричевского директором дома работал Картузон. Впоследствии здесь располагался детский дом № 4 и почти сорок лет до его закрытия в 1968 году им заведовал Григорий Минаевич Левин, прозванный за свои заслуги "днепропетровским Макаренко". Этот детский дом считался одним из лучших в Украине. Детский дом имел в своем подсобном хозяйстве 40 га земли, животноводческую ферму, производственные мастерские. Все это позволяло не только кормить и одевать воспитанников, но и возить их в летний лагерь, Крым, на экскурсии по стране. За работу в мастерских, выпускающих промышленную продукцию, воспитанники получали зарплату, которая откладывалась на сберкнижку, вручаемую при выпуске.

Губком КП(б)У отмечал, что во всех еврейских колониях существуют хедеры и невозможно их пока ликвидировать. [244]

Антирелигиозная кампания набирала силу. Осенью в городском театре во время праздника Йом-Кипур созвали общегородское собрание евреев-рабочих. [245]

По данным городской переписи 1923 года в Екатеринославе проживало 73 325 мужчин и 89 537 женщин. Евреи составляли 32,2% (т.е. около 52 тысяч человек), русские – 42,5%, украинцы – 13,8%. За три года еврейское население города уменьшилось на 21 тысячу человек. На это повлияли эпидемия тифа и голод, а также то, что многие покинули Екатеринослав в поисках средств к жизни. Уехала большая часть беженцев из Литвы, Польши, Белоруссии. [246]

1 августа Всеукраинский ЦИК и СНК приняли Декрет "О мерах по обеспечению равноправия языков и о содействии в развитии украинского языка". Декрет обеспечивал использование языка идиш, создание школ и культурных учреждений.

1924–1926 годы. 12 января 1924 года состоялся вечер "Новая поэзия" с участием Михаила Светлова, Михаила Голодного, Александра Ясного и других поэтов.

В феврале были произведены массовые аресты сионистов.

В 1924 году промышленное производство составляло около трети от довоенного уровня. Так, завод им. Петровского в начале года работал с нагрузкой 33,7%, к концу года его нагрузка уже составляла 64,1%. Начала работать швейная фабрика им. Володарского. Наиболее крупным было объединение швейников

"Швейпром", в котором работал 441 человек, из них евреев было 404. [247] Во многих общественных организациях, а также в партийной организации фабрики им. Володарского языком общения и делопроизводства был еврейский. В городе выходило несколько многотиражных газет на еврейском языке. В губернии действовало 148 кустарно-промышленных артелей, из них только 96 были городскими. В профтехшколе на ул. Базарной, № 11 (Чкалова) было открыто еврейское отделение на 30 человек. Работала также 1-я еврейская профтехшкола "Металлист", где обучалось 120 человек, директором был М. Тамарин, который в 1926 году предлагал реорганизовать школу в индустриальный техникум.

Судосберегательное товарищество, насчитывающее 1750 членов (евреи составляли 80%), обслуживало 397 портных, 424 сапожников, 169 кузнецов, 341 извозчика, по 74 столяров и парикмахеров и другие категории трудящихся. [248]

Отдел агитации губкома КП(б)У 1 июня созвал общегородскую конференцию евреев-рабочих, на которой с докладами выступили: Мель – о национальной политике советской власти; Кацнельсон – о кооперации, Пресбург – о работе евсекции и Цукер – о состоянии еврейской рабочей прессы.

В городе претворялся "План борьбы с хедерами", разработанный в центре. [249] В губернии действовали 26 еврейских школ, из них в Екатеринославе – 4. Из 12 детских домов в городе еврейских работало 5. В высших учебных заведениях города училось много евреев. В Горном институте из 1689 студентов евреев было 599 (35,5%), в институте народного образования (университете) из 827 студентов евреев училось 281 (40%), в вечернем рабочем строительном техникуме из 74 студентов евреев было 38 человек (51,4%). [250]

Усилилась антирелигиозная деятельность. Газета "Звезда" публиковала множество статей, приуроченных к религиозным праздникам. С одобрением сообщалось о том, что в мае в синагогу на Амуре пришла молодежь и распевала религиозные песни. К этому времени были закрыты шесть синагог: на ул. Бабушкина, № 64; пер. Рябиновый, № 6; ул. Философская, № 30; ул. Фрунзе, № 16; ул. Боброва, № 12; ул. Савченко, № 2. В 1924 году рассматривалось дело Моисея Жаботинского, совершившего обряд обрезания ребенка.

Переселенческое бюро губернского земельного управления предприняло обследование районов губернии, где были расположены старые еврейские колонии, с целью выяснения возможностей размещения новых переселенцев. Была организована комиссия по учету евреев – будущих земледельцев. В состав комиссии вошли: Цинман – евсекция губкома партии, Петруша – бюро национальных меньшинств губисполкома и Шульга – ремонтное управление. Перед ними была поставлена

задача закончить регистрацию переселенцев к 1 января 1925 года. К этому времени переселенцам выделлили 65 тысяч гектаров земли. [252]

В губернии в 1924 году организовали 6 еврейских сельсоветов, в которых действовали: 2 судебные камеры с делопроизводством на еврейском языке, 26 школ с 4350 учениками, 5 детских домов и 2 библиотеки. [253]

"Звезда" сообщала о работе Джойнта по оказанию медицинской помощи населению по борьбе с фаузом и туберкулезом.

В городе работало несколько еврейских клубов. Клуб швейников находился на углу пр. К. Маркса и ул. Короленко. Клуб кустарей-ремесленников действовал по адресу пр. К. Маркса, № 86. Больше известно о детском еврейском клубе им. III Интернационала, располагавшемся на ул. Харьковская, № 5. В декабре 1924 года его посещало 100 человек (48 мальчиков и 52 девочки). Здесь работало 5 педагогов, которые руководили спортсекцией, хором, художественной студией и драматическим кружком. [254]

В городе работали еврейские партии и организации. В одном из обзоров, составленном властями, можно прочесть, что 18 августа 1924 года "сионистско-социалистическая партия распространяла листовки с призывами к сопротивлению власти Советов, против евсекции и к... раскрепощению еврейских трудящихся масс". Далее отмечалось, что "сионистско-социалистическая партия великолепно организована и работает весьма конструктивно. Замечается проникновение ее членов в различные организации: ссудосберегательные товарищества, ЕМСО (Общество медико-санитарной помощи еврейскому населению) и другие. Ощутимой была работа сионистов среди еврейского учительства и в детдомах.

Организация Гехолуц – трудовой авангард, ведет усиленную работу по направлению квалифицированной рабочей и технической силы в Палестину...

Организация Маккаби ставит перед собой задачу воспитания еврейской молодежи в национальном духе. Маккаби организуется вокруг всеобуча и в спортивных клубах. 2 сентября городским отделом ГПУ изъято свыше 50 членов сионистских группировок, проявивших активную работу... Таким образом со 2-го сентября работа сионистских группировок на Екатеринославщине ликвидирована". [255] В Екатеринославе 2 сентября 1924 года арестовано 44 человека, в Павлоградском округе – 9, Запорожском и Бердянском округах по 2, Мелитопольском – 5 человек. [256]

Аресты прошли по всей Украине, за решетку бросили около 3 тысяч человек.

Другой обзор сообщал, что позже было выявлено 12 членов сионистско-социалистической партии, Гехолуц насчитывал 13 членов, Гистадруд – 10 членов, Маккаби объединяло 30 человек. [257]

В январе 1925 года еврейское население Екатеринославской губернии составляло 22,6%.

В феврале 1925 года было принято решение о создании в губернии Общества земледельцев евреев-трудящихся (ОЗЕТ). В инициативную группу губкома КП(б)У вошли: Гаврилов (руководитель губкома), Шаляхина, Петушкова, Цинман, Хелемский, Березовский и Кацнельсон. Уже к 1 августа на "землю" переселилось 2518 семейств – 14198 человек. [258] Началось создание еврейских колхозов, одним из первых был колхоз "Земля и труд" в Божедаровке Криничанского района. Всего в губернии в этом году организовали 25 еврейских колхозов. [259] Существовало 6 еврейских сельсоветов с населением 11980 человек. В колонии Ново-Житомир была открыта судебная камера с делопроизводством на еврейском языке. Вторая такая камера работала в Екатеринославе – следователем здесь был Авдет. [260] В Софиевском районе создана еврейская детская колония. В 1925–1926 учебном году там жили 200 детей-сирот. Колония располагала 732 га земли, мельницей, двумя мастерскими и была электрифицирована с помощью динамомашин.

В городе действовало Общество кустарей-одиночек, объединяющее 1300 человек, евреи составляли 85% его членов. Активно работало Общество помощи евреям-переселенцам. В 1925 году был утвержден "Устав общества пособия бедным евреям гор. Екатеринослава". В восьми профсоюзах (деревообработчики, кожевники, металлисты, печатники, пищевики, строители, швейники, совработники) было 5199 евреев (24%), из них на еврейском языке говорили 2711 (52%), читали 2116 (41%), писали 1810 (35%) человек. [261] В этом году профсоюз "Швейпрома" возглавлял Блюмин, совработников – Гурвич, союз работников искусств (РАБИС) – Геренштейн.

Весной прошла сильная антипасхальная кампания. Так, 4 апреля "Звезда" опубликовала статью "Шамес и габай", где Хасин – габай синагоги на Философской и Фельдман – шамес обвиняются в присвоении денег, а также в том, что живут не по средствам, сообщалось также, что они будут судимы. 25 апреля напечатана статья бывшего раввина, скрывавшегося под инициалами А.К. – "Что такое еврейская Пасха".

Помимо газеты "Звезда", выходившей с приложением "Мартен" (редактор Матвей Наумович Ленау), выходили газеты "Зірка", "Майбутня зміна" и журналы "Зоря", "Красный слон". Были и такие издания, как "Новый хирургический архив" (редактор Я.О. Гальперн), "Здоровье транспортника" (С.Я.

Тункель), "Материалы по народному хозяйству" (Кацнельсон), "Вестник Екатеринбургской железной дороги" (В.Р. Осташевский) и "Инженерный работник" (И.И. Танатар).

В 1925–1926 годах в Екатеринославе работал филиал еврейского издательства "Школа и книга" (руководитель Ханов). В апреле газета "Звезда" объявила о начале подписки на ежедневную общественно-политическую еврейскую газету "Дер Штерн" – орган ЦК КП(б)У и Всеукраинского Совета профессиональных союзов. Первый номер газеты вышел 15 мая 1925 года. Помимо этой газеты в городе распространялась общесоюзная еврейская газета "Дер Эмес".

Работала в городе еврейская библиотека. [262]

В начале 1925 года в Екатеринославе зарегистрировали 9744 безработных. Завод им. Петровского по производству вышел на довоенный уровень. Действовали трубопрокатный завод им. Ленина (б. Шодуар "А"), прокатно-цинковальный завод "Коминтерн" (б. Шодуар "Б"), литейный завод "Коммунар" (б. "Сириус"), проволоочно-гвоздильный имени К. Либкнехта (б. Гантке), завод им. Артема (б. Мантель).

Летом райком комсомола сообщал в губком компартии о том, что "во 2-й трудовой школе давно существует детская сионистская организация. В своей стенной газете они клеймят юных пионеров и мечтают о выезде в Палестину, где они будут строить коммунизм. Конспирация у них хорошая. Есть много членов их организации, которые не знают даже имена и фамилии руководителей. Руководители присвоили себе такие имена: Чайка, Ласточка и т.д. Собираются они в Потемкинском саду... и на квартирах. Организация эта вернее юношеская (учащиеся 6 – 7 групп)". [263]

В 1925–1926 учебном году в городе работало 7 еврейских средних школ, в которых было 1380 учеников и 54 учителя, существовала и вечерняя школа на 100 учащихся [264]. Кроме этих действовало 5 еврейских трудовых школ с 958 учениками и 30 учителями. В губернии существовало 26 еврейских школ с 3365 учениками и 96 учителями, 5 детских домов с 577 детьми и 35 воспитателями. [265]

В 1925 году в Екатеринославе ликвидирована сионистская организация, насчитывающая свыше 900 членов. Лидеров этой организации сослали. [266]

8 августа 1925 года ВУЦИК утвердил решение о создании в Екатеринославе следственной камеры с делопроизводством на еврейском языке.

В 1926 году в городе проживало 62,1 тысячи евреев (26,6% всего населения), из них около 17000 были рабочими крупных заводов, в легкой промышленности работали 6400 человек, служащих – 8500, свободные профессии – 425, торговлей занимались 2194 человек, ремесленниками были 3469, не имели

профессии – 2146 и безработных было 4819 человек. [268] На некоторых предприятиях города доля евреев составляла: обувная фабрика – 63%, лесозавод № 19 – 52%, типография "Полиграф" – 58%, типография "1 Мая" – 66%, завод им. Ленина – 31%, электростанция – 12%, завод "Красный Профинтерн" – 13%, завод "Спартак" – 29%. [269]

Уменьшение числа евреев в городе по сравнению с 1920 годом на 10,8 тысяч человек вызвано тем, что беженцам, попавшим сюда во время Первой мировой войны из Литвы, Польши и Белоруссии, власти разрешили вернуться в родные места.

В обществе кустарей по состоянию на 1 марта 1926 года работало 1345 евреев (81,3% от общего числа членов общества). Наиболее крупными цехами в этом обществе были: "игла" – 476 человек, "кожевники" – 468, "металлисты" – 254 человека. Клуб, принадлежавший этому обществу, посещало 150–200 человек, действовала библиотека и юношеская секция. Членами правления общества кустарей работали И.Х. Тарнопольский, М.Ю. Нежиховский. [270]

В 1926 году в УССР проживало 1574 тысячи евреев, а всего в СССР их было 2672 тысячи человек. По данным переписи этого года среди евреев служащие составляли 23,4%, кустари – 19%, рабочие – 14%, торговцы – 11,8%, крестьяне – 9,1%. По отраслям экономики евреи распределялись следующим образом: учреждения – 44,4%, торговля и кредит – 30,2%, промышленность – 13%, ремесленное производство – 3,1%. Среди кустарей наибольший процент составляли швейники (31,7), кожевники (20) и пицшевики (12,1). Еврейское население Украины было самым городским из всех национальностей. В городах из общего числа украинцев УССР проживало 9,6%, русских 50,9%, евреев 74,1%.

Существовали 502 еврейских школы с 78 000 учащихся. Кроме того, с преподаванием на идиш действовало 4 педагогических техникума (590 учащихся), 15 профтехшкол (1 363 ученика), 2 сельхозшколы (110 учащихся), сельхозтехникум (194 учащихся) и 8 школ для кустарей, где обучалось 547 человек.

Биржи труда проводили вербовку евреев, желающих переехать в промышленные районы Донбасса и Приднепровья.

В феврале состоялось торжественное городское собрание, посвященное годовщине создания ОЗЕТ, на котором присутствовали представители еврейских колоний области.

В апреле было сообщено о создании Екатеринославского общества переселенцев, первыми членами которого стали извозчики, решившие устраиваться "на земле" за свой счет.

31 мая 1926 года состоялся литературный вечер, посвященный 10-й годовщине со дня смерти Шолом-Алейхема.

16 июля в театре "Спартак" прошел вечер Ильи Эренбурга, только недавно приехавшего из Парижа. Им прочитаны: "Лето 1925 года", "Все начинается", "Чего стыдятся люди", "Как в фильме" и "О человеческой радости и человеческом горе". В августе с лекциями выступал Перец Маркиш – "Современная еврейская литература в СССР, Западной Европе и Америке". "Звезда" писала: "Последние четыре года он провел в различных странах... Остановившись в нашем городе по пути в Москву, Маркиш поделился с аудиторией своими впечатлениями о крупнейших центрах мира...".

В городе действовало Екатеринославское общество взаимного кредита (ул. Короленко, № 1). Председателем правления был Д.Я. Берман, членами правления – И.Е. Моцкин, В.Д. Каменский, управляющим делами – И.Л. Левин. Из около 600 членов общества свыше 460 были торговцами.

Газеты по-прежнему печатали многочисленные объявления частнопрактикующих врачей, зубных техников, фотографов, портных и других специалистов. В июле появилось объявление – "Доктор М.И. Бороховский возвратился и возобновил прием по болезням уха, горла и носа. Тихая. № 13". Напомним, что Моисей Ильич Бороховский ранее был председателем попечительского совета Еврейского политехнического института, а также ряд лет занимал пост председателя городского Общественного собрания, руководившего жизнью общины. Действовали частные магазины. Так на проспекте, уже не Екатерининском, а им. Карла Маркса, находился мануфактурный магазин Зисканда, Боярского и Лившица. Отметим, что Александр Маркович Зисканд был дедом известного современного поэта Евгения Рейна, друга Иосифа Бродского.

Газета "Звезда" часто публиковала материалы на еврейские темы. Так, 3 июня было напечатано сообщение о работе еврейской судебной камеры нарсуда. Здесь слушалось дело председателя еврейской религиозной общины Ицхакина, оштрафованного за состояние территории возле синагоги на ул. Железной (Миронова). В сентябре опубликовано сообщение о выделении 300 мест на промышленных предприятиях города для евреев-переростков, что было очень важным в условиях безработицы в городе в это время.

Можно было встретить в партийной газете и такое объявление: "Правление молитвенного дома "Бет Шмуэль" созывает общее собрание прихожан 16.01.1926 (Исполкомовская, № 46). Выборы нового правления".

"Звезда" подробно освещала судебный процесс над членами "Союза русского народа" Балабановым (бывший секретарь екатеринославского отделения союза), Шелестовым, Шальдо и

Щеконенко. Последние два были убийцами депутата Госдумы, известного в городе врача Александра Львовича Караваева. 24 сентября окружной комитет КП(б)У провел совещание еврейского партактива по работе среди еврейских рабочих. На этом совещании было утверждено евбюро в составе: Рубинштейн, Цукер, Шуб, Мель, Бляхеров (союз швейников), Колчинский (кожевники) и другие. [271] В этом же 1926 году Екатеринослав переименован в Днепропетровск, причем первое время писали: Днепр-Петровский.

1927–1929 годы. 8 января 1927 года "Звезда" опубликовала статью "Вместо ЕМСО - общество действительной помощи бедноте", в которой еврейское медико-санитарное общество обвиняется в том, что бедные слои населения лишены медицинской помощи – "общество обслуживает бедноту слабо, беднота меньше всего интересует общество". Статья заканчивается требованием создания городского общества помощи. 19 января опубликован ответ правления ЕМСО, где сообщается, что существует общество на взносы его членов, среди которых кустарей – 656 человек, торговцев – 1118, служащих – 197, а также коллективы 27 артелей. За 1926 год через амбулаторию прошло 50716 человек (26652 – кустари, 15147 – мелкие торговцы и 8917 человек неимущих). В стационаре лечилось 547 больных (271 – кустари и члены их семей, неимущих – 152, торговцев – 77 и колонистов – 47 человек). Справочник Екатеринослава давал адреса двух еврейских больниц: "Горбольница № 2, ЕМСО на Пороховой" и "Больница ЕМСО на Философской".[272]

В правление ЕМСО входили Арон Абрамович Розовский (председатель с июня 1924 года), Софья Семеновна Лившиц-Бродская, Израиль Ефимович Моцкин и другие, всего 12 человек. Пять человек состояли в ревизионной комиссии, возглавляемой Борисом Мусиевичем Ханисом. [273] Позже Б. Ханис возглавит ЕМСО.

Б.М. Ханис активно участвовал в жизни Екатеринославской еврейской общины – открывал во время голода столовые, занимался ремонтом еврейских медицинских учреждений, организовывал работу поликлиник и детских садов.

В марте провели выборы в городской совет. Из 1192 делегатов русских было 446 человек, украинцев – 375, евреев – 244 человека (20,5%). Представляют интерес следующие данные: высшее образование имели только 59 человек, среднее – 199, а свыше 800 делегатов имели начальное образование. Среди делегатов были А.Н. Хейфец – зам. заведующего окрздравом, М.Г. Гурвич – председатель союза совторгслужащих, Я.О. Гальперн – профессор мединститута, архитектор А.Л. Красносельский, занимавший должность окружного инженера, А.Л. Лаврецкий – ректор медицинского института, П.Д. Лошак – председатель союза пищевиков и другие.

В конце 1927 года в городе распространялись билеты ОЗЕТ-лотереи. Выпустили миллион билетов стоимостью по 50 копеек, количество выигрышей – 2017, среди них имелись квартира или дом в любом месте страны, импортное оборудование для кустарной мастерской, поездки в Америку, места в санаториях.

В 1928–1929 годах газеты еще печатают объявления частнопрактикующих врачей и лиц других профессий. Привлекает внимание такое объявление:

"Р.С. Фрейман

окончил за границей институт красоты

(institute de Beaute)

массаж лица, уход за кожей и волосами

Железная, № 1"

В январе 1928 года на собрании бюро секции научных работников Союза работпрос избрано правление под председательством П.Г. Рубина. В правление вошли: Я.О. Габинский, Н.Н. Малов, С.Б. Шарбе, С.П. Циммерман, М.М. Тростанецкий и другие.

В июне объявлено об открытии в Днепропетровске еврейской кустарно-промышленной школы с тремя отделениями: слесарно-кузнечным, деревообрабатывающим и мукомольно-мельничным. На 1928–1929 учебный год было принято 70 человек.

12 сентября 1928 года состоялся литературный вечер поэта Михаила Голодного.

В "Звезде" появилась серия статей о проявлении антисемитизма и необходимости жесткой борьбы с этим явлением. В решении XVII окружной конференции КП(б)У, состоявшейся 10–15 декабря, отмечалось, что "значительный процент национальных меньшинств в округе, особенно в городе (29% евреев), требует расширения работы с ними из-за большого влияния клерикальных групп и духовенства".

В период с 1924 по 1928 год закрыли синагоги на улицах: Красная, № 4; Шолом-Алейхема, № 4 (Бет Гамидраш); Выборгская, № 9; пр. Калинина; Ленинградская, № 17; Гусенко, № 46; Сергея Лазо; Философская, № 28; Булыгина, № 10. Ликвидировали центральное правление еврейской общины на ул. Железная, № 14 (Миронова).

В ноябре началась агитационная кампания по закрытию Хоральной синагоги и одновременно с ней Брянской церкви. 13 ноября "Звезда" публикует статью "Рассадник религиозного дурмана – Хоральную синагогу – превратим в очаг культуры. Делегация кустарей в редакции "Звезды" с требованием закрытия синагоги". 24 ноября в статье "Штурм реакционных твердынь продолжается" сообщается о поступивших в редакцию подписях

под требованиями закрытия Брянской церкви и синагоги. На 22 ноября таких подписей было собрано, а вернее сказать, организовано 8109. 28 ноября напечатана новая подборка материалов "На активную борьбу с религией":

7 декабря – "Антирелигиозная волна ширится" – сообщения о новых подписях под требованием закрыть Брянскую церковь и Хоральную синагогу.

9 декабря – в кампанию включаются Павел Канцелярский – председатель антирелигиозной комиссии при окружном партийном комитете, опубликовавший статью "Задачи безбожников и пропагандистов на религиозном фронте".

13 декабря. Очередная статья – "Религия враждебна революции. Продолжаем штурм Брянской церкви и Хоральной синагоги", где сообщается, что среди многочисленных обращений имеется 1436 подписей швейников.

19 декабря – "Штурм церкви и синагоги продолжается" – "собрано 18014 подписей под требованием закрыть церковь и синагогу".

22 декабря появилась статья "Действительное лицо Хоральной синагоги", подписанная неким М. Эфрусом. Вот выдержки из этого творения: "В Хоральной синагоге 26 торговцев, 41 мелкий собственник и даже 3 владельца промышленных предприятий. Пролетарская же база состоит из... 5 рабочих... Из 117 членов ее 78 уже перевалило за полсотни лет и только одному верующему менее 30 лет. Нет кадров, нет смены!.. Хоральную синагогу под клуб трудящихся все же отберут, мы в этом уверены".

В завершение этой "битвы" 14 января 1929 года [274], а также мартовским решением антирелигиозная комиссия под председательством П. Канцелярского вынесла решение о закрытии Брянской церкви и Хоральной синагоги.

ПРОТОКОЛ № 3

(выдержка)

заседания антирелигиозной комиссии при АПО* ОПК**

От 28 марта 1929 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ: тт. Леснюк, Канцелярский, Гражуль, Баладурин, Андерсон, Кузьмиченко, Амоль, Приступа, Шендерович, Драбкин, Перлов, Зельдина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ – т. Канцелярский

СЕКРЕТАРЬ – т. Баладурин

СЛУШАЛИ: 1. О закрытии Брянской церкви и Хоральной синагоги.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Предложить АПО Чечелевского РПК*** совместно с Фракцией Союза Швейников организовать принятие помещения бывш. Хоральной синагоги с ее пристройками путем привлечения к этому делу еврейских рабочих во главе с членами партии и комсомолом.

Рабочие предварительно должны быть хорошо информированы по предприятиям о порядке приема помещения бывш. синагоги, о предупреждении возможных эксцессов выступлений, выкриков и т.п. случаев.

Принятие синагоги назначить на 1-е апреля 1929 года.

2. Наметить срок закрытия Брянской (Николаевской) церкви не позже 15-го апреля ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Канцелярский

СЕКРЕТАРЬ

Баладурин

Примечание:

*АПО – антирелигиозный партийный отдел

**ОПК – окружной партийный комитет

***РПК – районный партийный комитет

Позже "Звезда" в статье "Новый культурный очаг" писала о том, что 3 апреля состоялся торжественный митинг, посвященный передаче здания Хоральной синагоги рабочим-швейникам, статья пестрела фразами, обличающими безграмотность агитпропа: "На месте сосредоточения буржуазной культуры сосредоточим новую, пролетарскую!.. Там, где был очаг мракобесия, где господствовала еврейская буржуазия, там отныне рабочие швейники строят свой культурный очаг..."

Пройдут долгие 70 лет, прежде чем в здание Хоральной синагоги вернется слово Б-га.

Вместе с Хоральной синагогой в 1929 году закрыты синагоги на улицах: Баррикадная, № 12; Ломаная, № 6; Артема, № 24; Комсомольская, № 34; Боброва, №17.

В январе сообщалось о ликвидации ЕМСО и преобразовании его в Городское общество помощи, оказывающее материальную, лечебную, юридическую помощь нуждающимся гражданам. Руководитель ЕМСО доктор Б.М. Ханис и его сын были расстреляны в 1937 году, жена осуждена, а имущество конфисковано.

Власти боролись с проявлением антисемитизма. Так, 6 февраля "Звезда" опубликовала статью "Антисемитизм – оружие контрреволюции". 23 февраля в статье "Антисемитам не место в наших рядах" рассказано о случае травли работницы Ройзман на заводе "Спартак". Из-за зависти к тому, что она работала на лучшем станке, ее называли "хайкой" и "жидовкой". Сначала ее

станок портили, потом захватили. Приводили и другие примеры, в частности, отмечалось, что ОЗЕТ мало внимания уделяет борьбе с антисемитизмом. 26 февраля в той же "Звезде" напечатана статья "Антисемитизм и еврейский национализм". В марте опубликована статья "Фактами бьем антисемитские сплетни".

В апреле в статье "Протест против наглого подарка" говорится о том, что швейники "отказываются от мацы и пасхи", и далее – "еврейская иностранная буржуазия посылает нам пасхальный подарок – мацу, мы, рабочие швейной фабрики им. Володарского, протестуем против наглой выходки буржуазии... а также просим не допускать продажу муки в нашей стране для выпечки мацы".

5 февраля 1929 года в город приехал еврейский писатель – поэт Абрам Рейзин. На вокзале его встречали около 2000 человек. Был короткий митинг, а вечером встреча во Дворце культуры завода им. Петровского, на следующий день во Дворце железнодорожников, затем состоялись встречи в еврейской профшколе "Юный металлист" и в клубах им. Ленина и швейников.

В конце августа состоялись литературные вечера поэта Михаила Голодного – "Доклад в ямбах про международное положение" и "Страна Советов". 14 и 15 сентября в городе выступали Исаак Бабель и Михаил Зощенко.

15 сентября 1924 года "Звезда" публикует статью "Огонь по антисемитизму".

1930–1933 годы. В Украине в эти годы проводилась жесткая антирелигиозная деятельность, репрессиям было подвержено около двух тысяч служителей культа. В Днепропетровске были закрыты многие синагоги. К 1 сентября 1933 года их осталось семь: ул. Исполкомовская, № 46; ул. Фрунзе, № 20; ул. Минина, № 12; ул. Коцюбинского, № 7; ул. Дарвина, № 32, ул. Мостовая, № 3 и одна синагога на Амуре. [275]

В 30-х годах в городе работала подпольная любавичская ешива "Томхей Тмимим", наставниками в которой были Н. Лабковский, Аба Плискин, Мордхе-Цви Харитонов и М.-М. Футерфас. [276]

Нахум Лабковский (1908, г. Крюков Полтавской губернии – 1982, Париж) в 1922–1929 годах работал в подпольной ешиве "Томхей Тмимим" в Кременчуге. В 1930–1936 годах был духовным руководителем подпольных любавичских ешив в Витебске и Днепропетровске. С 1946 года он жил во Франции, где также был духовным руководителем ешив "Томхей-Тмимим" в Париже.

Менахем-Мендл Футерфас (1907–1995, Лондон) родился в Минской губернии. В 1925–1929 годах учился в подпольных любавичских ешивах "Томхей-Тмимим". В 1930–1937 годах был духовным руководителем ешив в Днепропетровске и Одессе. В

1943–1946 годах руководил ешивой в Самарканде. В 1946 году был одним из организаторов нелегального выезда евреев из СССР. Был арестован в 1946 году. Выехал из СССР в 1964 году. Последние годы жизни был главным духовным наставником любавичских ешив в Израиле. [277]

В 1930 году начался этап изъятия, который получил название "золотуха". Вызывали в ГПУ бывших нэпманов, ювелиров, часовщиков, зубных врачей, ремесленников и требовали добровольно сдать государству золото, валюту, драгоценности. Тех, кто отказывался отдавать или приносил малые количества, отправляли в тюрьму, загоняли в битком набитые, жарко натопленные камеры, кормили соленым, не давая воды, лишали сна, вызывали на долгий изнурительные допросы с угрозами, – и евреи не избежали общей участи.

Власти ужесточили контроль над учебными заведениями и научными учреждениями. Так, в октябре 1930 года прошло заседание комиссии по проверке деятельности профессоров и преподавателей геолого-разведочного факультета Горного института, в решении было сказано: "Иосифа Исааковича Танатара, Сергея Самойловича Гембицкого, Абрама Яковлевича Гиммельфарба – считать проверенными", а вот доцент Александр Яковлевич Микей "непопулярен. Идеологически неустойчив. Политически подготовлен слабо". И постановили: "Снять с научной работы, использовать на производстве как инженера". [278]

Проверка профессоров Украинского НИИ физической химии (А. И. Бродского, В.С. Финкельштейна, А.Э. Малиновского, Б.Н. Финкельштейна, А.М. Занько, Л.В. Писаржевского, М.А. Розенберг) закончилась благополучно. [279]

В 1930 году продолжалась публикация материалов, осуждающих антисемитизм. Так, 1 ноября областная газета "Зоря" напечатала подборку заметок "Вустами антисеміта говорит ворог". 14 ноября вышла статья "Виженіть антисемітів з заводу". 7 января 1931 года другая статья – "Літунів антисемітів – до суду" рассказывает о случаях антисемитизма на паровозном заводе.

Публикации об антисемитизме в 1927–1931 годах трактовали это явление как "пережиток буржуазного прошлого". Позже, вплоть до начала войны в июне 1941 года, упоминания об антисемитизме в СССР, а также об антисемитской обстановке в фашистской Германии практически отсутствовали.

В начале 1930-х годов активно работал ОЗЕТ: если в конце 1928 года это общество имело 2500 членов, то в мае 1930 года в нем уже насчитывалось около 12000 человек, среди них евреев было 53%. В октябре в клубе кустарей на ул. Центральная, № 6 состоялась городская конференция ОЗЕТ.

30 октября 1931 года во Дворце культуры завода им. Петровского и в театре "Спартак" поэт Иосиф Уткин читал свои поэмы "Милое детство", "Повесть о рыжем Мотэле" и стихотворения "О юности", "20-й год" и другие.

Начиная с 1931 года, регулярно печатаются объявления о приеме учащихся в Еврейский машиностроительный техникум, находящийся в системе Народного комиссариата местной промышленности УССР. Располагался техникум в центре города, в здании рядом с почтамтом, ныне здесь музей "Литературное Приднепровье" (пр. Карла Маркса, № 64).

3 декабря 1936 года "Звезда" в статье, посвященной 5-летию техникума, писала: "В двухэтажном здании и прилегающих к нему пристройках располагались аудитории, лаборатории, механический и литейный цехи и прочее. 350 студентов, приехавших из дальних сел и местечек, получают здесь высокую квалификацию по холодной обработке металлов... Техникум ведет также большую культурно-воспитательную работу среди своих учащихся. Имеется библиотека, радиофицировано общежитие..." В техникуме были механическое, электромеханическое и вечернее отделения для окончивших 7 классов. На вечернее отделение принимались "исключительно работники предприятий". Обучение в техникуме было четырехлетним. При техникуме работали также вечерние профтехкурсы (слесарное и электромеханическое отделения). Для поступающих на курсы требовалось знание еврейского языка и общая подготовка в объеме не менее 4 классов.

По воспоминаниям Семена Самойловича Баранова, окончившего этот техникум в 1936 году, директорами техникума в разное время были Рабинович, Каминецкий, Ханин. Учебной частью заведовал Самуил Ортенберг. Назвал он и ряд преподавателей – математику вели Каминецкий и Лапидус. Украинский язык преподавал Бутенко, русский – Б.Я. Каган, историю ВКП(б) – Медник, военное дело – Рабинович, черчение – Гинзбург, теоретическую механику Л.Л. Горбовицкий; рассказал и о преподавателе из строительного института Михаиле Григорьевиче Мазо, электротехнику преподавали О.М. Рыбак и Бородовский. Цимерман вел курс "Допуски и посадки", грузоподъемные устройства – А.Г. Яворский. В 1934 году на базе профтехкурсов при техникуме было организовано производство точных измерительных приборов. [280]

Выпускник техникума 1940 года Яков Александрович Клемперт рассказал, что поступил туда в 1937 году после окончания семилетней еврейской школы № 14, которая располагалась в АНД районе на ул. Торговой. Там же, на Амуре, существовал пионерский клуб, где ему довелось участвовать в работе еврейского драматического кружка, руководимого Зильберманом. Сохранилась у него фотография "Третьего краснознаменного выпуска техников-технологов по сварочной

специальности". На ней вместе с выпускниками портреты преподавателей: Д. О. Юдилевич, И. М. Вассерман, О. М. Рыбак, Я. С. Лемберский, Я. А. Капельянов, П. К. Полонский, О. Д. Медник, Б. Я. Каган, С. Л. Баскинд, А. Г. Яворский. Директором техникума в 1940 году был И.М. Миналов, его замом – С.Г. Шпецер, а заведующей учебной частью – Доротея Витальевна Шатайло. Из 21 студентов в его выпуске только 3 были городскими, остальные приехали из районов.

Курсы черчения и механики в техникуме по совместительству преподавал Вениамин Александрович Гальперн. Об этом рассказал мне его сын – Виктор Вениаминович, доцент Национальной металлургической академии Украины.

В.А. Гальперн (1890, Витебск – 1970, Днепропетровск) окончил в 1909 году механико-техническое училище в С-Петербурге. В 1909–1912 годах учился в инженерном институте в г. Миттвайд (Германия). С 1914 по 1958 год работал в Днепропетровске на заводе им. Ленина. В 1920 году, будучи в командировке в Крыму, в Феодосии познакомился с И. Эренбургом. Вместе готовили побег из оккупированного Врангелем Крыма. Одновременно в шторм, на разных шхунах, плыли в Батуми. За почти 45 лет работы на заводе Вениамин Александрович прошел путь от рядового конструктора до главного механика. В 1949 году награжден орденом Ленина. Газета "Заводской вестник" писала, что он "принадлежал к первой тройке заводских светил – механиков..." и далее: "Еще десять лет после выхода Вениамина Александровича на пенсию к нему обращались за консультацией, просили прийти на завод и развязать "гордиев узел", точнее конструкторский узел..." С 1937 года техникум назывался еврейским металлообрабатывающим. В июне этого же года "Днепровская правда" сообщала о том, что 70 выпускников – механиков по холодной обработке металлов – распределены по нарядам Наркомата Украины.

В 2004 году в Иерусалиме вышла книга бывшего заведующего учебной частью техникума Самуила Ортенберга "Ткань жизни (воспоминания российского еврея)". Родился Самуил Петрович в 1903 году в местечке Погребище (Бердичевский уезд Киевской губернии) в семье портного Пинхаса Ортенберга. Среди его предков были: Моисей бен Гилель Остер – талмудист и каббалист в Галиции, автор книг "Ароматная гора" и "Сладкие фрукты", рабби Меир Бен Барух из Ротенбурга – ученый, крупнейший авторитет немецкого еврейства XIII века; Яков-Иосиф – проповедник, ученик Бера Межеричского, автора сочинения "Рав-Яба". Самуил начальное образование получил в хедере, потом в гимназии. В начале 20-х годов жил и работал в Виннице. Потом учился в Киеве на "Высших еврейских трехлетних педагогических курсах". После окончания этого вуза в 1925 году, получив две квалификации: учитель естествознания и математико-природоведческих знаний, Самуил вернулся в Винницу.

Работал на курсах переподготовки еврейских учителей Подолья и в педагогическом техникуме. Участвовал в работе Первого и Второго Всесоюзных съездов деятелей еврейской культуры и просвещения в Москве. В своих воспоминаниях Самуил Петрович писал о встречах с Давидом Гофштейном, Перецем Маркишем, Морисом Винчевским, С. Михоэлсом и В. Зускиным.

С 1931 года С.П. Ортенберг жил в Днепропетровске. Об этом периоде его жизни автору сообщил его сын Фридрих: "По приезде отец включился в работу по организации еврейской машиностроительного техникума и сразу же возглавил учебную часть. Студентам он преподавал гуманитарные дисциплины, связанные с еврейской историей и культурой. Одновременно он занимался литературно-критической деятельностью. Написал множество статей, опубликованных в журналах и газетах на русском, украинском языках и на идиш. Это – исследования творчества Толстого, Короленко, Горького, Бялика, Шолом-Алейхема, Бергельсона, Альбертона и др. В это время он также активно занимался пропагандой еврейской культуры среди населения. Во время войны он некоторое время служил в Армии, а затем жил с семьей на Урале, в г. Кургане, учил детей в школе географии и истории, преподавал в Высшей партийной школе философию и политэкономия, выступал с лекциями по линии общества по распространению политических и научных знаний. После возвращения в Днепропетровск, в 1945 году устроился на работу в Индустриальный техникум. Здесь он также преподавал политэкономия и экономическую географию. В 50-ые годы он оставил работу в техникуме и перешел на учительскую работу в вечернюю школу, где преподавал географию вплоть до ухода на пенсию в 1963 году. Его публикации на идиш в журнале "Советиш Геймланд" носили эпизодический характер (например, статья посвященная историку Грецу), и после отказа опубликовать его воспоминания контакты с редакцией журнала прекратились. Жизнь еврейской общины Днепропетровска еле теплилась. Отец преподавал иврит группе молодых людей, собирающихся в Израиль. Но это было очень опасно. Его попытки активизировать еврейскую общественную жизнь обычно оканчивались провалом. Так в 1959 не удалось провести юбилейный вечер Шолом-Алейхема. Отец был библиофилом и собрал уникальную библиотеку по иудаике на иврите, идиш, русском и украинском языках. В его собрании были книги по литературе, истории, языкознанию, светского и религиозного характера, были редкие и древние книги. Библиотека насчитывала более 3 тысяч томов. 11 июля 1984 года отец скончался"

Остается добавить, что книгу воспоминаний С. Ортенберга перевел с идиш и издал его сын Фридрих. Он родился в 1932 году в Днепропетровске, там же в университете окончил физико-математический факультет. Защитил диссертацию в Москве, где

работал над проблемами космоса. В Израиле с 1993 года занимаюсь вопросами освоения космического пространства.

Приведем рассказ С. Ортенберга о встрече выпускников еврейского машиностроительного техникума с артистами Государственного еврейского театра бывшего в 1938 году на гастролях в Днепропетровске:

“Делегация студентов пришла в гостиницу и передала Михоэлсу приглашение на вечер.

Выпускной вечер проходил в просторном зале. После торжественной части все перешли за праздничные, заранее накрытые столы. Студенты, преподаватели, гости весело и шумно отмечали окончание учёбы. Около полуночи в самый разгар веселья дверь неожиданно распахнулась, и в зал ввалилась шумная ватага нарядно одетых артистов. Впереди был Михоэлс, за ним следовали Зускин, Штейман и другие популярные актёры театра. Атмосферу радости, восторга и энтузиазма, возникшую при встрече студентов и артистов, невозможно описать. Гостей из театра усадили за стол, и зазвучали тосты в честь ведущих актёров, коллектива театра. Михоэлс был польщён, улыбался, очень сердечно и остроумно отвечал на приветствия. Штейман с актрисами бесподобно исполнили несколько еврейских народных песен. Затем Михоэлс объявил, что сейчас он с Зускиным покажет реальную комическую сцену, возникшую при покупке почтовых марок на днепропетровской почте. На импровизированной сцене они разыграли коротенький смешной скетч без слов с потрясающей мимикой и достоверностью. Публика аплодировала двум выдающимся столпам еврейского театрального искусства с восхищением и любовью.

Раздвинули столы, начались танцы. Мы с Михоэлсом уединились и продолжили общение, начавшееся ещё за столом. Беседа получилась долгая, доверительная и очень содержательная. Среди прочего, Михоэлс проявил большой интерес к постановке преподавания еврейской литературы. Я объяснил ему, с какими трудностями приходится сталкиваться при преподавании гуманитарных дисциплин в техническом учебном заведении. Когда я ознакомил его с содержанием программ, он посерьёзней, изобразил на лице неудовольствие, выставив вперёд нижнюю губу, и сказал:

– Этого очень мало. Необходимо, чтобы молодое поколение как можно больше знало о богатом культурном наследии еврейского народа... На это следует обратить внимание.

Незаметно к нашей беседе присоединился тихий и скромный Вениамин Зускин, а через некоторое время стол, за которым мы сидели, окружила толпа студентов. Михоэлс и Зускин по очереди вспоминали, как они в юности впервые познакомились с произведениями еврейских классиков, при этом они исключительно метко характеризовали писателей и очень ярко

изображали литературные персонажи. Таких блестящих рассказчиков никому из нас раньше слушать не приходилось! Праздничный вечер продолжался, и вскоре молодёжь втянула всех актёров и гостей в зажигательный быстрый танец. В коллективной пляске выдающиеся мастера сцены тоже показали высокий класс. Их приход на вечер стал замечательным сюрпризом для студентов перед началом самостоятельной трудовой жизни.” [281]

В 1938 или 1939 году машиностроительный техникум был переименован в Днепропетровский механический техникум, сохранив свое подчинение Наркомату местной промышленности, и находился он в здании на улице Железной (ныне Миронова, 5). Еврейских учебных дисциплин уже не было.

Много евреев училось в остальных техникумах и вузах города. Так, в 1933 году в техникуме иностранных языков из 285 студентов евреев было 100 человек (35%). В театральном техникуме из 394 человек – евреев 82 (20,8%). В русском педагогическом техникуме из 250 учащихся – 54 еврея (21,6%). Директором этого техникума работал Даниил Хаимов Болотин. [282]

В начале 30-х годов свирепствовал голодомор, снабжение города продуктами было неудовлетворительным. Практиковалось особое обеспечение различных категорий населения. Днепропетровская секция научных работников по поручению обкома КП(б)У составляла так называемые списки "400" и "1000" на академическое снабжение. В список "400" вместе с Л.В. Писаржевским, А.Н. Динником, Д.И. Яворницким были включены профессора В.С. Финкельштейн, А.И. Бродский, Н.Ю. Тайц, А.Д. Готлиб, А.С. Локшин, А.О. Спиваковский и другие, всего в этом списке было 35 человек.

В список "1000", где было около 70 человек, были включены И.Е. Огиевецкий, М.А. Розенберг, Я.О. Гальперн и другие.[283]

В марте 1931 года в Доме Красной Армии прошел I Общегородской слет ударников-литераторов, на котором Меир Альбертон отмечал успехи днепропетровских еврейских писателей – Копеловского, Каминера, Шермана, Гельберта.

В 1932 году в СССР были введены внутренние паспорта со знаменитой "пятой графой". Это дало толчок к тому, что многие евреи сменили свои фамилии и имена, а жившие в смешанных семьях указывали свою национальность по национальности родителя нееврея.

Важным событием 1933 года был выход в феврале еврейской областной газеты "Днепропетровскер штерн" (орган обкома КП(б)У, облисполкома и облпрофсоюза). Газета "Зоря" объявила, что эта газета будет выходить 12 раз в месяц. Наши поиски в

архивах Днепропетровска и Киева обнаружить эту газету успеха не имели.

В 1932 году в Днепропетровск поступали газеты "Дер штерн", "Дер кустер", "Зай грейт", "Соцдорф", "Юнге гвардия", "Дер Эмес".[284]

В начале 30-х годов исчезли со страниц газет объявления частников, врачей, ремесленников и т.п.

В 1933 году в Днепропетровской области существовало 8 национальных районов: 3 немецких, 2 русских, 2 еврейских и 1 болгарский. В этих районах проживало 276916 человек. В области было 52 русских сельсовета, 68 – немецких, еврейских – 34, кроме них существовали польские, болгарские, молдавские, греческие, белорусские, албанские и чешские сельсоветы.[285]

Еврейских школ в области в 1932 году было 56, в них обучалось 19989 детей, из них на родном языке училось 5518 учеников. Учителей в школах было 177. Работало в области 4 еврейских техникума – педагогический, зоотехнический, агротехнический и коммунистического просвещения. В Днепропетровске функционировали еврейские профтехкурсы. [286]

1934–1936 годы. В 1934 году были закрыты синагоги на улицах: Мостовая, № 3; Исполкомовская, № 46, Минина, № 12. Приведем выписку из протокола № 91 заседания президиума горисполкома, состоявшегося 21 марта 1934 года [287]:

"Слушали: Клопотання трудящих євреїв м. Дніпропетровська про закриття синагоги по Мостовій вул. № 3, під назвою "Бет гамидраш гайошон".

Ухвалили: Маючи на увазі багаточисленні клопотання трудящих – євреїв міста – 3600 підписів про закриття молитовні по Мостовій вул. № 3, а також повну можливість для євреїв-вірян задовольняти свої релігійні потреби в єврейській молитовні, що знаходиться на суміжній вулиці, ухвалили – молитовню по Мостовій вул. № 3 під назвою "Бет Гамидраш гайошон" закрити та використати для культурно-освітніх потреб міста, згідно з вимогами трудящих євреїв.

Просити ОВК та ВУЦКВ затвердити цю постанову".

Кроме указанных синагог на этом же заседании были приняты решения по закрытию церквей в Старых Кодаках, Лоц-Каменке, Тихвинской, Воскресенской в Днепропетровске, церквей в селах Петриковке, Сурско-Литовском, Диевке и других.

В мае прошло совещание литераторов города, в котором приняли участие И. Саповский, М. Альбертон, А. Бейлинов и другие. М. Альбертон был делегатом Всесоюзного съезда писателей. В сентябре на общегородском собрании по итогам съезда писателей выступали поэты Ицик Фефер, романист Юрий

Яновский, поэт Яков Городской, прозаик Леонид Юхвид и другие. В октябре Марк Шехтер был принят в Союз писателей Украины, А. Бейлинов – кандидатом в члены Союза.

11 марта 1934 года "Звезда" сообщила, что решением IV съезда городской партийной конференции в "Доме губернатора" (угол ул. Ленина и проспекта, ныне там расположен Приватбанк) организуется "детский клуб – очаг коммунистического воспитания будущих строителей коммунизма". Клуб назван Дворцом пионеров и школьников им. М. Хатаевича. Мендель Маркович Хатаевич был в те годы секретарем обкома партии. Организатором и директором Дворца была моя мать - Анна Зиновьевна Смертенко, до этого работавшая преподавателем педагогики в Днепропетровском университете и одновременно заведовавшая методическим сектором горотдела народного образования. В годы войны на Урале (г. Серов) А.З. Смертенко работала директором детского дома для детей, эвакуированных из Ленинграда. В послевоенные годы работала в Днепропетровске в университете и институте иностранных языков.

В апреле 1934 года состоялся вечер поэзии, на котором вместе с Николаем Асеевым, Семеном Кирсановым выступал Иосиф Уткин, прочитавший "Повесть о рыжем Мотэле".

В 1934 году в городе работали еврейские профтехкурсы, на которых обучалось 125 человек. Курсы были оснащены Агроджойнтом высококачественным оборудованием. Было 28 различных марок токарных и других обрабатывающих станков. [288]

В октябре 1934 года на заседании обкома КП(б)У рассматривался вопрос о многотиражных газетах. В принятом решении говорится: "Считать совершенно неправильным прекращение подачи материалов на еврейском языке в газетах "Володарец-ударник" и "Промкооператор", а также прекращение выпуска листовок "Шлоглер" на еврейском языке на заводе им. Петровского. Обязать отделы обкома и горкома обеспечить немедленное печатание в газетах "Промкооператор" и "Володарец-ударник" части материалов на еврейском языке и возобновить выпуск на заводе Петровского периодической листовки "Шлоглер" на еврейском языке". [289]

Много евреев города занимали ответственные должности. Редактором центральной газеты области "Зоря" был Ю. Никитов. Городской газетой руководил Лев Маркович Михайловский. В начале 1930-х годов "Звезду" редактировал Г. Левит. Из 63 районных газет в 11 редакторами были евреи.

Директором Днепропетровского института патологии и гигиены труда был профессор И.Я. Штрум. Начальником управления проектирования и реконструкции города – Р.Б. Треслинг. Директором завода им. Коминтерна был Л.М.

Варшавский, директором завода им. Петровского – Бирман. Главным дирижером Театра оперы и балета – А. Клибсон.

В начале 1935 года вышел первый номер журнала "Штурм" – орган Днепропетровской областной организации Союза писателей Украины. Ранее, с 1925 года, он выходил под названием "Зоря". В первом номере "Штурма" поместили произведения И. Саповского, В. Гринбаума, С. Трауберга, А. Бейлинова (позже печатался под фамилией Былинов) и других авторов.

В мае состоялась встреча секретаря обкома КП(б)У Менделя Хатаевича с артистами города.

В июне в городе прошла Всесоюзная физико-химическая конференция, в работе которой участвовали А.И. Бродский, М.А. Розенберг, В.С. Финкельштейн и другие ученые города.

26 августа 1934 года постановлением облисполкома и обкома партии на областную мраморную Доску почета была занесена сельскохозяйственная артель "Ройтерармеер" Сталиндорфского района, председателем которой был Файвель Каршенбаум, а также артель "Фабрициус" другого еврейского национального района – Новозлатопольского.

В сентябре Сталиндорфский еврейский национальный район отметил свой пятилетний юбилей. 6 сентября "Звезда" опубликовала обращение М. Хатаевича "Колхозникам и колхозницам Сталиндорфского района".

9 октября "Звезда" писала: "Этими днями из Днепропетровска выехала в Биробиджан группа трудящихся евреев-переселенцев в составе 26 человек. В течение 1935 года из Днепропетровской области направлено в Биробиджан 253 переселенца, в том числе 27 плотников, 25 слесарей, 4 автогенщика, 4 зоотехника, 11 шоферов, 2 леккома, 11 трактористов..." В другой заметке можно прочесть: "Моне Ашкинази, 18 лет, был в детдоме, а потом чернорабочим. Это было вчера. А сегодня Моня в новом костюме прогуливается по вокзалу в ожидании отхода поезда. КОМЗЕТ купил ему одежду, белье, билет и выдал деньги на дорогу. Сияющий Моня Ашкинази, бывший беспризорный, направляется в Воронежский учкомбинат на курсы бондарей, после окончания которых он уедет в Биробиджан".

5 ноября "Звезда" опубликовала статью "Погром" к 30-летию событий 1905 года.

В декабре 1935 года состоялось областное литературное совещание, на котором выступали Мендель Хатаевич, Михаил Голодный ("Я днепропетровец. Я патриот этого города"), редактор американского коммунистического журнала "Новые массы" писатель Кюнитц, приехавший из Киева писатель Адельгейм и С. Ортенберг. Получили приветственные телеграммы от Павла Тычины и Павла Усенко. Выступал профессор С.П. Циммерман.

В декабре городская общественность отмечала 35-летие врачебной, научной, педагогической и общественной деятельности директора глазной клиники, профессора Ильи Исаевича Казаса.

21 декабря "Звезда" сообщила о награждении секретаря Днепропетровского обкома КП(б)У Менделя Хатаевича орденом Ленина.

В 1936 году Марк Шехтер опубликовал стихотворение "Обращение к Днепропетровску":

Взбежавшим легко на пригорок
От синей, от громкой воды,
Мой город, таким постоянно
Мне снишься и видишься ты...

Почему "громкой воды"? Дело в том, что до постройки Днепрогэса в районе Днепропетровска начинались пороги, и один из них, называвшийся Будило, шумел особенно громко.

В этом же году вышла книга М. Шехтера "Конец Екатеринослава".

В 1936 году художник И.И. Бродский подарил художественному музею города около 300 произведений из своей коллекции. В нашем музее есть его картина "Солнечные пятна", написанная в 1915 году. Родился Исаак Израилевич в селе Софиевка Таврической губернии, ныне это село в Запорожской области. Учился у И. Репина в 1902–1908 годах. Он был участником огромного числа выставок. Профессор с 1932 года, с этого же года он стал заслуженным деятелем искусств РСФСР. Среди его учеников А.И. Лактионов, Вл. А. Серов и другие.

1937–1941 годы. 17 января прошел творческий вечер днепропетровского поэта-архитектора Иосифа Саповского. Позже он погиб в сталинских застенках. 27 февраля перед горожанами выступил Евгений Горфин.

12 и 17 сентября в театре "Мюзик-холл" состоялись вечера по произведениям Шолом-Алейхема в исполнении еврейского артиста – чтеца В. Виноградского.

В июле 1937 года ЦК ВКП(б) разослал местным партийным комитетам, органам НКВД и прокуратуры секретную инструкцию, подписанную Сталиным, Ежовым и Вышинским, о проведении акции "по изъятию остатков враждебных классов". В инструкции конкретно для каждой республики давалась норма (в процентах) арестов, которые предстояло произвести.[290]

Отметим, что в той или иной степени репрессии были во все годы советской власти. Еще в январе 1935 года "Звезда" опубликовала статью "Разоблаченный двурушник" о Брехине, Ягнетинской, Комаровском, Юрьеве и Каплун. Абрам Михайлович Брехин, проректор Днепропетровского университета был расстрелян в 1937 году, реабилитирован в 1956 году.

Надежда Михайловна Ягнетинская была проректором по научной работе ДГУ с 1934 года, в том же году ее арестовали. Обвинялась в связях с троцкистской оппозицией. Осуждена на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, была сослана на Север.

Марк Борисович Комаровский, ректор ДГУ. В 1917–1919 годах состоял в Бунде, с 1919 по 1921 год был членом Еврейской коммунистической партии, потом в КП(б)У. В 1934 году был приговорен к расстрелу с конфискацией всего имущества.

Пик сталинских репрессий на Днепропетровщине пришелся на 1937 – первое полугодие 1938 года. За это время в области было арестовано 29 521 человек. Волну репрессий сбilo Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года "Про аресты, прокурорский надзор и проведение следствий". Спустя немного времени массовые аресты возобновились. Если в 1939 году в Украине было арестовано 2438 человек, то в следующем году эта цифра выросла до 44 303 человек. В Украине за так называемые "контрреволюционные преступления" в 1935 году было арестовано 24934 человека, 1936 году – 15 717, 1938 году – 108 006 человек. В 1937–1938 годах к высшей мере наказания – расстрелу было приговорено 122 237 человек. [291]

В 1937 году арестован и расстрелян профессор университета Владимир Соломонович Финкельштейн, также арестовали его жену. В том же году был расстрелян преподаватель, помощник профессора университета Владимир Абрамович Данишевский, обвиненный в участии в "троцкистско-зиновьевской террористической организации".

Профессор Пинхас Гершович Глузман заведовал кафедрой истории партии ДГУ и был секретарем парткома. В 1919 году участвовал в восстании против Петлюры, потом добровольно вступил в Красную Армию. В декабре 1934 года был арестован и постановлением Особой тройки 9 октября 1937 года был осужден к расстрелу за "контрреволюционную троцкистскую деятельность".

В страшную мясорубку органов попадали все слои населения, рядовые и начальники, русские, украинцы – многих не миновала эта кара. Были арестованы ректоры ДГУ украинец Николай Григорьевич Куис и русский Иван Никитович Ефимов. Был расстрелян и Алексей Владимирович Хохлов – секретарь партийного бюро ДГУ.

Репрессиям подвергались и студенты. Семен Романович Новогрудский приговорен к расстрелу якобы за "организацию покушения на наркома Ежова".

Экономист облпромсовета Леонид Ильич Фельдман был приговорен к расстрелу как член "контрреволюционной троцкистско-меньшевистской террористической организации, осуществившей в декабре 1934 года злодейское убийство С.М. Кирова".

Профессор Наум Львович Александров как "участник контрреволюционной троцкистско-меньшевистской организации" был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

Профессор Горного института, заведующий кафедрой гидрогеологии Сергей Самойлович Гембицкий был арестован в 1937 году, получил по приговору 8 лет лагерей и умер в лагере в 1943 году. Реабилитирован в 1957 году.

Адвокат Ольга Борисовна Зус была арестована в 1936 году, осуждена за троцкизм к 5 годам лагерей.

Борис Львович Красный – руководитель треста "Днепросельэнерго" – был арестован в 1936 году, в следующем году его расстреляли.

В 1937 году был репрессирован первый секретарь обкома партии Мендель Маркович Хатаевич [292]. Он родился в 1893 году в Гомеле, в семье мелкого еврейского торговца. Член РСДРП с 1913 года, вел революционную работу в Гомеле, был арестован в 1914 году и сослан в Енисейскую губернию. После февральской революции 1917 года работал на партийных должностях в Белоруссии и Татарии. С 1933 года он – первый секретарь Днепропетровского обкома партии. Начиная с VIII, был делегатом всех партийных съездов. Был членом Центральной ревизионной комиссии, потом членом ЦК ВКП(б). В 1932–1937 годах входил в состав Политбюро ЦК ВКП(б)У. М. Хатаевич приехал в Днепропетровск в период индустриализации страны, завершения коллективизации и страшного голодомора. Он много работал, был награжден орденом Ленина, на областной партконференции в 1934 году было сказано много теплых и справедливых слов в его адрес. Его именем называли предприятия, колхозы. Созданный в городе Дворец пионеров также носил его имя. Еще до убийства С.М. Кирова он предвидел разгром кадров, критически отнесся ко многим явлениям жизни страны. Репрессивная вакханалия не обошла и его, шли доносы. Некий А. Кулякин из Днепропетровска, член партии с 1919 года, направил И. Сталину письмо, а вернее, донос, перечисляя десятки фамилий "врагов народа". [293] Среди них были Гольденберг – заместитель начальника облплана, Лейбензон – секретарь горкома партии, Ягнетинская – работник горкома, Ветман – директор банка. Писалось о том, что "Хатаевич заполнил Днепропетровскую

область троцкистами, только под его крылышком эти шпионы могли свить себе такое гнездо". Далее: "На протяжении последних 5 лет секретарями Днепропетровского горкома КП(б)У были Соколов, Левитин, Лейбензон, Ветров. Все четверо разоблачены сейчас как враги народа". И еще: "Хатаевич выдвинул на ответственную работу людей, которым в днепропетровской организации было выражено политическое недоверие (Хайтин, Гринберг, Мальтус, Бродский и др.)".

В своем письме в ЦК действующий секретарь обкома Н. Марголин доносил: "Начиная с 1936 года, Хатаевич стал проявлять особую активность в подготовке террористических актов. Хатаевич лично намечал членов ЦК и правительства, над которыми должны были быть совершены теракты и лично инструктировал исполнителей". И далее такие "разоблачения": "По поручению Хатаевича был создан партизанский отряд, названный его именем, который по показаниям арестованных был по существу формированием контрреволюционных кадров подполья и должен был явиться основным ядром вооруженных сил для восстания и свержения Советской власти". [294]

Мендель Маркович Хатаевич покинул Днепропетровск в марте 1937 года в связи с избранием на пост второго секретаря ЦК КП(б)У. 9 июля 1937 года М. Хатаевич был арестован в Москве. Следствие длилось четыре месяца. Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством В. Ульриха осудила М.М. Хатаевича к высшей мере наказания – расстрелу.

Органам НКВД "удалось раскрыть" в городе "троцкистско-меньшевицкую группу" с участием Бехтмана – работника горкома партии, "инженерную группу", некий "партийный центр" и "троцкистско-молодежную группу".

Были репрессированы многие работники: Фельдман – заместитель председателя горсовета, Коган – начальник городского управления по делам искусств, Гуревич – работник общества "Сталь" на заводе им. Коминтерна, Бендельсон – председатель областного совета Осоавиахима, Зайчик – заведующий особым отделом обкома партии. Расстреляли Меера Михелев Рабкина – председателя обкома Союза работников госторговли, спустя полвека его сын – Виктор станет одним из организаторов нелегального кружка по изучению иудаизма в Днепропетровске.

Расскажем о некоторых известных деятелях, уроженцах Екатеринослава, попавших под жернова репрессий.

Михл Левитан (1882–1937) – публицист, общественный деятель, родился в еврейской колонии Надежная. Участвовал в революционном движении, активист партии Поалей Цион. В 1920–1921 годах член Центрального еврейского бюро при РКП(б), с 1925 года заместитель наркома просвещения УССР. Был редактором ежедневной республиканской еврейской газеты "Дер

Штерн", редактором литературного ежемесячника "Ди роите вельт". Автор учебников для еврейских школ. [295]

Сергей Наумович Миронов (Король) (1894 – 1939) во время гражданской войны был в органах ВЧК, потом работал в ОГПУ СССР на северном Кавказе. В сентябре 1933 – декабре 1936 годов работал в Днепропетровском областном управлении НКВД. Перед арестом был на дипломатической работе, делегат XVII съезда ВКП(б). [296]

Григорий Наумович Каминский (1895 – 1938) – партийный и государственный деятель, с 1920 года – секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, потом с 1929 года в Москве – заведующий отделом агитации ЦК ВКП(б), с 1934 года – нарком здравоохранения РСФСР, а с 1937 – нарком здравоохранения СССР. [297]

Павел Иосифович Колосов (Заика) (1898–1979) был сотрудником спецслужб. С 1930 года работал в Главном разведывательном управлении (ГРУ). С 1934 года работал за рубежом. С 1937 по 1955 год был в лагерях. В 1957 году в числе четырех реабилитированных бывших высших командиров ему было присвоено звание генерал-майора. [298]

Можно ощутить атмосферу 20–30-х репрессивных годов, проследив судьбу двух простых людей, на долю которых выпало 5 арестов.

Иосиф Моисеевич Эдельштейн родился в 1906 году в семье каховского купца. В 1922–1923 годах учился в Одесском архитектурно-строительном училище. Тогда же стал членом партии сионистов-социалистов. В начале мая 1926 года его арестовали, сняв с поезда в Конотопе. И уже 5 июля Особым совещанием при коллегии ОГПУ он был осужден к трехлетней ссылке в Сибирь, которую отбывал в Туруханском крае. В 1929 году он выехал в Самару. Выбор Самары объяснялся тем, что кроме ссылки ему по приговору дали еще так называемый "минус шесть" – т.е. запрет на проживание в Украине, Москве, Ленинграде и еще 3-х местах страны.

В Самаре судьба сводит Иосифа с Татьяной Касриэлевной Миксон, также приехавшей туда после отбытия трехлетней ссылки. Она родом из Украины, родилась в 1906 году в семье бедного сельского лавочника, который был женат на Гите Томашавской, сестре Ханы – дочери раввина Меира Шлома Яновского. Татьяна Миксон была двоюродной племянницей Ханы и троюродной кузиной Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона.

Татьяна в 1924–1925 годах училась в Херсонской торгово-экономической школе, там же вступила в еврейскую молодежную организацию Сионистско-социалистической партии – Югенд Фербетд, за что была арестована.

Следователь предложил ей написать заявление об отказе от сионистской деятельности, пообещав за это свободу. Последовал отказ и в результате приговор – ссылка в Казахстан и "минус шесть".

По окончании ссылки она выбрала для поселения Самару, где и познакомилась с Иосифом. Молодожены пытались выехать в Палестину, но, не получив разрешения, вновь привлекли к себе внимание органов.

12 декабря 1930 года оба, каждый на своей работе, одновременно были вновь арестованы. Суд состоялся 13 марта 1931 года. По приговору Татьяну отправляют в Западную Сибирь, Иосифа в Восточную. По существующему в то время положению власти не имели права этого делать – мужа и жену следовало отправлять в одно место ссылки.

Во время свидания, которое им дали перед отправкой на этап, они договорились написать письма жене М. Горького Екатерине Пешковой – председателю Комитета помощи заключенным, позже разогнанного Сталиным. По ходатайству Е. Пешковой Иосифа в конце лета 1931 года из Красноярска доставили в Нарымский край, в село Колпашево, где отбывала ссылку Татьяна. Но и там власти не оставляли их без внимания. За участие в демонстрации по поводу смерти ссыльного грузинского социал-демократа их обоих выслали на 500 верст севернее Колпашево в деревню Ильино.

После освобождения, в 1934 году, они возвращаются в Украину. Сначала поселились в Запорожье. Посетили отца Иосифа, который после экспроприации имущества переехал из Каховки в Цюрупинск и работал там в еврейском колхозе "Ди нойе Лебен". При возвращении в Запорожье на пристани Иосифа предупредили, что за ним приходили из ГПУ. Немедленно им был куплен билет до Днепропетровска. Здесь его знакомый, бывший член партии Цейрей-Цион, Злотник помог устроиться на работу в отдаленный совхоз в Магдалиновском районе, куда позже приехала жена с сыном.

В конце 1934 года семья обосновалась в Днепропетровске. В марте 1938 года Татьяна Касриэлевна была в третий раз арестована.

Спустя многие годы она, открыв газету "Днепр вечерний", узнала на помещенных в ней фотографиях своих следователей, Чулкова и Когана, один из них ее допрашивал, а другой выписывал из тюрьмы. Статья называлась "Бойцы придуманного фронта" и разоблачала методы работы приспешников Ежова, которые пытками выбивали показания из подсудимых, измывались над ними и их женами, выбивая показания на своих мужей, делая тех "врагами народа", вредителями и шпионами.

С начала войны Иосиф Моисеевич на фронте, был демобилизован в 1943 году по болезни.

Надо отметить, что сын Иосифа и Татьяны – Итамар Эдельштейн, будучи главным конструктором Приднепровского промстройпроекта, совместно с ведущими специалистами института "Днепропроектстальконструкция" Михаилом Трапером, Гавриилом Векснером, Шимоном Соколом в конце 1990-х годов участвовал в обследовании и разработке рекомендаций по восстановлению конструкций кровли синагоги "Золотая Роза".

В 1938 году НКВД в городе удалось "разоблачить" сионистскую "шпионскую" организацию, было арестовано 50 человек, расстреляно 9. Шестьдесят евреев было арестовано за "принадлежность" к агентуре польской разведки, за "шпионаж" в пользу Германии. Приговоры, как правило, – к высшей мере наказания. С января по июль 1938 года репрессировано 278 евреев. Репрессиям подвергались и члены их семей.

В ходе массовых операций НКВД против "сионистов" к первой половине 1938 года на Днепропетровщине было арестовано 59 человек, 25 из них заставили "признаться" в принадлежности в агентуре английской и немецкой разведок, 50 человек объединили в шпионско-вредительскую организацию, имевшую ячейки в Днепропетровске, Запорожье и национальных еврейских районах области. По этим делам были расстреляны С.Н. Мазо, С.Б. Ханукова, М.Г. Иткина, А.С. Фридберг и другие.

Уголовные дела на евреев заводились и в ходе операций против "молодежных контрреволюционных групп", групп эсеров. [299]

Рассказ о жертвах тоталитарного режима, естественно, неполон – то, что здесь рассказано, лишь малая толика. Днепропетровские исследователи и журналисты выпустили ряд книг, где названы жертвы репрессий. Особо надо отметить работы Виктора Ченцова, опубликовавшего несколько книг и десятки статей.

Надо полагать, что будет выполнено постановление Президиума Верховной Рады Украины от 6 апреля 1992 года о подготовке многотомного научно-документального издания, где поименно будут названы все репрессированные в годы тоталитаризма.

В 1937 году в областной парторганизации был 49 501 человек, евреи составляли 11,8%.

20–29 ноября "Днепровская правда" опубликовала информацию о еврейских погромах в Германии. Главным редактором этой газеты работал Михаил Борисович Киперман.

Многие евреи занимали высокие должности и награждались орденами и медалями. Так, в 1939 году директор завода им. Ленина Аркадий Евсеевич Ямпольский был награжден орденом

Ленина. Заместитель начальника маннесманского цеха этого завода Меер Шмеркович Кауфман получил орден "Знак Почета", таким же орденом награжден инженер завода им. Петровского Абрам Гаврилович Резников. Работники завода им. К. Либкнехта Михаил Давидович Лернер и Семен Саулович Шайкевич получили медали "За трудовую доблесть". Главным инженером завода им. Петровского в 1938 году работал И.В. Горфинкель.

В 1939 году НКВД сфабриковало дело об "антисоветском еврейском клерикальном подполье" против главного раввина города Л.-И. Шнеерсона и работников синагоги. Подробно об этом рассказано в главе 2.

К началу войны в городе действовало только две синагоги, одна на ул. Коцюбинского, № 7, другая на ул. Дарвина, № 32.

По переписи населения в 1939 году в СССР было зафиксировано 3 миллиона 28,5 тысяч евреев, после аннексий западных областей 1939–1940 годов еврейское население страны увеличилось на 1,9 миллиона и составило около 5,25 миллиона человек. По итогам той же переписи в Украине проживало 1 532 776 евреев, в Крыму – 64 453 еврея. В германских документах (протокол Ванзейской конференции от 20.01.1942 года) приводилась цифра количества евреев в Украине с точностью до одного человека – 2 994 684, для остальных стран и районов СССР цифра давалась округленно.

В 1939 году еврейских школ было 281, училось в них 39 тысяч школьников. В конце тридцатых годов руководителем подпольной ешивы «Томхей Тмимим» в Днепропетровске был раввин Дов Бер Гарфинкель. Ешива располагалась в женской части синагоги на Коцюбинского. Учащихся было около 40 человек, среди них были бежавшие из закрытых властями ешив Невеля и Харькова. Материальным обеспечением ешивы занимался городской шойхет реб А. Рогалин. После обнаружения и ликвидации этой ешивы ученики были вынуждены бежать. Но и потом здесь продолжал работать нелегальный хедер, организованный А. Рогалиным. Хедер существовал до ареста А. Рогалина вместе с раввином Леви-Ицхаком Шнеерсоном.

К 1940 году завершена ликвидация еврейских учреждений и организаций.

По данным переписи евреи составляли: 14% инженерно-технических работников, 27% врачей, 17,6% научных работников.

Среди еврейского населения распределение было следующим: 40,7% были служащими, 30,5 – рабочими, 16,1 – ремесленники в системе кооперации, 5,8 – колхозники и 4% – ремесленники в частном секторе. В Днепропетровске в 1939 году еврейское население составляло около 100 тысяч человек (20%) [300].

Глава 8. Еврейские колонии и национальные районы

Первые евреи прибыли в Новороссийскую губернию в 1764 году, когда им разрешили создавать здесь земледельческие поселения.

К 1772 году сюда приехало уже несколько сотен евреев, в основном из Польши и Курляндии. Они стали не только первыми колонистами Причерноморья, но использовались и как вербовщики переселенцев.

В статье "К истории колонизации евреев в Новороссии" С. Станиславский упоминает 14 пунктов, так называемых "кондиций", регламентирующих процесс переселения, в частности было предусмотрено, что каждая семья вывезет с собой из Польши не менее 5 поселян.

При переходе в русское подданство евреи принимали присягу и объявляли свои капиталы. Судя по их заявлениям, переселенцы были небогатые, максимальная сумма оценки имущества не превышала 500 рублей, основная масса располагала капиталом до 100 рублей.

В 1847 году были приняты Положения и Правила, определяющие практические действия по организации земледельческих колоний. Был установлен ряд льгот, таких как освобождение на 10 лет от податей и на 25 лет от рекрутчины. Предоставлялось также право на получение ссуды.

Колонии в Екатеринославской губернии организовали в 1846–1858 годах в двух уездах. Десять колоний созданы в Александровском уезде (ныне это районы Запорожской области): Веселая, Ново-Златополь, Красноселька, Межиречь, Приятная, Роскошная, Богодаровка, Горькая, Трудолюбовка и Нечаевка. Семь колоний образовалось в Мариупольском уезде: Графская, Зеленое Поле, Надежная, Сладководная, Затишье, Равнополь и Хлебодаровка. [301]

В конце сороковых годов возникли еврейские поселения, которые зачастую свидетельствовали о местах, откуда прибыли поселенцы: Ново-Ковно, Ново-Витебск, Ново-Подольск, Ново-Житомир и др. Статуса земледельческих колоний они не имели.

Для устройства первых еврейских колоний было создано 574 наделных хозяйства, получивших по 40 десятин (43,7 га) земли. При этом 10 десятин сразу же отрезались в запас с последующей сдачей в аренду. Совместно с такими наделами было создано 57 образцовых немецких хозяйств. [302] Переселяться на новые земли могло семейство, в состав которого входило три работника и 6 ревизских душ. Иногда для выполнения этого условия составлялась "сложная" семья из двух–трех семей.

Согласно Правилам 1847 года управление колониями осуществлялось Попечительским комитетом для иностранных поселенцев Южного края и Херсоно-Бессарабским управлением государственных имуществ. В Екатеринославе существовала "Контора опекуна Новороссийских иностранных поселенцев".

В феврале 1850 года был принят указ Екатеринославского губернского правления о пособиях евреям, перешедшим в земледельцы.

В 1861 году еврейский деятель Гурович, осмотрев новые колонии Екатеринославской губернии, писал: "...Нельзя не порадоваться большим успехам, которые сделаны в сельском быту всех еврейских колоний, несмотря на краткое время их существования. [303]

В 1870-х годах Э. Августинович путешествовал по еврейским колониям и поселениям Новороссии. Свои впечатления, описание быта и анализ экономического положения колоний он опубликовал в третьем томе "Трудов Вольного экономического общества". Он отмечал, что еврейские колонии возводились и застраивались по образцу немецких поселений. Они обычно состояли из одной улицы в два ряда домов вдоль дороги. В центре возводилась синагога с зеленой или красной крышей.

Дома были длинные, с высокими крышами, усеченными с краев и с окошечками на фронтонах. Чердак служил для хранения зерна. В доме были две жилые комнаты, сени и конюшня. Быт, жилое помещение и его обстановка имели мещанско-городской колорит. Одна комната служила спальней, другая – гостиной с диваном, обеденным столом, комодом, шкафом с посудой. В этой же комнате спали сыновья, постели которых днем убирались. Одевались колонисты в традиционные еврейские одежды, носили сюртуки и пальто удлиненной формы – лапсердаки.

Э. Августинович приводит свидетельство колониста, сравнивающего свой быт с бытом соседей-малороссов:

"Разве у мужика потребности те, что у нас: он менее тратит на себя. Его одежда большей частью сделана дома, его пища опять же из материала домашнего, так как мясо он редко употребляет, его обстановка из простых скамеек и посуда из простых горшков и мисок; разве может сравниться по затрате с нашей одеждой городской, со стоимостью этой столярной работы мебелью и этой фаянсовой посудой? А иначе жить мы не можем..."

Из-за непривычных условий жизни и труда часть переселенцев, как еврейских, так и немецких, покидала колонии и расходилась по городам и местечкам. Так, из 110 человек, прибывших в колонию Нечаевка, там осталось 30.

Августинович писал, что евреи начали "рыскать по губернии: кто коробейником, кто красильщиком, кто часовых дел мастером,

предлагая по деревням свои услуги". Тем не менее, многие колонисты успешно занимались хлебопашеством. Он же на основе собственных впечатлений и отзывов крестьян отмечал, что евреям свойственна "подвижность, легкость на подъем и способность к вычислению и расчету" и далее: "Только когда вступишь в быт народа, узнаешь его поближе, проживешь и почувствуешь сам несколько его жизнь, тогда откроется твое сердце к нему и познается истина, что всюду есть хорошие люди и что пятнание целой национальности по отдельным фактам гнусных поступков несправедливо". Исследователь жизни Екатеринославских колоний Л. Улейников (Биншток) писал:

"Условия, в которые на самом деле попали колонисты: земельные наделы – в засушливой степи, источники воды удалены на 4-8 км, отсутствие инвентаря, скота посевного материала, голод в первые годы в степи... Но евреи, преодолев трудности и приобретая земледельческий опыт, вели хозяйство расчетливо, постепенно улучшая свое благосостояние. Семьдесят процентов справлялось без наемного труда, арендуя к своим 30 еще по 18 десятин земли. Только 10% пользовались исключительно наемным трудом. Наиболее успешным было их третье поколение. Лучше чем в Екатеринославской губернии, опровержения мнения, что евреи избегают физического труда, быть не может". [304]

В 1905–1907 годах Еврейское колонизационное общество (ЕКО) провело обследование 17 колоний Александровского и Мариупольского уездов губернии. Было установлено, что в эти годы в распоряжении колонистов находилось 20594 десятины (22,5 тысяч га) наделной земли. Кроме этой, они арендовали 5408 десятины (5,9 тысяч га). В колониях проживало 8321 человек, число семей было 1267. Отметим, что в 1872 году в этих же колониях проживало 9841 человек. Пятая часть еврейских поселенцев имела свыше 20 десятины (21,9 га) земли. Безземельными числились 11,5%. Расслоение еврейского населения привело к развитию наемного труда, которым пользовались 30,6% еврейских колонистов. При этом хозяева, нанимавшие батраков, и сами выходили на сельскохозяйственные работы. Большим было число колонистов, не занимавшихся земледелием и уходящих на промыслы. В еврейских колониях 49,7% земли находилось под пашней, 42,5% – под пастбищами, 5,6% – под усадьбами. Почти исключительно производились зерновые хлеба, особенно яровая пшеница и ячмень. По данным ЕКО среднее число десятины посевов на семью было равно 11,9 десятины (13 га), среднее число рабочих лошадей – 2, столько же на семью было коров. Все еврейские колонии имели начальные школы, в которых в 1906 году обучалось 487 мальчиков и 624 девочки. [305]

М. Земцов в своей книге "Еврейские крестьяне", вышедшей в 1908 году, писал о земледельцах Екатеринославской губернии

следующее:

"Жилища колонистов отличаются необыкновенной опрятностью, палисадники старательно выгорожены, вдоль них по улице часто проложены тротуары. Колонисты любят цветы... У евреев ниже смертность и рождаемость. Человеческая личность ценится независимо от работоспособности. Жена колониста – прежде всего мать. Она много работает и в хозяйстве: при скоте, на огороде... Крестьянские мальчики целый день занимаются пастьбой скота и птицы. Еврейские дети до тринадцати лет сидят в хедере, и колонист не позволяет себе оторвать их от учебы... Субботу еврей-колонист читит также более свято, чем крестьянин воскресеньем... Празднование субботы требует приобретение пшеничной муки, куска мяса, которое едят один раз в неделю. Евреи очень редко одеваются в домотканую одежду, да и то это исключительно нижняя одежда, их верхняя одежда – всегда из покупной ткани. Лапти колонисты кое-где носят, когда занимаются сельскими работами, но вообще ходят в сапогах...". [306]

Колонии не погибли и в тяжелые годы гражданской войны, когда различные банды накатывались на них, оставляя за собой кровь и разоренные дома. Тогда колонии доказали свою жизнеспособность.

Сильно изменилась жизнь колоний после революции. Дети и молодежь, учившиеся в советской школе, без труда отлучались от религии. Прекратилось обучение в хедерах. В результате мощных антирелигиозных кампаний были закрыты синагоги. Верующие собирались для молитв в частных домах. Традиционные еврейские праздники отмечало почти все население, но перестали строго соблюдать религиозные требования к пище, день отдыха перенесли с субботы на воскресенье, возникли смешанные браки, что раньше было редчайшим явлением. Основным продуктом питания колонистов являлся пшеничный хлеб и мучные изделия – лапша и галушки, замешанные на яйцах. Главным местным продуктом была курятина. Любимые блюда колонистов – фаршированная рыба и фиш-картофелес (рыбно-картофельный суп с мелко нарезанным луком и перцем), а также цимес. Обычными в рационе были молочные продукты – парное и топленое молоко, творог, масло.

Одежда колонистов отличалась от традиционной одежды местечковых евреев: фуражки с козырьками, башлыки в холодное время года, куртки, пиджаки и брюки. Большинство колонистов перестали носить бороды, многие надевали рубашки и галстуки. Женщины и девушки покрывали голову платками и косынками, остригали традиционные косы. Носили короткие платья и юбки. Комсомольцы шили из хаки полувоенные костюмы. [307]

В 1924 году Совнаркомом Украины принято Постановление "О выделении национальных районов и Советов", потом была установлена норма, по которой для создания национального сельсовета необходимо было иметь не менее 500 жителей, а для образования национального района не менее 10 тысяч человек.

В 1925 году в Украине было создано 19 еврейских сельсоветов, в следующем году – 34. В 1931 году их уже было 107, из них 33 – в еврейских национальных районах. В Днепропетровской области существовало 30 еврейских, 73 немецких, 51 русский, 31 болгарский, по 3 албанских и польских и по одному белорусскому, греческому и чешскому сельсовету. [308]

Первым в Украине в 1927 году на Херсонщине создали Сейдеминухинский еврейский национальный район, позже переименованный в Калининдорфский. Вторым стал Новозлатопольский, образованный в ноябре 1929 года, уже на Днепропетровщине в Запорожском округе. В июле 1930 года в Криворожском округе области организовали Излучистый еврейский национальный район, в том же году переименованный в Сталиндорфский.

В 1925 году в Криворожском округе еврейские колонии насчитывали 11510 человек, число хозяйств – 1567, земли – 25876 десятин (28270 гектаров), в 10 школах было 1500 учеников и 44 учителя.

Сталиндорфский еврейский национальный район

Район создавался на основе старых еврейских поселений, основанных в начале XIX века, – Ингулец (основана в 1809 году, в 1925 году здесь было 2504 жителя), Каменка (1809 год, в 1925 году – 926 жителей), Излучистая (1824 год, 1105 жителей), Ново-Витебск (1848 год), Ново-Ковно, Ново-Подольск и Ново-Житомир, созданные в 1849 году. В состав района вошли 11 сельсоветов – 8 еврейских и 3 украинских, с общим населением около 15000 человек, в том числе 8600 евреев. [309]

3 февраля 1931 года ЦИК УССР вынес решение об укрупнении района за счет еврейских переселенческих поселков и отдельных украинских и немецких сел прилегающих Никопольского, Софиевского и Солонянского районов. После укрупнения площадь района с 45400 гектаров увеличилась до 101545 гектаров. В состав района вошли 23 сельсовета, 7 старых колоний, 33 еврейских переселенческих поселка, 47 украинских, 11 русских и 13 немецких сел. Пахотной земли было 74720 гектаров, под огородами – 3935, садами и виноградниками было занято 708 гектаров.

Хозяйств вместо прежних 3133 стало 6352. Население района увеличилось до 30 тысяч человек.

Районный центр из колонии Излучистой перевели в новый переселенческий поселок Чемеринское, образованный в 1924 году переселенцами из Витебска, Винницы, Житомира и Каменец-Подольска. Поселок назван в честь белорусского революционера В.С. Чемеринского, погибшего на гражданской войне. Основным занятием жителей было земледелие и кустарный промысел. Первые поселенцы жили в землянках. Это были, главным образом безработные и лишенцы, в основном городские жители, не знавшие сельского хозяйства. В 1926 году была создана первая комсомольская организация (комсорг Б.Ю. Якубовский). В 1927 году прошли первые выборы в сельсовет, председателем которого стал Б.Ю. Якубовский. Партийная организация была создана в 1928 году (первый парторг А.Я. Соболевский), число членов КП(б)У росло быстро, в 1930 году было 62 коммуниста, в 1941 – 552. В 1928 году открылась начальная школа, куда приняли 104 ученика и 4 учителя.

В 1929 году 52 индивидуальных хозяйства объединились в колхоз "Украинский Красный Крест". Колхоз имел 3 животноводческих фермы, виноградник, маслобойню и мельницу. В 1930 году поселок Чемеринское переименовали в Сталиндорф, от него до ближайшей железнодорожной станции Павлополь было 7 километров.

Забегая вперед, отметим, что, захватив в августе 1941 года Сталиндорф, фашисты переименовали его в Фризендорф, в 1945 году его переименовали в Сталинское. В конце 1959 года, после ликвидации Сталинского района, село было включено в Софиевский район. В 1961 году оно получило нынешнее название Жовтневое.

Сталиндорфский район являлся самым большим из еврейских национальных районов Украины, земельная площадь, находившаяся в пользовании еврейского населения, составляла 54,48%, украинское население использовало 29,55%, немецкое – 10,72%, русское – 5, 25% земли.

Переселение евреев в район было активным: если в 1930 году прибыло 103 семьи, то в 1931 году уже 139, в 1932 – 596, в 1933 – 353 и в 1934 году – 443 семьи.

Секретарь Сталиндорфского райкома партии М. Кипер писал секретарю обкома партии М. Хатаевичу в январе 1935 года: "К приему 250 семейств переселенцев мы сможем подготовиться к 5 февраля. В настоящее время ремонт домов разворачивается по всем колхозам – где есть свободные дома...

Целесообразно переселять к нам главным образом евреев. Мы можем неплохо устроить немцев, так как много еврейских переселенческих колхозов граничат с немецкими и дети немцев

смогут обучаться в соседней школе на родном языке. В украинских колхозах свободных домов очень мало, но можно будет устроить 60–70 семейств. Гораздо хуже с поляками, мы не имеем возможности выделить целые поселки для поляков, а расселить поляков по еврейским колхозам по 10–15 дворов вряд ли целесообразно, так как будет чрезвычайно трудно их обслужить как политически, так и культурно...". [310]

31 января райком получил телеграмму о необходимости подготовки к приему 250 переселенцев и уже в марте прибыли первые 123 семьи.

Отметим, что М.И. Кипер уже в январе этого года был переведен в обком на должность заместителя заведующего отдела культпропа и вместо него секретарем райкома был назначен Г.Л. Либеров, членами районного комитета партии были Гарбер, Коган, Зеликов, Орлов, Левченко и Опочинский – председатель райисполкома.

В 1934 году в районе было 23 сельсовета с населением 30,4 тысячи человек, еврейских сельсоветов было 16, немецких – 2 (с населением 2635 человек), колхозов было 92 с 72,54 тысячи гектаров пахотной земли, под подсолнух в этом году было выделено 3,5 тысячи гектаров, лен – 534 гектара, остальное было засеяно зерном. В районе было 5746 лошадей, крупного рогатого скота – 14585 голов, свиней – 11560, овец – 1261. [311]

В вышедшей к 5-летию юбилею района книге "Сталиндорф" ее автор Б. Каган писал: "За 5 лет, истекших со дня организации района, значительно выросла экономическая мощь еврейских переселенческих колхозов... Площадь поливных огородов возросла с 14 до 150 га, плодоносящих виноградников – с 123 до 252 га, фруктовых садов в 1930 году было всего 5 га, а теперь 175 га.

...построено свыше 150 новых домов, произведен капитальный ремонт свыше 1000 переселенческих домов, построено 25 коровников, 18 конюшен, 10 свинарников, 16 колодцев..."

В районе было три машинно-тракторных станции (МТС). Первая МТС была организована в 1929 году в Ларино. Тогда в ней было 12 тракторов "Интеров", 3 "Фордзона" и 3 молотилки. В 1935 году уже было 28 мощных тракторов, 6 "Интеров", 23 "Джон-Дира" и 2 мощных "Сталинца" Челябинского тракторного завода, 13 грузовых и легковых автомашин, 13 комбайнов и 39 молотилок. При МТС были мощные мастерские, автогенный и литейный цехи. Ларинская МТС выпускала газету "Ударник", редактором которой был Е.Е. Филлер. Директором МТС был Гессел Зиселев Любецкой.

Вторая МТС была организована около станции Лошкаревка в 1930 году. На ней было более сотни тракторов, из них новыми

были только 15 "Фордзон-путиловец" и 4 машины Харьковского тракторного завода. Спустя пять лет было 84 трактора, включая 37 мощных тракторов ХТЗ и 2 "Челябинца", 11 автомашин, 10 комбайнов и 16 молотилок. Эта МТС выпускала газету "Більшовицька перемога", редактируемую С.Л. Крицким, до этого работавшим редактором газеты завода им. Ленина в Днепропетровске.

В 1932 году была создана третья – Сталиндорфская МТС, на вооружении которой вначале было 11 тракторов ХТЗ, а спустя три года – 29 тракторов ХТЗ, 2 – "Челябинца", 4 – "Фордзона", 4 автомашины, 7 комбайнов, 23 молотилки. Директором МТС был Наум Копыленко.

Действовало три механизированных тока (Ново-Житомир, Марьевка, Златоустовка).

Две МТС электрифицировали 55% переселенческих колхозов и 20 поселков.

Отметим, что в районе насчитывалось 126 населенных пунктов, из которых 44 были переселенческими поселками. В конце 1932 года еврейское население приблизилось к 50%. В районе в конце 1933 года было 78 школ, из них 59 были четырехлетними и 19 семилетними. В школах училось 5449 учеников и работали 232 учителя. В одной из школ района начал свою деятельность Хаим Волькович Бейдер, окончивший Одесский пединститут. В послевоенное время он стал известным поэтом и публицистом, сотрудничал с газетой "Биробиджан штерн", потом был заместителем главного редактора журнала "Советиш геймланд". Он – соавтор первого послевоенного еврейского букваря "Алефбейс", в 1992 году выпустил учебник "Идиш".

В районе действовало 20 клубов, 23 так называемых Домов коллективиста и 25 библиотек, а также 9 амбулаторий на 30 коек и 1 медпункт. Имелось 6 ясель на 180 мест. [312]

О работе единственного в СССР колхозного еврейского театра, организованного в районе, подробно рассказано в главе 9.

Существовали две районные газеты. Одна, на идиш, "Сталиндорф эмес" выходила с 1930 по 1931 год 1 раз в пять дней, потом газета стала ежедневной до 1937 года, когда выпуск ее был прекращен. Редактором газеты был Н.И. Розенбанд.

Вторая газета выпускалась на украинском языке – "Ленінський шлях".

В Сталиндорфе находились трикотажная и швейная фабрики, кинотеатр на 400 мест, стадион, еврейская средняя школа с 400 учащимися и 30 учителями, клуб, больница на 60 коек, детский сад, ясли, радиоузел, электростанция и телефонный узел. Действовали три животноводческие фермы: свиноводческая,

молочная и овцеводческая. Население районного центра в 1935 году доходило до 1500 человек.

Еврейское отделение Днепропетровского педагогического техникума в 1933 году перевели в Ново-Витебск и расположили его в здании бывшей синагоги. Сначала здесь было 90 учащихся, потом их число возросло до 140 [313]. В Ново-Витебске в прежние годы было 2 синагоги, 4 хедера, одно двухклассное училище. Потом, уже в советское время, здесь располагались партийная школа, полная еврейская средняя школа, библиотека, Дом коллективиста, сельское потребительское общество, детские ясли и сад.

В марте 1935 года райком партии рассмотрел состояние дел в Ново-Витебском педагогическом техникуме и вынес следующее решение: "Педагогический состав техникума оказался засорен чуждыми и случайными элементами, которые в своем преподавании протаскивали классово-вражеские теории. Из 8 основных педагогов 5 не соответствуют своему назначению. Заведующий педагогической частью, он же преподаватель еврейского языка и литературы Ябров – бундовец. Преподаватель биологии и педагогики – Гильденбург – не заостряет внимание студентов на борьбе с троцкизмом, преподаватели социально-экономических дисциплин – Эйдельштейн, Димент и отдельные студенты заражены шовинистическим настроением". [314]

Позже, в 1937 году вместо педагогического техникума создали агрозоотехникум (директор Иосиф Айнбиндер).

В 1932 году в состав Сталиндорфского района вошла старая еврейская колония Ингулец, с 1928 года она была центром еврейского национального сельсовета. В 1910 году в Ингульце проживало 573 еврея. В 1931 году здесь уже было около 2500 жителей, евреи составляли 70%. В конце XIX века эта колония считалась самой большой еврейской земледельческой колонией страны. В 1899 году здесь проживало 2262 человека, обрабатывали они 3426 десятин земли (3743 га). В Ингульце были 4 синагоги, школа, баня, 17 лавок, корчма. Многие жители занимались ремеслами. В 1890-х годах раввином Ингульца был Шнеур-Залман Новаковский. Работало ссудосберегательное товарищество. В 1919 году произошел погром, устроенный частями Добровольческой армии. До 1938 года работали еврейские школы, клуб, библиотека, детский сад и ясли.

В Сталиндорфском районе организовали 6 артелей Промкооперации, в которых работало 140 человек. Артели занимались пошивом и ремонтом одежды и обуви, кирпичным производством, добычей кварцевых глин. [315]

В Излучистой действовал маслозавод, на котором работало свыше 50 человек, в трех МТС было занято 225 рабочих, на маслозаводе в Ново-Житомире трудилось 18 человек, на

трикотажной фабрике в Сталиндорфе было занято 83 человека. В районе практиковалось отходничество из колхозов на зиму. Так, на период с 15.09.1934 года до 1.03.1935 года планировалось послать в промышленность и на стройки до 2 тысяч колхозников. На Днепрострой в Запорожье было отправлено 150 человек, в трест "Криворожстрой" – 200, в трест "Коксохиммонтаж" – 150 человек.

1932 год был трагическим в истории Украины – голодомор. В постановлении ЦК ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в Украине отмечалось, что партийные организации не справляются с заготовкой хлеба. Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин подписал письмо, в котором говорилось: "Рассылаются для сведения следственные материалы по саботажу хлебозаготовок в Ореховском районе Украины [район Днепропетровской области. – А.Б.]. Так как враг с партийным партбилетом в кармане должен быть наказан строже, чем враг без партбилета, то следовало людей, вроде Головина (бывшего секретаря Ореховского райкома), Паламарчука (бывшего председателя РИКа)... и других немедленно арестовать и наградить их по заслугам, т.е. дать им от 5 до 10 лет заключения каждому".

Поступило в районы и письмо из обкома с грифом "совершенно секретно":

"...С целью создания твердого революционного порядка в городах и на селе, очистки нашей области от хулиганских, кулацких, дезорганизаторских элементов с промышленных предприятий, совхозов и колхозов намечено выселить из нашей области 17 тысяч семейств и 5 тысяч человек одиночек. Это массовое выселение будет произведено в течение мая и июня... выселены для того, чтобы к моменту начала уборочной кампании создать на селе вполне благоприятную обстановку для борьбы с каким бы то ни было растаскиванием, расхищением и воровством урожая..." Спускался в район и план выселения.

И как ответ на письмо Сталина 29 декабря 1932 года газета "Зоря" опубликовала приговор выездной сессии облсуда над работниками Ореховского района, по которому старшего агронома райземотдела Анистрата за агитацию против колхозов и составление лживой справки о гибели урожая приговорили к расстрелу. Головина, Паламарчука и других – к 10 годам лагерей в далеких местностях СССР.

Страшный голодомор, свирепствовавший в Украине, не миновал и Сталиндорфский район. Ряд документов архива свидетельствуют о событиях тех лет.

Так, в апреле 1932 года группа селян из 50 человек в Роскошном сельсовете самовольно разбирали полосу, заявляя: "Мы голодные, дайте хлеба!". [316]

В июле этого года Днепропетровская облпрокуратура сообщала в обком КП(б)У: "В Ново-Житомирском сельсовете правление колхоза без ведома ответственных органов списало 90 гектаров пшеницы, под предлогом побитой градом, с целью затаивания излишков пшеницы. Правление колхоза привлечено к уголовной ответственности" [317]. По области в 1932 году было заведено 1699 уголовных дел, связанных с хлебозаготовками, осуждено 2683 человека. В Сталиндорфском районе было заведено 50 уголовных дел в связи с кражей хлеба. [318]

В справке о голоде в районе, составленной в январе 1933 года, сообщалось, что "в Ворошиловском сельсовете за последнее время от голода умерло 10 человек. Были факты, когда родители оставляли своих детей, а сами уходили неведомо куда. В Ворошиловке умер колхозник Кветчер – глава семьи из 5 взрослых человек и 3 малолеток. В доме колхозника Бравермана на кровати лежат 4 детей в возрасте от 5 до 10 лет. Они опухли и уже живьем разлагаются. Сам Браверман арестован за кражу хлеба". [319]

Из письма райкома партии: "... с 23 по 25.02.1933 г. в Сталиндорфском районе проведен рейд, где выявлено тяжелое положение и глубокий прорыв во многих переселенческих колхозах, где нет ни посевматериала, ни рабочей и живой тягловой силы, ни руководства, где значительное количество колхозников буквально голодает и на почве голода имеют место массовые заболевания". [320]

В марте 1933 года следующее сообщение: "В Ворошиловском сельсовете за последнее время умерло 11 человек... отчаяние колхозников дошло до крайних пределов, люди перестали просить помощи, лежат в холодных нетопленных домах и ждут смерти". [321]

Под особое наблюдение брались колхозы, не выполнившие планы хлебозаготовок ("Країна Рад", "Комбайн", "им. Сталина" и другие).

Все 1920–1930-е годы в районе не утихала антирелигиозная деятельность властей. К 1935 году в районе не было раввинов, попов и пастырей. Были закрыты все синагоги, церкви и кирхи. Хедеры также были закрыты, прекратились обряды обрезания, бар-мицвы. Верующие собирались для моления в жилых домах. Еврейские праздники отмечало все население, еврейская кухня не сдавала своих позиций. Жизнь была во власти районного комитета партии и районного совета. В поселениях все вопросы решались сельсоветом, который ведал землепользованием, налогами, осуществлял записи рождения, браков и смерти.

Действовали три языка: делопроизводство велось на идиш, распоряжения районных властей приходили на места на украинском языке, всякого рода отчетность и информация в вышестоящие органы составлялась на русском языке.

Женщины принимали активное участие в жизни района. Хиня Друкер – бригадир колхоза им. Якира была делегатом 2-го Всесоюзного съезда ударников-колхозников. В Бухаринском сельсовете председателем колхоза им. Урицкого была Соня Ямницкая. Несколько сельсоветов возглавляли женщины: Озетовский – Люба Гриншпун, сельсовет им. Хатаевича – Фаня Коробкина, Ново-Витебский – Брайна Берман.

В 1935 году Сталиндорфский район отмечал свое 5-летие. К этой дате в Киеве была выпущена книга Б. Кагана "Сталиндорф. 5 лет еврейского национального района на Днепропетровщине".

На юбилейные торжества планировалось пригласить 1325 человек. Среди них: ударники района – 410 человек, ударники МТС – 75 человек, отличники школ, педагогического техникума, совпартшколы – 25 человек, лучшие таланты колхозов района – 200, ожидалась делегация рабочих центров из Днепропетровска, Каменского (Днепродзержинск), Кривого Рога, Никополя, а также представители Калининдорфского, Новозлатопольского и Фрайдорфского национальных районов и другие гости. [322]

Областной комитет КП(б)У и облисполком направили приветствие трудящимся района. В своем письме в район секретарь обкома М. Хатаевич писал: "...Еврейские колхозники показали на деле, что они умеют бороться за высокий урожай... Опрокинуты, провалились все легенды черносотенцев и всяких антисемитов о том, что евреи не приспособлены и не смогут работать на земле...". [323]

Многие колхозы были в числе передовых в области. Так, 26 августа 1935 года решением обкома КП(б)У и облисполкома колхоз "Ройтерармеер" ("Красноармеец") был занесен на Доску почета области. В 1940 году этот колхоз участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Председателем колхоза был Файвель Исаакович Каршенбаум.

Коллективизация, раскулачивание, высылка, голодомор, волны репрессий против служителей культа, "националистических элементов" и представителей различных партий и движений, а также отток молодежи в города привели к резкому уменьшению численности еврейского населения в районе. По данным переписи 1939 года в Сталиндорфе проживало 748 (47,67%), а во всем районе – 7312 евреев (22,18%).

В годы фашистской оккупации в районе погибло 3911 человек. [324]

В наше время активно работающая литературная студия "Ми з Дніпра", руководимая Е.Б. Малкиной, выпустила шесть альбомов посвященных жизни и гибели евреев Сталиндорфского района.

Новозлатопольский еврейский национальный район

Центром созданного 22 июля 1929 года района стала старая еврейская колония Ново-Златополь (Най-Златополь), которая была основана в 1846 году выходцами из Витебской губернии. Позже к евреям подселили в качестве шефов по ведению хозяйства немцев. В 1880-м в колонии уже было 62 двора – около 590 жителей. В 1914 году здесь проживало 950 евреев и 150 немцев. Действовали синагога, хедер, а также было двухклассное училище с обучением на русском языке.

В период революции и гражданской войны евреи Ново-Златополя, в отличие от соседних разоренных колоний, мало пострадали, благодаря своему отряду самообороны, в котором было около 200 человек. Соседняя колония Трудюлюбовка, где погибло 175 евреев, была уничтожена махновцами и ее территория распахана. В колонии Горькой более половины мужчин были порублены махновцами.

В 1924 году в Ново-Златополе проживало 686 евреев и 70 немцев. В 1926–1928 годах при поддержке ЕКО (Еврейское колонизационное общество) близ старых колоний были созданы 25 новых поселков (Майндорф, Октябрьфельд, Ратидорф, Фрайдорф, Смидовичдорф и другие).

Одновременно с созданием района проходила его коллективизация, которая к марту 1930 года составила 77,3%.

В ряде населенных пунктов произошли выступления против коллективизации и закрытия синагоги. В районе в 1930 году было раскулачено 13 хозяйств, имущество которых передавалось колхозам, отмечались случаи, когда бедняки отказывались переселяться в дома раскулаченных. Их отдавали переселенцам. В начале 1929 года в восьми переселенческих поселках проживало 410 семей, которым было выделено около 7 000 гектаров земли. Новые переселенцы не имели опыта ведения сельского хозяйства. Если у старожилов урожай пшеницы составлял до 31 пуда с гектара, то у новоселов он составлял около 23 пудов. [325]

В момент образования района в нем было 34 населенных пункта, из них 30 – еврейских. Население района составляло 12148 человек, в том числе евреев – 8349.

В 1931 году самыми крупными сельсоветами были Роскошенский (1600 жителей), Зеленопольский (1259 человек), Новозлатопольский (938) и Сладководненский – 918 жителей. В 1933 году из 10 сельсоветов района еврейских было 9 с населением около 11 тысяч человек.

Действовали 24 школы, из них 18 были четырехлетними и 6 – семилетними. В школах учился 2021 ученик и работало 83 педагога. Существовала больница на 15 коек, несколько

амбулаторий, один Дом культуры, клуб, 27 библиотек, были ясли на 60 мест, агротехникум, выпустивший в 1933 году 10 специалистов. [326]

С 25 февраля 1930 года выходила районная газета на идиш "Колвирт штерн", редакторами которой в разное время были Х. Маламуд, Г. Пресбург. В январе 1937 года вышел тысячный номер этой газеты. 20 августа 1941 года был выпущен последний номер. Выходила газета и на украинском языке "За більшовицький колгосп", которую редактировал Каннель, потом Давид Яковлевич Клеткин. Новозлатопольская МТС также выпускала газету "Двигун колективізації" (редактор Г.М. Жиц, ранее работавший в Москве). МТС обслуживала все 30 колхозов и 2 совхоза района, в ней работало 70 человек, тракторов было около 90.

Работала в районе нелегальная сионистская группа из 5 человек, организованная Шелехманом в Октябрьфельде, были также группы в Майндорфе (7 человек) и в колонии Артбетгейм (3 человека). Как и повсюду, в районе велась активная антирелигиозная кампания, работали кружки безбожников и были закрыты все синагоги.

Жестко ставились требования по выполнению плана хлебозаготовок. В середине октября 1932 года на совместном заседании райисполкома и райсовета рассматривался вопрос "О ходе молотбы и выполнении сентябрьского плана хлебозаготовок". 1 ноября – районное партсобрание с тем же вопросом – "О ходе выполнения плана хлебозаготовок". 23 ноября заседал райисполком и рассмотрел меры усиления хлебозаготовок по району. Решение пестрит словами: "запретить выдачу натуральных авансов", "изъять распределенный хлеб", "занести колхоз на черную доску с изъятием всех наличных промтоваров", "наложить штраф на колхоз", "передать следственным органам дело на правление артели...".

Положение колхозов, ослабленных оттоком молодежи в города, смертью многих в голодные 1932–1934 годы, несколько улучшилось после 1935 года благодаря помощи Агроджойнта. В середине 30-х годов в ежемесячных сводках по сдаче хлеба, пахоте, посеве, печатающихся в областной газете "Зоря", Златопольский район, как правило, был в числе передовых.

В 1934 году население района составляло 13600 человек, из них евреев 7312. Коллективизировано 2589 хозяйств, в единоличниках было 57 хозяйств. Работал зернотрест. В районе действовало 14 предприятий, на которых было занято 105 человек. Площадь района составляла 44189 гектаров, пахотной земли было 40116 гектаров, из них в пользовании еврейского населения – 79,3%. [327]

Основная масса переселенцев прибыла в район в середине 1920-х годов. Этот процесс продолжался все годы существования

района. В 1935 году для очередной партии переселенцев было подготовлено свыше семидесяти домов. Весной прибыли 59 семейств, к осени из них остались 49, остальные из-за отсутствия условий уехали. Так в одном из колхозов для переселенческой семьи из 4-х человек отвели угол в конюшне. С наступлением холодов эта семья была вынуждена уехать. В 1936 году в районе было 39 колхозов, состоящих из 2 929 хозяйств.

Если в 1926–1927 учебном году в колониях действовало 8 школ с 577 учениками и 12 учителями, то спустя десять лет в 1936–1937 учебном году школ было 37 (в том числе 20 – еврейских с 1344 учениками). Учителей было 146 человек.

В 1938 году Новозлатопольская средняя школа выпустила 58 человек, из них 52 поступили в вузы и техникумы. Директор школы Кипнис был делегатом Всесоюзного съезда культработников. Зачастую уехать на учебу было сложно, так, газета "Юнге Гвардие" писала о самоубийстве Шмерля Немижанского, одного из лучших выпускников школы в Сладководной. После окончания школы в 1934 году Немижанский пришел к председателю колхоза с просьбой разрешить уехать на учебу. В ответ услышал: "Мы тебя учили 7 лет. Хватит. Теперь работай в степи". Пообещал, если год отработает ударником, то отпустит. Слово свое не сдержал. Последовало самоубийство Шмерля, это дело широко обсуждалось в обществе.

Надо пояснить, что без паспорта уехать из села было невозможно. Одной из причин паспортизации в Советском Союзе и было желание власти остановить крестьян, разбегавшихся из разоренных коллективизацией сел в города.

По состоянию на 1 апреля 1936 года в районе насчитывалось 394 неграмотных и 1149 малограмотных. Для ликвидации неграмотности организовали сеть школ и кружков, в которых работало 38 учителей и 50 культармейцев.

В 1931 году в районе был создан сельскохозяйственный техникум масличных культур, потом он был реорганизован в зоотехнический. В 1937 техникум из Ново-Златополя перевели в поселок Широкое.

Из колонии Веселой родом Лев Николаевич Задов-Зиньковский (1893–1938) участник гражданской войны, начальник контрразведки армии Нестора Махно. Л. Н. Задов-Зиньковский был расстрелян в Одессе.

Из колонии Роскошной родом писатель Нотэ Лурье (Натан Михайлович) (1906–1987, Одесса). После учебы в хедере он в 1919 году переехал в Гуляйполе. Потом с 1922 года скитался по Украине и Белоруссии. Учился в Минске в еврейском педагогическом техникуме. Его первый рассказ был напечатан в 1925 году в московском журнале "Юнгвалд". В 1926–1931 годах учился на еврейском литературном отделении 2-го МГУ. В 1932

году напечатал первый роман "Дер степ руфт" ("Степь зовет"). С 1931 года жил в Одессе. Участник Великой Отечественной войны. Был в 1949 году репрессирован. После освобождения вернулся в Одессу. Печатался в журнале "Советиш геймланд". Последний его роман "Ди гешихте фун а либе" ("История одной любви") вышел в 1975 году. [328]

Из Трудолюбивки родом Израиль-Беньямин Левнер (1862–1916), писатель, издатель. Первые его статьи появились в "Гамелиц". Писал сказки, переводил на иврит Ф. Купера, В. Гюго. В 1898 году работал редактором детской литературы в издательстве "Тушия". В следующем году начал издавать свой главный труд – "Кол агадот Исраэль" (5 томов пересказа агадических повествований из Талмуда), который был переведен на многие языки и неоднократно переиздавался. В 1905–1906 годах выпустил еженедельник "Га-Хаим ве га-Тева". С 1906 года состоял общественным раввином в Луганске, там же издавал детские журналы "Га-Прахим" (на иврите), "Юный Израиль" (на русском языке) и детскую библиотечку "Га-Тиква" (на иврите). В 1907 году написал брошюры "Протест" и "Правдивое слово о евреях и их учении" (на русском языке). [329]

В колонии Зеленополь в 1907 году родился прозаик И.З. Гордон (1907–1989). Его первая книга "Вилдгроз" ("Бурьян") вышла в 1930 году. Во время войны работал во фронтовой газете. Роман "Лайхт-турем" ("Маяк") был опубликован в 1989 году.

В апреле 1938 года было принято постановление ЦК КП(б)У, по которому существование национальных школ было признано "нецелесообразным и вредным", так как они якобы были "очагами буржуазно-националистического влияния на детей". В соответствии с этим решением практически все еврейские учебные заведения были переведены на русский и украинский языки обучения.

10 января 1939 года путем раздела Днепропетровской области была образована новая – Запорожская область, к которой отошел Новозлатопольский еврейский национальный район.

Спустя два месяца, в марте, Политбюро ЦК КП(б)У приняло Постановление "О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов". Тогда же и были ликвидированы Сталиндорфский и Новозлатопольский еврейские национальные районы. Их преобразовали в обычные районы и сельсоветы.

В годы Вединой Отечественной войны многие евреи Новозлатопольского района стали жертвами фашистов. В феврале 1942 года в Новозлатополе погибло 800 человек. [330]

Гибель всего еврейского населения в результате фашистского нашествия привела к исчезновению своеобразного быта и нравов евреев-земледельцев, создававшегося в течение почти полутора веков в Украине.

Глава 9. Спектакли и концерты

В конце XIX века в Екатеринославе работала еврейская театральная группа Х. Брянчинского. В 1900 и 1904 годах прошли гастроли еврейской труппы, созданной антрепренерами Я. Спиваковским и А. Фишзоном. Они сами и их близкие родственники были актерами, в состав труппы входили также известные артисты М. Рыбальский, Н. Нерославская и приехавший из Америки Сэм Адлер. Репертуар этого коллектива был составлен из комедий, мелодрам и произведений Аврахама Гольдфадена – основателя профессионального театра на идиш, его называли отцом еврейского театра. [331]

В октябре 1909 года в Екатеринославе Сэм Адлер, организовавший собственную антрепризу, поставил пьесу А. Гольдфадена "Шуламир" ("Суламир"). С. Адлер серьезно относился к постановке спектаклей, много репетировал, большое внимание уделял декорациям и костюмам.

В 1912 году группа молодых интеллигентов организовала в Екатеринославе театральную кружок с постановкой пьес на иврите.

В 1914 году в Екатеринославе на сцене в частной антрепризе Серезу Каренина играла десятилетняя девочка. Так здесь начался долгий сценический путь будущей народной артистки СССР, лауреата Государственной премии СССР Татьяны Пельтцер.

В декабре 1917 года театральная труппа представляла оперетту Якова Лермана "Еврейская Кармен".

Театры работали и в годы революции и гражданской войны. Так, в августе 1918 года состоялся бенефис управляющего еврейским театром Н.М. Волкенштейна – был поставлен спектакль И. Л. Баумволя "Лебедик ун Лустиг". В декабре этого года на гастролях в городе была Клара Юнг, а впервые она выступала здесь в 1915 году.

В торжественных и праздничных службах в Хоральной синагоге выступал приезжающий в город кантор Моисей Полонский (1866–1936), привлекающий огромное число молящихся и просто слушателей.

В 1919 – 1921 годах хором в Екатеринославе руководил Йегешуа Павлович Шейнин, окончивший в 1918 году консерваторию в Петрограде. Позже он заведовал музыкальной школой Культур-лиги Киева. В 1929 году он организовал

еврейский вокальный ансамбль "Евоканс", в 1931 году преобразованный в Государственную капеллу Украины "Евоканс", закрытую в 1939 году. В 1940 году Й. Шейнин возглавил хор Украинского радио.

Хроника гастролей и представлений местных коллективов составлена на основе объявлений в городских газетах.

В августе 1922 года в городе прошли гастролы Рафаила Адельгейма, в его репертуаре были "Кручина", "Отелло". Потом в декабре состоялись гастролы белорусской еврейской труппы с опереттами "Хацкеле колбойник", "Шлоймке Рикл" и "Малкеле солдат".

9 и 12 декабря в помещении клуба им. Ленина (потом здесь, на ул. Ленина, располагался Дом офицеров) прошли концерты хормейстера Израиля Борисовича Марьяскина, посвященные 15-летию его деятельности. На сцене был хор из 90 человек. В объявлении об этих концертах обращает на себя внимание добавление – "театр отапливается".

И.Б. Марьяскин родился в семье бедного витебского ремесленника-портного. Начал петь с семи лет в мальчиковом хоре синагоги.

В 1906 году он переехал в Варшаву, где брал уроки у известных профессоров, а два года спустя выдержал экстерном труднейшие консерваторские экзамены по капельмейстерскому факультету.

Сохранился документ, выданный Лифляндским губернатором, датированный сентябрем 1909 года: "Лиозненскому мещанину Израилю-Шебсель Берков Марьяскину разрешено временное жительство в гор. Риге, пока он будет занимать должность капельмейстера в 177 пехотном Изборском полку".

Тогда же в Риге Израиль Борисович начал свою педагогическую карьеру – был учителем пения в еврейском двухклассном начальном училище.

После переезда в Екатеринослав он преподает пение в городском казенном еврейском училище, а также во второй и третьей школах Талмуд-Тор и начинает руководить хором в хоральной синагоге.

С 1916 года он – преподаватель "музыкального училища Екатеринославского отделения Императорского Русского музыкального общества по классам: а) всех деревянных и медных духовых инструментов, элементарной теории музыки и сольфеджио; б) оркестровой игры".

В другой сохранившейся справке сказано: "Марьяскин И.Б. в качестве дирижера хора им. Ленина, находящегося в ведении политпросвета при губвоенкомате, в период 1918–21 годов

хорошо обслуживал военные госпитали, воинские части и все политические кампании..."

В 1922 году Израиль Борисович едет в Москву и поступает руководителем вокальной части в ГОСЕТ, где его вокальное сопровождение спектакля "Уриэль Акоста" заслужило одобрение Соломона Михоэлса.

Вскоре он возвращается в Екатеринослав. В 1924-25 годах преподавал пение на рабфаке медицинского института, руководил многими хоровыми коллективами, в том числе созданным им объединенным музыкально-хоровым ансамблем имени 10-й годовщины ВСМР. Одновременно преподавал в Днепропетровской музыкальной профтехшколе.

В 1936 году он со своим хором рабочих разучивает оперу "Запорожец за Дунаем" и успешно представляет ее на Всесоюзную олимпиаду самодеятельного искусства промышленной кооперации в Москве.

Одной из вершин творчества Израйля Борисовича было исполнение созданного им при металлургическом комбинате имени Дзержинского хором имени Димитрова труднейшего произведения – Девятой симфонии Бетховена, в финале которой звучит хор на слова оды Ф. Шиллера "К радости". Состав хора И.Б. Марьяскина был грандиозным – 350 человек.

Журнал "Рабис" писал о этом событии: "...рабочий хор, который по мощности звука и точности вступлений и нюансировки приближался к лучшим профессиональным капеллам". Профессор Л. Фортунатов в своем отзыве пишет: "На склоне моих лет я счастлив, что мне довелось услышать этот высоко-знаменательный концерт. Я был тронут до слез".

В 1936 году на городском конкурсе хор исполнил Еврейскую колыбельную песню (музыка Житомирского).

В начале Великой Отечественной войны Израиль Борисович с семьей эвакуируется на Урал. За годы его работы в клубе металлургов Магнитки его хор дал 412 концертов в госпиталях, 460 в самом клубе, 192 – по цехам и 172 – по общежитиям. В 1942 году хор завода занял первое место на смотре самодеятельных коллективов металлургов Востока страны, а в следующем году его хор получил звание лучшего хора. В 1945 году металлурги Магнитогорска имели одиннадцать хоровых ансамблей. Все они были созданы И.Б. Марьяскиным. В этих хорах пели около 600 человек. В 1944 году его оперная студия подготовила оперу "Запорожец за Дунаем", которая выдержала 35 постановок.

В 1945 году на Всесоюзном конкурсе хоровых коллективов в Москве его хор занял первое место. В том же году Магнитогорский металлургический комбинат широко отметил 60-

летие со дня рождения Израиля Борисовича и 40-летие его музыкальной деятельности.

Смородина (Шварценберг) Сара Рафаиловна, которая была много лет аккомпаниатором в днепропетровских хорах, руководимых И.Б. Марьяскиным, вспоминает: "Это был человек с необыкновенным трудолюбием, огромной любовью к своей работе, своим ученикам!. Среди его учеников были солисты Большого театра Довгий и Пасечник. В театре Станиславского пела его ученица Васильева. Израиль Борисович гордился своим учеником – оперным и эстрадным певцом Владимиром Абрамовичем Бунчиковым, уроженцем Екатеринослава".

Владимир Йориш писал: "...знаю И.Б. Марьяскина с 1912 года по его работе в Екатеринославском музыкальном училище в качестве педагога, где я в его классах получил первые знания по теоретическим музыкальным дисциплинам и приобрел навык игры в оркестре. С 1919 года по 1923 я работал с тов. Марьяскиным И.Б. в Госопере г. Екатеринослава, где т. Марьяскин был главным хормейстером...".

Израиль Борисович вернулся в ставший ему родным Днепропетровск в марте 1947 года и, спустя год, ушел из жизни.

В ноябре 1923 года в Екатеринославе гастролировала еврейская труппа под руководством П. Корики со спектаклем "Ди блонзенде штерн", поставленном по Шолом-Алейхему.

В феврале прошли гастроли Харьковского еврейского театра с участием Рудольфа Заславского, показавшего три постановки: "Тевье дер милхигер", "Мотьке Ганев" и "Колдунью" по Гольдфадену.

22 февраля один концерт дала Айседора Дункан с аккомпаниатором Марком Мейчиком. Были показаны композиции на произведения Шопена, "Интернационал", "Похоронный марш" и "Славянский марш" П. Чайковского.

В июле состоялся концерт еврейской народной музыки в исполнении А. Эпельбаума. Газета "Звезда" 6 июля писала: "У певца чудесный голос... великолепный артист, воспроизводящий не только глубину народной еврейской песни, но и все жесты, все движения, даже позы поющего народа – хасид ли он, габэли (староста), рядовой ли еврей или ребе, или несеченый канчиком (ремнем) мальчишка, не желающий идти в хедер. А. Эпельбаум имел огромный успех у публики".

В октябре несколько представлений дали братья Адельгейм. Театральный сезон 1925 года был впечатляющим. В марте состоялись гастроли скрипача-виртуоза Н.С. Блиндера в сопровождении профессора Ц.М. Фишберг – Фидлер (рояль).

В апреле в "Трагедии еврейской девушки" выступала Лидия Семеновна Самборская.

Гастроли многих театров и исполнителей проходили в помещении театра "Спартак". Еще в 1914 году существовал кинотеатр "Солей", располагавшийся на первом этаже гостиницы "Бристоль". Кинотеатр имел вход с проспекта, а выходили зрители на ул. Серова. Вот этот кинотеатр и был переименован в театр "Спартак", позже, в 1934 году, его назвали "Мюзик-холл", а с 1937-го – "Театр филармонии и эстрады". На этом месте теперь 5-этажный дом со шпилем (пр. К. Маркса №83). [332]

В этом году в Екатеринослав в мае на свои первые гастроли приехал Московский государственный еврейский театр (ГОСЕТ), только в этом году преобразованный из Еврейского камерного театра, в свою очередь созданного в 1920 году из переведенной из Петрограда Еврейской школы сценического искусства и ее театра-студии, показавшей свой первый спектакль в 1919 году. Это сюда в 1918 году пришел 28-летний выпускник юридического факультета университета Шломо Вовси, родившийся в хасидской семье в дни веселого еврейского праздника Пурим, – наверное, поэтому Бог сполна отпустил ему дар актера. Он взял себе псевдонимом имя отца – Михоэлс. Создателем и руководителем школы и студии, а затем камерного театра был Алексей Михайлович Грановский (Абрахам Азарх). В Москве, еще во времена камерного Театра на Малой Бронной, произошла встреча С. Михоэлса и Вениамина (Беньямина) Зускина, ставших друзьями и создавших славу ГОСЕТу – первому в мире театру на идиш, субсидированному государством. Отметим, что в Москве работал еще один еврейский театр – "Габима", созданный в холодной и голодной Москве в 1917 году Наумом Цемахом при мощной поддержке главного раввина Москвы Якова Мазе. Этот театр выступал на иврите, позже он выехал в Эрец-Исраэль, осуществив свою изначальную цель.

ГОСЕТ показал в Днепропетровске четыре спектакля: "Колдунья", "200 000", "Три еврейские изюминки", "Ночь на старом рынке". В этих постановках были реализованы принципы А. Грановского по созданию спектакля-симфонии (органическое единство текста, игры актеров, декорации, музыки, освещения, ритма мизансцен и пауз – искусства молчания). От актеров он требовал воплощения особенностей уклада жизни народа.

К "Колдунье" Гольдфадена декорации писал И. Рабинович, музыку написал Иосеф Ахрон. По традиции гольдфаденовского театра роль колдуньи Бобе-Яхне была поручена мужчине, ее играл В. Зускин. Его Бобе-Яхне была старой каргой, высохшей от жадности и злости. В роли Гоцмана играл Соломон Михоэлс.

В спектакле "200 000" Шолом-Алейхема в роли Шимеле Сорокера С. Михоэлс показал бедного, но гордого портняжку, выигравшего баснословные деньги и тут же обворованного жуликами. Свата Соловейчика играл В. Зускин. Музыка к этому спектаклю писал Лев Пульвер. В "Ночи на старом рынке" И.Л.

Переца вновь в ролях бадханов играют С. Михоэлс и В. Зускин. Оформлял спектакль Роберт Фальк.

О "Трех еврейских изюминках" И. Добрушина и Н. Ойслендера газета "Звезда" писала: "Первая изюминка – пародия на мещанский жанр театра, вторая – на американский театр и в третьей изюминке хасидская братия хоронит... тот быт, который был разворочен революцией".

В конце мая прошли гастролы Театра Евгения Вахтангова с "Принцессой Турандот" и другими постановками. В июне приехал МХАТ со спектаклями "Братья Карамазовы", "Ревизор" и "Горе от ума". Затем в городе выступал Театр Революции, руководимый Всеволодом Мейерхольдом, им были представлены "Воздушный пирог", "Доходное место", "Озеро Люль".

В июле приехал Ленинградский государственный академический театр (б. Мариинский) с балетными постановками "Корсар", "Дон Кихот" и другие. На сцене танцевали Галина Большакова и Иосиф Кшесинский.

Прошли концерты Ильи Набатова, 9-летнего скрипача-вундеркинда Адольфа Лещинского и пианиста Зиновия Бакка.

Затем выступали еще два московских коллектива: театр "Комедия" показал "Фаворитку Петра I" и театр "Кривой Джимми" с участием известных конферансье А. Алексеева и В. Хенкина.

Завершился этот насыщенный театральный сезон сентябрьскими гастролями Клары Юнг, представившей "Лгунишку" и гастролями еврейского театра музыкальной сатиры под руководством Адольфа Сегала, показавшего "Ди клейн штетельдике Хасене" – бытовую оперетту о местечковом еврейском быте. Была также представлена зрителям веселая сатира "Дус пинтеле ид".

5 января 1926 года состоялся концерт уже бывавшего в городе Зиновия Бакка.

В середине января в помещении театра "Спартак" начались гастролы "Ансамбля еврейского народного театра под руководством артиста Белорусского государственного театра Иосифа Брандеско". Были показаны: "Ди невейле" ("Пададь"), "Кровавая шутка" (по Шолом-Алейхему), "Хацкеле колбойник", "Два мира", "Мадам Фрайлен", "Две сиротки", "Козодоевка и еврейское счастье", "Шир гаширим". В одной из рецензий "Звезда" писала, что "Брандеско первый создал репертуар Шолом-Алейхема".

В конце января состоялись вечера еврейской песни в исполнении Сарры Фибих (Москва) при участии артиста киевской оперы И. Самарина. В программе были: монолог из "Омоложения" – Реб Тодрес, юмористические, хасидские и шуточные песни.

7 мая начались гастроли Еврейского театра УССР. В постановке Эфроима Лойтера показали: "Пуримшпиль", "Ин брен" (музыка Л. Пульвера и С. Штейнберга), а также "Шабес-Цви" (музыка А. Крейна).

В конце мая и начале июня, а затем в сентябре прошли гастроли 1-й еврейской музыкальной комедии при участии Екатерины Борисовны Щербаковой. Этот коллектив показал "Береле безбожник", "Шир гаширим", "Розита", "Ди блинде мамэ", "Ди цвей таноим" и другие постановки.

В июне – июле в городе вновь на гастролях Московский ГОСЕТ с художественным руководителем А. Грановским. Помимо уже известных зрителям спектаклей "200 000", "Колдунья", "Три еврейские изюминки" и "Ночь на старом рынке" были показаны "10-я заповедь" – оперетта-памфлет Гольдфадена и Добрушина, а также музыкальная комедия "Шиндль" ("Товарищ из центра").

18 июля коллектив екатеринославских еврейских артистов поставил "Дер Дибук" (Ш. Ан-ского). "Звезда" отмечала, что эта постановка с успехом 20 раз прошла в 1924 году.

27-28 июля в Центральном театре состоялись концерты "знаменитого юного исполнителя еврейских песен" Абраши Гутмана.

Позже вновь приехавший театр В. Мейерхольда показал "Лес" (А. Островского), "Рычи, Китай" и другие постановки.

В августе и сентябре прошли гастроли Коллектива еврейской драмы и комедии при участии М. Цукер и Р. Гарбер. В репертуаре были указаны: "Шлойме и Рикл", "Ди вайсе шклафен", "А менч зол мен зайн", "Ди блинде мамэ", "Цурик фун катерге", "Дер вильнер балабесл" и другие постановки.

В декабре состоялись концерты Д. Ойстраха в сопровождении пианистки Я. Бернштейн.

В январе 1927 года в помещении театра "Спартак" прошли гастроли московского Театра еврейской музыкальной сатиры, возглавляемого режиссером А. Сегалем. В труппе участвовали Б. Юнеско, Р. Гарбер, Е. Каминская. Театр показывал "Дус инд фин Кавказ", "Ди клейн штетельдике Хасене", "Реб Мейлах непман", "Янкль колонист", "Михеле клезмер" и другие музыкальные комедии.

В конце января городским симфоническим оркестром дирижировал Владимир Йориш, в его программе были "Царская невеста" и "Испанское каприччио".

В середине февраля прошли гастроли Клары Юнг с ансамблем артистов еврейской музыкальной комедии под художественным руководством режиссера нью-йорских театров Боэз Юнгвиц. В программе значились "Дус зексте вайб", "Ди американерн",

"Джейкеле Блохер" ("Лгунишка"), "Ханче ин Америке", "Лейбеле одессит" и "Дус кабретти Мейдл".

В кинотеатрах города в январе прошел фильм "Блуждающие звезды".

В апреле, мае и июне в городе на гастролях одесский театр "Кунствинкл" с участием Клары Фридман и Рафаила Гутгерца. Горожане посмотрели "Дос Мейдл фин гас", "Ди хупе клейд", "Ди шхите" ("За океаном" Я. Гордина), "Ди блинде мамэ", "Дос Лебн фуна Фрой" (по Э. Золя), "Эстерка Блейхман", "Миреле Эфрос". Состоялись две премьеры: "Дем хазнс тохтер" и "Соня Фингергут" ("Дос Одессер мейдл").

30 января состоялся концерт симфонического оркестра в составе 50 человек. Дирижировал А.Б. Брискин. В последующих концертах этого оркестра дирижером был В. Йориш.

"Звезда" дала объявления на русском языке и идиш о премьерном показе впервые в Украине кинофильма "Еврейское счастье", где в роли Менахем-Мендл был Соломон Михоэлс. В конце марта на экранах города шла, как писала "Звезда", "исключительная по красоте картина из еврейской жизни – "Сквозь слезы" (по Шолом-Алейхему). В фильме участвовали: Кантор, Синельникова, Ковсеберг, Заславский и Гаричева".

Первого апреля в городе выступал оркестр Персимфанс (оркестр без дирижера) с солистами Борисом Фишманом и Владимиром Дориани. Исполнялись партии из "Риголетто", "Евгения Онегина" и "Паяцев".

В помещении "Спартака" в январе – марте гастролировал театр "Евмуздрамком" под руководством Я. С. Гузика и главного дирижера И.И. Брандеско. В репертуаре театра были постановки: "Дус мейдл фин гарем", "Розита", "Семка Лец", "Дус мейдл фин швейпром", "Ди клейн штетельдике Хасене", "Ципке Файер", "200 000", "Ди ферблонзете шейфеле", "Ви зайнен, майне киндер", "Ди Невейле", "Левка молодец", "Тамилла", "Ди румейныше Хасене", "Стемпеню", "Кровавая шутка", "Яма", "Джейкеле Блохер", "Яшка Брен", "Хацкеле колбойник". В этом театре в труппе своего отца играла Анна Яковлевна Гузик, позже она будет актрисой Ленинградского театра музыкальной комедии, Киевского и Харьковского театров оперетты. С середины 30-х годов она выступала и на эстраде, разъезжала по городам Союза с большим эстрадно-музыкальным ансамблем. В ее репертуаре были еврейские народные песни и танцы, эстрадные фельетоны.

В клубе завода "Красный Профинтерн" екатеринославский "Коллектив еврейской драмы и комедии" поставил пьесу "Дер блиндер музыкант" по пьесе Ирчана "Родина щіпкарів", переведенной с украинского Г. Нилусом. В пьесе рассказано о том, как несчастья мировой войны обрушились на семью слепых музыкантов, когда единственного зрячего – их сына отправляют

на фронт. Слепого отца играл Элкон, слепую мать – Левчина, сына – И.А. Копельман, инженера – Котловский, участвовала и актриса Иоффе. Кроме этой постановки играли: "Ди цвейте югенд", "Атаман Цыбуля", "А менч зол мен зайн", "Дер мутерс зинд" ("Мать преступница"), "Тамилла", "Колдунья", "Дувизл Шапиро" ("Кровавая шутка") и "Янкель колонист".

7 мая симфоническим оркестром города вновь дирижировал Владимир Йориш.

В конце мая в саду им. Звезды союза печатников и швейников прошли концерты еврейской песни и музыки А.А. Шолоша с участием певицы Д.Е. Дюрсо. Здесь же летом шли представления труппы еврейских артистов города под руководством И.А. Копельмана. Ими были поставлены: "Дер ойцер" ("Клад"), "Оба куне лемеля", "Ди шхейфте кале", "Либе ун тойт", "Дер Дибук", "Тевье дер Мильхинер" ("Тевье-молочник" по Шолом-Алейхему). В сентябре эта труппа играла с известным артистом Петровым-Братским в спектакле "Менш ин хайэс" ("Соколы и вороны"), причем Петров-Братский свою роль вел на русском языке. Далее этим коллективом были поставлены спектакли: "Ди трагедие фун либе" ("Трагедия любви"), "Дер танц фар дем тойт" и "Шломке Рыкл".

11–12 июля прошли гастроли Московского еврейского театра-студии. Были показаны "Фрайкунст" и "Гойлом".

С 25 июля по 11 августа киевский еврейский театр "Кунствинкл" представил "Сорке ун Степке", "Ди дорфеше Хасене", "Либе ун хойв" ("Приговор С. Левитиной"), "Мейдл фун гас", "Гвалд!!! Дос пинтеле ид!", "Цен тог ин трест".

В сентябре в городе вновь Театр еврейской музыкальной сатиры под руководством Адольфа Сегала. В составе театра был хор и балет. Играли "Меנדель Маранц", "Бройт лит койлич", "Дем ребне кинцн", "Шейделе беспризорная".

В конце сентября днепропетровский коллектив, созданный И.А. Копельманом, поставил "Шлоймке Рыкл" (играл сам Копельман и артист Трилинг) и "Дер Дибук".

В ноябре состоялось два концерта уже хорошо знакомого горожанам исполнителя еврейских песен Абраши Гутмана, в репертуаре которого были революционные, народные, хасидские, сатирические и детские песни, а также представлен "Дер эрштер дебют".

Закончился год гастролями Екатерины Щербаковой, давшей еврейский спектакль-концерт.

В 1929 году в январе – феврале прошли гастроли Еврейского передвижного театра. Газета "Звезда" писала: "Театр "Кунствинкл" теперь переименован в "Еврейский передвижной" и нашему зрителю знаком по прошлогодним гастролям". В репертуаре театра: "Койменкерер" – музыкальная комедия о

судьбе молодого нэпмана, "обиженного революцией, ликбезом, соцстрахом, трудсесией..." , "Волчы души" (по Джеку Лондону), "Менш, класс ун хаэ" ("Пурга"), "Дем ребнс нигн", "Лейдикгеер" ("Вредный элемент"), "Цвей кунилемлах" (по А. Гольдфадену), "За океаном" (Я. Гордина), "Мотьке Ганев", "Степеню", "Гирш Лекерт".

18 мая состоялся вечер смеха и юмора "Нит гедайгет" с участием Е.Б. Щербаковой, В. и Б. Биренбаум, И. Рейзельмана, М. Мильмана и З. Скальского.

В июне прошел вечер исполнителя еврейских песен Зиновия Шульмана, а еврейская труппа города показала "Тевье дер Мильхинер", "Степеню", "Ди берете хасенс".

В июле "Ансамбль киевских еврейских театров" поставил "Луфтшлесер" ("Воздушные замки" – Н. Фидель) и "Цуброхене цамен" (по Гордону).

Затем вновь в городе прошли гастроли театра Адольфа Сегала с постановками "Дер Вайсер гон", "Ман ун Вайб", "Гриша гейт ин загс", "Мендель Маранц", "Дер Ганеф".

В январе 1930 года были продолжены вечера еврейской песни, исполняемые Е.Б. Щербаковой при участии Иосифа Рейзельмана и М. Калика.

В марте – апреле состоялись гастроли Харьковского ГОСЕТ. Было дано 52 представления из 10 пьес, среди них премьера "Гирш Лекерт" (А. Кушнирова), в спектакле играла Ада Сонц, в роли Гирша был Заславский. Ада Сонц играла и в спектакле "Барг Аруф", освещающем "шахтинское дело". Гастроли проходили в театре "Спартак", а также во Дворце железнодорожников. Кроме этих спектаклей были показаны "Дер бесерер менш" (Газенклевера) – сатира на современное буржуазное общество, трагикомедия "Ди лецте" (Резникова), "Галстук" (А. Глебова) о комсомольском быте, пьеса была переведена с русского языка на идиш Перецом Маркишем. Состоялась премьера спектакля "Блут" (Б. Оршанского). Завершились гастроли пьесой А. Гольдфадена "Цвей кунелемлах". Музыка ко многим постановкам писали М. Мильнер и Лев Штейнберг. Режиссер театра – М. Норвид.

19 марта в помещении театра "Спартак" состоялся концерт еврейской певицы Э. Меламед с участием скрипача И. Ямпольского.

В июле два концерта дал Михаил Эпельбаум в сопровождении пианиста Я. Гуревича.

В августе прошли гастроли киевской капеллы "Евоканс" во главе с художественным руководителем Е. Шейниным.

В сентябре шесть концертов дал "Теа-джаз Леонида Утесова". В программе были "Машино-ритм", "Сирень цветет", "Кичман" и другие песни.

21 октября выступал Давид Ойстрах.

В конце года вновь состоялись вечера еврейской песни и музыки Михаила Эпельбаума, который исполнил две песни Переца Маркиша – "Нит гедайгер" и "Ди белерн ун дер галех", а также "А шмуес цвиши" (А. Гильдина), "Ди стаде" (И. Харика), "Ин ун майн фрайнд" (Х. Левина) и "Эх, Россия" (А. Кушнарера).

Михаил Иосифович Эпельбаум (1894, Одесса – 1957, Ленинград) учился в Варшавской консерватории. Работал в Киевском оперном театре, затем был в театре И. Брандеско, выступал совместно с К. Юнг. Среди его ролей: Авесалом в "Суламифи", Бар-Кохба. Много гастролировал в Европе, Америке, был и в Африке. В годы войны работал в концертном объединении Новосибирска. В 1949 году был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Попав под амнистию, в 1955 году был освобожден. А вскоре получил звание заслуженного артиста РСФСР.

С 1930 года в Днепропетровске работал Еврейский театр рабочей молодежи – ЕврТРАМ. [333] Директором был Штеллерман. В 1935 году в штате театра числилось 36 человек. Художественным руководителем и заведующим литературной частью работал Ицхак Каганов (Каган). В 1921 году он поступил в Петроградский университет, где проучился два года. В 1926 году вышла его первая и единственная в СССР публикация – поэма "Кта'им" ("Фрагменты"). В 1930 – 1933 годах учился в театральной студии С. Михоэлса в Москве. В 1934–1936 годах был режиссером еврейских театров в Симферополе и Днепропетровске. В годы войны командовал артиллерийской батареей. В 1947 году возвращается к литературному творчеству на иврите. В сентябре 1948 года арестовали вместе с группой писателей и культурных деятелей. Осудили на 10 лет, в лагере вновь был судим и приговорен к расстрелу, замененному на 25 лет заключения. В 1955 году был освобожден и затем реабилитирован. В лагерях написал 480 стихотворений на иврите, опубликованных в 1977 году в Израиле, куда он выехал в 1976 году.

Музыкальной частью ЕврТРАМа заведовал Таслицкий, хореографом была Мцевич, аккомпаниатором Слуцкая. Актеры театра – Б. и В. Биренбаум, Е. Цукерник, Викторов, Малечникова, Рудавская, Л. Журавель, Пинхусович, Марьясина, Е. Мирончик, З. Заможский, Таслицкая, Левична, Элька Ицховна Крычак, Шендерович, Ваксман, Шулевич, Бернадский. Наибольший оклад получал Б. Биренбаум – 410 рублей, низший оклад артиста был 120 рублей.

В репертуаре ЕврТРАМа было десять еврейских пьес и одна украинская, а также концертная программа. Среди постановок были "Трипольская трагедия", "Чужой ребенок", "Жизнь зовет", "Женитьба", "Шуламис", "Степеню", "Дер форкишефтер

шнайдер" и другие. Своей постоянной площадки театр не имел и ночевал по различным клубам.

В 1931 году в Днепропетровске свое представление дал первый в СССР колхозный еврейский театр, созданный в Сталиндорфском районе области. Театр создавал в мае этого года молодой режиссер И.С. Радомыцкий, только что окончивший еврейское отделение Киевского драматического института. Вместе с ним приехали и другие выпускники этого института, среди них были Е. Линдина и Дворкина. Приехали также выпускники Николаевской еврейской художественной студии – С. Иткин, Фукс, Мовшович. В дни октябрьских праздников 1931 года в колонии Излучистой в Сталиндорфском районе молодой коллектив представил зрителям спектакль Переца Маркиша "Нит гедайгет". Театр расположился в старой заброшенной конюшне, переоборудованной самими артистами. Позже коллектив театра перебрался в районный центр – Сталиндорф. Вторая постановка "Бройт фронт" ("Хлебный фронт") создавалась совместно с автором пьесы Эли Гордоном. Темой первых постановок служила жизнь еврейских колоний, на месте которых создавались колхозы. Театр посещали жители прилегающих поселений Сталиндорфского района. Весну 1932 года театр встретил концертными программами, созданными писателями Зельдиным, Добрушиным, Гордоном, Кушниковым. В этом же году была поставлена пьеса Гордона, посвященная колхозникам и шахтерам колонии Ингулец – "Айзн" ("Железо").

Театр часто выезжал в другие еврейские национальные районы - Новозлатопольский и Калининдорфский.

Следующими постановками стали: "А просто зах" ("Простая вещь") по Борису Лавреневу, затем старинная французская народная комедия "Швиндлерс" ("Пройдохи"), потом "Ди гликлихе фрой" ("Счастливая женщина") Глигера, "А фремде кинд" ("Чужой ребенок") – Шкваркина и, наконец, "Менахем Мендл" по Шолом-Алейхему.

Весной 1935 года Сталиндорфский еврейский колхозный театр по инициативе секретаря обкома КП(б)У М. Хатаевича был переведен в Днепропетровск, где, объединенный с ЕврТРАМом, был переименован в Еврейский областной театр, входящий в состав театрального треста. Летом этого года театр был командирован в Москву, Ленинград и Киев, где просмотрел ряд спектаклей лучших театров страны. В Москве артисты театра прослушали специальный семинар, который провели народный артист С. Михоэлс, заслуженные артисты Дикий, Завадский, Бирман, Зускин, профессор Бескин и другие.

Первой постановкой нового коллектива, возглавляемого И. Кагановым, стал спектакль "Зямка Копач" (Н. Даниеля) – об участии детей в гражданской войне. Потом были поставлены "Гольдгрёбер" ("Золотоискатель") по Шолом-Алейхему, "Рекруты"

– Резника, "Дер Уртель кумт" – Кушнирева, а также проведен концерт, посвященный памяти "дедушки еврейской литературы" – Менделю Мойхер-Сфориму.

В театре играли Б. и В. Биренбаум, М. Дворкина, Я. Малинский, Е. Гройсман, Е. Линдина, Л. Журавель, З. Заможский, Е. Мирончик, М. Паволоцкий, С. Иткин, И. Шморгонер, Е. Цукерник, Л. Клеванский.

Продолжим хронику 1931 года. В июне вновь состоялись гастроли Харьковского ГОСЕТа. Был поставлен "Нит гедайгет" П. Маркиша (режиссер Нохум Лойтер). В ревью М. Пинчевского "Гедекте кортн" среди действующих лиц были Капитал (заслуженный артист республики Заславский-Фай) и Мадам Экономик (заслуженная артистка республики Ада Сонц).

В городе в это время существовало три театра рабочей молодежи: УкрТРАМ, ЕврТРАМ и ДРТ (Днепропетровский рабочий театр), работающий на русском языке. В 1931 – 1932 годах ДРТ поставил "производственные" пьесы "СО₂" и "Шихта". "СО₂" написали совместно днепропетровские писатели Александр Бейлинов (Былино) и Меир Альбертон, "Шихта" была написана А. Бейлиновым самостоятельно. Обе пьесы были посвящены молодежи завода им. Петровского.

Ставил "Шихту" возглавивший ДРТ Илья Григорьевич Кобринский, учившийся на режиссерском факультете Московского театрального института им. А. Луначарского. Потом он много лет будет художественным руководителем днепропетровских театров им. Т.Г. Шевченко и им. М. Горького.

В его творческом списке спектакли "Последние" М. Горького, "В степях Украины", "Калиновая роща" и "Память сердца" А. Корнейчука, "Кремлевские куранты" Н. Погодина, "Под золотым орлом" Я. Галана и многие другие. В годы войны И.Г. Кобринский возглавлял концертную бригаду на Центральном и Калининском фронтах. В 1951 году за постановку пьесы Л. Дмитерко "Навеки вместе" Илья Григорьевич был удостоен Государственной премии СССР.

В марте 1932 года вновь на гастролях в городе капелла "Евоканс", руководимая дирижером-композитором Шейниным.

В мае состоялись концерты хорошо знакомого горожанам Зиновия Бакка.

Летом Киевский ГОСЕТ показал "Улицу радости" (Н. Зархи) и два спектакля А. Вевюрко "Дреендике Флигл" и "Нафтали Ботвин".

ЕврТРАМ представлял зрителям пьесу "Гирш Леккерт".

В июне закончили реставрацию театра "Спартак" и открывшийся здесь театр "Мюзикл-холл" предоставил свою сцену

Московскому цыганскому театру "Ромэн". Потом здесь выступали Асад и Суламиф Мессерер.

В помещении Театра русской драмы им. М. Горького в апреле 1934 года состоялись гастроли Всеукраинского государственного еврейского театра юного зрителя под руководством С.Б. Вайншельбаума, поставившего "Мотл Пейс дем Хаэнс" (по Шолом-Алейхему) и "Цванг" (Брянского). Отметим, что киевский еврейский ТЮЗ был единственным в СССР. Этот же театр в 1936 году привезет в Днепропетровск "Йоселе" в обработке Гершензона, "Брудер" (Шестакова) и "Циэн чемоданас".

В начале лета братья Рафаил и Роберт Адельгейм (Москва) представляли "Отелло", "Сен-Жен", "Семью преступника", "Трилби" и "Уриэль-Акоста".

В июле 1934 года в Днепропетровск Московский ГОСЕТ помимо "200 000", "Колдуны" и "Трех еврейских изюминок" привез "Путешествие Вениамина III" Менделе Мойхер-Сфорима, оформленное Р. Фальком. Спектакль о двух бедняках – Вениамине (С. Михоэлс) и Сендерл-Баба (В. Зускин). Вениамин рвется совершить паломничество в Палестину, куда его сопровождать соглашается Сендерл-Баба. Тайком они покидают опостылевшую, с кривыми домишками Тунеядовку. Оборванные и уставшие, они засыпают на скамейках харчевни, видят во сне роскошные пейзажи земли обетованной и, проснувшись... обнаруживают, что они по-прежнему в своей Тунеядовке. Музыка Льва Пульвера к спектаклю была насыщена народными мелодиями.

В этом году также показан спектакль Бергельсона "Мера строгости", работа над которым шла совместно с автором.

В 1935 году ГОСЕТ кроме "200 000" и "Колдуны" показал в нашем городе спектакль "Четыре дня" и водевиль французского драматурга Лебиша "Миллионер, дантист и бедняк" в постановке режиссера из Франции Леона Муссинака, где дантиста играл С. Михоэлс, а бедняка – В. Зускин. А главное – днепропетровцы впервые увидели "Короля Лира", переведенного на идиш Шмуэлем Галкиным. В спектакле, где Лира играл С. Михоэлс, а Шута – В. Зускин, были заняты С. Ройтман (Гонерилья), И. Шидло (Глостер), Э. Карчмер (Регана). Постановщиками были С. Радлов и С. Михоэлс. Имеются сведения о том, что в постановке участвовал также выдающийся украинский режиссер Лесь Курбас, позже погибший в сталинских застенках.

Однажды в Москве во время спектакля в сцене, где Лир возвращается с охоты и слуга подает ему зайца, которому Лир отрезает ухо, нож был настоящим, и вместо зайца артист, промахнувшись, полоснул по своему пальцу. Только после окончания сцены ему перевязали руку. Михоэлс – Лир увековечен с перевязанным пальцем в фильме, сделанном по заказу Гордона Крэга, знаменитого английского режиссера и

шекспироведа, приехавшего в Москву на шекспировский фестиваль в апреле 1935 года и не пропустившего ни одного спектакля, где играл Михоэлс. Крэг писал о своих впечатлениях: "...Подлинной неожиданностью, без всякого преувеличения потрясением, оказался для меня "Король Лир"! Должен сказать, что эта пьеса является для меня самой близкой и любимой из всего шекспировского репертуара. Поэтому я шел в театр с нескрываемым недоверием. Но вот я в партере... Я понял, что с такого спектакля уходить нельзя... Я не припомню такого актерского исполнения, которое потрясло бы меня так глубоко до основания, как Михоэлс своим исполнением Лира... Теперь мне ясно, почему в Англии нет настоящего Шекспира в театре. Потому что там нет такого актера, как Михоэлс".

В этот год в городе на гастролях: Театр им. Евг. Вахтангова с "Принцессой Турандот", где в главной роли выступала Ц. Мансурова; Московский камерный театр; Театр им. Немировича-Данченко, показавший "Травиату" и "Корневильские колокола".

Прошли гастроли капеллы "Евоканс". "Звезда" писала: "Коллектив вырос до 42 человек, его репертуар включает до 200 произведений на десяти языках народов СССР. Отчетный концерт ансамбль открыл "Песней борьбы" Шейфера, были также исполнены "Три швеи", "Портной и сапожник", "Пісня про Якіра" и другие произведения. Художественный руководитель капеллы – заслуженный артист республики Е.П.Шейнин".

В городе в составе областного театрального треста действовал Театр оперы и балета с 12 постановками ("Аида", "Фауст", "Евгений Онегин", "Тоска" и другие). Постановщики – Штейман и Гискин.

В 1929–1931 годах в Оперном театре пел Владимир Абрамович Бунчиков - оперный и эстрадный певец. Он родился в Екатеринославе в 1902 году, окончил класс О. Тарловской в музыкальном техникуме города. Потом продолжил образование в Ленинграде. После Днепропетровска пел в Театре им. Немировича-Данченко (Москва). С 1942 по 1967 год – солист Всесоюзного радио.

В 1931–1934 годах солистом Оперного театра работал Соломон Исаакович Колтон (1908, Екатеринослав – 1979, Одесса). Он окончил Днепропетровский музыкальный техникум в 1930 году. После Днепропетровска С.И. Колтон пел в оперных театрах Ворошиловграда, Горького, Алма-Аты, Одессы. В его репертуаре партии князя Игоря, Онегина, Мазепы, Риголетто, он – первый в СССР исполнитель партии Макбета.

В 1934–1935 годах в театре пел Юрий Давидович Сабинин (Сабин-Гус). Позже, в 1949 году, он стал народным артистом УССР. Спел большинство ведущих басовых партий (Сусанин, Греммин, Мефистофель, Базилио и другие). В этом театре танцевала Зинаида Михайловна Лурье, в 1941 году ставшая

заслуженной артисткой УССР. В 1936 – 1937 годах в опере дирижировал Исидор Аркадьевич Зак, позже – народный артист СССР, лауреат Государственной премии.

Театр им. М. Горького в своем репертуаре имел 7 постановок ("После бала", "Коварство и любовь", "Горе от ума" и другие). Основным постановщиком был Сумароков.

В репертуаре Театра им. Т.Г. Шевченко прошли 5 постановок, среди них "Оптимистическая трагедия". Режиссерами театра работали Южанский, Иоффе, Бортник. В этом театре работал Владимир Александрович Гольдфельд (1908, Екатеринослав – 1982, Москва). Учился он в ГИТИСе, был одним из создателей Театра им. Н.В. Гоголя в Москве, с 1938 по 1959 год работал его главным режиссером. В.А. Гольдфельд – автор пьес-сказок для детей. В 1980 году вышел сборник его пьес "Доброе слово".

В театральном тресте также действовали: Театр юного зрителя, мюзик-холл, немецкий театр, четыре колхозных театра и театр музыкальной комедии. В одном из документов отиечалось, что "главный режиссер театра музыкальной комедии Айканов, уволив 5 актеров-евреев, заменил их пятью актерами еще низшей квалификации, по "странной случайности" оказавшимися русскими по национальности... из этого факта не сделано должных политических выводов...". [334]

Зимой 1935–1936 года в городе давал свои представления областной еврейский театр – "Ди гольдгребер" ("Золотоискатель") по Шолом-Алейхему, "Зямка Копач" и другие пьесы.

В феврале – гастроли джаза под управлением и с участием Леонида Утесова.

6 марта вновь с успехом прошел концерт Михаила Эпельбаума.

Во второй половине июня в Днепропетровске гастролитовал Еврейский государственный театр УССР, созданный на базе ликвидированных двух еврейских театров (бывших Киевского и Харьковского ГОСЕТов).

Возглавил новый театр режиссер В.И. Вершилов, до этого работавший во МХАТе, он также привез с собой ряд артистов московской студии "Фрайкунст". В театре начали работать знаменитые берлинские актеры Макс Рейнгард и Эрвин Пискатор (Александр Гранох), изгнанный из Германии после прихода Гитлера к власти.

Днепропетровские зрители увидели постановку "Уриэль Акроста" К. Гуцкова, в главной роли – Д. Днепров, прекрасно передавший трагедию атеиста-мученика в условиях средневековья. Ле-Сантоса, руководителя еврейской общины, играл Л. Жаботинский, раввина Бен-Акиба – М. Ойбельман.

Пресса отметила великолепные массовые сцены в синагоге и музыку композитора Ш. Шейнина.

В драме "Венецианский купец" роль Шейлока играл А. Гранох, искусство которого "дает ему право выступать на мировом театральном фестивале, который состоится в Москве в сентябре этого года". Порцию играла Ада Сонц.

Театр показал две пьесы из еврейского драматического наследия: "Первый еврейский рекрут" Израэля Аксенфельда и "Суламифь" А. Гольдфадена. В "Рекруте" в роли Нахмена - Д. Днепров, дочь Пинхес-Фумеле играла Р. Мостославская, кустаря Лейзера Кривошея - Д. Ляховицкий, сваху Ханц - Н. Бинья, Гавриеля Лови - В. Шайкевич, Мотеле Цадика - Л. Калманович, а в роли Рохл блистала Ада Сонц.

В "Суламифь" в главной роли занята Шейнфельд, в роли Авишалом - Альперович. Поставили также пьесу реформатора еврейского театра Яакова Гордина "Миреле Эфрос". В духе советской критики газеты писали: "Ни в одной из своих пьес Я. Гордин не отражал правдиво действительность своей эпохи и в постановке "Миреле Эфрос" имеем полный разрыв между привлекательной игрой коллектива (и в особенности заслуженной артистки А. Сонц в роли Миреле) и между неправильной идейной концепцией автора".

Ада Ефимовна Сонц (1897, Бердичев - 1968, Днепропетровск) в 1919-1924 годах училась в киевской еврейской театральной студии, руководимой Э. Лойтером. В 1925 году начала выступать в Харьковском государственном еврейском театре (ГОСЕТ УССР), в 1934-1950 годах работала в Киевском еврейском театре, который с 1944 года находился в Черновцах. В 1936-1937 годах и с 1950 года, когда были закрыты все еврейские театры, работала в Днепропетровском русском драматическом театре им. М. Горького. В 1945 году удостоена звания заслуженного деятеля искусств Украины. Об игре А. Е. Сонц писали: "Исполнительское мастерство Сонц отличается глубиной проникновения в образ, лиризмом, четкостью психологического рисунка, раскрытием духовного мира еврейской женщины".

Ада Сонц сыграла огромное число ролей, среди которых - Гольда ("Тевье - молочник"), Ноэми ("Восстание в гетто" П. Маркиша), Эстер ("Пуримшпил" Э. Лойтера), Жарова ("Кордон" Д. Бергельсона), Сонька ("Аристократы" Н. Погодина), Васса ("Васса Железнова" М. Горького).

1 июля 1936 года вновь на гастролях в Днепропетровске театр С. Михоэлса. Зрители увидели "200 000", "Короля Лира", "Три еврейские изюминки" и две новые постановки. Первая - "Разбойник Бойтро" Моше Кульбака, поставленная С. Михоэлсом и оформленная А. Тышлером, рассказывала о беглом рекруте Бойтро, грабившем на дорогах богатых евреев, чтобы помогать бедным. Хаима Бойтро играл В. Зускин. Вторая постановка -

"Стена Плача" Мизадронцева рассказывала о времени, когда Англия получила мандат на управление Палестиной. Среди действующих лиц были Колонист (артист Шапиро), Феллах (Гартенер), Бедуин (Д. Диаманд) и Поэт (Шидло).

Соломон Михоэлс в одной из своих статей писал: "Днепропетровск наш театр любит особой любовью. Из года в год мы приезжаем сюда, встречая чуткого, внимательного, активно реагирующего зрителя. Новая встреча с этим зрителем 1936 года дала нам такую же радость и такое же удовлетворение, как и в прошлые годы...". В другой статье он отмечает: "... Гастроли ГОСЕТа в Днепропетровске уже давно потеряли свой случайный, "гастрольный" характер...". [335]

С 8 по 12 сентября Клара Юнг дала 5 концертов в Театре им. Т.Г. Шевченко. Анонимный рецензент, скрывавшийся под инициалом Н., в "Звезде" писал: "...К. Юнг ввела в свой репертуар советский скетч с комсомолкой. Но это воспринимается с сомнением. Скетч выполняется в плане специфической дешевой еврейской американской оперетты... старые еврейские песни звучат анахронизмом. Как это отличается от того, что писал А. Луначарский о Кларе Юнг – "очаровательной настоящей еврейской актрисе, которая небольшим, но прелестным голосом поет свои песни".

8 октября 1936 года в городе, уже в который раз, звучала скрипка Давида Ойстраха.

В январе 1937 года на экранах кинотеатров города демонстрировался фильм "Блуждающие звезды", созданный на студии "Украинфильм" по роману Шолом-Алейхема.

С 23 мая в городе выступал Днепропетровский областной еврейский театр, показавший "Миреле Эфрос", "Тевье дер Милхинер", "Степеню", "Мазл тов", премьеру "Колдуньи" и другие спектакли.

В июле в городе вновь Еврейский государственный театр УССР, который привез "Суламифь", "Хаим Бойтре", "Степеню", "Миреле Эфрос" и "Комрад Мими".

Гастролировал в этом году в Днепропетровске и театр В. Мейерхольда.

В городе ликвидировали Театр музкомедии и в его помещении открылся Театр филармонии и эстрады.

В январе 1938 года Елизавета Гилельс исполняла импровизации Блоха "Баал-Шем".

12 января Анна Гузик при участии С.И. Гольдберга представляла одноактовые еврейские оперетты.

16 и 17 января часто бывавший в городе заслуженный артист УССР Михаил Эпельбаум при участии пианиста-композитора

Семена Фрайденберга исполняли еврейские народные песни. Концерты прошли в филармонии и в клубе швейников.

Областной еврейский театр после Сталиндорфа зимой работал в Днепропетровске, были показаны "Колдунья", премьера "Иоселе" (Я. Динезона), "Семья Овадис" (Переца Маркиша) и "Банкир" (Корнейчука). В спектаклях были заняты актеры Н. и Р. Варгач, Ш. Лемперт, Ф. Брик, Бланк и другие. Художником театра был М. Жмудь. Художественный руководитель коллектива – И. В. Колтынюк. Сообщалось, что готовятся к постановке "Степеню", "Тевье-молочник" и "Степь зовет" днепропетровского писателя Нотэ Лурье.

В марте в филармонии на "Вечерах еврейской песни" в исполнении Зиновия Шульмана прозвучали: "Нохемке, мой сын", "Колыбельная" Моцарта на еврейском языке в переводе Галкина, застольная песня "А лехаим", "Дем ребнс вундер" ("Чудеса тебе"), "Как приехал кантор в местечко петь субботу" – в обработке Житомирского, на еврейском языке была исполнена ария Ленского, на украинском языке звучала комическая песня "Хасид та дівчата". Аккомпанировал Т. Смолкер.

С 5 по 20 июня в помещении Театра им. Т.Г. Шевченко Еврейский государственный театр УССР (на афишах его называли Киевский ГОСЕТ) поставил спектакли "Семья Овадис", "Огни маяка", "Цвей кунилемлах" ("Без вины виноватые" А. Островского в переводе Губермана), "В 16-м году" и "Дуня".

"Семья Овадис" была написана Перецем Маркишем к 20-летию Октябрьской революции. Режиссер спектакля – А. И. Рубинштейн, музыка – С. М. Штейнберга. Ада Сонц играла казачку Ирину.

Спектакль "В 16-м году" П.М. Шильмана посвящен событиям Первой мировой войны.

Художественным руководителем театра работал Нохум Лойтер, художником – Г.Л. Кигель.

В сентябре прошли концерты Эмиля и Елизаветы Гилельс.

Закончился год концертами капеллы "Евоканс", в программе которой были "Нохэмкэ", "А ят а бравер", "Ой, Галю" и другие произведения.

В 1939 году В. Кенигсон в Театре им. М. Горького поставил спектакль "Гибель надежды" Гейерманса. Владимир Владимирович Кенигсон впоследствии стал народным артистом СССР (1982 год). Работал в Москве, сначала в Камерном театре, потом, с 1949 года, в Малом. С 1950 года снимался в кино. За роль в фильме "Падение Берлина" получил Государственную премию. Среди его ролей Снайдерс ("Дорога", 1955), Беклемишев ("Огненные версты", 1957), Зотов ("Дело пестрых", 1958), Берзинь ("Сотрудник ЧК", 1964) и другие.

В феврале состоялся концерт Генриха Нейгауза.

В апреле вновь с еврейскими народными песнями выступал Михаил Эпельбаум.

Приехавший из Киева С. Фельдман назначен постоянным дирижером Днепропетровского симфонического оркестра, до этого оркестром дирижировали гастролеры.

В последний раз Московский ГОСЕТ гастролировал в Днепропетровске с 11 по 30 июня 1939 года, в свой юбилейный, двадцатый сезон. В связи с юбилеем С. Михоэлса наградили орденом Ленина и присвоили звание народного артиста СССР. В. Зускин стал народным артистом РСФСР. Кроме "Короля Лира" весь привезенный репертуар был новым. Показаны "Суламифь" А. Гольдфадена (в главной роли была заслуженная артистка РСФСР Л. Розина, Авессалома играл М. Шехтер), "Гершеле Острополер" – о похождениях популярного в Украине еврейского народного шута, "Беспокойная старость" Рахманова – спектакль об отношении интеллигенции к революции, "Пир" Переца Маркиша – о событиях во время гражданской войны, две пьесы Шмуэля Галкина – "Бар Кохба" и "Герои" – о еврейских колхозах и, наконец, "Тевье-молочник" Шолом-Алейхема с Соломоном Михоэлсом в главной роли. Это стало его последней ролью, а лейтмотивом спектакля звучала песенка "Мир задает извечный вопрос".

Огромным событием в городе была радиотрансляция шедшего на идиш спектакля "Король Лир" (23 июня). В этом, 1939 году, С. Михоэлс в последний раз приезжал в Днепропетровск. Впереди была война, работа С. Михоэлса в качестве председателя Еврейского антифашистского комитета, поездки в США, Канаду, Англию, встречи с Альбертом Эйнштейном и другими выдающимися деятелями, сбор огромных средств для воюющей страны.

В январе 1948 года в Минске народный артист СССР Соломон Михоэлс по указанию Сталина был убит под видом автомобильной катастрофы.

На похоронах С. Михоэлса И. Эренбург сказал: "Еврейский народ в войне потерял шесть миллионов человек, Михоэлс – седьмой миллион..."

П. Маркиш написал стихи, где назвал смерть С. Михоэлса убийством:

Разбитое лицо колючий снег занес,

От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы.

Но вытекли глаза двумя ручьями слез,

В подавленной груди клокочет крик упрямый:

– О, вечность! Я на твой поруганный порог

Иду зарубленный, убитый, бездыханный...

Власти не простили П. Маркишу этих строк, спустя год его арестовали.

Возглавившего после смерти друга В. Зускина также арестовали 23 декабря 1948 года.

В. Зускина и П. Маркиша вместе с другими еврейскими деятелями искусств расстреляли 12 августа 1952 года.

Наверное, единственные кинокадры, где можно увидеть гениального Михоэлса без грима, это сцена в фильме Г. Александрова "Цирк", снятом в 1936 году, где он держит на руках негритенка Джима и поет ему колыбельную песенку.

В марте – апреле 1940 года состоялись вечера еврейской комедии с участием Адольфа Сегала и Нины Каминской. Ими были представлены "Менахем-Мендл" и "Шлим-шлимазел".

В мае прошли концерты народного артиста СССР Марка Рейзена (бас) и лауреата всесоюзных и международных конкурсов Буси Гольдштейна (скрипка).

В июле самый молодой в стране Одесский ГОСЕТ, созданный Эфроимом Лойтером, привез на суд днепропетровцев "Блуждающие звезды" Шолом-Алейхема, "Колдунью", "Девушку из Москвы", "Миреле Эфрос", "Вторые пути", "Стемпенюс либе" в инсценировке И. Добрушина, "Сендер Бланк" и "Кто смеется последним".

В Днепропетровском театре оперы и балета пел Григорий Матвеевич Комисаржевский, а в Театре им. М. Горького работал режиссер Ефим Яковлевич Лишанский – заслуженный артист УССР с 1938 года.

В конце января 1941 года в помещении Театра филармонии и эстрады состоялась гастроль Государственного ленинградского ансамбля мастеров еврейской оперетты с участием лауреата первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады Анны Гузик в представлениях "А хасене он клезмер", "Ба мир бист ду шейн", "Бейлке". Анна Гузик выступала в городе и в марте.

Летом прошли гастроль МХАТа.

В самые последние мирные дни (19 и 20 июня) в городе блистал Аркадий Райкин в спектакле Ленинградского государственного театра миниатюр – "Не проходите мимо".

Спустя год после войны, 16 июля 1946 года в городе начались гастроль Московского ансамбля оперетты и эстрады с участием Анны Гузик, в репертуаре которого представлены оперетты "Маленькая мама" и "Янко Ян" С. Гольдберга и М. Янковского, также исполнена "Моя красавица". Состоялись эстрадные концерты, в которых вместе с Анной Гузик

участвовали С. Гольдберг, С. Амурова, Г. Гроссман, Любовь Горн, С. Орлик и джазовый оркестр под управлением Ш. Березовского. Концерты проходили в помещении областной филармонии (ул. Дзержинского) и в Театре им. М. Горького.

22 октября на сцене Театра им. Т.Г. Шевченко прошел вечер еврейской песни лауреата Всесоюзного конкурса мастеров эстрады Зиновия Шульмана. Накануне, в другом концерте, он исполнял русские, молдавские и еврейские песни.

В середине января 1947 года в этом же театре прошли гастроли Еврейского театра комедии с участием Сиди Таль.

Сиди Львовна Таль (Сореле Биркенталь, 1912–1983) родилась в Черновцах, играла в еврейских труппах Румынии и Молдавии. С 1946 года до конца 1970-х годов работала актрисой малых форм Черновицкой филармонии. В ее репертуаре наиболее популярными были: монолог А. Нугера "Сердце матери" – плач матери о детях, погибших в Бабьем Яру, ревю "Красные апельсины", программы "В добрый час", "Врагам назло". Ее коронным эстрадным номером было чтение отрывка из повести Шолом-Алейхема "Мотл Пейси дем хазнс". [336]

В августе в зале Театра им. М. Горького три вечера еврейской народной песни дал заслуженный артист РСФСР Михаил Эпельбаум.

В июле – августе 1948 года прошли гастроли Одесского ГОСЕТа, руководимого заслуженным артистом Узбекской ССР Эфроимом Лойтером. Зрители увидели "Фрейлехс" в постановке И. Миндлина, музыка была написана народным артистом РСФСР Львом Пульвером; "Дер блутикер шпас" ("Кровавая шутка" Шолом-Алейхема); "Лехаим, Москва"; "Восставшие в гетто" Перца Маркиша; "А дорфеше хасенс"; "Стемпенюс либе"; "Фир хасенс".

В следующем году, в августе, гастроли ГОСЕТа УССР имени Шолом-Алейхема начались спектаклем "Блуждающие звезды" в постановке народного артиста Казахской ССР М.И. Гольдבלата, затем были показаны "Колдунья", музыкальная комедия "Изгоните беса", "Йоселе", а также состоялась премьера спектакля Губермана "Стоит жить".

К 1950-му году все еврейские театры страны закрыли. Ликвидированы еврейские газеты и журналы. Прошли аресты и казнены многие еврейские деятели культуры. В 1950-е годы с сольными еврейскими программами выступали Сиди Таль и Анна Гузик. В последующие годы еврейский язык на сцене перестал звучать. Некоторое оживление произошло в годы гласности и перестройки.

В 1980-е годы в Театре им. Т.Г. Шевченко режиссер Виталий Смян поставил "П'ять діамантів Тев'є-молочника" в инсценировке Г. Плотника. В роли Тевье был народный артист

Украины В. Шевченко, Нехаму играла заслуженная артистка Украины, ученица И.Я. Кобринского Алла Константиновна Пулина, играющая на сцене Театра им. Т.Г. Шевченко более полувека. В роли Цыли выступила Майя Стороженко, Хаву играла И. Броварник, Лайзер Волфа – К. Карпенко, Менахема-Мендла – В. Головченко.

В 1980–90-е годы в городе часто выступали Александр Розенбаум, Иосиф Кобзон, Аркадий Арканов, Роман Карцев, Геннадий Хазанов, Михаил Жванецкий. Театр Марка Захарова представлял спектакль Григория Горина "Поминальная молитва". В октябре 1997 года Александр Ширвиндт и Михаил Державин играли в другом спектакле Григория Горина "Счастливец и Несчастливец".

В 1990 году Днепропетровский областной еврейский центр "Культура и милосердие" при поддержке посольства Израиля в Москве организовал первые в области гастрологи израильских артистов. Эти были композитор и исполнительница своих песен Нурит Гирш и эстрадная певица Дорит Реувени. Концерты прошли с огромным успехом в помещении Дворца культуры им. Ильича. Нурит Гирш исполнила гимн Израиля вместе с ансамблем девочек "Цлилим", руководимым Н. Геер. Ансамбль был создан центром "Культура и милосердие". Этот же центр в 1990 году организовал первый еврейский концерт Александра Медведенко (Дов), прошедший в переполненном зале ДК МВД, впоследствии он не раз выступал в городе с концертами.

В конце 1990-х годов прошли концерты Игоря Губермана.

На днепропетровских подмостках еврейский язык зазвучал с начала 1990-х годов.

Глава 10. Годы войны (1941–1945)

Город фашисты оккупировали 25 августа 1941 года. А. Круглов в энциклопедическом справочнике "Катастрофа украинского еврейства 1941–1944 гг." сообщает, что месяц спустя в город прибыла оперативная команда № 6, которая за период с 28 сентября по 4 октября расстреляла 178 евреев. 2 октября комендант города генерал-майор Майнгольд объявил указ, в котором было сказано: "Достоверно установлено, что со времени занятия г. Днепропетровска немецкими войсками до сегодняшнего дня еврейским населением проводится грабёж в больших размерах. В целях наказания я приказываю следующее: еврейское население г. Днепропетровска облагается штрафом в размере 3 млн. марок (30 млн. рублей)". Деньги следовало вносить в банк по квитанции, выдаваемой на ул. Харьковской, № 3. Штраф можно было внести частями – 12, 20 октября и 1 ноября. И многие выполнили это требование. Но уже 13 октября штабная рота обер-группенфюрера СС Екельна при содействии

314-го полицейского батальона расстреляла 10 тысяч евреев. Еще 1 000 евреев были расстреляны с 5 по 25 октября оперативной командой № 6, оно же в ноябре казнила еще 156 евреев. [336]

Еще 19 октября днепропетровская фельдкомендатура № 240 составила отчет, в котором отмечается, что «Еврейский вопрос, поскольку речь идет только о городе Днепропетровск, можно считать решенным. К началу оккупации еще имелось 35 тысяч евреев. Мероприятиями СД было охвачено около 15 тысяч евреев, около 15 тысяч евреев бежало в связи с этими мероприятиями, а еще имеется остаток из 5 тысяч евреев». [337]

Александр Круглов приводит сведения о том, что истребление евреев на территории области начались уже в августе, когда в Кривом Роге оперативная команда № 6 (командир – штандартенфюрер СС д-р Крегер) расстреляла 105 евреев.

21 и 24 сентября в селах Катериновка и Калиновка оккупанты расстреляли 226 евреев. Тогда же, в сентябре, несколько сот человек было уничтожено в Криворожском, Сталиндорфском и Широковском районах. [338]

К началу ноября городская управа провела перепись населения города, евреев было зарегистрировано 7962 человека. Зимой большая их часть была расстреляна в противотанковом рву, тянувшемся от нынешнего парка Писаржевского до улицы Энергетической. Здесь было расстреляно около 6 тысяч, в 1943 году часть трупов сожгли. [339]

В марте 1942 года прошла перепись населения города. Зарегистрировали 228118 жителей, в том числе в Днепропетровске 178346 человек (из них евреев – 702) и в Амур-Нижнеднепровске – 49772 (в том числе 220 евреев). [340]

В июне этого года в городе еще проживало 377 евреев, всего жителей в городе было 151923 человека. Спустя год, в статической справке бюро горуправления, в графе «Численность евреев» стоял прочерк, в той же справке среди данных о смерти жителей за 1943 год – графа «Евреи» отсутствовала.

В конце 1941 – начале 1942 года расстрелы в городе проводила зондеркоманда СД «Плат» (командир – гаупштурмфюрер СС Плат). Более 900 евреев были помещены в рабочий лагерь на территории нынешней юридической академии на пр. Гагарина (ранее, еще с царских времен, здесь располагались военные казармы, называемые в городе федосеевскими). [341]

Всеми делами в городе заправляли полевой комендант города полковник фон Альберти, начальник полевой жандармерии Кок, штурмбанфюрер майор главной полиции СД фон Мульде, его первый заместитель Шпирбах, начальник фельд-жандармерии обер-лейтенант Крэсс и другие.

Была разрушена синагога на ул. Коцюбинского. В синагоге на ул. Дарвина № 32 за участие в антифашистском сопротивлении нацисты живьем сожгли Хайкель-Хаима Шевелевича Цымбурга, бывшего кузнеца, члена правления еврейской религиозной общиной, известного в городе своей благотворительной деятельностью.

В городе работали школы, институты, различные учреждения, промышленные предприятия. Председателем городской управы работал Соколовский, начальником полиции Солнцев. Выходила ежедневная "Дніпропетровська газета". Это издание было насыщено антиеврейскими материалами. Так, 16 ноября 1941 года напечатана статья "Советські жида", 26 ноября – "Геть жидівську владу Джугашвілі", 29 ноября появилась заметка об изгнании евреев из вузов. Некий Дм. Денисенко напечатал несколько антисемитских статей, в одной из них он писал: "Обов'язок кожного свідомого українця і усякого чесного громадянина повідомляти німецьким карним загонам СД або Військовому командуванню про всіх тих замаскованих жидів, які не носять нарукавних знаків ..."

В газете публиковались объявления и постановления властей. Так, почта сообщала, что письма от евреев и для евреев не принимаются. Объявления о приеме детей в детские сады предупреждало, что еврейские дети не принимаются. В сообщении о комендантском часе говорилось, что если этот час для всего населения установлен с 19.00, то для евреев с 16.00. Объявили запрет на прием евреев на работу, также запрещены смешанные браки с евреями. Запрещалось оказывать евреям медицинскую помощь.

Норма отпуска хлеба для евреев установлена намного ниже, чем для остальных жителей города. Все ограничения распространялись на потомков евреев до третьего колена.

Лагерь для военнопленных располагался в районе городской тюрьмы на ул. Рабочей, число заключенных в нем доходило до 40 тысяч. Другие лагеря находились на территории областной больницы им. Мечникова и на заводе им. Петровского. На ул. Чичерина, № 171 (сейчас здесь школа-интернат) проводились казни больных тюремной больницы. В Игрени на территории областной психиатрической больницы был концлагерь для военнопленных. Летом 1943 года было уничтожено более 1 300 человек. Больных убивали ядовитыми инъекциями. Часть больных зимой раздели догола и закрыли в неотапливаемом корпусе, все они погибли от холода. На заводе им. Ворошилова находился лагерь, в который направляли евреев скрывавших свою национальность. [342]

Перечислим населенные пункты Днепропетровщины, где были гетто, концлагеря для военнопленных и гражданских лиц. Данные приведены на основании публикаций А.Круглова и

"Довідника про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. 1941–1944". [343] (Здесь же приведены данные о погибших, не приходится говорить о том, что оккупанты в лагерях в первую очередь выявляли и уничтожали евреев и коммунистов):

Г. Апостолово. Здесь в 1942 году погибло 11 евреев.

С. Васильковка – районный центр. Из него почти все евреи эвакуировались. В 1942 году здесь расстреляли 2-х евреев.

Г. Верхнеднепровск. В 1939 году проживало 282 еврея. В 1941–1942 годах здесь было убито не менее 55 евреев. Располагался в городе и лагерь принудительного труда для евреев.

Г. Днепродзержинск, где в 1939 году проживало 4 900 евреев, оккупировали 24 августа 1941 года, оставшиеся в городе евреи – 285 человек – были уничтожены зимой 1941–1942 года. В бараках завода им. Дзержинского содержалось около одной тысячи заключенных – расстреляли 75 человек.

Г. Желтые Воды. В 1939 году проживало 35 евреев. В 1942 году был убит один еврей.

Криворожский район.

Г. Кривой Рог, где в 1939 году проживало 12 745 евреев (6,45% всех жителей города), оккупирован 14 августа 1941 года. Спустя несколько дней сюда прибыла оперативная команда № 6, которая расстреляла 105 евреев. В сентябре было расстреляно еще несколько десятков человек. В начале октября, после визита в Кривой Рог Гимmlера, отряд оперативной команды № 6 под руководством оберштурмфурера СС Кромберга расстрелял группу еврейских женщин. [344] Уже свирепствовавшей в Днепропетровске ротой Екельна при содействии 314-го полицейского батальона и украинской полиции в середине октября было расстреляно 4 тысячи евреев. Позже были выявлены и уничтожены еще несколько сот евреев. В Кривом Роге на ул. Ленина располагалась тюрьма, несколько лагерей было рядом с заводом "Криворожсталь". Около рудника им. К. Либкнехта в лагере для военнопленных и гражданских лиц содержалось до 22 тысяч человек.

Не успевшие эвакуироваться евреи села Новая Заря расстреляны до весны 1942 года.

Оставшиеся евреи сел Ново-Житомир и Трудовое расстреляны 30 мая 1942 года около села Златоустовка.

Криничанский район.

В совхозе "Прямой Путь" был концлагерь для военнопленных, здесь было казнено 14 человек. Гетто располагалось в селе Степановка.

Г. Марганец. В 1939 году здесь проживало 123 еврея, в 1941 году были расстреляны 10 евреев. В городе находилось два лагеря для военнопленных, в которых содержалось около 10 тысяч человек, из них 2 тысячи замучены.

Никопольский район.

Г. Никополь. В городе в 1939 году проживало 3 767 евреев, 27 сентября 1941 года 10-й полк мотопехотной бригады СС в районе Никополя расстрелял 5 евреев, 3 октября 1941 года подразделение полевой жандармерии 1-й бригады СС расстреляло 130 евреев, 5 октября еще 570 человек. 28 февраля 1942 года расстреляли 20 евреев из Каменки-Днепровской (Запорожская область). Последние евреи города расстреляны 25 марта 1942 года.

С. Войково (б. Войковдорф). Здесь перед войной проживало 218 евреев. В сентябре 1941 года расстреляно несколько десятков евреев.

С. Высокополь (б. Горенфельд). В 1939 году было 132 еврея. В 1942 году были убиты несколько евреев, также уничтожены все евреи с. Доброполье (б. Райхфельд), ныне входящего в село Высокополь. В Райфельде перед войной было 82 еврея.

С. Чкалово. В помещении бывшего детского сада находилась тюрьма для гражданских лиц, военнопленных и евреев. В августе 1941 года здесь расстреляно около тысячи евреев, а также коммунисты из соседнего села Лапинки. Здесь же устроили концлагерь для военнопленных, в котором находилось 500 человек, половина из них погибла от голода, 12 человек замучили.

Новомосковский район.

Г. Новомосковск. Город, в котором в 1939 году проживало 757 евреев, оккупирован 27 сентября 1941 года. В октябре провели регистрацию евреев, их заставили нашить на одежде Звезду Давида. В декабре расстреляли 136 человек, а 3 марта 1942 года еще 400.

В селе Новоселовка находился концлагерь для гражданского населения, в котором содержалось около 750 человек.

Лагерь для военнопленных был в селе Знаменовка. Из этого лагеря партизанами, базирующимися в новомосковских лесах, было освобождено 300 человек.

Г. Павлоград. Город, где в 1939 году проживало 2510 евреев, захватили 11 октября 1941 года. Зимой расстреляли несколько сот евреев. В ноябре 1941 года в Павлограде были расстреляны 670 польских евреев. В июне 1942 года ликвидировали еврейский рабочий лагерь, где погибло 2100 человек. В павлоградских хуторах на территории артиллерийского полигона и завода № 359 было размещено гетто, в котором содержалось

свыше одной тысячи человек и куда доставлялись евреи из других областей. В двух лагерях для военнопленных на территории завода № 55 находилось около 15 тысяч человек, из них расстреляли 3000. На территории завода Литмаш были уничтожены 670 польских евреев. [345]

Перещепинский район.

В селах Перещепино и Михайловка располагались концлагеря для военнопленных.

Петриковский район.

Концлагеря для гражданских лиц были в селах Петриковка и Червонопартизанское.

Г. Пятихатки. Здесь в 1939 году проживало 210 евреев. Весной 1942 года все евреи, оставшиеся в оккупации, были расстреляны. Около 150 евреев уничтожили на шахте "Желтая речка". По данным райвоенкомата г. Пятихатки в поселке Нерудсталь (5 км. южнее Пятихаток) в шахту фашисты сбросили 286 евреев.

Г. Синельниково. В 1939 году проживало 715 евреев. 13 мая 1942 года команда СД расстреляла около 200 евреев. В помещении больницы железнодорожников был лагерь для гражданского населения.

Поселок Соленое. 12 февраля 1942 года в Соленое согнали евреев из соседних сел и через 3 дня их расстреляли. Их было 49 человек (15 мужчин, 21 женщина и 13 детей).

Софиевский район.

С. Авдотьевка. В апреле 1942 года здесь был создан рабочий лагерь, сюда вывезли трудоспособных евреев из окрестных сел, в том числе из старой колонии Каменки. Заключенных выводили под охраной на строительство автодороги Днепропетровск – Кривой Рог.

С. Ботвино. В апреле 1942 года все трудоспособные евреи были вывезены в рабочий лагерь, а остальные расстреляны 30 мая 1942 года.

С. Вільне життя (б. Фрайлебен). Здесь в 1939 году проживало 203 еврея. В сентябре 1941 года расстреляны все оставшиеся в оккупации евреи – несколько десятков человек.

С. Жовтневоє (б. Сталиндорф). В 1939 году здесь проживало 748 евреев (47,67%). Во всем бывшем еврейском национальном районе было 7 312 евреев (22,18% всех жителей). Сталиндорф захвачен фашистами 16 августа 1941 года и, как уже отмечалось, переименован в Фризендорф. Начались расстрелы в сентябре. В октябре 1941 года в районе по немецким данным оставалось 2500 евреев – все они погибли, спаслись единицы.

С. Златоустовка. 30 мая 1942 года возле этого села были расстреляны все местные евреи, а также евреи из сел Излучистое, Каменское, Ново-Житомир, Трудовое.

С. Каменка. 29 апреля 1942 года трудоспособные евреи были отправлены в рабочий лагерь в с. Авдотьевка, а остальные расстреляны. В колонии уничтожено более 200 человек, угнано в немецкое рабство около 20 человек. Все хозяйство села разрушили.

В с. Екатериновка 21 сентября 1941 года расстреляны 92 еврея.

В с. Ленино в 1942 году убили 21 еврея.

С. Любимовка – здесь находилось гетто, в котором в декабре 1942-го – январе 1943 года было уничтожено свыше тысячи евреев. Находился здесь и лагерь для военнопленных.

В с. Ново-Витебск в 1941 году в гетто проживало 277 евреев, позже они были уничтожены. Существовал здесь и лагерь принудительного труда, заключенные которого работали на строительстве автодороги Днепропетровск – Кривой Рог.

Село Ново-Ковно оккупировано 18 августа 1941 года. За день до прихода фашистов, председатель колхоза Ф. Каршенбаум посадил на подводы большинство своих односельчан и они отправились вслед за отступающими советскими войсками. Фашисты расстреляли 60 оставшихся в селе евреев около с. Ново-Подольск. В Германию вывезли 150 колхозных коров, 50 свиней, 1300 штук птицы, 120 лошадей. Позже, при отступлении, фашисты разрушили 115 жилых домов, клуб, больницу, мельницу и другие колхозные строения.

С. Ново-Подольск. В 1942 году проживало 5 еврейских семей, все они были в мае этого года уничтожены вместе с евреями из Жовтневого, Ново-Витебска и Ново-Ковно. Всего около этого села погибло более 450 жителей бывшего еврейского национального района. В селе Поддубном в 1942 году было расстреляно 35 евреев.

Приведем выдержку из "Акта о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Сталиндорфском районе Днепропетровской области от 12 февраля 1944 года":

"...Личной проверкой, комиссией и опросами граждан установлено: 16 августа 1941 г. на участок "Д" ворвались гитлеровские оккупанты. С первых же дней они стали творить гнусные, кровавые злодеяния: зверски издевались над людьми, заставляли под конвоем выполнять непосильную работу, рыть окопы, строить дороги, за отказ от работы штрафовали, избивали, расстреливали. Работающим выдавали 100–150 г хлеба в сутки.

В апреле 1942 г. к конюшне села Марьевки согнали евреев с участка "Д" и эвакуированных из других районов. Затем всех их вывезли в с. Ново-Павловку, где были приготовлены заранее выкопанные ямы. Здесь началась кровавая расправа над беззащитными стариками, женщинами и подростками. Многих детей не расстреливали, а убивали, ударяя их головками о колеса подвод, а некоторых живыми бросали в ямы. Всего было умерщвлено более 450 чел., в их числе жители участка "Д": Спектор Хава с дочерью 2-х лет и сыном 5-ти лет, Токарский Неня 27 лет, его мать 72 лет, сын Шая 5 лет и две сестры, Бабаков Иосиф 45 лет, Допкин Арон 55 лет, Брехман Хава 17 лет и Юля 25 лет и их мать.

Фашисты и их пособники-прихвостни полностью разрушили хозяйство участка "Д". [346]

Всего по Сталиндорфскому району за время оккупации было уничтожено 3911 человек [347].

Широковский район.

В селе Ингулец, бывшем центре еврейского сельсовета, в сентябре 1941 года было расстреляно несколько евреев. 12 июля 1942 года фашисты расстреляли около 1400 евреев из Ингульца и соседних сел.

С. Калиновка. 21 сентября 1941 года было уничтожено несколько десятков евреев, не успевших эвакуироваться.

С. Трудолюбовка (б. Лекерт) было центром еврейского сельсовета с 1 067 жителями в 1931 году. В 1941–1942 годах все оставшиеся в оккупации евреи были уничтожены.

В поселке Широком, где в 1939 году проживало 325 евреев, осенью 1941 года и в середине 1942 года были убиты все евреи, находившиеся в гетто.

Новозлатопольский район немецкие войска оккупировали в первых числах октября и сразу же приступили к массовому уничтожению евреев. Было расстреляно еврейское население колхозов "Спецдор" Арбетгейского сельсовета, им. 8 Марта – 42 человека, "Ройтер поэр", им. К. Либкнехта – 8 семей, им. Орджоникидзе, с. Надежное – 63 человека, "Эмес", им. Горького С. Межеричи – 4 человека, "Октябрь" – 16 человек, "Червоный труд", Ротфельд – 51 человек, "Гофенунг" – 21 человек, им. Сталина, села им. Чкалова – 46 человек. Всего в районе погибло около 800 человек. [348]

Со 2 по 30 мая 1942 года проходила ликвидация еврейских поселений в Сталиндорфском, Софиевском и Криворожском районах области. Молодые евреи были помещены в рабочие лагеря. В общей сложности в эти дни было расстреляно около 3 тысяч евреев. [349]

Установить точное число погибших евреев в Днепропетровске и области практически невозможно из-за отсутствия списков расстрелянных. Следует также иметь в виду, что официальное подтверждение массовое уничтожение евреев получило только в конце 80-х годов. В "Истории городов и сел Украинской ССР (Днепропетровская область) , изданной в 1977 году, сказано: "Без предъявления каких-либо обвинений проводились массовые расстрелы советских граждан". И далее о том, что в Днепропетровске было уничтожено 11 тысяч "мирных советских граждан". В "Акте городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в г. Днепропетровске от 24 ноября 1943 года" говорилось о том, "что немецко-фашистские захватчики и их пособники с момента оккупации г. Днепропетровска ввели в городе систему массового истребления советских граждан. Планомерное истребление граждан г. Днепропетровска захватчики осуществили путем массовых расстрелов, отравлений, повешений, которые проводились без предъявления какого бы то ни было обвинения.

Помимо мирных советских граждан гитлеровцы истребили в городе десятки тысяч военнопленных бойцов и командиров Красной Армии, которые ежедневно сотнями погибали в лагерях, не вынося созданных там нечеловеческих условий содержания. Массовое истребление граждан Днепропетровска фашистские оккупанты начали в ночь с 12 на 13 октября 1941 г.

По указанию начальника СД майора Вильгельма фон Мульде, полевого командира полковника фон Альберти и городского коменданта майора кавалерии фон Гендельмана 11 000 мирных жителей города, в том числе стариков, женщин и детей, были собраны к главунивермагу по проспекту Карла Маркса с ценными вещами. У собранного населения фашистские оккупанты отобрали все вещи, затем граждан построили в колонны по 800-1000 чел. и под конвоем усиленной охраны направили к оврагу на территории лесопитомника против Транспортного института, где все они в течение 13 и 14 октября 1941 г. были расстреляны или же живыми брошены в овраг глубиной 13-20 метров. Произведенными раскопками в овраге комиссией установлено, что овраг наполовину заполнен сплошной массой разложившихся трупов стариков, детей, женщин и мужчин разных возрастов.

По заключению судебно-медицинских экспертов, давность пребывания трупов в земле определяется сроком около двух лет.

Жители поселка Транспортного института А.И. Сапегин, В.А. Забыло, В.П. Начинский – очевидцы кровавой трагедии у оврага – рассказывали, что 13 и 14 октября 1941 г. в холодную, ненастную погоду к оврагу группами подводили людей, которых расстреливали засевшие в кустах автоматчики и хаотически сбрасывали убитых и раненых в овраг, туда же, с 20-метровой высоты, озверевшие фашисты сбрасывали маленьких детей.

Душераздирающие крики и стоны истребляемых фашистскими варварами советских людей были далеко слышны. Их не в состоянии был заглушить шум специально работавших для этой цели тракторов и круживших над местом расстрела самолетов.

На основании свидетельских показаний, заключения судебно-медицинской экспертизы и произведенных раскопок комиссия считает установленным, что в овраге, находившемся в лесопитомнике у Транспортного института, фашистские варвары 13 и 14 октября 1941 года расстреляли, а также заживо закопали 11 000 человек.

Вторым местом систематического массового истребления советского населения на протяжении всего периода временной оккупации г. Днепропетровска является противотанковый ров. Ныне это угол улиц Янтарной и Энергетической.. Установлено, что в районе противотанкового рва гитлеровцы истребили от 17 до 20 тысяч человек, тела которых обнаружены комиссией.

Комиссией, по заявлению граждан, произведены раскопки во дворе школы № 9, расположенной в центре города по Мостовой улице в доме № 3, в результате которых обнаружено около 500 разложившихся человеческих трупов.

Не менее чудовищным злодеянием является истребление немецко-фашистскими оккупантами военнопленных бойцов и командиров Красной Армии, осуществленное ими в Днепропетровске.

Таким образом, Днепропетровская городская комиссия установила, что фашистские захватчики в период временной оккупации г. Днепропетровска истребили 29 000 мирных советских граждан и замучили 30 000 военнопленных бойцов и командиров Красной Армии".

Как видно из этого акта, здесь уже идет речь о 29 тысячах "мирных советских граждан", и ни слова о том, что это были евреи.

В документе "О зверствах и злодеяниях, проводимых германскими оккупационными властями над мирными советскими гражданами г. Днепропетровска", составленном в ноябре 1943 года начальником управления НКВД по Днепропетровской области подполковником госбезопасности Седовым, прямо говорится о евреях: "...Город Днепропетровск являлся одним из крупных политико-административных центров разведывательных и карательных органов немецко-оккупационных властей. Главное руководство карательными органами в городе Днепропетровске осуществлял СС-полицейский фюрер генерал-майор полиции Бассовиц. Основным помощником в осуществлении гнусных преступлений являлось гестапо и СД, руководителем которого был штурмбанфюрер майор Мильде и его заместитель капитан Горн.

От последних исходили все приказы по истреблению мирных советских граждан и насильственный вывоз их на каторжные работы в Германию.

Осуществление приказов вышеуказанных карательных органов проводилось через шутцполицию, руководителем которой являлся командир оберлейтенант Мартин, его заместитель майор Штурм...

13 октября 1941 г. по приказу гестапо в г. Днепропетровске, на проспекте Карла Маркса под угрозой расстрела было собрано 10–12 тыс. евреев, которых гитлеровцы, отобрав у них все ценные вещи и выстроив в ряд по 8 чел., колоннами под усиленной охраной головорезов СД погнали в направлении Транспортного института. Возле него в овраге все были расстреляны. Среди расстрелянных находились старики, женщины и дети.

Гитлеровские мерзавцы вырывали из рук отцов и матерей грудных детей, которых в присутствии родителей бросали в овраг и живыми забрасывали землей.

Расстрелы лиц еврейской национальности продолжались с 5 часов 14 октября до 17 часов 15 октября 1941 г.

С целью сокрытия своих злодеяний фашистские изверги, наполнив овраг трупами и засыпав сверху землей, на этом месте произвели посадку деревьев.

Систематически лиц, обреченных на смерть, фашисты приводили к зданию Транспортного института группами по 400 чел., разбивали на подгруппы по 100 чел., после чего подводили к обрыву и расстреливали.

Руководителем специального батальона при СД являлся оберфюрер Зис. В задание батальона при СД входили: охрана военнопленных и заключенных, этапирование их в концлагеря, конвоирование советских граждан, приговоренных к расстрелу, а также охрана их немецкой жандармерией во время расстрелов.

Из показаний бывшего начальника розыска 11-го отделения полиции Пашкова установлено, что батальон при СД формировался не только из немцев, но и их пособников – украинцев, русских, калмыков, узбеков, таджиков, казахов и др."

В другом документе, хранящемся в областном архиве, утверждается, что во время оккупации города было расстреляно 17 тысяч евреев. [350]

А. Круглов приводит хронику гибели днепропетровских евреев в 1941 году: Август – 200 человек, сентябрь – 300, октябрь 16500, ноябрь – 2000, декабрь – 5000. Всего 24000 человек. [351]

А. Круглов считает, что в области, где в 1939 году проживало 129 439 евреев, погибло 35000 евреев. [352]

Приведем еще выдержку из протокола допроса И.П. Шкляра, работавшего пожарным во время оккупации города. [353] Допрос проходил 5 ноября 1943 года:

"Вопрос: Скажите, что вам известно о чинимых зверствах немцев над советскими гражданами города Днепропетровска?

Ответ: Ужасная расправа над еврейским населением произошла при следующих обстоятельствах. 12 октября 1941 года, когда я находился на дежурстве в городской пожарной команде №2, которая находится по улице Исполкомовская, № 1, к нам в учреждение в шесть часов вечера прибыл голова горуправы Соколовский, вместе с ним начальник горполиции Солнцев, начальник второго района полиции (фамилию не знаю), профессор Станкевич, три немецких офицера, гестаповцы (определил по их форме) и примерно около десяти человек полицейских (по фамилиям не знаю ни одного). После сбора всех указанных, а также десяти человек пожарников: Кашев, Булыга, Дьячук, Швайбович, Черненко и я, Шкляр, остальные четыре фамилии забыл, Соколовский открыл инструктивное совещание, на котором заявил, что в ночь с 12 на 13 октября 1941 года по городу Днепропетровску будет проводиться сбор всего оставшегося еврейского населения в определенное место, откуда их организованным порядком направят в отведенное место для постоянного жительства и работы, поэтому все собравшиеся должны оказать помощь немецким властям в проведении этой работы. Наряду с этим Соколовский на этом же совещании дал инструктаж о порядке выполнения порученной работы, который сводился к тому, что каждый из участников должен получить удостоверение у начальника полиции Солнцева, распределиться по два человека, получить также у начальника полиции списки с адресами проживания еврейских семей и к семи часам вечера 12 октября 1941 года приступить к выполнению порученной работы, причем к шести часам утра 13 октября 1941 года эта работа должна быть закончена. На этом Соколовский совещание закончил и совместно с офицерами ушел из команды, а все остальные, за исключением меня, Шкляра, Дьячука, Булыги и других двух человек (остались в команде нести службу) пошли выполнять работу, порученную Соколовским.

Утром 13 октября 1941 года все еврейское население города было собрано на площади за магазином "Универмаг", это находится по проспекту Карла Маркса, где у них немцы-гестаповцы начали производить обыск, во время которого забирали себе все ценности, находившиеся при них, как-то: часы, золотые вещи – кольца, браслеты, портсигары, а также хорошую одежду, после чего построили в колонну по четыре человека, в общей сложности примерно около пяти тысяч человек, обставили вооруженной охраной и погнали по улице

Карла Либкнехта в направлении Транспортного института. Следует отметить, что в числе общей колонны были женщины и девушки, старики, мужчины и дети различного возраста вплоть до грудного ребенка.

14 октября 1941 года я совместно с другими пожарными в количестве восьми человек были вызваны в горуправу Соколовским, который на крытой автомашине отправил нас во главе с одним немцем-гестаповцем к оврагам Транспортного института, где по приезде я увидел ужасающее зрелище, а именно: в овраге находились горы беспорядочно лежащих трупов. Немцы-гестаповцы еще 14 октября 1941 года примерно до двух часов дня продолжали расстреливать оставшееся еврейское население. Я собственными глазами видел, что расстрелы продолжались следующим порядком: к моему приезду недалеко от оврага, примерно в ста метрах, находилась группа еврейского населения численностью до одной тысячи человек, к ним подходили группы немцев-палачей, всего их было две – по пятнадцать головорезов в каждой группе, вооруженные немецкими автоматами, из общей колонны обреченных на смерть брали по пятнадцать-двадцать человек и вели к оврагу. Тех, кто сопротивлялся, избивали и тащили к оврагу. Как только подводили к оврагу, всех выстраивали в шеренгу и, отойдя назад примерно на четыре метра, стреляли из автомата в спину. Убитые падали в овраг, после чего немцы-палачи подходили к оврагу и выстрелами из автоматов добивали тех, кто продолжал шевелиться. Такую дикую расправу пьяные немцы проводили до тех пор, пока в колонне не осталось ни одного человека, а затем нам предложили засыпать трупы землей. До вечера 14 октября 1941 года мы в количестве 20 человек присыпали только половину трупов, вторую половину засыпали в последующие дни.

Следует рассказать, что за время зверской расправы я лично видел около пятидесяти женщин, на руках у которых были маленькие дети, во время всего расстрела раздавались нечеловеческие крики и истерики, причем всех, кто сомлел и не мог идти, немцы-гестаповцы брали за руки и тащили по земле к оврагу, где в бессознательном состоянии расстреливали. Закапывание трупов, в основном, производили все полицейские, все оставшиеся вещи частично сбрасывали в овраг, а большей частью забирали себе. Вокруг всего оврага стояла вооруженная охрана из мажар, которые никого не подпускали к оврагу из числа случайных прохожих граждан..."

Буквально из-под расстрела ушла Берта Зиновьевна Бушуева – родная сестра моей матери Анны Зиновьевны Смертенко. Вечером 12 октября группу евреев, жильцов дома, где они жили, вел домоуправ к Центральному универмагу. На руках она несла сына, моего двоюродного брата – Юру. Ее муж, Евгений Степанович, шел рядом с чемоданом в руках.

Около ул. Барикадной их застал дождь со снегом, от которого они спрятались в телефонной будке. В этот момент на проспекте погас свет, было темно, вдалеке раздались выстрелы, им стало жутко и они решили к месту сбора не идти. Не откликаясь на выкрики искавшего их домоуправа, они поднялись вверх по проспекту и спрятались во дворе университета, потом перешли в мастерские строительного института. На следующий день они узнали о трагедии в Ботаническом саду. Прятались, знакомая армянка дала Берте Зиновьевне свой персидский паспорт, оставив себе советский. Вскоре они ушли из города. Зимовали в каком-то селе, где стояла немецкая часть. По вечерам к ним приходил пожилой немецкий солдат, который играл с Юрой. Однажды Берта Зиновьевна на улице встретила знакомую из Днепропетровска, та сделала вид, что не узнала ее. Это их встревожило, а вечером пришел солдат и сказал, что им надо немедленно уходить. Усадив маленького сына на санки, они пошли в сторону фронта и перешли его. Узнали наш адрес и приехали к нам на Урал в г. Серов, где мама заведовала детским домом. Наша семья эвакуировалась из Днепропетровска в одном из последних эшелонов завода "Красный Профинтерн". Взял нас с собой директор завода П.И. Любимов-Либин, поставив будку-теплушку на открытую платформу с оборудованием.

Павел Иосифович Любимов-Либин (1904, Херсон – 1974, Днепропетровск) в 13 лет начал работать, в 20 лет вступил в коммунистическую партию, был делегатом III Всеукраинского съезда комсомола. В 1923 году направлен на рабфак Екатеринославского горного института, в котором учился в 1926–1930 годах. С 1930 по 1934 год работал на заводе им. Петровского. С 1937 года Павел Иосифович – директор завода "Красный Профинтерн". В 1941 году эвакуировал завод в г. Ревду (Урал). В Днепропетровск вернулся в 1948 году. Работал на Автозаводе начальником термического цеха, потом на заводе им. Петровского. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и пятью медалями.

Тысячи днепропетровских евреев сражались на фронтах и в тылу врага.

В июле 1941 года около 3000 студентов днепропетровских вузов призвали в армию. Многие из них отправили на краткосрочные курсы расположенного в городе артиллерийского училища. Вместе с отступавшими советскими войсками город обороняли и курсанты этого училища. Из 800 курсантов в живых осталось 64 человека. Памятник погибшим курсантам установлен в районе завода железобетонных изделий на левом берегу Днепра. В парке им Шевченко около Дворца студентов стоит монумент "Скорбящая" посвященный студентам города погибшим в Великую Отечественную войну.

В Днепропетровске изданы «Книги памяти воинов-евреев и жертв Холокоста Днепропетровска». Первая вышла в 1999 году,

последняя – четвертая, в 2004. [354]

«Книги памяти» содержат сведения о 7687 погибших воинах, приведены данные о 3366 лицах, ушедших из жизни в послевоенные годы. Названы имена 3469 человек сгоревших в огне Холокоста. Рассказано о 1379 ветеранах войны. Упомянуты 170 участников обороны и освобождения Днепропетровска. Приведены имена 31 Праведников народов мира, города и области, названы 30 Праведников Украины. Всего даны сведения о 16000 человек.

Эта огромная работа выполнена Советом Днепропетровской городской организации евреев-инвалидов Великой Отечественной войны и участников боевых действий.

Книги подготовлены коллективом, возглавляемым главным редактором Савелием Борисовичем Бассом, кандидатом экономических наук, доцентом. Войну он встретил под Равой-Русской, а закончил ее в Китае. Участвовал в боях под Тулой, его Т-34 был в танковой битве на Курской дуге, форсировал Днепр у Мишурина Рога, освобождал Днепропетровщину. Участвовал в Корсунь-Шевченковской и Яско-Кишиневской операциях. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. Демобилизовался в 1972 году в звании подполковника. Защитил кандидатскую диссертацию, автор около 70 научных работ, 17 лет преподавал в вузах Днепропетровска, работал в Институте экономики промышленности АН Украины. [355]

В редакционной коллегии над изданием книги активно работали: С. Барн, И. Богинский, А. Кирш, Н. Копельян, И. Лемберикман, С. Мушкин, А. Школьников, И. Кацнельсон, С. Флак, А. Гусин, Е. Симановский, Р. Никольская, С. Фридман.

Большую помощь в подготовке и издании книг оказали: еврейская религиозная община города во главе с р. Ш. Каминецким, Джойнт и директор его программ по Днепропетровскому региону М. Лепкивкер, БФ "Хесед Менахем", агенство "Сохнут", НПЦ "Ткума" и ряд организаций города. Изяслав Семенович Лемберикман родился в 1925 году в г. Павлограде. В сентябре 1942 года после окончания девятого класса в связи с разработкой им конструкции ручного пулемета был принят на факультет вооружения Московского авиаинститута. В марте 1943-го, отказавшись от брони военного института, пошел в армию и направлен на учебу в Рязанское артиллерийское училище корпусной артиллерии. До лета 1944 года воевал, будучи командиром огневого взвода. Демобилизован в связи с болезнью в августе 1944 года. В 1945–1950 годах учился в Днепропетровском металлургическом институте. С 1949 по 1992 год работал в проектно-институте "Укрспромез", прошел все ступени карьеры проектировщика – от техника до главного инженера проекта металлургического комбината

"Криворожсталь". В 1992–1994 годах работал советником генеральной дирекции этого комбината. Среди его наград – два ордена "Знак Почета", много медалей. Инженерная деятельность отмечена тремя медалями ВДНХ и знаком "Почетный изобретатель".

Александр Аркадьевич Кирш был призван в армию в 1939 году. После окончания артиллерийского училища в Перми лейтенанта А. Кирша направили на Воронежский фронт. Участвовал в боях в районе родного Харькова, в освобождении Кременчуга, Киева. Сражался в Польше. За подвиги на Сандомирском плацдарме получил орден Александра Невского. Войну закончил в Дрездене. Сейчас полковник Кирш – заместитель председателя Днепропетровского совета евреев-ветеранов войны.[356]

С первых дней войны в действующей армии выпускник мединститута Натан Менделевич Копельян. Сначала батальонный врач стрелковых, а затем воздушно-десантных соединений. В октябре 1942 года капитан Н.Копельян сделал первые прыжки с парашютом в тылу врага. В 1943 году майор Копельян был назначен начальником медико-санитарной службы дивизии. Участвовал в освобождении Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии. Более тридцати лет прослужил в Вооруженных силах подполковник медицинкой службы Н. Копельян. Один из первых в Чернобыле оказывал помощь пострадавшим, принимал решения о госпитализации и лечении взрослых и детей. Подвергся облучению и сам. После выхода в отставку он два года возглавлял Совет евреев-инвалидов и участников боевых действий "Хесед Менахем". Один из инициаторов создания "Книг памяти воинов- евреев".[357]

Член редколлегии "Книг памяти воинов-евреев Днепропетровска" Суламифь Эльхановна Барн воевала с мая 1942 года на Брянском, Прибалтийском, Украинском и Белорусском фронтах. Старший сержант, майор авиавооружений. Войну окончила 9 мая 1945 года. В мирное время работала начальником планового отдела Облкоммунуправления. Среди ее наград: орден Отечественной войны II степени, 19 медалей, в том числе "За боевые заслуги".[358]

Илья Абрамович Богинский родился в феврале 1924 года в Донецкой области. В июне 1941 года окончил среднюю школу в г. Дружковке, эвакуировался в г. Орск Оренбургской области. Родители и сестра не смогли выехать и были расстреляны фашистами. В Орске окончил курсы плановиков и с апреля 1942 года работал инспектором ЦСУ Госплана СССР. В июне этого года призван в Красную Армию и направлен в Грозненское военное училище. Курсанты училища в составе гвардейской бригады резерва Главного командования действовали в районе станицы Терек. 30 октября 1942 года Илья был тяжело ранен в бою возле станции Ищерская. После госпиталя он снова в строю. Прошел с

боями Северный Кавказ, Украину, Румынию, Венгрию, Чехословакию. В июне 1945 года его дивизия была направлена на Дальний Восток. На Забайкальском фронте участвовал в боях с японцами. Демобилизован по трем ранениям в сентябре 1945 года. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и 21 медалью. С ноября 1945 по август 1949 года был на комсомольской работе и одновременно учился на заочном факультете Киевского педагогического института. В 1949 году назначен директором школы, с 1954 по 1959 год заведовал районо в Днепропетровском районе. Потом, до 1989 года, занимал руководящие должности в системе народного образования, затем до 1997 года преподавал историю и обществоведение в школе № 12 г. Днепропетровска. Награжден почетными знаками "Отличник просвещения СССР" и "Відмінник народної освіти України".

После войны его статьи на педагогические темы постоянно появлялись в "Учительской газете", "Радянській освіті", "Правде Украины", "Молоді України". С 1960 года постоянно печатался в "Правде", "Известиях" и других изданиях. Статья в "Правде" – "Не шефство – содружество" – обсуждалась на бюро ЦК КП Украины и коллегии Министерства образования Украины.

Семен Вениаминович Мушкин был в боях с 1944 года, окончил войну в Берлине. Работал врачом-рентгенологом. Среди его наград: два ордена Отечественной войны II степени, Красная Звезда и 15 медалей.[359]

Соломон Киселович Флакс участвовал в боях с 1944 года. Работал научным сотрудником ДИНТЭМ. Награжден семью медалями.[360]

Семен Семенович Фридман был сыном полка. С 1942 по 1944 год участвовал в боях. Награжден пятью медалями. [361]

На фронтах сражались видные военачальники родом из нашего города [362]:

Григорий Моисеевич Зусманович (1889, Екатеринослав – 1944, Освенцим) – генерал-майор, начальник тыла 2-й армии Юго-Западного фронта, в 1942 году под Харьковом попал в плен. В годы революции был одним из организаторов Красной Армии в Павлограде, в 1918 году комиссар Продармии, потом был военкомом ряда губерний Украины.

Даниил Гилелевич Шиндель (1918, Екатеринослав – 1977, Ленинград) воевал на флоте, контр-адмирал. Контр-адмиралом был Анатолий Александрович Галицкий (1912, Екатеринослав – 1984). Награжден 4 орденами.

В еврейской колонии Надежной Екатеринославской губернии родился Владимир Константинович (Вольф Колманович) Коновалов (1911 – 1967, Ленинград), контрадмирал, Герой Советского Союза. В 1943 – 1945 годах – командир подводной

лодки Балтийского флота. Потопил 9 кораблей противника. Установил своеобразный мировой рекорд, потопив в 1945 году немецкий транспорт с 8 тысячами солдат. В 60-е годы работал заместителем начальника штаба Северного флота. Награжден 8 орденами.

Генерал-майор инженерно-артиллерийской службы Анатолий Иосифович Бровальский (1897, Екатеринослав – 1985, Москва) в годы войны - начальник управления зенитной артиллерией Главного артиллерийского управления Советской Армии. Участвовал в гражданской войне. Награжден 6 орденами.

Генерал-лейтенант инженерно-технической службы Яков Львович Бибилов (1902, Екатеринослав – 1976, Москва) награжден 7 орденами. В послевоенные годы – начальник НИИ Военно-Воздушных Сил СССР, потом возглавил кафедру в Военно-Воздушной академии.

Генерал-лейтенант интендантской службы Ефим Ильич Гольдберг родился в Екатеринославе в 1910 году. В 1968–1986 годах был начальником главного торгового управления Министерства обороны СССР.

Родился в Екатеринославе инженер полковой авиации Ефим Давидович Гохберг, впоследствии активный деятель еврейского национального движения, один из создателей Московского еврейского культурно-просветительского общества.

Генерал-майором медицинской службы был Владимир Данилович Бершадский.

Генерал-лейтенант Михаил Вельвович Гуревич (1900, Екатеринослав – 1956) участвовал в Гражданской войне, в годы Великой Отечественной войны - начальник управления вооружений и боеприпасов Главного управления Красной Армии, начальник НИИ авиавооружения. Среди его наград – ордена Ленина, Суворова, Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени. В 1952 году его репрессировали. Реабилитирован посмертно.

Днепропетровщина дала родине многих Героев Советского Союза, среди них участник форсирования Днепра, разведчик Лев Абрамович Гитман, Юрий Моисеевич Темкин, Мордух Пинхусович Кравец, Владимир Самойлович Левитан, Эммануил Давидович Готлиб, Ефим Ильич Стерин, выпускник Днепропетровского еврейского машиностроительного техникума Моисей Давидович Шахнович, Николай Израилевич Брозгаль.[363]

В Артиллерийском училище краткосрочные курсы прошел Ефим Ильич Стерин. Звание Героя Советского Союза он получил за подвиг, проявленный при форсировании Днепра у с. Шульговка Царичанского района. 13 марта 1944 Е.И.Стерин погиб в бою в Кировоградской области. [364]

Студент транспортного института Исаак Федорович Ваксман в 1943 году погиб при форсировании Днепра, а в феврале 1944 года ему посмертно о присвоили звание Героя Советского Союза. Такое же звание получил студент металлургического института Мордех Пинхусович Кравец за подвиг при освобождении Фастова, где он был тяжело ранен. [365]

Леонид Афанасьевич Бердичевский, сын еврейского писателя, жил в Днепропетровске с 1927 года. После окончания Харьковского бронетанкового училища участвовал в войне с Финляндией. Погиб в боях при освобождении Прибалтики от фашистов и 24 марта 1945 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. [366]

За подвиги, совершенные при форсировании Днепра и освобождении Днепропетровщины, звание Героя Советского Союза получили 564 человека, из них евреев - 9. [367] Кроме уже упоминавшегося Ефима Ильича Стерина, это были: Семен Шоломонович Гуревич, Гирш Хацкелевич Юдашкин, Ефим Израилевич Златин, Евгений Абрамович Бирбраер, Григорий Борисович Дерновский, Вольф Беркович Хацкевич, Вениамин Абрамович Рувинский, Пинхус Григорьевич Турьян.

В Великую Отечественную войну 12 солдат-евреев стали полными кавалерами ордена Славы. Один из них жил и работал в Днепропетровске – это Давид Маркович Сидлер, уроженец Тульчина. Он с 1929 года жил в нашем городе. На фронте был артиллеристом, первый орден Славы III степени получил в сентябре 1944 года, Славу II степени – в боях на р. Висла в январе 1945 года, а Золотую Славу I степени заслужил за отвагу, проявленную на берегах Одера. [368]

Лев Давидович Глобус призван в армию из Днепропетровска в 1940 году. Был сапером, устанавливал минные заграждения на путях наступавшего врага. Участвовал в Сталинградской битве. В 1943 году при освобождении Украины он был награжден орденом Славы III степени. В дни штурма Севастополя вел инженерную разведку и разминирование окрестностей города. Приказом генерала Я.Г. Крейзера сапер Л. Глобус получил орден Славы II степени. Маршал Ф.И. Толбухин в апреле 1945 года наградил Льва Давидовича орденом Славы I степени за подвиг при освобождении Венгрии. Вручить его не успели – Лев Давидович Глобус погиб в бою за Будапешт. [369]

В Днепропетровской области в начале войны организовали две школы по обучению будущих партизан и подпольщиков минно-взрывному делу. Всего для подпольной работы оставили около 3000 человек. Во время оккупации города, зимой 1941 года, подпольщики взорвали склад боеприпасов на ул. Лагерной (пр. Гагарина), на Нижнеднепровском узле уничтожили склад нефтепродуктов. Летом 1942 года фашисты ликвидировали подпольную организацию.

В области существовало много партизанских отрядов. Одним из первых, кто начал боевые действия, был отряд В. Шахновича. Вениамин Александрович Шахнович работал заведующим горфинотделом, член горкома партии и президиума горсовета. Комиссаром отряда назначили Павла Соломоновича Вишняцкого – доцента Транспортного института. Ева Борисовна Галинкина – студентка IV курса физико-математического факультета университета была переводчиком. Радистами работали Гриша Лейберг, Яков Цыганенко и Шулименко Товс Моисеевич. Сражались в отряде Фишель Григорьевич Могилевкин, Борис Яковлевич Розенштейн, Петр Исаакович Трактовенко и Илья Ефимович Ветров (Шпиц), позже написавший книгу "В лесах под Новомосковском". Отряд создали в начале августа 1941 года и две недели проходил подготовку в составе 6-й армии. Уже в сентябре отряд принял участие в боях. Подорвали два немецких военных эшелона на линии Днепропетровск-Красноград, перерезали кабель связи областного центра с Павлоградом. Совершили нападение на военную базу в с. Вольное. Отряд участвовал в освобождении 300 военнопленных из концлагеря в Новомосковском районе. В декабре Галинкиной и двум бойцам было поручено взорвать мост в районе Булаховки. Когда фашисты обнаружили и окружили их, Е. Галинкина взорвала себя и гитлеровцев. Против партизан в новомосковские леса немцы направили два полка охранной дивизии СС и полицейских. 24 декабря 1941 года в лесу завязались бои, продолжавшиеся 10 суток. Геройски погибли В. Шахнович, П. Вишняцкий и почти все бойцы отряда, в котором было 19 человек, из них девять евреев. [370]

После разгрома отряда И. Ветров перешел линию фронта и воевал в составе войск Советской Армии.

В партизанском отряде Бабича, действовавшем в Васильковском районе, состоял Исаак Моисеевич Браславский, расстрелянный фашистами осенью 1943 года.

На подпольной работе в области был Хаим Янкелевич Зейгман, студент химико-технологического института. Будучи в армии, попал в окружение. Вернулся домой в Широковский район, выкрал печатный шрифт – печатал антифашистские листовки, изготовил фиктивные немецкие печати и снабжал советских людей документами, освобождающими их от угона в Германию. В мае 1942 года вместе с товарищами шел к партизанам в Корсунский лес. По дороге попали в полицейскую засаду, был ранен в ногу, арестован и отправлен в больницу, где ему ампутировали ногу. Имел фальшивые документы на имя Михаила Руденко. Он вернулся в село, где вновь начал агитационную работу. В 1966 году постановлением Днепропетровского обкома КП Украины Х.Я.Зейгмана наградили медалью "За боевые заслуги". [371]

Одного из организаторов подполья в Днепропетровске и членом боевой организации, возглавляемой Ю. Савченко, Бориса Александровича Сондака, фашисты казнили в январе 1943 года. [372]

Активным членом криворожской подпольно-партизанской группы Федора Петриченко была Анна Моисеевна Полищук-Ройзина. Ей удалось выкрасть у фашистов оружие; снабжала продуктами спрятавшихся солдат и офицеров, бежавших из плена; перешла линию фронта и сообщила командованию о дислокации германских войск. [373]

В партизанских отрядах сражались Анна Григорьевна Кавалерчик и Роза Наумовна Месежникова.

26 декабря 1942 года высший фюрер СС и полиции в «рейсхкомиссариате Украина» обергруппенфюрер СС Прютцман доложил Гимлеру, что как «пособники партизан были казнены 363211 евреев». [374]

Город освободили 25 октября 1943 года. Практически все его население немецкие власти эвакуировали на Запад. На митинг, посвященный освобождению города и состоявшийся 29 октября, пришли все оставшиеся его жители – около 2000 человек.

В город стали возвращаться жители. Сразу же начался сбор пожертвований на памятник евреям, погибшим от рук фашистов. Были установлены памятные щиты на местах массовых расстрелов – в Ботаническом саду и в поселке Верхний. На щите в Ботаническом саду выполнили надпись на идиш и русском: "Здесь убиты и зверски замучены тысячи евреев: мужчин, женщин, детей и родителей, погибших от рук фашистских убийц (всего 11 тысяч). Спите спокойно на Вашем месте. Да будет Вам легкой земля. Мы отомстим фашистским разбойникам за пролитую кровь – такова наша клятва".

Спустя время эти щиты исчезли. В поселке Верхний установили памятник без упоминания о евреях. В Ботаническом саду история с памятником закончится только в 2001 году. Сначала щит был заменен обелиском из красного гранита с надписью на двух языках (идиш и русском). Над памятником не раз совершались акты вандализма, затем в связи со строительством университетского комплекса он и вовсе был снесен. Позже установили новый памятник, на котором опять-таки не были упомянуты евреи, да и место установки не соответствовало месту казни. В 70-е годы место расстрела было превращено в свалку. Со временем был наведен порядок, и уже много лет каждую осень здесь проходят траурные митинги.

14 октября 2001 года в день 60-летия расстрела днепропетровских евреев здесь открыли новый памятник, установленный на подлинном месте гибели наших земляков. На многолюдном митинге присутствовал мэр нашего города Иван

Куличенко, главный раввин города и области Шмуэль Каминецкий, глава проекта «Еврейское самосознание» в странах СНГ Герда Фойерштайн, руководитель «Битуах Леуми» Южного округа Израиля Моше Пелед, директор Днепропетровского израильского культурного центра Шимон Найман и представители еврейских организаций и учебных заведений города. После митинга его участники прошли обратный путь по дороге смерти, уже от Ботанического сада к Центральному универмагу, на здании которого была открыта мемориальная доска, отмечающая место сбора евреев в октябре 1941 года. Памятник-мацейва и мемориальная доска созданы по эскизам и моделям Аркадия Шмиста.

Глава 11. 1945 – 1991 годы

В освобожденном городе мирная жизнь налаживалась трудно. Не хватало жилья, продовольствия, тем не менее, немедленно началось восстановление промышленности города. Многие возвращающиеся евреи встретились с трудностями. Квартиры и дома, ранее принадлежавшие им, часто были заняты. Возникали трудности с устройством на прежние должности. Часто проявлялся антисемитизм. К историческому антисемитизму добавилась фашистская пропаганда. В это время появилось выражения: "Недорезанный жид", "воевали на Ташкентском фронте" и т.п.

Об одном из фактов проявления антисемитизма сообщалось в специальном донесении Наркомата ГБ УССР в ЦК КП(б)У о том, что в Днепропетровске: "25 августа 1944 года по решению прокурора производилось вселение в одну из квартир дома №29 по Исполкомовской улице – Петелевича Юзефа Марковича. В этой квартире проживала Орлова П.Т., оказавшая сопротивление, на ее крики собралась толпа численностью до 200 человек, посыпались выкрики: "Бей жидов, спасай Россию", "Смерть жидам", "37 тысяч жидов перерезали, а остальных мы добьем" и т.д. Была взломана соседями квартира, куда ворвалась группа лиц, танцующая и выкрикивая антисемитские лозунги, начали ломать мебель. Принятыми мерами толпа была рассеяна, арестованы трое зачинщиков". [361]

В июне 1945 года секретарь Днепропетровского обкома КП (б)У П. Найденов сообщал в ЦК КП (б)У о настроениях среди рабочих: "Работница цеха №5 завода им. Ворошилова, город Днепропетровск, распространяла среди рабочих цеха вымышленные слухи о том, что, якобы, агитатор цеха Зубкова проводила беседу среди рабочих и рассказывала о том, что "товарища Сталина с работы сняли, вместо него назначили товарища Жукова, что всех украинцев переселят на Украину, русских – в Россию, евреев выселят в Палестину, а правительство

будет у нас американское, колхозов не будет, землю раздадут нуждающимся". [362]

22 августа 1945 года начальник Днепропетровского управления НКГБ Сурков в своем спецсообщении секретарю ЦК КП (б)У Д. Коротченко писал о распространенных провокационных слухах в области и городе. В частности в Днепропетровске арестовали А. Павлова, который 29 июля на Озерном рынке города собрал вокруг себя группу людей до 150 человек, выкрикивал антисоветские лозунги, призывал присутствующих к еврейскому погрому и свержению Советской власти. Он после ареста направлен в психиатрическую клинику на исследование. [363]

В одном из отчетов, составленном в 1945 году, уполномоченный по делам религиозных культов в Днепропетровской области Павлов сообщал, что "особую энергию проявляют верующие евреи в вопросе открытия синагог. В нашей области еще ни одна синагога не открыта... верующие иудейского вероисповедания еще не имеют ни одного открытого молитвенного здания, но, судя по настойчивости, с которой они этого добиваются, по проектам организации похорон евреев, устройства кладбищ, памятников расстрелянным фашистами, организации поминальных дней – нельзя сказать, чтобы здесь религиозные настроения шли на убыль. А часть вопросов из религиозных перерастают у них в национальные еврейские... Представители верующих евреев г. Днепропетровска являются еженедельно, а иногда и по несколько раз в неделю". [364]

В другом отчете было отмечено, что из прежних 10 зданий синагог под детские учреждения выделено – 3, остальные 7 – отданы под хозяйственные нужды города. [365]

Религиозная еврейская община была зарегистрирована 30 декабря 1946 года. В состав первого послевоенного правления вошли: С.С. Симоновский, М.Б. Портянский, Б.М. Шульман, Я.Ш. Розин, Ш.И. Вольфсон. Ревизионная комиссия общины состояла из Н.Д. Финкельберга, Х.Б. Аронова, А.А. Корсунского. [366]

Уже работали вузы города, газеты сообщали о вузовских научных конференциях. На такой конференции в госуниверситете выступали И.И. Танатар, И.Е. Огиевецкий, Н.С. Шрейдер, М.И. Шухман, А.З. Смертенко и другие. В научной конференции Мединститута приняли участие М.М. Тростанецкий, З.И. Моргенштейн, И.С. Мильман. В феврале 1945 года кандидатом в члены-корреспонденты АН УССР выдвинули профессора Metallургического института И.Ю. Тайца.

В 1945 году началась кампания по переименованию старых сел и колоний. Так, 16 марта Указом Президиума Верховного Совета УССР село Ройтфельд переименовали в Степное, Озетовский сельсовет стал именоваться Красноармейским.

Вечером 30 апреля 1945 года в городе отменили затемнение.

9 мая 1945 года торжественно отмечен День Победы над фашистской Германией.

Еще в ноябре 1945 года исполком Днепропетровского облсовета депутатов трудящихся своим решением отклонил ходатайство евреев города об открытии синагоги в доме по адресу: ул. Железная, № 9 (Миронова), где ранее располагалась синагога, в которой работал Леви-Ицхак Шнеерсон. Общине возвратили полуразрушенное здание синагоги на ул. Коцюбинского, № 7. Это здание было построено в 1902 году. Площадь зала составляла 140 квадратных метров. В свое время здание было национализировано. По договору с горкоммунхозом здание передано общине в бессрочное и бесплатное пользование. На долгие годы, до 2000 года, эта синагога являлась центром еврейской жизни в городе. [367]

С 1946 и по 1953 год раввином в городе работал И.Л. Левин, он уже был в Екатеринославе раввином в начале двадцатых годов. О нем рассказано в главе 2.

В 1947 году началось застройки на месте самого старого еврейского кладбища города в районе улиц Уездной, Шпиндяка, Володарского. Основанием послужило решение № 934 исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 22 апреля 1947 года:

"Об отводе территории бывшего еврейского кладбища по ул. Уездной под индивидуальную застройку старшим офицерам в отставке.

Ввиду того, что еврейское кладбище по ул. Уездной закрыто более тридцати лет назад и Госсанинспекция не возражает против строительства на территории бывшего кладбища, исполком городского Совета депутатов трудящихся решил:

Отвести под индивидуальную застройку старшим офицерам в отставке территорию закрытого еврейского кладбища по улице Уездной...". [368]

Судьба прежних кладбищ города – Севастопольского, Фабричного, городского на территории нынешнего стадиона "Металлург", еврейского кладбища между ул. Героев Сталинграда и пр. Кирова (сквер им. Писаржевского), такая же, как и старого еврейского кладбища, о ко

На областном совещании писателей Днепропетровщины, проходившем в январе 1948 года, активно работали писатель А. Былинов (Бейлинов) и доцент университета М. Сойфер. Иосиф Пустынский в своем выступлении вспоминал: "...в октябре 1917 года, когда ЦК был в здании Дворца пионеров, во время боев в цепи людей, лежащих в здании, находился и Михаил Голодный... 20 лет назад возникла литературная группа "Комсомолия"...".

В 1948 году, в связи с 30-й годовщиной установления Советской власти в Украине многие были награждены орденами и медалями. В публикуемых газетами списках награжденных сообщалось, что орден "Знак Почета" получили: Лев Яковлевич Кобринский – заместитель начальника областного управления сельского хозяйства, Моисей Аронович Корецкий – заведующий отделом облисполкома, Григорий Минаевич Левин – заведующий специальным детским домом, Иосиф Маркович Ослон – председатель президиума Днепропетровского облметаллопромсоюза, Илья Соломонович Слуцкий – заведующий кафедрой Мединститута, Михаил Наумович Тавровский – заведующий отделением железнодорожной больницы. Орден Трудового Красного Знамени был вручен Владимиру Иосифовичу Лапицкому – заведующему кафедрой Metallургического института и Моисею Марковичу Тростанецкому – заведующему кафедрой Медицинского института, бывшему ранее ректором института. В 1948 году еврейской религиозной общиной города руководил Т. Кержнер, численность общины доходила до 3000 человек. [369]

В 1948 году община возродила свое погребальное общество – Хевра Кадиша с полны составом персонала, обеспечивающего отпевание, омывание, шитье тахрихим и захоронение на кладбище поселка *Западный, сохранившемся до наших дней. На это кладбище был перенесен прах главного раввина города с 1908 по 1921 год Пинхаса Гельмана (1880–1921)*. Кладбище в последующие годы перенесло много надругательств современных вандалов-антисемитов. В 2004 - 2005 годах по инициативе еврейской общины города была выполнена реконструкция этого кладбища, при этом установлено 260 памятников на могилах неизвестных евреев.

В пользу фонда сооружения памятника евреям – жертвам фашизма член правления еврейской общины Шульман организовал в 1948 году в театре им. Т.Г. Шевченко постановку спектакля, а в лекционном бюро – платную лекцию о положении в Эрец-Исраэль. Эти мероприятия властями были запрещены, а Шульман был освобожден от обязанностей члена правления.

В июле 1948 года "Днепровская правда" публиковала сообщения о событиях в Израиле. Так, 3 июля сообщалось: "Флаг Государства Израиль – над портом Хайфы".

Областная партийная организация насчитывала 45858 членов, среди них евреев было 5839 человек (12,7%), а в городской партийной организации из 18352 членов евреев было 4434 (24,2%). Ответственные должности в городе занимали: Михаил Захарович Темкин – управляющий трестом "Днепросельэнерго", Марк Борисович Розенштрах – управляющий проектным институтом "Гипромез", Семен Лазаревич Милославский – главный инженер треста "Днепровскпромстрой", Лев Григорьевич Глушлавский – управляющий областным

аптекоуправлением, Виктор Львович Книрель – управляющий проектным институтом "Промстройпроект", С. Лившиц – главный инженер завода им. Петровского и другие.

В 1948 году в связи с 50-летием Днепропетровского музыкального училища обком КП(б)У ходатайствовал о присвоении звания "Заслуженный деятель искусств УССР" Михаилу Львовичу Оберману – директору училища с 1940 года и преподавателям Марии Юлиановне Гейман, Якову Аполлоновичу Застрабскому и Филиппу Генриховичу Ямпольскому. Они же представили к награждению орденом Трудового Красного Знамени. [370]

В первые послевоенные годы провели кампанию по переселению в Еврейскую автономную область. Из Винницкой, Херсонской, Николаевской, Крымской и Днепропетровской областей с декабря 1946 до июля 1948 года туда прибыло 9 эшелонов переселенцев в составе 1770 семей. [371]

В послевоенные годы гарнизоном города командовал дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Давид Абрамович Драгунский. О своем боевом пути он рассказал в книге «Годы в броне». Войну он закончил в Праге, командуя 55-ой танковой бригадой, а перед этим он вернулся в строй после тяжелейшего ранения, когда из его тела извлекли 17-сантиметровый осколок. На Параде Победы Д.А. Драгунский возглавлял танковый батальон свободного полка 1-го Украинского фронта.

Год 1949-й начался с кампании против "космополитов". В стране стала подавляться всякая симпатия к еврейскому государству, власти стали искоренять любые формы существования общественных еврейских коллективов. Начались массовые аресты деятелей культуры – прежде всего артистов и писателей, творивших на идиш. "Днепровская правда" включилась в эту кампанию, перепечатав 23 февраля редакционную статью из газеты "Правда Украины" – "До конца разгромить антипатриотическую буржуазно-эстетическую критику". В статье писали в частности: "Характерны космополитические, глубоко вредные утверждения проф. А. Гозенпуда". И еще "обличается" ряд писателей и критиков с раскрытием псевдонимов – И. Стебун (Кацнельсон), Л. Санов (Смульсон), Я. Бурлаченко (Бердичевский). Типичная фраза – "Оголтелый космополитизм не только антинароден, но и бесплоден. Он вреден, как те паразиты в растительном мире, которые подтачивают ростки полезных растений..." Газета пишет, что А. Борщаговский – "безродный космополит, один из верховодов антипатриотической группы театральных критиков..."

8 марта "Днепровская правда" освещала доклад, прочитанный 23 февраля на втором пленуме Союза советских писателей Украины – "Против безродного космополитизма, буржуазного эстетства и формализма в театральной критике". И здесь

продолжалось раскрытие псевдонимов: Я. Ган (Каган), Л. Жданов (Лившиц) и другие. Не обошли вниманием и Днепропетровск, где "театральную и литературную критику возглавляют М. Сойфер, И. Пустынский и М. Штейн, известные своими нападками на театры и молодых писателей Днепропетровщины". Попало и Леониду Первомайскому, писавшему, по выражению газеты, о "безродном космополите" П. Антокольском: "...выдающийся русский поэт и тонкий знаток мировой литературы". Поменьше бы таких знатоков, а то они оплуют все драгоценное культурное наследие советских народов! (Аплодисменты)". Досталось Л. Первомайскому и за строки о Синае в стихотворении "Під чужим небом", написанном в 1944 году.

9 марта в редакционной статье "Днепровской правды" вновь нападки на М. Штейна, И. Пустынского, М. Сойфера, А. Былинова, правда, его псевдоним не раскрывался.

15 марта газета публикует репортаж с партийного собрания областной филармонии – "Против космополитизма в музыке", где можно было прочитать: "По настоянию художественного руководителя филармонии Л. Кауфмана спланирован цикл лекций-конcertов, имевших целью замолчать русскую и украинскую классику...", досталось и главному дирижеру симфонического оркестра филармонии С. Фельдману, далее "в роли лектора облфилармонии выступает Ю. Цодиков, человек без должного музыкального образования, недалекий в вопросах искусства" и заканчивается публикация призывом – "...разгромить безродных космополитов - антипатриотов в музыке..."

23 марта в статье "Собрание интеллигенции Днепропетровска" опять шельмовали И. Пустынского, М. Штейна, М. Сойфера, обличался профессор Мильман, "который проявляет аполитичность, низкопоклонствует перед иностранной буржуазной культурой".

Тема борьбы с космополитизмом находила свое продолжение в публикациях в июне. Несмотря на набирающий силу антисемитизм, в ноябре этого года в связи с 50-летием Металлургического и Горного институтов вместе с другими были награждены заведующие кафедрами, профессора Арнольд Давыдович Готлиб, Владимир Иосифович Янковский, Анатолий Маркович Цейтлин, Израиль Самойлович Маршак, Евгения Федоровна Эпштейн.

1950-е годы. В 1950 году выдали разрешение на выпечку мацы, ограниченное рядом условий, таких, как запрет наторговлю ею, сбор средств на приобретение мацы для бесплатной раздачи. Также была запрещена реклама, связанная с изготовлением мацы, сообщать о ней разрешено было только в стенах синагоги. [372] По официальным данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов А.

Гришко синагогу посещало до 300 человек, в праздники число посетителей возрастало до 1500 человек. Кантором синагоги был Натан Моисеевич Грингсберг. Работали шойхеты Ицко Ахтер и Давид Резник. В начале пятидесятих годов брит-милу совершали мезли Яков Эльшевич, Арон Соболевский и Леви Гольдштейн. [373] В середине 50-х годов старостой синагоги работал Левин.

20 сентября 1952 года во время богослужения по случаю Рош-Ашана, когда во дворе синагоги собралось много верующих, неизвестными из соседнего двора (ул. Коцюбинского, № 9) бросали камни, что вызвало большую панику. Это повторилось и на следующий день. Была ранена женщина. В своем письме в органы милиции А. Гришко просил установить дежурство милиции. [374]

В 1953 году группа верующих евреев Кировского района города обратилась к А. Гришко с заявлением, в котором просила разрешения "...на период с 1.08 по 15.10 использовать дом гр-на Каца по ул. Фрунзе, № 21 для отправления религиозных культов в праздничные дни, а также произнесения молитвы-здравитцы в честь нашего правительства".

В начале пятидесятих годов в прессе появились отдельные антиеврейские статьи. Так, "Днепровская правда" перепечатала из "Правды" (28.10.1957) статью "Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике", где в очередной раз разоблачались "критики-космополиты".

Первые сообщения о "заговоре группы врачей" появились 13 января 1953 года: "Известия" – "Арест группы врачей-вредителей", "Правда" – передовая статья "Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей". Эта статья была перепечатана "Днепровской правдой" уже на следующий день – 14 января. В стиле эпохи писалось: "Большинство участников террористической группы – Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие – были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией Джойнт..."

20 января "Днепровская правда" перепечатывает передовую статью "Правды" – "Покончить с ротозейством в наших рядах!". Это уже была команда к массовой антиеврейской кампании.

28 января "Днепровская правда" напечатала статью "Сионистская агентура американской разведки", 19 февраля – "Джойнт – филиал американской разведки". Нарастающая истерия нашла свое отражение в откликах трудящихся, собираемых в обкоме КПУ. Среди них были такие:

"Врачи еврейской национальности выходят из доверия у народа. Хотя бы товарищ Сталин поменьше обращался к врачам".

"Еврейская нация скомпрометировала себя во всех отраслях народного хозяйства, поэтому они заслуживают выселения в самые отдаленные районы нашего Союза".

"Надо расчистить наш завод от работников еврейской национальности. Потому что этот народ уж очень неблагонадежен".

"Выселить евреев в Еврейскую автономную область или на Чукотский полуостров, но продумать вопрос с охраной границ из-за возможности перебежки к американцам или продажи исконно русского полуострова американцам".

"В вузах ограничить прием молодежи еврейской национальности – пусть воспитываются в труде".

Сообщалось, что "в лечебных учреждениях проверяются кадры медицинских работников, проверяется медицинская документация больных и умерших в 1952 году после перенесенных операций".

В другом донесении рассказано, что "17 января было общее собрание коллектива сотрудников областной больницы им. Мечникова. Во время собрания присутствующие там врачи (Присс, Баскин и др.) обнаружили, что в этом же помещении висит плакат, на котором нарисованы карикатуры на Тито и других негодяев с надписью "Европейское содружество". Но кто-то заклеил в первом слове буквы "о" и "п" и получилась надпись "Еврейское содружество". Присутствующие на собрании евреи были этим очень возмущены. Этот плакат был немедленно снят и направлен в Октябрьский райком партии... Есть предположение, что обнаружившие искаженную на плакате надпись врачи-евреи Присс и Баскин могли сами же сделать эту наклейку..."

В ряде вузов и организаций города прошли проверки. Расскажем о такой проверке в Инженерно-строительном институте (родном для автора, хорошо знающего людей, о которых пойдет речь). Инструктор обкома КПУ, обследовав институт, в своей справке констатирует, что в институте из 77 научно-педагогических работников евреев – 18 человек (23,4%), затем дает персональную оценку отдельным преподавателям: заведующий кафедрой строительных материалов М.Г. Мазо – "по отношению к студентам коренной национальности проявляет себя как националист"; доцент кафедры теоретической механики М.Р. Фельдман – "плохо знает кинематику и динамику"; доцент А.Д. Зевин – "по отношению к студентам проявляет элементы национализма". Такие же замечания были сделаны относительно доцентов И.Я. Белоцерковского, В.Д. Шайкевича, А.С. Фишмана, М.Г. Фишмана, М.Ю. Карчемского. Против каждой фамилии стояло резюме о необходимости замены их "на более достойного преподавателя". [375] Всех указанных здесь преподавателей автор знает как авторитетнейших специалистов и, уже имея собственный педагогический опыт, имеет право сказать – это

были блестящие педагоги, а данная справка является типичной клеветой, отражающей запрос времени, в котором жило тогда общество.

Спустя месяц после смерти И. Сталина, 5 апреля "Днепровская правда" напечатала Сообщение Министерства внутренних дел СССР, где, в частности, говорилось, что врачи "были арестованы неправильно, без каких-либо законных оснований... привлеченные по этому делу полностью реабилитированы... Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности".

Изуверскую вакханалию остановили, но политика государственного антисемитизма продолжала действовать, возникали проблемы с поступлением в вузы, аспирантуру, на ряд предприятий евреев практически не принимали. Усилилась миграция населения, росло число смешанных браков, люди скрывали свою национальность, детей записывали по национальности одного из родителей – нееврея.

Приведем данные по числу евреев среди выпускников вузов в 1953 году, при этом следует иметь в виду, что поступали выпускники в вузы в 1948 году, когда жестких требований в отношении приема евреев еще не было. В Госуниверситете из 300 выпускников евреев было 55 (18,3%), в Горном институте из 330 – 31 (9,4%), в Инженерно-строительном из 100 выпускников – 22 еврея (22%), в Химико-технологическом из 137 – 22 (16%) и в Металлургическом институте из 387 выпускников евреев - 94 (24,3%). С каждым годом этот процент будет уменьшаться.

В 1957 году Исаак Ильич Минц, работавший в Днепропетровской филармонии, подал заявление на поступление в ешиву в Москве.

После XX съезда КПСС начался интенсивный процесс реабилитации жертв режима. До 1961 года реабилитировали 737 182 человек. За период с 1956 до середины 1990 года в Украине реабилитировали свыше полумиллиона человек.[376] Среди тысяч реабилитированных днепропетровских евреев можно назвать: А.Д. Бендельсона – бывшего председателя Днепропетровского областного совета Осоавиахима; М.М. Брудного – директора Новомосковского жестекатального завода; Р.П. Богопольскую-Брохину – заведующую отделом облтекстильпромсоюза, осужденную в 1937 году на 8 лет за "принадлежность ее мужа А.М. Брохина к контрреволюционной троцкистской организации"; реабилитирован днепропетровский раввин Леви-Ицхак Шнеерсон и многие другие.

В 1959 году город посетил гроссмейстер И. Болеславский, он прочитал ряд лекций и дал сеанс одновременной игры на 27 досках.

В мае "Днепровская правда" опубликовала подборку писем, полученных из Израиля – "Вот она "счастливая жизнь", где обличалась жизнь в Израиле и прославлялась жизнь в СССР.

1959 год по решению ЮНЕСКО объявили годом Шолом-Алейхема. В синагоге Самуил Петрович Ортенберг сделал доклад, посвященный великому писателю.

На 21 октября в Доме ученых назначили вечер памяти Шолом-Алейхема, организаторами которого выступили Днепропетровское отделение Союза писателей УССР и правление Дома ученых. Отпечатали и разослали пригласительные билеты. В программе предполагалось выступление писателя Федора Залаты, доклад о жизни и творчестве Шолома-Алейхема должен был сделать Самуил Ортенберг. Предполагалось чтение произведений юбиляра с участием актрисы Театра русской драмы им. М. Горького народной артистки УССР Ады Сонц. Но планируемый вечер не состоялся "по техническим причинам". Об этом Эдуард Ефремович Флинк написал Илье Эренбургу, тот посоветовал сообщить об этом факте в ЦК КПСС в отдел литературы. Письмо в ЦК передали в обком партии, куда и вызвали его автора. Результатом дела стало увольнение Э.Е. Флинка с работы преподавателя в ПТУ № 5 под предлогом сокращения штатов, это в середине учебного года, а также его перестали печатать в местных газетах, лишили возможности читать лекции в обществе "Знание" и долго не давали работать в школе.

На прошедших в 1959 году выборах в Верховный Совет УССР среди депутатов от Днепропетровской области евреев не было.

Наверное, единственным крупным руководителем-евреем в областном исполкоме работал Леонид Яковлевич Кобринский – начальник областного управления совхозов.

В декабре 1959 года в зале филармонии при исполнении "Торжественного марша" П. Чайковского солистом выступил скрипач Матвей Либерман – питомец и преподаватель Днепропетровского музыкального училища.

В мае 1957 года началась новая кампания борьбы с религией. Закрыты синагоги во многих городах, ликвидированы еврейские кладбища в ряде городов Украины. Если в 1959 году в Украине действовала 41 зарегистрированная иудейская религиозная община, то уже в 1965 году их осталось всего 14. Действующие синагоги находились: в Закарпатской и Житомирской областях – по 3; в Винницкой – 2, и по одной было в Днепропетровской, Киевской, Крымской, Одесской, Хмельницкой и Черновицкой областях.

1960–1980 годы. В отчетах уполномоченного по делам религии при Совете Министров СССР по Днепропетровской области сообщалось, что в начале 60-х годов в синагогу на ул. Коцюбинского, № 7 на праздник Песах приходило до 750

человек, в дни Рош-Ашана пришло до 1,5 тысячи посетителей, а на Йом-Кипур до 3,5 тысячи посетителей заполняли тесный двор синагоги и улицу. В штате синагоги числились два кантора, один шамес и один чтец Торы, хористов было четверо, а всего 18 человек получали денежное вознаграждение за работу в религиозной общине. [377]

Уполномоченный Совета по делам религии в 1967 году в отчете писал: "На территории Днепропетровской области большинство верующих иудейского вероисповедания проживают по городам и районным центрам в гг. Днепродзержинске, Павлограде, Никополе, Новомосковске, Кривом Роге и в Днепропетровске. В сельской местности проживают единицы. В городе Днепропетровске действует зарегистрированная община иудейского вероисповедания. До 1964 г. на территории области нами учитывались четыре группы верующих евреев в гг. Павлограде, Никополе, Кривом Роге и Днепродзержинске, которые на особо чтимые религиозные праздники на квартирах верующих проводили миньяны". [378]

Председателем исполнительного органа синагоги в 1967 году работал Скуратовский.

На еврейские праздники в октябре 1967 года синагогу посетило свыше 5 тысяч человек. [379]

Из другого отчета об осенних праздниках 1969 года: "Наибольшее количество верующих, посетивших синагогу, достигло 22 октября – 2000 человек... В одно из богослужений был устроен так называемый аукцион: наибольшая сумма, дающая право открыть шкаф, где находится Тора, достигла 22 рублей. Следует отметить, что во время проведения осенних иудейских праздников синагога получила 35 поздравительных открыток, главным образом от единоверцев из США". [380]

В 1968 году на архитектурном факультете Днепропетровского инженерно-строительного института провели конкурс проектов памятника жертвам расстрела евреев в Ботаническом саду. Год или два спустя над оврагом, превращенном в стадион, установили серый гранитный камень с надписью без указания на то, кто именно здесь был казнен. Еврейскую общину к установке памятника не привлекли.

В 1969 году Днепропетровский исторический музей им. Д.И. Яворницкого в письме уполномоченному Совету по делам религии просил передать музею Свиток Торы и в декабре получил его. Осенние праздники посещали от 200 до 2000 человек. [381]

После шестидневной войны в начале июня 1967 года новая волна антисемитизма захлестнула страну. Евреев заставляли выступать против Израиля. Уполномоченный Совета по делам религии доносил в Москву и Киев: "Из разговоров известно, что во время июньских событий на Ближнем Востоке многие лица

еврейской национальности осуждали действие советского правительства в поддержку арабских стран и положительно отзывались об агрессивных действиях Израиля, мотивируя тем, что израильтяне вынуждены были расширять свою территорию и якобы отражать нападки арабов".[382]

В 1970 году председателем правления общины был Рузин, старостой синагоги Марьяновский, членами ревизионной комиссии Миркович, Черток, Ритер. Кантором был Рыцер. Чтецами Торы – Боткевич и Фельдштейн.

В марте 1971 года "Известия" опубликовали заявление религиозных деятелей иудейского культа, осуждающие "агрессию" Израиля против арабских стран. Властями было также организовано такое же письмо от днепропетровской общины, выдержанное в стиле языка отдела агитации и пропаганды:

"Мы, члены Днепропетровской религиозной общины, по поручению наших прихожан присоединяем свой голос к голосу многих граждан еврейской национальности нашей страны и протестуем против варварских бомбардировок арабского населения со стороны военных экстремистов-сионистов Израиля. Требуем немедленного прекращения военных действий и справедливого мира на Ближнем Востоке согласно резолюции ООН от ноября 1967 года".

Уполномоченный Совета по делам религии в 1971 году отчитывался в том, что "...в текущем 1971 году нам удалось организовать и выслать от имени еврейской общины в адрес посольства США в Москве два протеста по поводу разгула международного сионизма и разоблачения политики приглашения советских евреев на обетованную землю израильскими экстремистами". [383]

Газеты "Днепровская правда" и "Зоря" опубликовали свыше десяти статей, разоблачающих сионизм и политику Израиля. Такие же материалы озвучены на радио и телевидении.

В конце сентября 1971 года принято Постановление Совета по делам религий при Совете Министров СССР "Об усилении контроля за деятельностью иудейского культа". Об обстановке того времени и всеобъемлющем давлении властей свидетельствует такой документ [384]:

"Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Днепропетровской области № 56, 12 ноября 1971 г.

Председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР тов. Куроедову В.А.

Уполномоченному Совета по делам религии при СМ СССР по УССР тов. Литвину К.З.

ИНФОРМАЦИЯ

о выполнении постановления Совета по делам религий от 21 сентября 1971 года по усилению контроля за деятельностью иудейского культа.

Выступающие товарищи вносили конкретные предложения, которые были введены в план работы по усилению контроля за деятельностью актива и служителей культа синагоги во время предстоящих иудейских праздников: Новый год, судный день, куши.

В состав комиссии были утверждены пользующиеся заслуженным авторитетом и хорошо знакомые со спецификой иудейского культа к. философских н. тов. Колотий Ю.М. и директор средней школы тов. Корчевский В.Я. Они уже осуществили контроль за прошедшими иудейскими праздниками.

В настоящее время будет более содержательный контроль за деятельностью синагоги, улучшится изучение влияния служителей культа и актива на еврейскую часть населения, в целом и молодежь, и детей в особенности.

Во второй половине октября с.г. нами пересмотрен состав членов правления синагоги. На должность председателя правления синагоги избран более лояльный человек Рузин Абрам Эммануилович. В состав правления синагоги введен также Фалькович Зусим Пейсохович, который положительно зарекомендовал себя, будучи участником Московской конференции религиозных еврейских обществ. Более лояльным лицом заменен пост председателя ревизионной комиссии синагоги. В числе исполнительных органов синагоги нет лиц с антисоветским, сионистским и явно националистическим настроением. Установлен квалифицированный контроль за деятельностью и содержанием проповедей кантора.

Новый состав правления синагоги хорошо осуществляет учет религиозных нужд и финансовых средств. По всем финансово-хозяйственным вопросам они советуются с местными органами и дают нужную информацию и данные райисполкому и нам по вопросам проведения религиозных праздников.

Представители гор- и райисполкомов, общественности и другие заинтересованные лица теперь стали чаще бывать в синагоге на богослужении, интересоваться содержанием проповедей, проводить там нужную работу по разъяснению и контролю законодательства о религиозных культах.

С целью постепенного формирования у этой категории людей чувства ответственности за честь и достоинство нашей Родины, ее международного авторитета, за формирование истинных взглядов на состояние религии в стране и повышение их роли по пресечению сионистских и националистических взглядов, в случае их возникновения, проводится и другая работа.

По нашим данным и данным соседей в этом году мы не имели пока фактов серьезных нарушений общественного порядка или антисоветской, сионистской деятельности со стороны руководства синагоги и отдельных верующих еврейской национальности.

Уполномоченный Совета М. ЗУБЕЦ".

В 1971 году в Днепропетровске в издательстве "Промінь" вышла книга "Ми на рідній землі". В предисловии, написанном А. Былиновым – членом Союза писателей УССР, сказано: "Серед авторів цієї збірки, яку я назвав би книгою протесту, книгою гніву проти підлих підступів міжнародного сіонізму... є представники різних професій..."

Среди авторов, тщательно подобранных властями евреев-днепропетровцев, известный сталевар завода им. Ленина, персональный пенсионер – член партии с 1910 года, отставной полковник, машинист электровоза, руководитель строительного треста, народный артист УССР, председатель колхоза, профессор института – доктор технических наук, закройщик ателье, главный инженер проекта проектного института, преподаватель госуниверситета, врач, доцент кафедры философии, член правления еврейской общины, заведующий отделом писем одной из газет города и, наконец, официант ресторана, недавно возвратившийся из Израиля.

В каждой статье сборника наряду со многими справедливыми и честными словами любви к родной земле, к Украине и ее народу содержатся словесные штампы, выдающие руку отдела агитации и пропаганды – "Боротьба з сіонізмом, як і з нацизмом – наш священний обов'язок"; "А таке зло, як сіонізм, єврейський буржуазний націоналізм, вимагає енергійних і – головне – своєчасних дій"; "Сіонізм, як і імперіалізм в цілому, безсилий повернути назад колесо історії"; "Безглузді імперіалістичні задуми сіоністів про створення "Великого Ізраїлю" за рахунок чужих територій і чужих людських ресурсів приречені на провал".

Один из авторов статей сборника, И. Лемберикман, рассказывал мне, как его вызывали в партком и заставляли принять участие в создании этой книги. Текст отредактировали без участия автора.

В том, что еврейская религиозная жизнь в Днепропетровске сохранилась и после отъезда в 1953 году раввина И.Л. Левина в Москву, огромная заслуга Гирш (Григория) Натановича Короля. Он родился в 1922 году в г. Болехов (бывшая Станиславская, ныне Ивано-Франковская область). Гирш с четырех до тринадцати лет учился в хедере. С 1935 до 1939 года работал на кожевенном заводе. Вступил в комсомол и после учебы на курсах стал инструктором райкома комсомола. В конце 1940 года был призван в Красную Армию. Служил в кавалерийской части. Прошел всю войну и был демобилизован в 1946 году. Семья Г. Короля уехала из Болехова на восьмой день после начала войны.

После демобилизации Гирш Натанович с Урала перевез родителей, братьев и сестру в Днепропетровск. В городе Г.Н. Король работал на мебельной фабрике, потом 28 лет на комбайновом заводе, который из-за большого числа работавших там евреев называли хедером.

Рассказывает Григорий Натанович Король: "Мой отец Натан Айзикович и мама Рива Абовна соблюдали кашрут, отмечали все еврейские праздники, по субботам пешком, независимо от погоды шли в единственную в городе синагогу на ул. Коцюбинского. Я хорошо помню нашу старую синагогу с печкой-буржуйкой, с разбитой сантехникой и подвалом, который заливало во время дождей. Не было ни миквы, ни столовой, ни охраны. С большими трудностями мы удержали нашу синагогу. Через что только не прошли – через бутылки с водкой, взятки, ругань, постоянные проверки. Очень трудно было отстоять синагогу в начале 50-х во время "дела врачей". После смерти Сталина слегка поутихли, а потом начали снова... И все годы – 50-е, 60-е, 70-е – продолжалась наша борьба за синагогу. После войны мацу в Днепропетровск привозили из Ростова-на-Дону, где ее подпольно выпекали и распространяли понемногу "для своих". В 1949 году начали подпольно, по ночам, выпекать мацу и в самом Днепропетровске. Для этого активисты синагоги, в том числе и мой отец тайно арендовали частный дом. Люди приносили свою муку – по 2-3 килограмма и на выстроганных досках катали мацу. Проколы делали зубцами колесиков от часов. Все равно на нас донесли. Пришел участковый с комиссией... но откупилась – напоили, накормили и с собой дали. Спустя время мацу стали покупать в Москве. С началом перестройки, как только давление властей ослабло, евреи сразу заполнили синагогу. В конце 1980-х в ее дворе уже не помещались все желающие.

В июне 1990 года к нам приехал один из лучших учеников Любавического Ребе – раввин Шмуэль Каминецкий. Ему пришлось тяжело. По-русски он не понимал – я с ним общался на идише. Дважды в облисполкоме утверждали кандидатуру на пост раввина. Чиновники мне говорили: "Что вы из Америки раввинов возите? Здесь не могли найти?" – "А где мне их здесь искать? Вы давали нам возможность раввинов учить?" Заканчивая свои воспоминания Гирш Натанович сказал: "В своей деятельности мы руководствуемся принципом: "Кто забывает прошлое, тот не имеет будущего". Посмотрите как расцвела наша община!"

Раввин Шмуэль Каменецкий и Ребе Менахем-Мендел Шнеерсон

В 1973 году на учебу в ешиву днепропетровская община послала Исаака Семеновича Козлова.

7 апреля 1974 года "Днепровская правда" опубликовала статью "За гранью доверия", осуждающую инженера Укргипромеза Александра Богдановского за поданное заявление на выезд в Израиль. Отметим, что А. Богдановскому удалось выехать в Израиль.

В 1974 году председателем правления общины избрали А.Г. Вайсберга, председателем ревизионной комиссии стал С.Е. Трахтенберг, заместителем председателя правления Л.М. Поляков, членом правления П. Диккерман.

Аркадий Григорьевич (Аврум Гершевич) Вайсберг родился в 1913 году в местечке Радзивилов (Польша). Получил религиозное образование в ешиве, где ему было присвоено звание доктора Талмуда.

Ему прочили пост раввина Радзивилова, но в это время в Польшу пришла советская власть – все ешивы были закрыты, ликвидировались синагоги, а многие раввины попали в лагеря. Аркадий Григорьевич переехал во Львов и поступил во Львовское инженерное училище. С началом Великой Отечественной войны попал в оккупированном Львове в гетто, откуда бежал и перешел линию фронта. Был в Ленинграде, где все 900 дней блокады работал на заводе. Все его родные погибли в концлагерях и гетто в Польше. После войны А. Вайсберг работал в Днепропетровске, в тресте "Днепрогеофизика", был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Последние годы жизни, а умер он в конце 1993-го, он преподавал в ешиве для пожилых людей при нашей синагоге. Он был одним из тех, кто не дал погаснуть свету меноры в нашей общине.

В середине восьмидесятых годов в Днепропетровске возрастает интерес к иудаизму, еврейской истории, к изучению еврейской культуры и языку. В синагогу стала приходить молодежь, энтузиасты стали организовывать различные кружки и учебные группы.

В 1960–80-е годы одним из активистов еврейского движения был Петр Добровенский, отсидевший за участие в этом движении несколько лет. Он репатриировался в Израиль из Днепропетровска в марте 1987 года.

В октябре 1987 года "Днепр вечерний" опубликовал памфлет Л. Гамольского "Страсти по Брайтону в полосе отчуждения", который начинается следующим сообщением: "Из передачи радиостанции "Голос Израиля" (май, 1987 г.): Несколько дней назад в Израиль приехал Юрий Бурлан, в прошлом активист борьбы за репатриацию. Он один из немногих евреев Днепропетровска, кому посчастливилось получить разрешение на

выезд в Израиль... Юрий Бурлан охарактеризовал положение евреев в Днепропетровске... ситуация очень сложная. Получать свободную информацию чрезвычайно тяжело и опасно... Любое проявление национального самосознания тут же карается. Вокруг желающих изучать иврит или начинающих посещать синагогу, а тем более вокруг тех, кто стремится выехать из СССР, или хотя бы начинающих интересоваться выездом, создается атмосфера травли и запугивания, на них оказывается психологическое давление. Если же люди не поддаются первому нажиму, начинаются реальные репрессии, как было в случаях с Петей Добровенским и со мною... в Днепропетровском ОВИРе документы на выезд принимаются крайне тяжело, создают множество бюрократических препятствий..."

А дальше Л. Гамольский в своем памфлете обличает П. Добровенского, Ю. Бурлана, Алису Литинскую (исказив ее фамилию на Лапинскую), Виту Звоневич.

Во второй половине 1980-х годов, в период перестройки и гласности положение евреев резко изменилось к лучшему. Были освобождены "узники Сиона", осужденные за сионистскую деятельность и желание выехать в Израиль; появилась легальная еврейская периодическая печать; начали открываться ешивы, синагоги, еврейские школы, где изучали иврит и идиш. В конце 80-х годов появились различные еврейские общественные организации.

В 1988 году, после пятидесятилетнего перерыва, возобновил свою деятельность в СССР "Джойнт". Ранее "Джойнт" содействовал 170000 советским евреям-эмигрантам своими службами в Вене и Риме.

В середине 1980-х годов сформировалась инициативная группа, впоследствии ставшая ядром днепропетровского отделения Всесоюзной ассоциации преподавателей иврита "Иегуда а морим", активная деятельность которого началась летом 1987 года. Возглавил это отделение Станислав Хлавнович. Наиболее деятельное участие в работе этой группы принимали: Алиса Литинская, Алла Хлавнович, Владимир Черкасский, Стелла Русова, Марина Ланцман, Марат Соркин, Алла Ещина, Фаина Булавина, Ирина Шварцман, Эмилия Пугач, Игорь Почтарь, Ян и Феликс Сидельковские, Елена Шафир. Находили друг друга в ОВИРах, где добивались разрешения на выезд в Израиль.

Занятия проходили на частных квартирах, потом в средних школах № 1 и № 100. Отмечали еврейские праздники. Хануку-87 праздновали на квартире одного из активистов еврейского движения – Артура Фредекинда. Вторая подобная встреча на Пурим прошла дома у Хлавновича, в роли Эстер была Алиса Литинская. В 1989 году Алису исключили из Металлургического института, за ней установили наружное наблюдение КГБ. Тем не менее она возглавила в 1990 году первую в городе воскресную

школу по изучению иврита, которую посещало более 100 человек.

В Днепродзержинске (Борис Доктор), Кривом Роге (Александр Маневич), Никополе (Елена Гринберг), создавались ульпаны и воскресные школы. Зимой 1990 года в Кривом Роге организовали зимний лагерь.

В 1992 году днепропетровское отделение "Иегуда а морим" провело межрегиональный семинар преподавателей иврита, на котором присутствовало более 100 человек.

Часть преподавателей Ассоциации репатриировались в Израиль (С. Хлавнович, Ф. Сидельковский, В. Черкасский и другие). В 1992 году многие преподаватели иврита "Иегуда а морим" перешли на работу в Днепропетровский израильский культурный центр (А. Литинская, И. Почтарь, М. Соркин, Я. Сидельковский, А. Ещина и другие). Первым директором центра работал присланный из Израиля один из создателей Ассоциации – Станислав Хлавнович.

В Ботаническом саду 2 мая 1989 года прошел первый незапрещенный митинг памяти Дню Катастрофы и Героизма.

Огромное влияние на возрождение активной жизни еврейской общины города оказала "Школа еврейских традиций" – первая еврейская общественная организация, образовавшаяся в Днепропетровске. Приведу с незначительными сокращениями статью Владимира Виноградова, опубликованную во втором номере газеты "Шабат шалом" в 1991 году:

"В 1989 году энергичному и целеустремленному человеку, прихожанину еврейской религиозной общины Виктору Мееровичу Рабкину удалось сплотить вокруг себя молодых, грамотных и энергичных еврейских парней и девушек с целью возродить уже забытые обычаи и традиции еврейской общинной и семейной жизни: милосердия и культуры, братства и взаимопомощи, священный язык иврит.

Новую еврейскую общественную организацию решили назвать "Школа еврейских традиций". Среди ее первых активистов и организаторов были Борис Цейткин, Александр Заманский, Борис Ерухимович, Виктор Гутин, Михаил Халиф, Семен Лурье, Натан Меллер, Аркадий Шмист, Евгения Карпова, Дина Фишер, Лена Тартаковская и другие.

По 3–4 раза в неделю собирались энтузиасты еврейского возрождения в синагоге и не расходились до поздней ночи, рассуждая и споря, как помочь евреям Днепропетровска возвратиться к национальным истокам и культуре. И вот "Школа еврейских традиций" начала делать первые шаги. Саша Заманский, более 10 лет самостоятельно изучавший язык иврит по священным книгам и классике еврейской литературы, знавший его в совершенстве, решил обучать ивриту своих товарищей по

организации. Его кропотливый труд и терпение не пропали даром. Вместе с ним его соратники и первые ученики стали ядром и первыми преподавателями курсов иврита, организованных при "Школе". Началась комплектация общедоступной еврейской библиотеки, читателями которой уже через 3–4 месяца после начала работы было около 500 человек. Были организованы еженедельные лекции по Торе – священной книге еврейского народа, которые проводил Б. Цейткин, еженедельные лекции для молодежи по традициям еврейской семейной жизни и быта (Е. Карпова и В. Гутин), в воскресные дни начали проводиться информационные занятия по вопросам репатриации, новостей еврейской жизни в СССР и за рубежом. Были созданы детская воскресная школа и детский музыкальный ансамбль (руководила ими Д. Фишер), фонд милосердия (Н. Меллер).

Поначалу правление еврейской религиозной общины очень настороженно отнеслось к созданию "Школы еврейских традиций" и к такой бурной деятельности ее активистов. Такое отношение станет понятнее, если напомнить, что до создания "Школы" активность общины ограничивалась субботней службой, на которой присутствовали не более 15–20 прихожан, уже привыкших за многие годы полуподпольного существования к тишине и застою. Им было очень трудно принять и согласиться с тем напором, размахом и молодой энергией, с которыми активисты "Школы" взялись за дело. А ведь все эти мероприятия (кроме курсов иврита) проводились в синагоге и в первое время разнообразные мелкие и крупные конфликты с общиной омрачали деятельность молодой организации.

С избранием [в 1989 году. – А.Б.] председателем еврейской религиозной общины Г.Н. Короля взаимоотношения между "Школой" и общиной значительно улучшились. Г.Н. Король понял целесообразность и необходимость сосредоточения общественной и культурной жизни евреев города вокруг духовного центра – синагоги и постепенно религиозная община не только перестала препятствовать, но даже стала помогать во многих делах "Школы"...

Правление Днепропетровской религиозной еврейской общины (2004 г.). Слева направо – А.Шмист, Г.Король, раввин Ш.Каменецкий, А.Фридкис

Приезжающие в наш город гости из Израиля – представители различных государственных и общественных организаций –

постоянно отмечали высокий уровень и качество подготовки наших преподавателей. Об этом свидетельствует и тот факт, что ведущий преподаватель Александр Заманский, приехав в Израиль, без всякой переподготовки был приглашен на работу преподавателем иврита в ульпан, хотя не имел никакого гуманитарного образования (в Израиле такого вообще не бывает!). А преподаватели наших курсов иврита – это лучшие ученики Заманского...".

"Школа еврейских традиций", выросшая из созданного Виктором Рабкиным нелегального кружка по изучению иудаизма, а также синагога стали центром изучения и распространения еврейских традиций и изучения Торы. Позже Натан Меллер при поддержке движения "Мизрахи" из Израиля создал частную школу, действовавшую в 1989–1990 учебном году. Отметим, что Б. Цейткин спустя несколько лет после репатриации получил смиху раввина.

Своими воспоминаниями с автором поделился Аркадий Леонидович Шмист: "Еврейская жизнь Днепропетровска в 40–50-е годы ограничивалась образованием, кошерной курицей и свадьбами с замечательными клейзмерскими оркестрами, посещением как синагоги на ул. Коцюбинского, № 7, так и нелегальных миньянов на дому, количество которых в силу их "конспирации" никто точно не назовет, и в заключение похоронами по полному обряду с тахрихим.

Позже, в 60-е годы, обрезания, свадьбы и похороны по еврейскому обряду пошли на убыль, значительно поредели ряды потребителей кошерной пищи, вымирали дипломированные шойхеты и мозли.

В 70-е годы миньян уже собирался в синагоге не каждый день. Однако по праздникам синагога не вмещала всех желающих. Еврейская кухня все еще держала позиции на праздничных застольях. Маца раскупалась охотно и употреблялась, в основном, не с хлебом единым. Была она после 50-х годов уже не местного происхождения, а чаще из Москвы, иногда из Киева или Одессы.

Действовало правление общины, работал габэ, была цдока и нэдувэ.

В синагоге было 32 Торы и огромная библиотека религиозных книг. Истопником работал талантливейший Евгений Койфман, он демонстративно носил ермолку. Писал стихи, пытался наладить жизнь в синагоге, чинил крышу. Ходил с друзьями на годовщины расстрела к братской могиле в Ботаническом саду. Ездил в Москву для общения с евреями, это и определило его судьбу. Он был арестован по сфальсифицированному обвинению. Попал в лагерь, оттуда написал под давлением в местную газету, что осознал и раскаялся. Вскоре после освобождения он репатриировался с супругой в Израиль, прожил там несколько

лет и оттуда переехал в США. В 70–80-х годах умерли один за другим последний моэль, шойхет и хазан. Появились из-за рубежа сидуры и Торы. Община не принадлежала ни к одному из конфессиальных направлений иудаизма. Это были просто евреи, среди них были бывшие сионисты, атеисты, опомнившиеся комсомольцы, истинно верующие, любопытствующие. Объединяли всех одна кровь и любовь к своей истории, дефицит общения.

В свое время я предложил на должность председателя нашей религиозной общины реб Г. Короля, я помнил его родителей, постоянных прихожан нашей синагоги. Герш Король, добрейшей души и большой справедливости человек, свободно ориентировался во многих сложных галахических проблемах.

Выделялся молодой инженер, красавец Виктор Рабкин, он был единственным, кто из молодежи ежедневно надевал в синагоге тфилин и открыто заявлял о любви к Б-гу. В конце 80-х он собрал небольшой нелегальный кружок изучавших Тору и иврит, в который вошли Виктор Гуткин, Александр Заманский, Борис Ерухимович. Позже к ним присоединились Семен Лурье, Юрий Ступникер, Александр Фридкис, Анатолий Меллер, Евгения Карпова, Лиля Брам, Дина Фишер и многие другие.

Весной 1989 года и я рискнул присоединиться к этой группе. Жена моя ходила в синагогу постоянно и раньше. Я же работал в институте и боялся, что это может мне помешать.

Идиш в синагоге преподавал добрейший человек Абрам Кисин. Затем началось преподавание иврита. Все время я настаивал на организации светского еврейского общества, объясняя это тем, что большая часть евреев, увы, в синагогу не пойдет. Безусловный лидер – Виктор Меерович Рабкин, который был прирожденным организатором, отказывался от этого, так как другого пути к еврейству, кроме как через синагогу, он не признавал. Спорили мы долго. Не получив поддержки, я отправился сам оформлять документы. Это послужило последним аргументом в мою пользу. В. Рабкин всячески меня поддержал на собрании оргкомитета, предложил избрать меня председателем правления организации, которую мы называли на идиш "Рахмим ун Еруше", а потом перевели на иврит – "Тарбут вэрахамим" ("Культура и милосердие"). Я предложил после учредительной конференции организовать концерт еврейской музыки. Для этого собрал в ноябре 1989 года в помещении клуба "Мрия" на пр. Кирова евреев – деятелей культуры. Основу составил оркестр Украинского драматического Театра им. Т.Г. Шевченко под управлением Наума Нусбаума. 17 декабря 1989 года на учредительное собрание в помещении Театра им. Т.Г. Шевченко пришло столько евреев, что камню негде было бы упасть, если бы кто-то решился его в нас бросить. Директор театра боялся, что рухнет балкон. Весь зал пел "Гивэйngu шалом алейхем" и "Ломир Алем Инейнэм".

Состоялось выступление днепропетровского еврейского профессионального эстрадного коллектива, позднее получившего название Днепропетровский еврейский театр "Алевай!" (художественный руководитель А. Шмист, дирижер Н. Нусбаум, хормейстер И. Недзвецкий).

Созданный Днепропетровский областной еврейский центр "Культура и милосердие" еще на протяжении нескольких лет был единственной светской официальной еврейской организацией края, первой за послевоенные годы.

Вскоре прошел слух о готовящемся еврейском погроме. В ответ я предложил организовать массовое празднование Пурима в помещении цирка. Разрешение было получено в обкоме партии. Пришло 2500 человек, среди гостей был мэр города Валерий Павлович Пустовойтенко. Такое было впервые после октябрьского переворота, чтобы городской голова поздравил евреев с праздником.

К этому времени мы уже отремонтировали синагогу. Собранных денег не хватило, и Виктор Рабкин положил на стол присланный из Хайфы его жене дорогой кожаный костюм, который сдали в комиссионный магазин, и деньги пошли в дело.

В декабре 1989 года общество "Культура и милосердие" начало сбор средств на строительство миквы во дворе синагоги на ул. Коцюбинского, № 7.

Занялись мы и организацией бесплатной службы помощи тем, кто отъезжал в Израиль. Ее начинали Семен Лурье и Юрий Ступникер. Затем, в связи с их отъездом, мне пришлось заняться организацией этой службы. В новую группу вошли юрист Днепров, инженер Израэлит. [Наум Борисович Израэлит – ныне Наум Израили – до своего отъезда в Израиль был активистом общества "Культура и милосердие". С 1990 года он руководил днепропетровским отделением "общества дружбы СССР – Израиль". В 1991 году Н. Израэлита пригласили в Израиль, где после аттестации ему поручили организовать в Днепропетровске региональный информационный центр. С его участием было осуществлено прямое авиасообщение Днепропетровск – Тель-Авив. В 1988 году он уехал в Израиль, где стал организатором Приднепровского землячества, входящего во Всеизраильское объединение выходцев из Украины. Со временем стал председателем его Объединения в Петах-Тикве. Объединение проводит большую работу среди 1200 выходцев из Украины в этом городе, где только из Днепропетровска в 2004 году было зарегистрировано 212 семей. Выпускается свой информационный вестник "Ступень восхождения" – А. Б.] Позже здесь активно стал работать Городецкий. Одновременно с этим начала функционировать служба социальной помощи. Ею занимались Евгения Карпова, Лилия Брам и моя жена – Бэла Шмист. Привлекали к этой работе и школьников. Мои дочери – Аня и

Лена, воспитанные с первого дня своего рождения в любви к Всевышнему, в свободное время ходили убирать и мыть полы у стариков. Они были не одиноки в своем желании жить по законам нашего народа.

В это время пришел к нам Илья Брискин, принявший активное участие в работе общества, затем появились Роман Вольтинский, Валерий Обуховский, Дора Гунько и многие другие. Олег Ладыженский привез из Литвы известие о возрождении еврейского спортивного общества Маккаби. Это сообщение подтолкнуло и нас к созданию днепропетровского Маккаби, которое возглавил тренер по гребле Аркадий Осиновский, потом подключились Феликс Сидельковский, Аркадий Родос, Ефим Капелян. Команда футболистов под руководством Родоса стала чемпионом Маккабиады СССР. Вскоре мы провели первый Всесоюзный фестиваль общества Маккаби СССР, всю организационную часть взяли на себя Илья Брискин, Аркадий Осиновский и я. Фестиваль прошел в помещении старого цирка на ул. Шмидта. Были гости со всего Союза, выступали популярные коллективы спортсменов и артистов из СССР и Израиля. Известный певец Вадим Мулерман привез новую еврейскую программу. В фестивале участвовала танцевальная группа из Израиля под руководством Шломо Мамана. Впервые делегация Маккаби СССР была приглашена в Израиль. Нас поехало 39 человек. До этого состоялось совещание, на котором меня выбрали директором Маккаби по образованию и культуре. До отъезда я успел вырезать, первую в СССР, серию памятных медалей по истории евреев и посвященную 40-летию руководства Любавичским движением Менахемом Менделем Шнеерсоном.

В 1989–1990 учебном году я собрал 30 детей в помещении средней школы № 58. На занятия приходил и завуч Карл Вениаминович Бляхер, спустя несколько лет возглавивший женское педагогическое училище "Бэт-Хана", а тогда, как и дети, писавший первые буквы иврита. Знал я мало, никто не верил в успех, и пришлось мне преподавать иврит, историю евреев, географию Израиля и читать ученикам Тору.

В следующем году детей уже было 60, преподавателей – 7, в том числе Бая и Яков Раденские, которых Сохнут прислал вести курсы иврита.

Позже школа получила статус государственной еврейской школы № 144, ее возглавил С.И. Каплунский. Я был первым преподавателем еврейских традиций и обычаев, а моя жена Бэла – иврита. Немало труда стоило доказать важность прихода в школу раввина как духовного лидера общины. С этим вопросом мне пришлось ехать на прием к министру образования в Киев. Им был тогда человек щедрой души, большой мудрости и любви к своему народу профессор Зязюн. Это и спасло положение. Ныне данная еврейская школа является крупнейшей в Европе.

Удалось мне создать впервые за всю историю еврейства Украины флаг общины, первый в Союзе еврейский значок, возродить послевоенную традицию митингов на месте расстрела евреев в Ботаническом саду и создать уже прижившийся сегодня ритуал их проведения.

Первый летний еврейский школьный лагерь "Ган Исраэль", организованный общиной и обществом "Культура и милосердие", открыт был в июле 1990 года, в том же году был организован и первый зимний лагерь.

В декабре 1990 года впервые в Украине в центре города была установлена Ханукия высотой более 10 метров. Технически и организационно это было достаточно сложно, но поддержка раввина Ш. Каминецкого и инженера Э. Фрайермана помогли довести дело до завершения. Торжественное открытие Ханукии состоялось в присутствии сотен горожан на Театральной площади у Театра им. Т.Г. Шевченко.

Многим помогали замечательные украинские женщины, занимавшие важные государственные и общественные посты: Валентина Васильевна Тальян, Галина Федосеевна Шамрай. Трудно переоценить, сколь важны были их понимание наших проблем и уважение ко всем народам Украины... Много было сделано, но при этом я всегда знал, что без поддержки моих дорогих земляков евреев и неевреев все оказалось бы пустой затеей. Теперь, когда иных уж нет, а те далече, я испытываю к ним еще большее чувство благодарности и любви.

О многих я не вспомнил, пусть они простят меня за это, но не дай Б-г, не потому, что они мало сделали или забыты мною. Просто когда-то нас было действительно много. Это были замечательные и преданные своему народу люди".

Аркадий Леонидович Шмист родился в мае 1946 года. В 1964 году окончил медицинское училище, после окончания Днепропетровского медицинского института в 1972 году работал в кардиологической бригаде скорой помощи. Потом в больнице № 20, вновь вернулся в скорую помощь. Затем был руководителем комплексной научной медико-спортивной группы спорткомплекса "Метеор". Вернулся в родной институт, где работал старшим научным сотрудником в центральной лаборатории.

А. Шмист первый в городе начал писать о еврейских проблемах, – первая его статья появилась в "Днепре вечернем" в 1972 году, затем были публикации и в других изданиях, в том числе в Израиле. В 1992 году организовал выпуск газеты "Алевай!", стал членом Союза журналистов Украины. Среди его увлечений – скульптура. В начале 60-х годов учился в студии С.И. Духовенко во Дворце культуры железнодорожников. Им разработано много мемориальных памятников. Среди них "Дорога святых", "Колодец сорока стенаний", а также памятник евреям – жертвам фашистской оккупации города, установленный в

Ботаническом саду. А. Шмист активный организатор митингов, ежегодно проходящих на месте расстрела. И каждый раз здесь видна созданная им менора Памяти. 12 граней меноры, как и 12 свечей, символизируют 12 колен Израилевых. Венчает менору магеновид из колючей проволоки, надломленный, как преломилась и жизнь 6 миллионов жертв Холокоста.

Аркадий Леонидович великолепно знает и любит украинский язык, на который, по сообщению израильской газеты "Вести", первым в мире перевел с иврита "Золотой Иерусалим". Перевод опубликован этой же газетой и исполнен кантором Аврумом Прессманом из Иерусалима на фестивале еврейской музыки в Днепропетровске в начале 90-х годов. А.Л. Шмист создал сборник праздничных песен для младших классов школ на украинском и еврейском языках. В сборник вошли и его собственные песни.

В середине 90-х годов А.Л. Шмист учился в ешиве "Меркас-Гутник" в Иерусалиме.

Приведенные выше воспоминания Г.Н. Короля и А.Л. Шмиста дополняет Александр Абрамович Фридкис: "Вопросами иудаизма интересовался всегда, безразличны мне были всегда еврейская философия и религия. Даже в застойные годы посещал синагогу на шаббат и в праздники. Хотелось больше приобщиться к религии и к тем старикам, которые посещали синагогу. Но в те далекие годы это было довольно сложно. Старшие не особо привечали нас, молодых. Я думаю, это было следствием действия властей по отношению к верующим и господствующей идеологии. Часто мы слышали от них – это вам не нужно, идите гулять в парк и тому подобное. Нелегко было завоевать доверие этих замечательных стариков.

Вспоминаю Григория Хаймовича Кеглера, председателя нашей общины. Он был вспыльчивым человеком, душой болел за синагогу, не боялся спорить с властями, которым однажды пришла мысль превратить синагогу в кинотеатр. Он был настоящий балабус – хозяин, не знал иврита и молиться как следует не умел, но с ним было легче жить.

Вспоминаю Илью Мордуховича Симкина, это он провел водопровод в синагогу, Янкеля Исааковича Тарнаридера – бывшего моряка, большого хлебосола. Лейзер Гершович Лернер – золотой голос синагоги, именно ему поручали после утренней молитвы читать "Кадиш юсем". Исаак Моисеевич Городецкий был наш "баал тфила" – человек, который вел богослужение. Хозяином Торы – "баал крия" – был Абрам Пейсахович Уманский, участник Великой Отечественной войны, гордившийся своей медалью "За отвагу".

В 70-е годы в правлении нашей общины были Мордуч Айзикович Шехтман и Абрам Григорьевич Вайсберг.

Вспоминаю Мойше Абрамовича Мармура, приходившего в синагогу даже в гололед. Членами нашей "двадцатки" были Борух Пороник и Гирш Натанович Король – долгие годы председатель нашей религиозной общины. В начале 50-х годов община находилась в очень тяжелом материальном положении, на счету были 2–3 тысячи рублей и то власти постоянно требовали различные отчисления, скажем, в Фонд мира и другое. В помощь пострадавшим от землетрясения в Армении мы из своих скромных финансовых запасов перечислили 500 рублей.

Синагогу открывали только в субботу. Уборщица Люба утром топила печь на втором этаже, первый этаж не отапливался из-за отсутствия средств.

В конце 80-х годов правление общины состояло из Г.Х. Кеглера (председатель), И.М. Симкина, М.А. Мармура, И.М. Городецкого, А.А. Фридкиса. Активными членами общины были Виктор Рабкин, Аркадий Шмист, Борис Цейткин и другие. Особо хочу отметить Виктора Гутина и Александра Заманского – свободно владевших ивритом, идиш и английским. Чудесным преподавателем был Борис Ерухимович. Занятия проходили в синагоге на втором этаже в полулегальных условиях. Это было замечательное время, в теплой семейной обстановке вместе дружно встречали субботу, вместе пели субботние псалмы.

Наша религиозная община сумела сохранить едва тлеющий очаг еврейской веры и донести его до поры, когда в Украину пришли посланники Любавичского Ребе".

Александр Абрамович Фридкис родился в 1949 году в семье кадрового военного. Окончил с отличием Днепропетровский медицинский институт. Затем учился в ординатуре по грудной хирургии. Отслужил в армии, работал хирургом в 18-й городской больнице. Своими учителями считает раввина Шмуэля Каминецкого и Гирша Короля.

Позволю себе небольшое авторское отступление. Виктор Рабкин – мой друг. Мы жили в одном дворе на пр. К. Маркса, № 16 (сейчас это № 34) и вместе учились в одном классе в школе № 100. Уже в школьные годы он был лидером, "взрослее" нас, своих одноклассников. Сын расстрелянного в 1937 году отца, он многое знал и испытал. Класс наш был самым дружным в школе. Во всяком случае, мы единственный класс выпуска 1955 года (а всего было 4 десятых класса), который собирается каждые 5 лет на традиционные встречи. Хочу вспомнить своих дорогих товарищей – Изю Шпеера, Виктора Гурвича, Толю Кагановича, Вадима Хуторянского, Филиппа Гитлина, Владимира Гуревича, Виктора Снаговского, и не только евреев – Олега Мартынова, Колю Пархоменко, Жору Моргунова, Геннадия Орешкина, Виталия Решетняка... Нас учили прекрасные учителя: Дора Израилевна Торгман (наша "мама"), Дина Абрамовна Лещинская, Ирина Яковлевна Литвинова, Валентина Моисеевна Карлинская,

Лариса Яковлевна Рубина, Моисей Вульфович Набутовский, а также Анатолий Дмитриевич Бобовников, Эльза Владимировна Кавецкая, Евгений Евстафиевич Лазько... Простите меня все, кого не упомянул.

Послевоенная официальная демография еврейского населения Днепропетровской области и города выглядела следующим образом. В 1959 году в области проживало 73,3 тысячи евреев, из них в областном центре – 53,4 тысячи. В 1970 году в области было 69,3 тысячи евреев, в городе – 50,4 тысячи человек (5,8% всего населения города). Спустя девять лет, в 1979 году, эти цифры соответственно были 60,85 тысячи и 45,6 тысячи (4,3%). Таким образом за период с 1970 по 1979 год число евреев в Днепропетровске уменьшилось на 4,8 тысяч человек. В целом по Украине уменьшение еврейского населения за это время составило 144 тысячи. В 1979 году в Украине проживало 486 тысяч евреев. [385]

Последняя перепись в СССР была проведена в 1989 году. Тогда евреями себя назвали: в Днепропетровской области 50095 человек, в областном центре – 37 869. В качестве родного – еврейский язык (идиш) назвали 1767 человек. Отметим высокий уровень образования еврейского населения. На 1000 человек в возрасте от 15 лет – 351 имел высшее образование, 26 – незаконченное высшее, 252 – среднее специальное, 189 – среднее, 108 – неполное среднее, 55 – начальное. На 1000 работающих евреев приходилось 445 человек с высшим образованием, 16 – с незаконченным высшим, 304 – средним специальным, 171 – средним, 48 – неполным средним, 14 – начальным.

В материальном производстве работало 57,4% евреев. В том числе в промышленности – 34,1; строительстве – 8,5, на транспорте и связи – 5,6; в сельском и лесном хозяйстве – 0,9; торговле и общепите – 6,2 и в снабжении 0,7%. В непродовольственных сферах работало 41,7% еврейского населения. В том числе в медицине, спорте и соцобеспечении – 9,8; в просвещении, культуре и искусстве – 13,7; научной деятельностью было занято 9,2% евреев.

Приведем данные, относящиеся к выезду евреев в Израиль. С 1945 по 1973 из СССР туда выехало 64595 человек, спустя год эта цифра возросла до 96200. С 1975 по 1980 год выехало около 146000 человек. Отметим, что часть выехавших по израильским вызовам поехали в другие страны. Так, если из Украины в 1991–1995 годах в Израиль прибыло 72241 человек, то в США – около 60000. [386]

Отметим, что официальные данные не отражают действительную демографию, поскольку многие евреи из смешанных браков, учитывая обстановку в обществе, скрывали свою национальность. Можно привести такие данные. Из каждых

1000 взрослых мужчин-евреев в 1989 году 230 были женаты на женщинах не своей национальности и их дети, как правило, записывались по национальности матери. Такая же ситуация складывалась и в отношении женщин-евреек, находящихся в смешанных браках. Р. Гольдштейн считал, что в 1989 году в Днепропетровске евреи составляли около 10% его жителей, в этом случае их число составляло порядка 100 тысяч человек. По переписи населения Украины, проведенной в декабре 2001 года, евреев в стране насчитывается 105 тысяч человек. Всемирное еврейское агентство Сохнут оперирует цифрой 400 тысяч человек. Еврейский календарь на 2002 год определяет еврейское население Днепропетровска численностью 60 тысяч человек. [387]

В 1987–1988 годах в Украине резко сократилось число отказов на выезд в Израиль. В декабре 1989 года проходил съезд, на котором собрались представители почти 300 еврейских организаций СССР. Итогом съезда стало создание Конфедерации еврейских организаций и общин СССР.

1990 год. В январе 1990 года члены правления Центра "Культура и милосердие" принимали участие в работе I съезда еврейской организации СССР (Александр Заманский, Юрий Ступникер, Аркадий Шмист). Во время съезда делегаты познакомились с гостями из Бостона, которые были приглашены посетить Днепропетровск. Это послужило основой дальнейшего многолетнего сотрудничества общин двух городов.

Президиум горисполкома принял решение о возврате здания Хоральной синагоги еврейскому обществу "Культура и милосердие", так как выяснилось, что религиозная община города не имела регистрации в соответствии с действующими требованиями, а регистрация 1946 года утратила свою силу

Первая еврейская библиотека, созданная Центром "Культура и милосердие", была открыта при городской публичной библиотеке № 5 (пр. Гагарина, № 110) в марте 1990 года. В апреле на ул. Минина начала работать вторая библиотека, на открытии ее присутствовал посланник Любавичского Ребе в Днепропетровске р. Арье-Лейб Фридман.

Первый благотворительный общественный Пасхальный седер организовали в апреле 1990 года. На нем присутствовало 1200 человек. Кошерные продукты предоставил Джойнт.

22 июня 1990 года в Днепропетровск приехал из США молодой раввин Шмуэль Каминецкий с женой Ханой.

Раввин Ш. Каминецкий родился в 1965 году в Израиле, в городе Кфар-Хабат, учился в Лоде (Израиль). С 1980 по 1984 год он – учащийся Американского раввинского колледжа. До 1986 года был на практике в Нью-Хейвене. С 1987 года преподавал в раввинском колледже в Нью-Джерси. Получил звание доктора

Талмуда. В 1988 году учился в высшей ешиве "770" и получил диплом раввина. Женился в 1989 году. Вот что рассказывает раввин Шмуэль Каминецкий о своем приезде в Днепропетровск:

"Мы с женой Ханой прилетели из Нью-Йорка в Москву, а оттуда – поездом в Днепропетровск. Проводник почему-то запер нас в купе, наверное, как иностранцев – боялся контактов. А жена у меня тогда была беременна и ей трудно было всю дорогу сидеть в закрытом душном купе.

Но вот мы с Ханой ступили на перрон днепропетровского вокзала. Здесь нас очень тепло встретили Г.Н. Король, А.А. Фридкис и А.Л. Шмист. Эти глубоко религиозные люди стали мне поддержкой с первых же моих шагов в Днепропетровске. Трудно сказать, смогли бы мы всего здесь добиться, если бы не их постоянная помощь.

На первых порах было очень трудно: мы не говорили по-русски, не было кошерной еды. В нашем номере гостиницы не было даже душа. Но, несмотря на трудности, я сразу приступил к работе и уже на следующий день, в пятницу, провел встречу субботы. Субботние свечи в синагоге зажгла Хана. А в кафе "Днепропетровск" я следил за приготовлением кошерной пищи для еврейских праздников.

Вскоре община избрала меня раввином. Перед моим приездом в Днепропетровск Любавичский Ребе направлял сюда своих посланников – выяснить, сколько тут живет евреев, есть ли у них синагоги, и какая идет работа и служба. Тут побывал посланник Ребе в Москве р. Моше-Хаим Левин. После чего Ребе предложил мне поехать сюда. К началу 1990 года здесь проживало 80–100 тыс. евреев. Им нужны были внимание и помощь. Любавичский Ребе всегда заботился о том, чтобы абсолютно всем евреям, которых он считал своими детьми, было хорошо физически и духовно. Когда я уже был здесь, вдруг раздался телефонный звонок из Бруклина, и Любавичский Ребе лично напомнил мне, что нужно заготавливать для евреев картошку, так как здесь это главная еда и стоит зимой она дорого! Вот каким заботливым и внимательным был этот человек! И когда он болел, то, хотя и с большим трудом, но успел все-таки сказать четыре слова: "Помогите евреям в Советском Союзе!". Этот наказ мы, его дети и ученики, никогда не забываем".

Можно констатировать, что раввин Шмуэль Каминецкий наказ своего учителя Любавичского Ребе, благословившего на работу в Днепропетровске, выполнил сполна. Приезд реб Шмуэля Каминецкого дал мощный импульс возрождению общины города и области, ни одно событие в общине, ни одно мероприятие не проходят без внимания главного раввина города и области Шмуэля Каминецкого. Велика заслуга и ребецн Ханы Каминецкой, проводившей работу среди женщин. Скромная, терпеливая, мудрая не по годам, она создала вокруг себя

атмосферу тепла и любви в общине. И важно то, что начало деятельности семьи Каминецких совпало с созданием независимого государства Украины, обеспечившего политическое и культурное развитие национальных меньшинств страны.

1991 год. Создана Ассоциация еврейских организаций и общин Украины.

24 августа Верховный Совет УССР принял Акт провозглашения независимости, всенародный референдум (1 декабря) практически единогласно подтвердил его. Все партии и движения Украины выступили за обеспечение национальным меньшинствам беспрепятственного политического и культурного развития.

21 сентября на массовом траурном митинге по случаю 50-летия трагедии в Бабьем Яру Президент Верховного Совета Украины Леонид Кравчук принес извинения еврейскому народу за участие украинцев в нацистском геноциде. Во всех школах страны прошли уроки памяти жертв Катастрофы.

Завершая описание жизни евреев в советское время необходимо отметить, что первые годы этой власти давали надежды для роста еврейского национального самосознания. Уничтожение черты оседлости привело к большой миграции, существенному росту образованности евреев, они получили доступ к сфере управления. Несмотря на массовое распространение русского языка, идиш оставался родным. Выходили газеты и книги на идиш, в еврейских национальных районах было двуязычие. Власти преследовали антисемитизм. Тем не менее нарастала ассимиляция, особенно среди молодежи, оторванной от религии, подвергавшейся мощному преследованию.

Война и последующая фашистская оккупация всей бывшей черты оседлости привела к гибели еврейской Атлантиды. Положение евреев в послевоенный период усугубилось политикой государственного антисемитизма, проводимой в стране коммунистическим режимом. Сказались и такие обстоятельства как низкая рождаемость, смешанные браки, значительное уменьшение евреев в общественном управлении, добавила свое и массовая эмиграция.

Несмотря на все эти обстоятельства, глубинные корни еврейства сохранились и дали свои ростки. Особенно они проявились во время перестройки, когда у власти не было сил бороться с ними. Возрождение наступило с возникновением независимой Украины.

Источники

1. Ф. Кандель. Книга времен и событий, т. 2. История российских евреев. - Иерусалим, Москва, 2002, - с. 581 [далее - Ф. Кандель].

2. Украина. Краткая еврейская энциклопедия в 10 томах. - Иерусалим, 2000//т. 8, - с. 1186 [далее - КЕЭ].
3. В. И. Лазебник. Население города Екатеринослав (1176-1917)//Грані, 2(16), 2001, Дніпропетровськ, - с. 3 [далее - В. И. Лазебник. Население].
4. Екатеринославская губерния//Еврейская энциклопедия в 16 томах. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон - С.-Петербург, 1993, т. 7, - с. 497 [далее - ЕЭ].
5. Ю. Гессен. История еврейского народа в России. - Иерусалим, Москва, т. 2, - с. 98 [далее - Ю. Гессен].
6. Екатеринославская Губерния // ЕЭ, т. 7 - с. 498.
7. Ю. Гессен, т. 1, - с. 186.
8. Справочная книга. Весь Екатеринослав. 1913 - Екатеринослав, 1913, изд. Л. И. Сатановского - с. 125 [далее - Справочная книга, 1913].
9. Ю. Гессен, т. 2, - с. 102.
10. А. Ф. Стародубов, В. В. Самодрыга, С. С. Иванов. Память истории. - Дніпропетровськ, РВА "ДніпроVAL", 2003, - с. 37 [Далее - А. Ф. Стародубов].
11. Sefer Yekaterinoslav-Днепрпетровск (иврит). Под редакцией Ц. Гаркави и Я. Голдберга. - Иерусалим, 1972, - с. 21 [далее - Sefer].
12. В. И. Лазебник. Население, - с. 8.
13. В. В. Владимиров. Первое столетие Екатеринослава. - Екатеринослав, 1887, - с. 213 [далее - В. В. Владимиров].
14. Ю. Гессен, т. 2, - с. 159.
15. Sefer, - с. 23.
16. В. И. Лазебник. Население, - с. 5.
17. В. В. Владимиров, - сс. 240-246.
18. Sefer, - с. 24.
19. О. Найман. Скорботний шлях Українського єврейства. - Київ, 2004, с. 37 [далее - О. Найман].
20. Ф. Кандель, т. 2, - с. 524.
21. А. Ф. Стародубов - с. 162.
22. Екатеринославская губерния//ЕЭ, т. 7, - с. 501.
23. Днепрпетровск // Российская еврейская энциклопедия в 5 томах, - М., 2000, т. 4, - с. 388 [далее - РЕЭ].
24. Государственный архив Днепрпетровской области, - Фп. 1, оп. 1, д. 1527, л. 182 [далее - ГАДО].
25. Стародубов, - с. 162.
26. А. Бернштейн. Еврейское кино дореволюционной России//Лехаим, 2000, № 8.
27. Ю. Морозов, Т. Деревянко. Еврейские кинематографисты в Украине (1910-1945), - Киев, "Дух і літера", 2004, - с. 24.
28. И. Я Гинцбург // КЕЭ, т. 2, - с. 135.
29. Первая всеобщая перепись 1897 г., т. VIII, Екатеринославская губерния. - С.-Петербург, 1904.
30. Статистико-экономический обзор Екатеринославской губернии за 1897 год. Екатеринослав, 1898.
31. Екатеринославская губерния // ЕЭ, т. 7, с. 501.
32. Sefer, - сс. 24-25.
33. Там же, - с. 26.
34. М. Полищук. Евреи Одессы и Новороссии. Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии. 1881-1904. - Иерусалим, Москва, 2002, - сс. 270-271 [далее - М. Полищук].
35. П. Рутенберг // КЕЭ, т. 7, - сс. 552-553.

36. Кишиневский погром 1903 года. - Кишинев, 2000, - сс. 182, 195.
37. Днепропетровск // РЕЭ, т. 4, - с. 388.
38. ГАДО, - Ф. 11, оп. 1, д. 462, л. 35.
39. Там же, д. 625, л.30.
40. Материалы по истории Екатеринославской социал-демократической организации большевиков и революционные события 1904-1905-1906. - Екатеринослав, 1924, - с. 220 [далее - Материалы].
41. Там же, - сс. 260-263.
42. Там же, - с. 266.
43. Там же, - с. 267.
44. ГАДО, - Ф. 11, оп. 1, д. 461, л. 114.
45. Там же, - л. 123-123 об.
46. Gerald Surh. Ekaterinoslav in 1905: Workers, Jews and Violence. - International Labor and Working-Class History, # 64, Fall 2003, - с. 145 [далее - Gerald Surh. Ekaterinoslav].
47. ГАДО, - Ф. 11, оп. 1, д. 461, л. 124-124 об.
48. Материалы, - сс. 272-273.
49. Gerald Surh. Ekaterinoslav, - с. 146.
50. Журнал Екатеринославской городской думы за 1905 год, III, октябрь-декабрь. Екатеринослав, типо-литография губернского правления, 1906, - сс. 91, 122, 123 [далее - ЖЕГД (1905)].
51. Государственный исторический архив Украины, ф. 1597, оп. 1, д. 86, лл. 231-232 [далее - ГИАУ].
Материалы, - с. 324-334.
52. Екатеринославщина в революции 1905-1907 гг. - Днепропетровск, 1975, - сс. 187-190 [далее - Екатеринославщина].
53. Там же, - сс. 164-167.
54. Материалы, - сс. 292-293.
55. Там же, - сс. 301-302; ГАДО, ф. 11, оп. 1, д. 465 лл. 109-110.
56. ГАДО, - Ф.11, оп. 1, д. 465, л. 30.
57. Там же, л. 31.
58. Екатеринославщина, - сс. 181-185.
59. Там же, - сс. 182-185.
60. Материалы, - с. 330.
61. Там же, - с. 331.
62. ГАДО, - Ф. 11, оп. 1, д. 465, лл. 114-117.
Там же, - Ф. 1597, оп. 1, д. 86, лл. 297-304
63. Материалы, - сс. 332-334.
64. ГАДО, - Ф. 11, оп. 1, д. 465, л. 117 об.
65. Материалы, - с. 333.
66. ГАДО, - Ф. 11, оп. 1, д. 465, л. 113-113 об.
67. Материалы, - сс. 276-280.
68. Там же, - с. 4.
69. Там же, - с. 138.
70. ГАДО, - Ф. 11, оп. 1, д. 465, л. 107.
71. Погромы.//КЕЭ, т. 6, - с. 566.
72. Самооборона.// КЕЭ, т. 7, - с. 649.

73. Днепропетровск.//РЕЭ, т. 4, - с. 389.
74. В. Дальман. Октябрьские дни в Екатеринославе (мысли и воспоминания). "Серп", сб 1, М., 1907, - с. 241 [далее - В. Дальман].
75. Екатеринославская губерния, вып. 3. Памятная книжка и адрес календарь 1903 года. Екатеринослав, типо-литография губернского правления, с. 61.
76. Н. М. Корнева. Александр Львович Караваев.//Исторический ежегодник Омского университета. 1999, с. 40-51.
77. ЖЕГД (1905), - сс. 10-17.
78. Вестник Екатеринославского земства, № 42, 3 ноября 1905 г.
79. ЖЕГД (1905), - с. 25.
80. Sefer, - с. 28.
81. Там же, - с. 133.
82. А. И. Хаеш. Еврейская эмиграция по материалам фонда Департамента общих дел МВД в РГИА. Петербургский институт иудаики. - Сетевой альманах "Еврейская старина" (редактор Е. Беркович, <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer2/Chaesh1.htm>).
83. Sefer, - сс. 204-211.
84. Журнал Екатеринославской городской думы за 1906 год. Январь-май. Екатеринослав, типо-литография губернского правления, 1906, - сс. 130-131 [далее - ЖЕГД (1906)].
85. В. И. Лазебник. Озерка наша. - Днепропетровск, Арт-Пресс, 2001, - с. 4.
86. ЖЕГД (1906), - сс. 254-355.
87. Там же, - с. 237.
88. ГАДО, - Ф. 177, оп. 1, д. 2а, л. 26.
89. Там же, л. 13.
90. Там же, л. 33.
91. Материалы, - с. 388.
92. Там же, - с. 357.
93. Там же, - сс. 128-130.
94. Днепропетровск, // РЕЭ, т. 4, - с. 388.
95. В. Дальман, - сс. 200-247.
96. О. Найман, - с. 46.
97. А. Ефимович. Екатеринославское население//Южная заря, 1910, 11 сентября.
98. Справочная книга, 1913, - с. 262.
99. А. Ф. Стародубов, - с. 307.
100. Справочная книга, 1913, - сс. 256-257.
101. Отчет общества попечения о детях евреев в Екатеринославе за 1911 год. - Екатеринослав, 1912.
102. Екатеринославская губерния. Вып. 1. Памятная книжка и адрес-календарь за 1900 г. Издание губернского статистического комитета, 1900, - с. 63.
Справочная книга, 1913, - 239.
103. Sefer, - с. 31.
104. И. А. Хазанович // КЕЭ, т. 9, - сс. 521-522.
105. Sefer, - сс. 125-127.
106. Справочная книга, 1913, - с. 215.
107. Sefer, - с. 30.
108. Екатеринославская городская статистика. 1918. Вып. 1. 27 июля 1918. - Екатеринослав, 1918.
109. С. И. Гопнер // Большая советская энциклопедия в 30 томах, т. 7, - с. 73 [далее - БСЭ].

110. Е.М. Ярославский // там же, т. 30, - с. 558.
111. Б. Д. Оржиг // РЕЭ, т. 2, - с. 349.
112. Г. Д. Лейтензен // РЕЭ, т. 2, - с. 158.
113. И. И. Шварц // КЕЭ, т. 10, - сс. 115-116.
114. В. С. Войтинский // РЕЭ, т. 1, - с. 237.
115. С. М. Семков // РЕЭ, т. 3, - с. 41.
116. С. И. Новаковская // РЕЭ, т. 2, - с. 333
117. Sefer, - сс. 68-69.
118. Революция на Украине. - М.-Л., Госиздат, 1930.
119. А. Ф. Стародубов, - сс. 62-63.
120. В. Сергейчук. Погромы в Украине. 1914-1920. - Киев, 1999.
121. Фонд И. М. Чериковера, д.144, лл. 11691-11694.
122. А. Ф. Стародубов, - с. 64.
123. Революция на Украине, - М.-Л., Госиздат, 1930.
124. Газ. "Геула" (Днепропетровск), 2000, № 285.
125. Ф. Кандель, т. 2, - сс. 96-97.
126. Украина//КЕЭ, т. 8, - с. 1226.
127. Памятная книжка Екатеринославской губернии за 1867 год. Часть II. - Екатеринослав, типография губернского правления, - сс. 236,243.
128. Днепропетровск // РЕЭ, т. 4, - с. 389.
129. ГАДО, - Ф. 416, оп. 1, д. 173, л. 1.
130. Справочная книга Весть Екатеринослав. 1915. - Екатеринослав, 1915. Издание Л. И. Сатановского, - с. 258 [далее - Справочная книга, 1915].
131. Газ. "Шабат шалом" (Днепропетровск), 2000, № 9. [далее - Шабат шалом]
132. Екатеринославский юбилейный листок, 1887, № 18.
133. М. Полищук, - с. 37.
134. Там же, - с. 140.
135. Н. Блюменталь // КЕЭ, т. 1, - с. 459.
136. Sefer, - с. 24.
137. Ш. Левин // КЕЭ, т. 4, - сс. 732-733.
138. Днепропетровск // РЕЭ, т.4, - с. 389.
139. Екатеринославская губерния, вып. 3. Памятная книжка и адрес-календарь 1903 года. - Екатеринослав, типо-литография губернского правления, - с. 62 [далее - Екатеринославская губерния, вып. 3, 1903].
140. Справочная книга, 1913, - сс. 267-268.
141. Н. Ш. Сосонкин // РЕЭ, т. 4, - с. 42; т. 3, - с. 99.
142. Sefer, - сс. 113-116.
143. Там же, - сс. 117-118.
144. Справочная книга, 1915, - с. 258.
145. Toldos Levi-Yitzhak, v. 1, 2, 3. Israel, 1995.
146. Sefer, - сс. 114-115. И. Л. Левин // КЕЭ, т. 4, - сс. 728-729.
147. Ю. Гессен, т. 2, - сс. 122-123.
148. В. В. Владимиров, - с. 203.
149. Ю. Гессен, т. 2, - с. 179.
150. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав, типография Я. Чаусского, 1864, - с. 17.

- РЕЭ // т. 4, - с. 388.
151. М. Полищук, - с. 45.
152. С. Ципперштейн. Евреи Одессы. История культуры 1794-1881. Гешарим, - М. - Иерусалим, 1995, - с. 87.
153. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. - Екатеринослав, 1867, - с. 290.
154. Ю. Гессен, т. 2, - с. 230.
155. Екатеринославский юбилейный листок. - Екатеринослав, 1887, - сс. 241-242.
156. Sefer, - сс. 21-23.
157. М. Полищук, - с. 46.
158. В. В. Владимиров, - с. 195.
159. Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии за 1898 год. - Екатеринослав, типография губернского правления, 1889, - с. 364.
160. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1904 год. Народное образование. - Екатеринослав, 1905.
161. А. Ф. Стародубов, - 48.
162. Екатеринославская губерния, вып. 3, 1903, - с. 51.
163. А. Рождественский. Краткий отчет 10-летия 2-го реального училища. 1901-1911. - Екатеринослав, 1911.
164. М. Полищук, - с. 185.
165. Ежегодник "Приднепровье". Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1914 год. - Екатеринослав, типография губернского правления, 1914, - сс. 263-264.
166. Календарь-ежегодник. Приднепровье. 1910 год. Издание Екатеринославского губернского статистического Комитета, - сс. 325-326.
- Календарь-ежегодник. Приднепровье. 1911. - Екатеринослав, издание А. Авчинникова, 1911, - с. 284.
- Справочная книга, 1913, - сс. 215-217.
- Екатеринославский адрес-календарь, 1914. Издание Губернской типографии, 1915, - СС. 203-206.
167. Sefer, - сс. 122-124.
168. Центральный государственный архив органов высшей власти Украины, - Ф. 1854, оп. 1, д. 171 [далее - ЦГАВОВУ].
169. Днепропетровск //РЕЭ, т.4, - с. 388.
170. С. Тимошенко. Воспоминания. - Киев, Наукова думка, 1993, - с. 117.
171. А. А. Пресс. Университет или политехникум // Новый восход, 1913, № 14.
А. А. Пресс. Учреждение политехникума для евреев // Новый восход, 1913, № 16-17.
Где устраивать политехникум // Новый восход, 1913, № 20.
Варшавский политехникум // Приднепровский край, 1915, № 5594.
172. ГАДО, - Ф. 2065, оп. 1, д. 1627, с. 183-187.
173. Л. Г. Рабинович//РЕЭ, т. 2, - с. 423.
174. ГАДО, - Ф.2065, оп. 2, д. 54 (Личное дело С. Н. Бернштейна).
175. Там же, д. 300 (Личное дело С. А. Заборовского).
176. ЦГАВОВУ, - Ф. 2201, оп. 1, д. 352, л. 52.
177. ГАДО, - Ф 2065, оп. 1, д. 1627, л. 267.
178. Там же, оп. 2, д. 770 (Личное дело с. А. Тамарина).
179. Там же, оп. 1, д. 1627, лл. 1-281.
180. Там же, оп. 2, д. 739, л. 4 (Личное дело Л. Б. Слепяна).
181. Там же, оп. 1, д. 1627, лл. 186-197.

182. ЦГАВОВУ, - Ф. 2201, оп. 1, д. 352, л. 219.
183. ГАДО, - Ф. 2065, оп. 1, д. 1627, л. 86.
184. Там же, оп. 2, д. 772 (Личное дело И. И. Танатара).
185. Там же, д. 249 (Личное дело Е. Я. Гройсмана).
186. Там же, д. 251 (Личное дело С. Н. Грузенберга).
- РЕЭ, т. 1, - с. 383.
187. А. О. Спиваковский // БСЭ, т. 24-1, с. 316.
188. ГАДО, - Ф. 2065, оп. 1, д. 1627, л. 221.
189. Там же, оп. 2, д. 4, л. 22.
190. Там же, д. 518 (Личное дело М. Г. Мазо).
191. Днепропетровский горный институт. Исторический очерк. Книга 1, - М; Недрa, 1990, - с.128
192. Очерки истории Днепропетровского инженерно-строительного института", - Днепропетровск, 1993, - с.6
193. А. М. М. Усышкин // КЕЭ, т. 8, - сс. 1305-1308.
194. Sefer, - с. 139.
195. Sefer, - с. 133.
196. Б. Борохов // КЕЭ, т. 1, - сс. 499-501.
197. Газ. "Известия Екатеринославского районного комитета сионистской организации", 1917, 4 октября, № 6/7, - с. 2 [далее - "Известия"].
198. Ф. Кандель, т. 2, - с. 753.
199. Sefer, - сс. 133-134.
200. Там же, - сс. 136-137.
201. Там же, - с. 25.
202. Там же, - с. 26.
203. Там же, - сс. 60-66.
204. Там же, - с. 29.
205. "Известия", - с. 6.
206. Sefer, - с. 31.
207. "Известия", - с. 3.
208. Газ. "Еврейский путь" (Екатеринослав), 1917, 6 ноября, № 1.
209. Украина // КЕЭ, т. 8, - с. 1215.
210. Михаэль Бар - Зохар. Бен Гурион. "Феникс", Ростов-на-Дону, 1998, - с. 62.
211. "Известия", - с. 6.
212. Украина // КЕЭ, т. 8, - с. 1214.
213. Там же, - с. 1218.
214. Sefer, - с. 149.
215. Там же, - с. 150.
216. Там же, - с. 149.
217. Там же, - с. 152.
218. Х. Златопольский // КЕЭ, т. 2, - с. 562.
219. И. Идельсон // КЕЭ, т. 2, - с. 643.
220. Н. М. Сидоренко, А. И. Сидоренко, О. Д. Школьная. Періодичні видання Катеринослава та Катеринославської губернії (1838-1917). - Львів, Київ, 1995.
221. Sefer, - с. 126.
222. Отчет Екатеринославского губернского ЧК (1920-1921). - Днепропетровск, 1994.

223. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 872, л. 2.
224. Там же, д. 331, л. 143.
225. Там же, д. 635, л. 57.
226. Там же, л. 16.
227. Михаил Бейзер, Михаил Мицель. Американский брат. Джойнт в России, СССР, СНГ. Издание Джойнта, 2004, - 36, [далее - Михаил Бейзер].
228. Sefer, - с. 36.
229. Михаил Бейзер, - с. 42.
230. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 1527, л. 191, 191 об.
231. Там же, д. 635, л. 74.
232. Там же, л. 54
233. Там же, д. 872, л. 4.
234. Михаил Бейзер, - с. 160.
235. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 1527, л. 188.
236. Там же, л. 198.
237. Там же, л. 194.
238. Там же, лл. 166-168.
239. Там же, д. 1526, л. 49.
240. Там же, д. 1523, л. 15.
241. Там же, л. 201.
242. Днепропетровск // РЕЭ, т. 4, - с. 389.
243. Х. Райхман // КЕЭ, т. 7, - сс. 61-62.; Sefer, - с.67
244. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 1524, лл. 11-12.
245. Там же, л. 6.
246. Там же, д. 872.
247. Там же, д. 1526, л. 27.
248. Там же, д. 1525, л. 225.
249. Там же, д. 1526, лл. 20, 56.
250. Там же, д. 1523, л. 15.
251. Там же, - Фп. 11, оп. 1, д. 1807, л. 1.
252. Газ. "Звезда" (Екатеринослав), 23 ноября 1924.
253. ГАДО, Фп. 1, оп. 1, д. 1931, л. 229.
254. Там же, д. 1525, л. 228.
255. Там же, д. 1602, л. 97.
256. Там же, л. 14.
257. Там же, л. 140.
258. Там же, - Фп. 7, оп. 1, д. 280, л. 5.
259. Там же, - Фп. 1, оп. 1, д. 1931, л. 43.
260. Там же, - Фп. 7, оп. 1, д. 511, л. 59.
261. Там же, л. 50.
262. Вся Екатеринославщина. Справочная книга 1925 года. - Екатеринослав, издание губкомпомдета, 1925, - с. 176 [далее - Вся Екатеринославщина (1925)].
263. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 1927, л. 135.
264. Там же, д. 1525, л. 181.
265. Там же, - Фп. 7, д. 280, л. 39.

266. А. М. Варшавский. Факты организованной юдофобии на Днепропетровщине в 1920-1930-х годах // Шабат шалом, 1998, № 7.
267. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 1525, л. 170.
268. Sefer, - с. 37.
269. ГАДО, - Фп. 7, оп. 1, д. 511, л. 40.
270. Там же, лл. 16-18.
271. Там же, л. 48.
272. Вся Екатеринославщина (1925), - с. 167.
273. ГАДО, - Фп. 7, оп. 1, д. 1066, л. 129.
274. Там же, д. 1093, л. 5.
275. Там же, лл. 5, 15.
276. Днепропетровск // РЕЭ, т. 4, - с. 189.
277. М.-М. Футерфас // РЕЭ, т. 3, - 265.
278. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 1531, л. 17.
279. Там же, л. 19.
280. Там же, - Фп. 19, оп. 1, д. 1056, л. 36 об.
281. Самуил Ортенберг. Ткань жизни (Воспоминания российского еврея). - Иерусалим, 2004, - сс. 143-145.
282. ГАДО, - Фп. 19, оп. 1, д. 1056, л. 439.
283. Там же, д. 443, л. 23.
284. Там же, д. 474, л. 78.
285. Там же, - Фп. 1, оп. 1 д. 1931, л. 43.
286. Там же, - Фп. 19, оп. 1, д. 474, лл. 25, 26, 42.
287. Там же, - Ф. 416, оп. 1, д. 197, л. 13.
288. Там же, - Ф. 54, оп. 1, д. 3, л. 545.
289. Там же, - Фп. 19, оп. 1, д. 1056.
290. Л. Беренштейн. Евреи и политические процессы в СССР (20-80-е годы XX столетия). - К., 1996.
291. Повернення із небуття: Доклади і матеріали про жертви сталінського свавілля у Дніпропетровському університеті. - Дніпропетровськ, "Промінь", 1995.
292. М. Хатаевич // РЕЭ, т. 3, - с. 265.
293. ГАДО, - Фп. 19, оп. 2, д. 572, лл. 12-17.
294. Там же, л. 29.
295. М. Левитан // РЕЭ, т. 2, - с. 149.
296. С. Миронов // РЕЭ, т. 2, - с. 293.
297. Г. Каминский // РЕЭ, т. 1, - с. 539.
298. П. Колосов // РЕЭ, т. 2, - с. 60.
299. А. М. Варшавский. Факты организованной юдофобии на Днепропетровщине в 1920-1930-х годах // Шабат шалом, 1998, № 7.
300. Sefer, - с. 22.
301. Екатеринославские еврейские земледельческие колонии // ЕЭ, т. VII, - с. 502.
302. А. Карагодин. Еврейские колонии Александровского уезда Екатеринославской губернии во второй половине XIX в. // Сб. "Еврейское население Юга Украины", - Харьков, 1998.
303. С. Я. Боровой. Еврейская земледельческая колонизация в старой России. - М., 1928, - с. 195.
304. Л.Улейников (Биншток). Еврейские земледельческие колонии в Екатеринославской губернии в 1890 г. - С-Петербург, 1891.

305. Екатеринославские еврейские земледельческие колонии//ЕЭ, т.VII, - с. 503.
306. Ф. Кандель, т. 2, - с. 597.
307. М. Зябко, И. Шайкин. Народное просвещение, быт и нравы в еврейских земледельческих колониях Юга Украины // Сб. Єврейська історія та культура в Україні. Матеріали конференції. Київ 8-9 грудня 1994. - Киев, 1995, - сс. 74-76.
308. ГАДО, - Фп. 1, оп. 1, д. 1931, лл. 48-51.
309. Б. Каган. Сталиндорф. 5 лет еврейского национального района на Днепропетровщине. - Киев, 1935, - с.
310. Гадо, - Фп. 19, оп. 1, д. 1837, л. 17.
311. Там же, д. 1443, л. 78.
312. Там же, д. 906, л. 117.
313. Там же, д. 438, л. 130.
314. Там же, д. 1779, л. 115.
315. Там же, д. 688, л. 16.
316. Там же, д. 493, л. 22.
317. Там же, л. 69.
318. Там же, л. 104.
319. Там же, л. 234.
320. Там же, д. 703, л. 198.
321. Там же, л. 199
322. Там же, д. 1780, л. 76.
323. Там же, д. 1837, л. 13.
324. А. И. Круглов. Энциклопедия Холокоста. Еврейская энциклопедия Украины. - К., 2000, - с. 39 [далее - А. Круглов, Энциклопедия].
325. В. Орлянский. История евреев Запорожья. Новозлатопольский еврейский национальный район (1929-1939гг.) - Запорожье, 1999.
326. ГАДО, - Фп 19, оп. 1, д. 106, л. 117.
327. Там же, д. 1443.
328. Нотэ Лурье // РЕЭ, т. 2, - с. 208.
329. И.-Б. Левнер // РЕЭ, т. 2, - с. 152.
330. Александр Круглов. Хроника Холокоста в Украине. 1941-1944 гг. – Днепропетровск, Запорожье, 2004, - с. 80 [Далее – Александр Круглов. Хроника]
331. Днепропетровск // РЕЭ, т. 4, - с. 388.
332. А. Ф. Стародубов, - с. 162.
333. ГАДО, - Фп. 19, оп. 1, д. 1825, лл. 25-28.
334. Там же, л. 102.
335. Театр і глядач. Издание Днепропетровского театрального треста, 1936, № 5, - с. 20.
336. А. Круглов. Катастрофа украинского еврейства, 1941-1944 гг. - Харьков, "Каравелла", 2001, - с. 100.
337. Александр Круглов. Хроника, - с. 48.
338. Там же, - сс. 37, 38, 41.
339. Государственный архив Российской Федерации, - Ф. 7021, оп. 57, д. 13, лл. 18, 18 об. (приведено в А. Круглов. Энциклопедия, - с. 40).
340. Газ. "Нова Україна" (Харків) - 20 марта 1942 года.
341. А. Круглов. Энциклопедия, - с. 38.
342. Б. Вишевик. Устная история Холокоста в Днепропетровской области: поиски и находки // Истоки. Вестник Народного университета еврейской культуры в Восточной Украине, 1997, № 1, - с. 52.

343. Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941-1944). - Київ, 2000, - сс. 64-68, 210-214.
- А. Круглов. Енциклопедія. - сс. 36-41.
344. Александр Круглов. Хроника, с. 43.
345. Ю. О. Гузенко, Д. Т. Федоренко. Загинули всі, залишився трьохлітній Мотя//1-е Запорожские чтения "Еврейское население Юга Украины". Доклады и сообщения. - Запорожье, 1988, - сс. 127-128.
346. Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы, вып. 13. - М., Воениздат, 1945, - сс. 74-75.
347. А. Круглов. Энциклопедия, - с. 39.
348. Там же, - с. 68.
349. Александр Круглов. Хроника, - сс. 98, 103.
350. ГАДО, - Ф. 2427, оп. 1, д. 242.
351. Александр Круглов. Хроника, - с. 70.
352. Там же, - с. 182.
353. "Шабат шалом", № 11, 2002.
354. Книга памяти воинов-евреев и жертв Холокоста Днепропетровска [тт. 1, 2, 3 (в двух книгах), 4], - Днепропетровск, РИА "Днепро VAL", 1999-2004 [далее - Книга памяти].
355. С. Б. Басс // Книга памяти, т. 2, - с. 123.
356. А. А. Кирш // Там же, т. 2, - с. 181.
357. Н. М. Копельян // Там же, т. 3/2, - с. 111.
358. С. Э. Барн // Там же, т. 2, - сс. 125, 297.
359. С. В. Мушкин // Там же, т. 2, - с. 220.
360. С. К. ,Флакс // Там же, т. 2, - с. 265.
361. С. С. Фридмкн // Там же, т. 4, - с. 266.
362. Днепропетровск // РЕЭ, т. 4, - с. 390.
363. Очерки еврейского героизма, тт. 1,2 - Киев, Тель-Авив, 1997.
- А. К. Немыкин, В. И. Косур. Боевая слава Днепропетровщины. Очерки о Героях Советского Союза. - Днепропетровск, "Січ", 2000 [далее - А. К. Немыкин, В. И. Косур. Боевая слава].
364. Е. И. Стерин // Книга памяти, т. 1, - с. 548.
365. М. П. Кравец // Там же, т. 1, - с. 286.
366. Л. А. Бердичевский // Там же, т. 1, - с. 61.
367. А. К. Немыкин, В. И. Косур. Боевая слава, - с. 206.
368. Д. М. Сидлер // Книга памяти, т. 2, - с. 70.
369. Л. Д. Глобус // Там же, т. 1, - с. 72.
370. ГАДО, - Фп.19, оп.8, д.1; там же, д.379, л.139; там же, д.11, л.306.
371. Х. Я. Зейтман // Там же, д. 378, лл. 24, 88; д. 384, л. 219.
372. Б. А. Сондак // Книга памяти, т. 4, - с. 269; РЕЭ, т. 4, - с. 390.
373. А. М. Полищук-Ройзина // ГАДО, - Фп. 19, оп. 8, д. 377, лл. 26, 140.
374. Александр Круглов. Хроника, - с. 145.
375. Михаил Мицель. Евреи Украины в 1943-1953 гг. - К. "Дух і літера", 2004, - сс. 45-46 [далее - Михаил Мицель].
376. Там же, - с. 120.
377. Там же, - с. 129.
378. ГАДО, - Ф. 6463, оп. 2, д. 1, л. 21.
379. Там же, л. 11.

380. Там же, д. 5, л. 54.
381. Там же, - Ф. 4648, оп. 2, д. 16, л. 55.
382. Там же, - Ф. 416, оп. 2, д. 95, л. 68.
383. Там же, - Ф. 6463, оп. 2, д. 1, л. 44.
384. Там же, - Фп. 19, оп. 7, д. 106, л. 18.
385. Михаил Мицель - с. 106.
386. ГАДО, - Ф. 6463, оп. 2, д. 13, л. 91.
387. Там же, д. 17, л. 31.

Наверх

Отзыв

Оглавление

Всего понравилось: 10
Всего посетителей: 163952

 Нравится 54 Поделиться

[Convert this page - http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer2/Bystrjakov1.php](http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer2/Bystrjakov1.php) - to PDF file

Комментарии:

Holoimes Holoimes

Цион-шта, Динамов - at 2017-04-10 09:21:37 EDT

пара слов о Н.Нерославской

Надя, Надежда, Эстер (последнее, скорее всего данное при рождении имя)

Нерославская, Нерославска, Неро, Сандлер (по мужу)

родилась в Екатеринославе 19 августа 1885 (только вот про стиль не спрашивайте!)

отец и брат - художники. учитывая, что часто встречается написание Н.Б.Нерославска, можно предположить, что имя отца было Борух

Edward Berkovsky

Yoqneam Elit, Israel, ISRAEL - at 2016-11-27 05:46:12 EDT

С опозданием ознакомился с профессиональным трудом автора (язык не поворачивается назвать публикацию статьёй). Слов для восхваления нет, кроме ПРЕВОСХОДНО!

Валерий Мякотенко

Петях Ти, Израиль - at 2016-09-28 06:12:56 EDT

С огромным удовольствием прочел интересный труд г-на Быстрякова. Горжусь тем, что благодаря знакомству с ребе Шмуэлем Каминецким, мне посчастливилось запечатлеть на видео становление Еврейской общины в Днепропетровске. Не забуду проведение праздника Хануки в Ледовом дворце! Это было грандиозное представление, зал был переполнен! Мне была поручена режиссура и проведение праздника Лагбаомер. Несмотря на мою нееврейскую ф-ю я воспитывался в семье евреев. Мой дедушка Степанский Моисей Залманович читал на иврите и имел свое молитвенное место в Хоральной синагоге, а мама Степанская Гитля Хаимовна на общественных началах печатала в синагоге документы, подтверждающие еврейство. Днепропетровску повезло, что именно реб Шмуэль Каминецкий оказался в городе в нужное время и еврейская община добилась очень многих успехов! Мазл ТОВ!!!

Любовь Гиль

БезрШев&, Израиль - at 2015-08-06 12:15:13 EDT

Замечательная книга!

Фундаментальное исследование, которое послужит многим поколениям!

Огромная благодарность и низкий поклон автору - Александру Быстрякову

Копыловы Галина, Владимир

Ноймюнс&, Германи - at 2015-07-30 21:49:35 EDT

С удовольствием прочитали опубликованную в вашем альманахе книгу А. Быстрякова "Хроника жизни евреев.."

Мы думаем, что это лучшее, что можно сделать, чтобы имена и дела этих достойных людей не канули в Лету. Теперь они навсегда останутся в Истории. И так здорово, что всё собрано воедино и расставлено на свои места.

И вдвойне приятно читать, находясь вдали от Родины.
Очень, очень достойный (и совсем нелёгкий) труд. Поздравляем! Автору желаем многие лета и новые работы.

Бергер

Россия - at 2015-07-01 17:08:30 EDT

Невообразимый по сложности, объему и компетентности автора труд, который будет изучаться, и на него будут ссылаться, десятилетиями.

